

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

А. ЕГОРОВ

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

Ростов-на-Дону
«Феникс»
1998

ББК 84
Е 39

Егоров А. А.
Е 39 **Маршалы Наполеона.** — Ростов н/Д: изд-во
«Феникс», 1998. — 416 с.

В книге представлены биографии четырех маршалов Наполеона: Бернадота, Массена, Даву и Нея. Жизненный путь выдающихся французских военачальников Первой империи, чьи судьбы тесно переплелись с судьбой великого корсиканца, изображен на фоне революционных и наполеоновских войн конца XVIII — начала XIX в., в которых они приняли непосредственное и деятельное участие.

ISBN 5-222-00699-9

ББК 84

© Егоров А. А., 1998

© Оформление, изд-во «Феникс», 1998

*Памяти моего друга
Геннадия Григорьевича Молчана
посвящается*

От автора

Рубеж XVIII—XIX вв., в общей сложности более чем двадцатилетний период истории Европы, был отмечен рядом войн, постоянным участником которых являлась буржуазная Франция. Войны эти, получившие у историков название наполеоновских, имели глобальные и многообразные последствия не только для Франции, других стран континента, но и для всего тогдашнего цивилизованного мира в целом.

В горниле наполеоновских войн «выплавилась» новая модель европейского политического устройства, изменилась расстановка сил на мировой арене, важные перемены произошли внутри многих государств, затронув все стороны их социальной, политической, духовной жизни. К непосредственным и масштабным последствиям периода наполеоновских войн, вне всякого сомнения, принадлежат и существенные сдвиги, произошедшие в экономическом, прежде всего промышленном, развитии европейского континента.

Но никакие, даже самые крупные перемены в жизни общества не происходят помимо воли и желания людей. Принимая во внимание этот «личностный аспект» исторического процесса, мы можем сказать: наполеоновские войны в первую очередь ассоциируются с именем Наполеона Бонапарта, что, конечно, естественно и вполне понятно. Но вместе с тем следует заметить, что в годы грандиозной и кровавой наполеоновской эпопеи на исторической сцене появилось немало талантливых полководцев, имена которых если и известны российскому читателю, то все же далеко не так хорошо, как имя великого корсиканца, ставшего одним из самых знаменитых полководцев и государственных деятелей Франции. Речь идет, разумеется, о маршалах Первой империи, тех двадцати шести военачальниках, которых Наполеон удостоил этого звания в 1804-м и в последующие годы.

«...Наполеон пожаловал первых маршалов Империи, — вспоминал секретарь императора Бурьенн, — и определил, чтобы их называли г-н Маршал, говоря с ними, и *Monsieur* на письме... этих сыновей Республики, превращенных волею одного из них в подпору его Империи...».

Люди разного социального происхождения, неодинаковые по своему интеллекту, совершенно непохожие друг на друга по темпераменту и в различной мере наделенные полководческими талантами, они тем не менее принадлежат к одной эпохе — эпохе наполеоновских войн. Двадцать шесть маршалов Наполеона настолько органично «слились» с ней, что уже давно стали неотъемлемой ее частью...

В этой книге представлены биографии лишь четырех маршалов Великой империи: Жана Батиста Бернадота, Андре Массена, Луи Николя Даву и Мишеля Нея.

Правомерен вопрос: чем обусловлен этот выбор? Как минимум тремя причинами. Во-первых, нам хотелось рас-

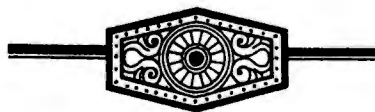
сказать лишь о тех из маршалов, жизнь которых, даже независимо от их отношений с Наполеоном, представляет самостоятельный интерес. Во-вторых, именно с этими маршалами у Наполеона сложились очень непростые личные взаимоотношения, сущность которых невозможно передать одной фразой. Наконец, все эти четыре маршала сумели, хотя и в разной степени, проявить себя: Бернадот, по сути, самостоятельно добившись шведского престола, Массена — победой при Цюрихе в 1799 г., избавив Францию от иноземного вторжения, Даву — с одним-единственным армейским корпусом разгромив целую прусскую армию под Ауэрштедтом в 1806 г., Ней — героическим отступлением во время кампании 1812 г. стяжавший славу «храбрейшего из храбрых»...

Этот «ряд», очевидно, должен бы продолжить блистательный Иоахим Мюрат, зять Наполеона и король Неаполитанский. Однако совсем недавно (в 1993 г.) в издательстве «Терра» вышла в свет большая книга о Мюрате, принадлежащая перу крупнейшего в мире знатока наполеоновской эпохи, французского историка Жана Тюлара. При спорности некоторых утверждений маститого ученого написанная им биография Мюрата дает настолько полное представление о жизни и деятельности «короля Иоахима», что любая попытка поведать о нем вновь, да еще в рамках небольшого очерка, теряет всякий смысл.

Французский историк Жан Брюнон однажды высказался в том смысле, что «история института маршалов Франции есть история самой Франции, причем в ее самом благородном виде». Оставим это утверждение на его совести.

Вместе с тем армия — часть народа. И в этом контексте ее история, как и история связанных с нею институтов, это в самом деле часть истории страны.

«Армия есть нация в Нации», — писал Альфред де Виньи, и в этом метком замечании известного писателя-романтика заключается ответ на вопрос, почему даже теперь, спустя почти двести лет с тех пор, как оттремели «наполеоновские грозы», то время и люди того времени, история великой армии и ее вождей продолжают вызывать не ослабевающий с годами интерес.

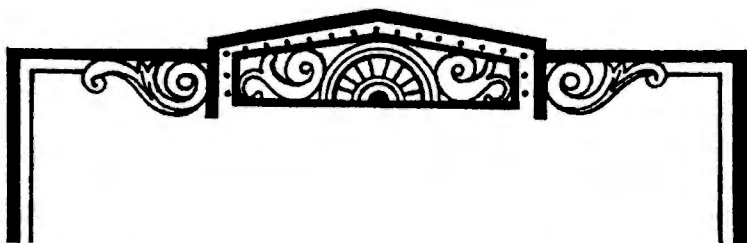
Глава 1

МАРШАЛ БЕРНАДОТ

«Судьба мира находилась в руках француза. Имей он рассудок и силу духа равные тому высокому положению, которое он занимал, будь он добрым шведом, кем он, по его уверениям, являлся, он мог бы восстановить славу и могущество принявшей его страны, отвоевав Финляндию и войдя в Санкт-Петербург еще до моего прибытия в Москву. Но им владели личные соображения, глупое тщеславие и всевозможные низкие страсти».

Наполеон о Бернадоте

Автор обстоятельной и, возможно, одной из самых удачных биографий Бернадота, сэр Данбар Планкет Бартон, выразительно озаглавил свою книгу о нем «Изумительная карьера Бернадота»¹. Нет причин не соглашаться с Бартоном. Даже на фоне грандиозного жизненного поприща Наполеона Бонапарта карьера Бернадота и впрямь изумительна.

Уже само место рождения Бернадота, город По — «столица» Беарна, невольно наводит на некие полулитературные реминисценции. Неподалеку от По родился гасконец д'Артаньян. Так что Бернадот и опозитизированный талантом Дюма-отца brave капитан королевских мушкетеров были земляками. Другой примечательной личностью, чьи юные годы прошли здесь же, в Беарне, и которой, как уверяют биографы Бернадота, он всегда стремился подражать, был Генрих Наваррский, основатель пятой по счету королевской династии во Франции...

Бернадот появился на свет 26 января 1763 г. в разгар карнавала, который по традиции тех мест продолжался три недели и предшествовал Великому посту. Бернадот был пятым ребенком в семье. Правда, к тому времени как он родился двое из четверех детей уже умерли, и таким образом он оказался младшим из трех наследников пятидесятидвухлетнего Анри Бернадота. Его старшего брата звали Жан, а сестру, тоже старшую, — Мари. Самого же новорожденного не долго думая нарекли именем Жана Батиста*. Батистом — чтобы отличать его от девятилетнего брата Жана, Жаном — в честь Иоанна Евангелиста. В случае со вторым первым именем парадокс объяснялся просто: святой Иоанн один раз уже заступился за Жана-старшего, отчего бы ему было не проявить заботу и о Жане-младшем?² Родительская

предусмотрительность имела веские причины. Ребенок родился настолько хилым, что по настоянию сьера Бернадота и его супруги преподобный отец Позэйдван побыстрее окрестил младенца уже на следующее утро. Святой Иоанн помог. «Против всех ожиданий Жан Батист выжил»³.

К тому времени, когда Жанна Бернадот произвела на свет своего пятого и последнего ребенка, в жизни Европы произошли важные перемены: закончилась Семилетняя война. В результате нее, пустив по ветру государственную казну и потерпев ряд «образцовых» поражений на суше и на море, «возлюбленный король» Людовик XV лишился почти всех сколько-нибудь значимых для Франции колоний. Престиж монархии Бурбонов и стране и за ее пределами упал до невиданно низкой отметки.

Происхождение Бернадота было аристократическим, если можно так выразиться, ровно наполовину. Его мать, урожденная де Сен-Жан, была из дворянок*, а отец состоял юристом в ведомстве королевских адвокатов (*procureur au sénéchal*). Семья Бернадотов была зажиточной и почтенной. Специалисты по генеалогии прослеживают родословную Бернадотов начиная с XVI века. В роду было немало юристов, вследствие чего он принадлежал, пусть не к «благородному», но вполне уважаемому во Франции сословию «*La bourgeoisie honorable de la Robe*»⁴.

Когда Жан Батист подрос, он начал посещать школу монахов-бенедиктинцев в По, нередко наведываясь на почтовую станцию, чтобы ради развлечения прокатиться на почтовых. По своему облику и характеру он был истинным беарнцем — большеносый, темноволосый и драчливый. Свидетельством буйного темперамента и непокорного нрава Бернадота-младшего были два шрама, украсившие его лоб еще до того, как он покинул школьную скамью. После школы юного Жана Батиста определили обучаться профессии адвоката в контору мэтра де Бассаля — близкого друга семьи и адвоката Наваррского парламента*. Неизвестно, насколько по душе 14-летнему Бернадоту-младшему пришлось сидение над пыльными папками с деловыми бумагами. Доподлинно известно лишь то, что он должен был стать «замыкающим» в ряду Бернадотов-адвокатов, кото-

рый открывал его отец Анри и продолжал его брат Жан, к тому времени 23-летний молодой человек, добившийся уже некоторых успехов на адвокатском поприще. Однако не прошло и двух лет, как внезапно умер отец Жана Батиста. Семья очутилась в сложной ситуации. Любивший пожить «на широкую ногу» сьер Анри вместо денег оставил после себя долги, и его вдове ничего другого не оставалось, как, продав большой и нарядный дом на улице Тарн, перебраться в жилище поскромнее, правда, на той же самой улице. Старший сын вдовы и ее любимец Жан как мог помогал матери и сестре, но Жану Батисту уже не приходилось рассчитывать на эту «семейную благотворительность». Бернадот-младший забросил учебу и в августе 1780 года записался добровольцем в Королевский морской полк (Royal-la-Marine Regiments) — прообраз того, что впоследствии станет именоваться морской пехотой. Полк предназначался для службы на островах, в морских портах, за океаном... Недаром его депо находилось в Коллиуре — древнем средиземноморском порту вблизи Пиренеев.

Вскоре после поступления в полк Бернадот очутился на Корсике. Здесь он пробыл полтора года, прослужив несколько недель в родном городе Наполеона Аяччо. Каких-либо замечательных происшествий на Корсике с Жаном Батистом не случилось. Как пишет один из его биографов, все те 18 месяцев, что Бернадот провел на острове, родина Бонапарта была самым мирным уголком французского королевства за последние пятьдесят лет. Два года гарнизонной службы не прошли для Жана Батиста даром. Он стал отличным фехтовальщиком и, несмотря на независимость характера, заслужил доброе к себе отношение у всех трех сменявших друг друга полковников. Впрочем, в королевской армии это, разумеется, не гарантировало успеха в продвижении по лестнице армейских чинов. «Самой выдающейся чертой этой группы (офицерского корпуса французской армии эпохи «старого порядка»), — пишет один из исследователей, — был знак равенства между словом аристократ и словом офицер. На протяжении восемнадцатого века французская знать преобладала в офицерском корпусе королевской армии. С середины столетия лишь 5—10%

офицеров... в армии были простолюдинами; а в последние годы старого порядка даже это малое число сократилось почти до нуля»⁵.

В июне 1782 г. Бернадот подхватил малярию — единственную «награду», заработанную им на Корсике. Получив по болезни отпуск на полгода, Жан Батист отправился к родным в По и вместо положенных шести месяцев «задержался» там... на полтора года. Ничего экстраординарного во всем этом, правда, не было. К примеру, младший лейтенант Наполионе ди Буонапарте, армейская служба которого началась в 1785 г., отпросившись в отпуск на Корсику, пробыл там более года. Затем, не раз его продлевая, он «побил рекорд» продолжительности пребывания в отпуске, установленный Бернадотом, как минимум на пару месяцев⁶.

Жан Батист с толком использовал свободное время для пополнения своего не слишком обширного образования. Он с увлечением прочел книгу о знаменитом испанском конкистадоре Эрнандо Кортесе, а также жизнеописания известных французских полководцев XVII века Фабера и Катина. Однако ни «академические занятия», ни болезнь, которую без особого успеха лечили местные эскулапы, не помешали Бернадоту стать участником дуэли. Он дрался на шпагах в лесу к западу от По с жандармским офицером по имени Кастен и ранил своего противника. Поговаривали, что причиной поединка послужила ссора из-за прекрасных глаз некой таинственной дамы. «Рейтинг» Жана Батиста среди земляков резко возрос.

После возвращения в полк, начиная с 1784 года, Бернадот нес гарнизонную службу в Гренобле, дослужившись до звания сержанта*. Пребывание в гарнизоне ознаменовалось рецидивом старой, плохо залеченной болезни, который был столь серьезен, что не исключал летального исхода. Святой покровитель Бернадота вновь позаботился о своем подопечном: Жан Батист выжил и на этот раз. Получив отпуск, он вновь побывал в По. Возвращаясь оттуда в Гренобль, он, конечно, не знал, что приехать еще раз на родину ему уже никогда не доведется...

Не успел Бернадот выздороветь, как опять «заболел». На сей раз причиной «болезни» вместо малярии явилась некая старая дева по имени Катерина Ламур, осчастливившая Жана Батиста вестью о том, что не сегодня-завтра ему предстоит стать отцом. Бравый сержант, однако, и не думал отпираться, признав ребенка своим еще до его рождения. Роман с мадемуазель Ламур закончился ничем. Родившийся вскоре младенец прожил лишь несколько дней.

В гренобльском гарнизоне, как и до этого на Корсике, Бернадот на хорошем счету у начальства. Во время смотра полка генерал-инспектор замечает лихого беарнца: «Если ваш адъютант, — говорит он полковнику, — так же умен, как кажется, полк вправе им гордиться». — «Могу вас уверить, — отвечает полковник, — что его внешность — это наименьшее из его достоинств»⁷. Командир полка, в котором служит Бернадот, Луи де Мерль, маркиз д'Амбер дает ему ряд ответственных поручений: тренировать рекрутов, инструктировать новичков по фехтованию, организовывать рейды вдогонку за дезертирами... Есть некоторые основания полагать, что в бытность Жана Батиста в Гренобле он вступает в масонскую ложу. По крайней мере его единственное сохранившееся письмо к брату в По (от марта 1786 г.) подписано масонскими значками⁸.

Здесь же, в Гренобле, Бернадоту приходится впервые сражаться с противником. Правда, полем боя становятся мостовые Гренобля, а вражеским войском — толпа раздраженных горожан. На календаре 1788 г. — последний год перед революцией. То тут, то там по всей Франции вспыхивают крестьянские бунты; в городах на улицы выходят плебеи. Десятилетиями копившееся недовольство прорывается неукротимыми вспышками народного гнева. Страсти накалены до предела, и никто не склонен идти на уступки. В один из таких дней 1788 года Бернадоту с отрядом солдат поручают навести порядок в городе. Толпа горожан в высшей степени враждебно воспринимает появление на улицах Гренобля вооруженных солдат. Какая-то женщина из толпы подскакивает к Бернадоту и отвешивает ему пощечину. Стерпеть такое оскорбление, да еще нанесенное публично, — невозможно. Бернадот приказывает открыть огонь. В

ответ на выстрелы на солдат обрушивается град камней. Мостовые Гренобля окрашиваются кровью...⁹

В мае 1789 г. полк Бернадота был переведен из Гренобля в Марсель. Здесь волею судеб Жан Батист свел знакомство с семьей зажиточного купца по фамилии Клари*. В доме Франсуа Клари Бернадот, в то время адъютант полковника д'Амбера, снимал скромную комнату. Конечно, тогда вряд ли кто, в том числе и сам Бернадот, мог предположить, что постоялец г-на Клари станет членом его семьи, а его дочь, шаловливая 12-летняя Дезире, — супругой Жана Батиста... Все это произойдет еще очень не скоро.

А тогда, весной—летом 1789 г., Марсель, как и вся Франция, жил тем, что происходило в Париже, — революцией. Начавшись в столице созывом Генеральных Штатов* (в мае 1789 г.), она вскоре докатилась и до провинции. В выраставших как грибы после дождя политических клубах Марселя громко раздавались голоса, требовавшие вывести из города регулярные войска, порекомендовав его охрану отрядам национальной гвардии*.

В такой ситуации почти неизбежным становится конфликт между линейными войсками, точнее, офицерским корпусом старой армии и руководством национальной гвардии. То, что возврат к «старому порядку» невозможен, поняли далеко не все и далеко не сразу. Когда маркиз д'Амбер, поссорившись с национальными гвардейцами, пригрозил им поркой, он сам чуть было не угодил на фонарь*. Маркиза выручил Бернадот с группкой солдат, пробившийся к полковнику и буквально выхвативший его из рук разгневанных национальных гвардейцев. Чтобы спасти жизнь д'Амберу, Бернадоту и его товарищам даже пришлось обнажить шпаги. До кровопролития дело, однако, не дошло, и противники разошлись мирно. Проявив весь свой гасконский темперамент в деле спасения начальника, Бернадот столь же отважно поступал и впоследствии. По его инициативе и с его подписью в Национальное Собрание* была направлена бумага в защиту д'Амбера. Заступничество помогло. Инцидент с полковником остался без последствий. Правда, полк Бернадота был все же выведен из Марселя и отныне местом его «прописки» стал лагерь Ламбеск, рас-

положенный между Арлем и Эксом. Весной 1791 г. *Royal-la-Maine*, как и другие полки французской армии, сменил свое название и был переименован в 60-й пехотный полк. Революционные настроения, проникшие в солдатские казармы, катастрофически сказались на дисциплине в войсках. Солдаты все чаще отказывались подчиняться приказам, офицеров выбирали на полковых сходках, собиравшихся в стенах ламбескской церкви... К январю 1792 г. в полку оставалось всего 768 человек¹⁰.

По единодушному мнению его биографов, Бернадоту в эти годы удалось сочетать две, казалось бы, вовсе не сочетаемые вещи — соблюдение долга солдата королевской армии и характерную для большинства представителей третьего сословия* приверженность к идеалам революции, олицетворявшим торжество самой Свободы.

Получив чин лейтенанта (в марте 1792 г.), в следующем месяце Жан Батист направляется служить в 36-й пехотный полк в Сен-Серван, на северо-запад Франции, в Бретань. Здесь его застаёт весть о том, что Франция вступила в войну с Австрией, а затем еще и с Пруссией. Австрийский император и король Пруссии намерены восстановить «старый порядок» во Франции. Парижских горлопанов и распоясавшуюся чернь, этих наглых санкюлотов*, следует поскорее «образумить», пока вирус анархии и мятежа не перебросился на сопредельные с Францией страны. Так думают в Вене и Берлине, Мадриде и Санкт-Петербурге, Турине и Неаполе.

С 20 апреля 1792 г. в жизни Бернадота начинается очень важная полоса. Впервые за более чем 11-летнюю службу ему предстоит участвовать в войне и доказать, что эти годы прошли не зря. Часть, в которой служил Жан Батист, была направлена в так называемую Армию Севера и, прошагав за пять дней 80 миль (!), почти достигла Камбре. Однако, получив новый приказ, полк повернул на юг, направляясь в месторасположение Рейнской армии генерала Кюстина. Бестолковое, почти месячное «блуждание» 36-го пехотного на север, а затем с севера на юг не сказалось на настроениях 29-летнего лейтенанта Бернадота. Честолюбивый Жан Батист верит, что теперь у него будет шанс отличиться: «Я

рассчитываю вскоре стать капитаном, — пишет он брату в По и, как бы смутившись, замечает: — но все эти размышления для меня не столь притягательны, как мысли о Свободе... Что бы ни случилось, я не покину свой пост и всегда буду руководствоваться честью и долгом... следуя за своей совестью...»¹¹. Можно ли доверять этой самохарактеристике Жана Батиста? Наверное, да. Зловещий Фуше в своих мемуарах почти дословно повторяет то, что сказал о себе Бернадот: «Честолюбие, — писал гений полицейского сыска, — несомненно, было его (Бернадота. — А. Е.) преобладающей страстью, но то было благотворное и благородное честолюбие... свобода была той ценностью, которой он был искренне предан»¹².

Полк Бернадота прибывает к месту назначения, в Страсбург, 10 августа 1792 г. В тот же день в Париже восставшие санкюлоты штурмом берут королевский дворец Тюильри. Более чем тысячелетняя французская монархия повержена в прах. Экс-король и его семья в одночасье превращаются в узников старинного, мрачного замка Тампль, а Франция почти столь же стремительно превращается в республику.

Мечты Бернадота, о которых он поведал в письме к брату, очень скоро стали реальностью. Он не только получил чин капитана (летом 1793 г.), но и в считанные недели заслужил полковничьи эполеты (в августе 1793 г.). Это, конечно, вовсе не означает, что у Жана Батиста время от времени не возникали проблемы по службе. Профессиональный военный с почти 15-летним стажем Бернадот остро переживал упадок армейской дисциплины и всеми средствами пытался добиться ее неукоснительного соблюдения. «Армия без дисциплины, — говорил он, — может одержать победу, но не сможет извлечь из нее пользу»¹³. За подобные «старорежимные» представления о солдатском долге Бернадот едва не поплатился свободой. Лишь отвага, проявленная Жаном Батистом во время последовавшего вскоре сражения, избавила его от ареста. В бою полк Бернадота дрогнул под напором врага и начал отступать. Все попытки Бернадота остановить солдат были тщетны; увидев, что его слова не возымели действия, он сорвал свои эполеты, швырнул их на землю и воскликнул: «Если вы опозорите себя, бежав

с поля боя, я отказываюсь быть вашим полковником!». Солдаты остановились. Ситуация была спасена. Полицейский комиссар, намеревавшийся арестовать Жана Батиста и видевший происшедшее своими глазами, отменил приказ об аресте ревнителя воинской дисциплины¹⁴.

Два с лишним года, которые Бернадот сражается в рядах Рейнской армии (1792—1794), — не самые триумфальные в его военной карьере. «...Военная служба Бернадота (в это время. — *А. Е.*), — пишет его биограф, — была достойна похвалы, но в ней не было ничего выдающегося»¹⁵. Удивляться тут, впрочем, нечему. Начало войны Французской республики с армиями Первой коалиции* было обескура-

Солдаты революции

живающим. Повсюду терпевшие неудачи французы беспорядочно пятились на запад, сдавая одну позицию за другой. В таких обстоятельствах как-то проявить себя, тем более стяжать воинскую славу, было делом совершенно безнадежным.

Храбрый солдат, но никудышный полководец, Кюстин, оккупировавший земли на левом берегу Рейна, затем вынужден был их оставить. Разбитый пруссаками, он был отброшен со своей деморализованной армией к линиям Виссембурга. Все складывалось совсем не так, как рассчитывали ратовавшие за войну жирондисты*. «Война-потоп», призванная «обновить лицо мира», обернулась для Франции тяжелыми поражениями. Не видя радужных для себя перспектив на Рейне, Бернадот хочет перейти в Пиренейскую армию. Однако из этой затеи ничего не выходит. Между тем положение дел на Рейне постепенно изменяется в лучшую для французов сторону. 4 апреля 1794 г. Бернадот получает в свое распоряжение 71-ю полубригаду в составе одного старого батальона из 36-го полка и двух батальонов волонтеров. В весеннем наступлении республиканских войск, которыми командует генерал Пишегрю, «человек с необыкновенными дарованиями»¹⁶, Бернадот возглавляет эту только что сформированную воинскую часть. В кратчайший срок он умудряется навести дисциплину и порядок в рядах своих подопечных. Не обладая выдающимися талантами стратега и тактика, Бернадот, однако, в полной мере обладает иными свойствами: способностью внушать солдатам уверенность в успехе и неким личным магнетизмом, побуждающим их следовать за ним, пренебрегая опасностью¹⁷. В полной мере Жану Батисту доведется проявить себя в этом смысле уже в начале мая 1794 г. близ Гиза, где его волонтеры успешно отражают нападение, предпринятое австрийцами. Расторопного и энергичного полковника замечает только что прибывший из Парижа Сен-Жюст. Ближайший сподвижник Робеспьера*, жесткий и непреклонный комиссар Конвента*, прозванный современниками «ангелом смерти», остается им доволен. Он даже высказывает пожелание (в его устах равносильное приказу) немедленно присвоить Бернадоту чин бригадного генерала. Жан

Батист скромно отказывается от повышения. Ему, заявляет Бернадот, «недостает талантов для того, чтобы занимать столь высокий пост»¹⁸. Разумеется, он лукавит. Причина отказа иная. Бернадот не желает получать повышение из рук штатского человека, будь это даже сам Сен-Жюст. Вряд ли, конечно, как считает один из его биографов, Жан Батист был столь проницателен, что тогда, в мае 1794-го, предвидел события 9-го термидора* со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁹.

В годы службы на Рейне близким другом Бернадота стал генерал Франсуа-Северен Марсо, этот подлинный «лев французской армии». И Бернадот, и Марсо вместе участвуют в ряде сражений, в том числе и в знаменитой битве при Флерюсе (26 июня 1794 г.). Правда, здесь Бернадот со своей полубригадой сражается уже в рядах Самбро-Маасской армии, которой командует генерал Журдан. Его непосредственный начальник, дивизионный генерал Жан Батист Клебер, более чем доволен мужеством солдат Бернадота, не

Бернадот

только отбивших все атаки австрийцев, но еще и мощно контратаковавших неприятеля, захватив множество пленных. Прискакав на взмыленном коне к расположению отряда Бернадота, Клебер поздравляет его с победой. «Полковник, — кричит он ему, — я назначаю вас бригадным генералом здесь, на поле боя!»²⁰

Через два дня после Флерюса (29 июня 1794 г.) Бернадот получает чин бригадного генерала, а еще через три месяца (2 октября 1794) следующее повышение — чин дивизионного генерала, высший чин во французской революционной армии. Историки подсчитали, что за 15 месяцев Бернадот пять раз получал повышение по службе. Его солдаты форсировали реки, сражались в авангарде, осаждали неприятельские крепости... Всюду, где было опасно, где решалась судьба сражения, они видели своего командира. Высокий, стройный, с длинными иссиня-черными волосами, орлиным носом и сверкающими глазами, он пользуется непрекаемым авторитетом у своих подчиненных. Пылкое вос-

Журдан

хищение, чувство, очень близкое к любви, побуждает кое-кого даже сравнивать Бернадота с... «богом войны».

После одного удачного для французов боя неподалеку от Юлиха (в октябре 1794 г.) Клебер сообщает Журдану: «Я не могу нахвалиться генералом Бернадотом и Неем, которые ежедневно доставляют мне все новые доказательства своих талантов и отваги... я счастлив, что предоставил им посты, которые они занимают»²¹.

Годы, проведенные Бернадотом в рядах Самбро-Маасской армии (1794—1796), когда он участвует практически во всех мало-мальски серьезных военных операциях, делают его известной личностью в глазах начальства и еще больше способствуют его популярности в солдатской массе. Во многих случаях Жана Батиста выручает его гасконский темперамент. Он как никто другой умеет заставить себя слушать и подчиняться своим приказам. Поток пламенного красноречия, который он обрушивает на головы своих солдат, когда того требуют обстоятельства, заставляет даже самых отъявленных смутьянов идти на попятную.

Уже тогда, в середине 90-х, обращает на себя внимание одна из черт, присущих Бернадоту-военачальнику: он никогда не бросает своих солдат в бой очертя голову. В иных случаях он склонен промедлить, проявив даже нечто вроде нерешительности. Порой он не отваживается ввязываться в чересчур рискованное предприятие. Это, конечно, вовсе не свидетельствует об отсутствии у него личного мужества. Напротив, в пылу сражения, он — всегда на виду, всегда в самой гуще боя. 21 августа 1796 г., во время отступления Самбро-Маасской армии, в стычке под Дейнингом, Бернадот получает рану пикой в голову. «Не будь у меня шляпы, — пишет он брату, — я бы погиб». Таким образом, если Жан Батист и «не решается» на какой-нибудь слишком «лихой» маневр, то причиной тому вовсе не забота о собственной безопасности, а мысли о судьбе вверенных ему солдат. Может быть, именно эта черта характера Бернадота гораздо больше, чем иные его качества, снискала ему любовь и уважение тех, кому пришлось сражаться под его началом.

Когда Журдан неосмотрительно собирается дать бой ав-

Генерал Бернадот

стрийцам под Вюрцбургом (в сентябре 1796 г.), Бернадот и Клебер, предвидевшие его пагубные последствия, пытаются уговорить главнокомандующего переменить свое решение. Журдан упрямо отказывается прислушаться к их советам. Бернадот, сказавшись больным, не участвует в сражении, закончившемся разгромом французской армии. Вскоре после этого он возвращается к своей дивизии. «Солдаты, — вспоминал один из штабных офицеров Бернадота, — встретили его (своего командира) с радостью, как будто вернувшегося назад отца, а офицеры куда более прохладно, так как он оставил их одних в решающий момент»²².

Осенью 1796 г., когда положение дел на Рейне для французов несколько улучшилось, Бернадот был назначен военным комендантом занятого республиканскими войсками Кобленца. На этом посту он пробыл, однако, недолго. Уже в январе следующего года Бернадот получил новое назначение. Ему с 20-тысячным отрядом предстояло срочно идти в Италию на соединение с армией генерала Бонапарта. «Генерал-майор Бернадот, командующий войсками, направленными к вам из Самбро-Маасской армии, — извещала Наполеона Директория*, — уже заслужил наше одобрение... Мы надеемся, что у вас будет возможность сообщить благоприятные известия о его службе...». В феврале 1797 г., совершив со своими солдатами переход через Мон-Сенис, Бернадот появился в Пьемонте. Находившийся там в это время роялистский агент, не скрывая своего изумления, писал: «Прекрасные молодые люди... из Кобленца... шли в наступление как на праздник... неумоимо... прошагав весь Пьемонт без того, чтобы доставить жителям какое-либо беспокойство или причинить хоть малейший ущерб...». 22 февраля 1797 г. отряд Бернадота прибыл в Милан — столицу Ломбардии. Командующий Итальянской армией находился в это время в Анконе, в 260 милях от Милана. Вместо него Бернадота встретил военный комендант города — полковник Доминик Дюпюи, передавший Жану Батисту записочку Бонапарта, в которой главнокомандующий извещал, что «он жаждет лично познакомиться с генералом Бернадотом». На этом любезности, однако, и закончились. Как только речь зашла о размещении солдат Бернадота в

Генерал Бонапарт

Милане, Дюпюи не нашел ничего лучше, как предложить им в качестве казармы заброшенный монастырь, где раньше содержались пленные австрийцы. Загаженные помещения с охапками грязного сена на полу.. При этом комендант издевательски заметил, что казармы, хорошие для «граждан» Итальянской армии, хороши и для «господ» Рейнской армии²³. Друг и протеже начальника штаба Итальянской армии генерала Бертье, Дюпюи явно «перегнул палку». Взбешенный Бернадот немедленно посадил полковника Дюпюи под арест. Правда, высокие покровители не дали его в обиду, и вскоре от Наполеона к Бернадоту прибыло «нравоучительное» письмо за подписью Бертье...

Впервые Бернадот и Наполеон встретились 3 марта 1797 г. в местечке Ла Фаворита, близ Мантуи. «Он (Бона-

парт. — А. Е.), — вспоминал впоследствии Бернадот, — принял меня очень хорошо. Я увидел молодого человека лет 25—26*, который старательно делал вид, что ему пятьдесят, и мне показалось, что это не предвещает ничего хорошего Республике»²⁴. Впрочем, Наполеону Бернадот тоже не понравился. С нескрываемым презрением он говорил о «вычурности речи» Бернадота, столь свойственной пылким южанам. Заметив, что у Жана Батиста голова француза, Бонапарт тут же добавил, что зато сердце у него как у римлянина. При всем известном пренебрежительном отношении Наполеона к итальянцам, в подобных словах командующего было мало лестного. «Генерал-плебей» пришелся явно не ко двору в Итальянской армии Бонапарта. Правда, тот же Наполеон совершенно по-иному охарактеризовал войска, пришедшие с Рейна: «Прекрасные войска, в превосходном состоянии и отлично дисциплинированные».

В составе Итальянской армии Бернадоту было поручено командовать 4-й дивизией, расположенной в Падуе. В нее, разумеется, вошли «господа» из Рейнской армии, которых он привел с собой в Италию. И вот что замечательно: подобно тому, как Бернадот не пользуется расположением командующего, его солдаты-«рейнцы» также чувствуют себя чужаками в рядах Итальянской армии. «Граждане» Итальянской армии встречают «в штыки» «господ» из Рейнской армии. Нередко между ними вспыхивают ссоры. Иногда дело доходит и до кровопролития. Разумеется, пока продолжается война, проливать кровь приходится прежде всего в боях с австрийцами.

В канун битвы при Тальяменто (16 марта 1797 г.) Бернадот обращается к гренадерам 4-й дивизии со следующими словами: «Солдаты! Всегда помните о том, что вы пришли из Самбро-Маасской армии и что на вас взирает Итальянская армия». Речи речами, но в тот момент личный пример командира — важнее всего, и Бернадот сполна использует шанс отличиться. Обнаружив брод в нижнем течении реки, Бернадот спешивается и ведет 6 тыс. своих гренадер в атаку. Адьютант Наполеона Антуан Лавалетт впоследствии вспоминал, как под ураганным огнем неприятеля с крика-

ми «Да здравствует Республика!» дивизия Бернадота форсировала Тальяменто, закрепившись на вражеском берегу реки²⁵. В руки Бернадота попадает 6 пушек и 500 пленных австрийцев, но, самое главное, именно его атака обеспечивает победу. Стоило французам обрести плацдарм на левом берегу реки, как сопротивление австрийцев было сломлено и они поспешно оставили свои позиции. Командующий вынужден признать этот очевидный факт, поздравить солдат Бернадота и, как он выражается, их «гасконского генерал-майора» с победой, отметив их доблесть.

Однако на смену битвам приходят будничные занятия: марши, привалы, осады крепостей, то, что не овеяно героизмом и во все времена, как правило, обходится без подвигов. Вот тут-то у Бонапарта появляется масса возможностей «поставить» Бернадота на место. «Где бы ни проходила ваша дивизия, — раздраженно пишет командующий Жану Батисту, — слышны лишь жалобы на отсутствие у нее дисциплины»²⁶. Получив обидный нагоняй, Бернадот ищет новой возможности отличиться. 19 марта войска под его командованием берут штурмом крепость Градиска, потеряв при этом 500 человек. Однако вместо похвалы Бернадот вновь получает выговор от Бонапарта: ему не следовало терять людей понапрасну, штурмуя маленький городишко, чей гарнизон, не имея запасов продовольствия, и так скоро бы сдался французам...

В оставшиеся две с половиной недели Итальянской кампании Жан Батист уже не рвется в бой. «Уроки», данные ему командующим, не пропадают даром. Бернадот убеждается в том, что все его поступки, будь то даже удачный штурм вражеской крепости, вряд ли вызовут одобрение Бонапарта. А раз так, стоит ли игра свеч?

Правда, командующий, по крайней мере внешне, старается не выказывать своих истинных чувств в отношении Бернадота. При случае он демонстрирует даже нечто вроде признательности, назначив командира 4-й дивизии, после подписания Леобенских прелиминариев 18 апреля 1797 г., губернатором провинции Фриули. Генерал Дезе, побывавший в это время в Удине, где находился штаб дивизии Бернадота, оставил выразительный словесный портрет Жана

Батиста. По его словам, он (Бернадот) был «полон огня, доблести, превосходного энтузиазма...», хотя, замечает Дезе, и «не пользовался популярностью, ибо поговаривали, что он сумасшедший»²⁷.

Когда в середине августа 1797 г. Бонапарт отправляет в Париж пять захваченных у австрийцев знамен, то именно Бернадоту он поручает доставить их в столицу. В письме к Директории командующий Итальянской армией лестно именуется Жана Батиста «превосходным генералом, уже стяжавшим славу на берегах Рейна и... одним из тех командиров, которые в наибольшей степени содействовали славе Итальянской армии». В конце письма Бонапарт даже называет Бернадота «одним из выдающихся защитников Республики...».

В свои 34 года Бернадот попадает в Париж впервые и вместо нескольких дней, которые должна длиться его миссия, находится в столице семь недель. Любопытный и честолюбивый гасконец с головой погружается в водоворот парижской жизни. Его видят на торжественном приеме, устроенном Директорией, в стенах Законодательного корпуса, в Люксембургском дворце*. У него устанавливаются неплохие личные отношения с директором Баррасом. Правда, будучи в Париже, Бернадот не забывает извещать о происшествиях в столице Бонапарта. Чуть не ежедневно из Парижа в Милан он направляет подробнейшие и любопытные донесения на имя командующего Итальянской армией. Но, разумеется, это не главное для него занятие. Главное для Бернадота — «выбить» для себя какое-либо устраивающее его, Жана Батиста, назначение или должность. Что касается должности, то таковая в Париже есть, и это — должность военного министра; что касается армейского поста, то и здесь имеется соблазнительная для Бернадота вакансия — пост командующего Рейнско-Мозельской армией, освободившийся в середине сентября после внезапной смерти генерала Гоша. Однако тогда, осенью 1797 г., честолюбивым планам Жана Батиста не суждено сбыться. Вместо поста военного министра или назначения командующим Рейнско-Мозельской армией ему предлагают взять на себя командование так называемой армией Центра (*armée de Midi*),

со штаб-квартирой в Марселе — третьестепенная и отнюдь не завидная должность. Бернадот с гневом отвергает предложение, облекая свой отказ во вполне благопристойную форму. Для того, чтобы командовать армией Центра, «рассуждает» он, необходимо глубокое понимание человеческой природы, твердый и в то же время склонный к компромиссам характер, коим, как простой солдат, он не обладает. Не исключено, что одной из причин, в силу которой честолюбивые замыслы Бернадота рассыпаются в прах, было тайное противодействие им со стороны Бонапарта. Так по крайней мере считает один из историков, мнению которого вполне можно доверять²⁸.

В Италию Бернадот возвращается 13 октября 1797 г., причем командующий лично прибывает в Удине, чтобы встретиться со своим эмиссаром. Чуть позже губернатор Фриули получает приглашение навестить генерала Бонапарта в его царственной резиденции, замке Пассериано, построенной в свое время для венецианских дождей. О том, что произошло дальше, сохранилось занятное свидетельство начальника штаба дивизии Бернадота генерала Сарразена. Когда Бернадот прибыл в Пассериано, адъютант командующего Дюрок попросил Жана Батиста немного подождать в приемной, так как Бонапарт занят письмами в Париж и не может его немедленно принять. Бернадот возмутился: «Передайте главнокомандующему, — гневно заявил он, — что негоже держать генерала Бернадота в передней. Даже сама Исполнительная Директория в Париже никогда не подвергала его такому унижению». Услышавший гневную тираду Бернадота сквозь двери своего кабинета Бонапарт вышел к «гостю» с «ангельски-вкрадчивым» выражением лица и с плотно стиснутыми от гнева губами. Он извинился перед Бернадотом, заметив, что никогда и не помышлял затевать какие-либо церемонии с генералом, которого считает «своей правой рукой». Затем командующий пригласил Бернадота прогуляться вместе по великолепному парку, окружавшему замок. Сначала разговор зашел о Гоше, Клебере, Массена, Серюрье. Бонапарт интересовался мнением «правой руки» об этих известных французских военачальниках. Затем Наполеон неожидан-

но проявил «интерес» к мнению своего коллеги относительно... принципов формирования греческой фаланги и римского легиона. Не слишком сведущий в военной истории, Жан Батист был загнан этими вопросами в угол. Бонапарт, «не заметив» неловкого положения, в котором очутился Бернадот, с заинтересованным видом продолжил расспросы. Эта хорошо срежиссированная злая шутка Наполеона жестоко уязвила самолюбие «неуча» из По²⁹. Зимой 1797/98 гг. губернатор Фриули, забросив прогулки верхом, засел за книги, обсуждая прочитанное со своими адъютантами.

Мысль о том, что он достоин лучшей участи, что ему по плечу «первые роли», берedit душу темпераментного и упрямого гасконца. Он не прочь возглавить Итальянскую армию; в крайнем случае — командовать дивизией в составе Английской армии*. Если для него, для его талантов нет достойного применения, ну что же: он уедет в деревню и, подобно Цинциннату, будет возделывать свой огород...

Напористость и амбициозность Бернадота начинают не на шутку тревожить Бонапарта. Видя в Жане Батисте своего соперника и не желая, чтобы правительство назначило его командующим Итальянской армией (впрочем, как и «определения» его дивизионным генералом в Английскую армию), Бонапарт всю расхвалил Директории... дипломатические способности Бернадота. Это побудило директоров направить Бернадота в Вену в качестве своего полномочного министра (посланника). Ничего необычного в этом, правда, не было. Известно, что в Мадриде к тому времени вот уже второй год послом был генерал Бернар-Никола де Периньон, весьма неплохо справлявшийся со своими дипломатическими обязанностями. Официальное назначение Бернадота на должность посланника в Вену состоялось 11 января 1798 года. Вначале Жан Батист хотел было отказаться от оказанной ему «чести». Дело в том, что при всем своеобразии характера, неутолимой жажде отличий, Бернадот отнюдь не был человеком безответственным. Он полагал и, как потом выяснилось, вполне обоснованно, что дипломатия — это совсем не его сфера деятельности. «Первое качество солдата — повиновение, — пишет Бернадот в Париж, — не дает мне права проявлять нерешительность, но я

боюсь, что на поприще дипломатии меня ожидают куда большие трудности, нежели те, с которыми я сталкивался в своей военной карьере»³⁰. Точно не известно, почему Бернадот в конце концов принял назначение. По мнению одного из его биографов, Бернадота соблазнила перспектива прославиться, занимая один из ответственных дипломатических постов, ибо «Вена была в то время полюсом, вокруг которого вращалась вся европейская политика...»³¹. Другой биограф считает, что причина была в ином: Бернадот соблазнился значительным жалованьем, положенным ему по новому рангу (144 тыс. франков), тем более, что, отправляясь в Вену, он сразу же получал половину ежегодного жалованья плюс 12 тыс. франков на дорожные расходы³².

Трудности, которые предвидел Бернадот, начались сразу же, как только «гасконский посол» вознамерился ехать в древнюю столицу Габсбургов. Жан Батист был настолько неискушен в дипломатии, что из Милана, где он находился в момент назначения на должность посла, напрямик направился к австрийской границе, даже не имея с собой дипломатического паспорта. Странного дипломата, естественно, остановил пограничный патруль. Разгневанный

Франц II

Бернадот заявил, что, если его не пропустят дальше, он расценит это как объявление войны своему отечеству. Перепуганный пограничник не посмел далее задерживать грозного посла Республики. Бернадот прибыл в Вену 8 февраля 1798 г. Как несколько напыщенно выразился по этому поводу Фредерик Массон: «Сама Революция вступила в Вену в лице Бернадота».

Очутившись в Вене, Жан Батист обосновался в бывшем дворце князя Лихтенштейна — величественном здании XVII века, находившемся всего в нескольких сотнях метров от императорской резиденции Хофбурга. 27 февраля он вручил свои верительные грамоты канцлеру Францу Тугуту, а 2 марта был принят на аудиенции императором Францом. Как и приличествовало полномочному министру, Бернадот посетил особняки наиболее влиятельных и знатных особ, оставив там свои визитные карточки. Результат этой дипломатической акции оказался обескураживающим. К Бернадоту не явился ни один посетитель*.

Эрцгерцог Карл

Единственным местом, где посол Республики мог, если не общаться, то хотя бы видеть представителей дипломатического корпуса и австрийских государственных деятелей, оказался дом посла союзной Франции Испании...

Томясь бездельем, Жан Батист часами разъезжает по Пратеру*. Узнав о том, что в Вену прибыл эрцгерцог Карл, Бернадот хочет с ним встретиться. Брат императора и один из талантливейших австрийских полководцев не отказывается от встречи, назначив послу аудиенцию на понедельник, 12 марта. Однако в последний момент он просит перенести встречу на вторник, ибо 12-го, как на грех, участвует в императорской охоте и потому не может принять Жана Батиста. Посол сначала соглашается на предложенную отсрочку, но затем, спохватившись, не задета ли в данном случае честь Республики, заявляет, что раз эрцгерцог не может принять его в понедельник, то он вообще не будет с ним встречаться. С ним не хотят знаться, его третируют, ну что же, тем хуже для тех, кто на это отваживается: Бернадот превращает французское посольство в настоящий «клуб для германских революционеров»³³. «Пылкий миссионер» (как именует Бернадота русский посол в Вене) не забывает и о поляках, нашедших приют в столице дунайской монархии. Он произносит речи о том, что «следует восстановить Польшу»³⁴, что, конечно, вызывает немалое беспокойство в Санкт-Петербурге. Бернадот ведет себя по-гасконски задиристо. Очень скоро он становится настоящей «достопримечательностью» Вены, хотя и довольно скандальной. Дело в том, что Бернадот украсил свою шляпу огромным трехцветным плюмажем, чем сильно шокировал не привыкших к подобной браваде венцев.

Директория, впрочем, сама усугубила сложность положения Бернадота, непрестанно требуя от посла, чтобы он добивался отставки барона Тугута, вел переговоры с венскими политиками не иначе как с позиции силы и ни во что не ставил отношения с Россией. Бернадот получил из Парижа приказ выставить республиканские эмблемы на здании посольства и обязать своих служащих носить республиканские кокарды везде, где им доведется бывать. Долг солдата — повиновение. Бернадот выполняет приказ и, разуме-

ется, попадает впросак. И дело даже не только в том, что, выставляя напоказ республиканские эмблемы, он нарушил принятые в Европе дипломатические правила, не допускавшие таких «вольностей». Трехцветный флаг, водруженный в столице Империи, за несколько месяцев перед тем подписавшей унижительный для нее мир с Францией в Кампо-Формио³⁵, стал осязаемым символом национального позора страны, проигравшей войну.

О том, что произошло после этого, поведал в своей реляции императору Павлу I полномочный посол России в Вене граф А. К. Разумовский. «Третьего дня*, около семи часов вечера, — сообщал он в Петербург 15 апреля 1798 г., — на балконе дома, занимаемого Бернадотом, увидели трехцветное знамя. Обыватели, проходившие мимо, возроптали против сего новшества; тем временем собралась толпа и число недовольных умножилось... все они громкими криками требовали, чтобы этот знак учинили снять, понося французские принципы, особу посла и возглашая: «Да здравствует император Франц Первый!» ... несколько

Граф Андрей Кириллович Разумовский

камней было брошено в окна посольства. Сказывают, что Бернадот выскочил из дверей с саблей в руке. Волнение с минуты на минуту все нарастало; полиция, военный комендант... поспешили явиться на площадь, почитая себя обязанными пресечь беспорядки... В ожидании прибытия войск полицейский агент и австрийский полковник заперли ворота дома, поднялись к Бернадоту и со всей горячностью упрашивали его убрать... знамя, уверяя его, что сия уступка рассеет толпу и положит конец происшествию, столь прискорбному; они не услышали в ответ ничего, кроме брани... заявлений о том, что Республика не нуждается в опекунах... громких требований возмещения за нанесенное оскорбление и угроз мщением своего правительства»³⁶.

Тем временем, пока Бернадот препирался с австрийскими официальными представителями, толпа венцев добралась до французского триколора, сорвала флаг с древка и сожгла его. Пепел от флага торжественно доставили к императорскому дворцу, где состоялась патриотическая манифестация в честь императора Франца...

Затребовав дипломатические паспорта, Бернадот получил их уже на следующий день (14 апреля) и в полдень 15-го числа покинул Вену. По словам Савари, это «происшествие (инцидент с флагом)... чуть было не сорвало экспедицию (французов в Египет)»³⁷.

Директория в течение месяца раздумывала над тем, как ей отреагировать на события 13 апреля в Вене, а Бернадот, ожидая решения правительства, коротал время в Раштадте*. Монархисты издевательски нарекли службистого генерала-дипломата «человеком из Вены с маленьким флагом». Директория же предпочла не давать никаких оценок спровоцированному ею демаршу*, его исполнителю и разразившемуся в Вене скандалу. Так ничего и не решив, французская сторона спустила инцидент «на тормозах».

Судя по всему, Бернадот действовал в Вене именно так, как того желали в Париже. Во всяком случае власть держащие во Франции уже в Раштадте предложили ему новое назначение — взять на себя командование 5-й дивизией в окрестностях Страсбурга. Жан Батист отказался. По-видимому, предложенный пост показался слишком незначи-

тельным честолюбивому гасконцу. Как случилось уже и прежде при аналогичных обстоятельствах, он проявил такт, отвергая нестоящее назначение. В ответ на предложение правительства Бернадот заявил, что давно уже мечтает о «жизни простой и безмятежной» и хочет вовсе отойти от активной деятельности, благо война на континенте окончилась.

По приезде в Париж Жан Батист, однако, и не думает искать уединения. Он захаживает на приемы к Баррасу и производит даже определенное впечатление в том микрокосме авантюристов, светских дам, шпионов, финансистов, подающих большие надежды генералов, которые составляют «двор» «короля Директории». Правда, первоначально Бернадот обращает на себя внимание скорее своей внешностью, нежели своим умом. Мадам де Шатене, повстречавшая Бернадота на одном из вечеров у Барраса в июне 1798 г., вспоминала: «Он относился к тем людям, которых нельзя было не заметить при встрече и не спросить других о том, кто это такой». Высокий, темноволосый, с ослепительно-белыми зубами, Жан Батист становится частым гостем в доме Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона, с которым он познакомился еще в 1797 г. в Милане. Круг друзей растет. В числе тех, с кем Бернадот сводит знакомство, — другой брат Наполеона, Люсьен. Во время одного из вечеров у хлебосольного Жозефа Жана Батиста представляют его свояченице, Дезире Клари. Да-да, это та самая шаловливая девочка-подросток, в доме которой в Марселе он квартировал в теперь уже далеком 1789 г. За прошедшие восемь лет она превратилась в стройную, грациозную девушку с огромными бархатистыми глазами. Незадолго перед тем у нее был «роман» с генералом Бонапартом, окончившийся отнюдь не по ее вине. Может быть, поэтому она так благосклонно внимает речам 35-летнего Жана Батиста. Пятнадцатилетняя разница в возрасте ее, по-видимому, нисколько не смущает, и когда Бернадот делает ей предложение, она без колебаний соглашается стать его женой. Бракосочетание Жана Батиста и Дезире проходит по гражданскому обряду 17 августа 1798 г. в мэрии Sceaux-l'Unité. Это был странный брак, потому что благодаря ему Берна-

Дезире Бернадот,
урожденная Клари

дот входил в семью Бонапартов, хотя глава клана, Наполеон, терпеть его не мог. Впрочем, и сама Дезире решилась на брак скорее всего не из любви к Жану Батисту, а «в пику» своему прежнему воздыхателю. Во всяком случае, когда много лет спустя ее спросили о том, почему она вышла замуж за Бернадота, Дезире не задумываясь ответила: «Потому что он был солдат, способный противостоять Наполеону»³⁸.

К лету 1799 г. Французская республика оказалась вовлечена в новую войну, в которой против нее под знаменами Второй коалиции сражалась половина Европы. В Италии ее армии были разгромлены войсками под командованием Суворова, на Рейне с французами успешно сражался эрцгерцог Карл со своей армией, в Голландии высадился русско-английский экспедиционный корпус... Положение дел на фронтах для французов складывалось самым неблагоприятным образом. В такой сложный, в известном смысле отчаянный момент Директория предложила Бернадоту пост военного министра. Жан Батист не отказался от высокого назначения. «Принимая военное министерство, — признавался он позже, — я несколько не обольщал себя относительно размеров данной мне задачи; но, родившись, так сказать, на войне, воспитанный войною за свободу, я чувствовал, что сам вырастаю среди опасностей и побед. Я имел счастье принять участие в работе, приведшей к некоторым результатам, которые наши враги называли чудесами...»³⁹. Любивший красивую фразу и красивую позу, Бернадот в данном случае, однако, совсем не преувеличивал трудностей, с которыми он столкнулся, и масштаба своих заслуг. В качестве военного министра Жану Батисту предстояло решить ряд неотложных проблем. Прежде всего ему следовало реорганизовать и снабдить необходимым обмундированием, оружием, боеприпасами и продовольствием разбитые, деморализованные, отброшенные к французским границам армии Республики. В его компетенцию входило также наведение порядка внутри страны. На его плечи легла задача организации и снаряжения новых воинских формирований, призванных изменить обстановку на фронтах. Ему же предстояло изыскать средства для уплаты солдатам жалованья, не выдававшегося им вот уже более семи меся-

цев. При решении всех этих непростых задач Бернадот проявляет кипучую энергию, распорядительность, большой администраторский талант. «Пусть смотрят на то, — писал он впоследствии, — что я мог сделать, что я должен был сделать, и пусть судят о том, что я сделал... 91 000 конскриптов полетели, чтобы составить батальоны; почти все были немедленно одеты, снаряжены и вооружены. Я получил разрешение собрать 40 000 лошадей... Общий ход событий известен. Голландия была спасена, левый берег Рейна обеспечен от какой бы то ни было опасности, русские уничтожены в Гельвеции; победа возвратилась к знаменам Дунайской армии, удержана была линия обороны между Альпами и Апенниннами, невзирая на все несчастья, постигшие наше оружие в этой стране, коалиция распалась»⁴⁰.

Перечисляя свои заслуги на посту военного министра, Бернадот не забывает упомянуть знаменитую победу Массена под Цюрихом (26 сентября 1799 г.). По его мнению, в успех Массена в Швейцарии он внес свою лепту, так как маневры Рейнской армии, предпринятые по распоряжению военного министра, отвлекли оттуда войска эрцгерцога Карла, подготовив условия для победы под Цюрихом⁴¹.

Что же касается участия Бернадота в обеспечении спокойствия и порядка в самой Франции, то здесь роль военного министра была куда менее значимой. «Войска внутри страны постоянно находились в движении; они двигались к местам, где их присутствие было необходимо для восстановления порядка или для внушения уважения к республиканскому правительству. Но так как эти войска были слишком малочисленны для того, — вспоминал Бернадот, — чтобы я мог удовлетворить все требования, с которыми ко мне обращались генералы и установленные власти, то я старался возместить это вымышленными движениями (притворными), а равно и приготовлениями и распоряжениями явными, которые могли дать повод предполагать близкое прибытие значительной вооруженной силы на пункты, совершенно лишенные таковой в данный момент»⁴².

В целом Бернадоту удалось на его новом посту переломить сложившуюся к лету 1799 г. неблагоприятную для Республики военную ситуацию. Он успешно справился с

возложенными на него задачами. Однако, несмотря на обнадеживающие результаты, а может быть, вследствие их, Жан Батист не задержался в министерском кресле. Придя в министерство 2 июля 1799 г., он уже 14 сентября подал в отставку, пробыв в должности военного министра всего лишь два с половиной месяца. Большинство биографов Бернадота связывают его уход с должности военного министра Республики с интригами, раздиравшими Директорию осенью 1799 г. Один из директоров, Сийес, выработал план государственного переворота с целью низвержения Директории и установления нового, более прочного государственного порядка; другой директор, Баррас, тайно интриговал с Бурбонами, намереваясь за сходную цену предать Республику, посодействовав восстановлению монархии. Три оставшихся члена правительства: Гойе, Мулен и Роже Дюко — представляли собой с трудом поддающиеся оценке политические величины. Вечно враждовавший с Директорией Законодательный корпус являлся не большим гарантом стабильности, чем правительство. Наилучшим выходом из того топкого болота интриг и подковерных «баталий», которое представляли в тот момент правительственные сферы, Бернадот счел свою отставку. Правда, не исключено, что прошение об отставке, которое он подал Директории, было не более чем тактическим ходом. Возможно, Жан Батист надеялся, что его будут уговаривать остаться на своем посту. Если Бернадот в самом деле думал об этом, он просчитался... Его отставка была принята. Портфель военного министра получил Дюбуа-Крансе.

Отставка превратила Бернадота, по словам одного из его биографов, в «сущее ничтожество»⁴³. Тем временем государственный переворот — «детище» директора Сийеса — стал обретать реальные очертания. Бежавший из Египта генерал Бонапарт высадился 9 октября 1799 г. на юге Франции, в бухте Фрежюс.

На подготовку низвержения Директории уходит ровно месяц — удивительно мало времени, если учесть, что речь идет о государственном перевороте; удивительно много, если принять в расчет то, что в нем участвуют двое из пяти членов Директории, министр полиции и комендант парижско-

го гарнизона... Главный исполнитель плана Сиейса генерал Бонапарт усердно вербует на свою сторону союзников. Жан Батист не попадает в их число. «18 брюмера, — свидетельствует Тибодо, — генерал Бернадот отказался содействовать замыслам Бонапарта...»⁴⁴. Он несколько упрощает настоящее положение дел. Экс-глава военного ведомства занимает наихудшую из всех возможных позиций: он не примыкает к заговорщикам, но одновременно не торопится стать в ряды противников переворота. Бернадот произносит «грозные» фразы о том, что Республика «сумеет одолеть своих врагов, как внутренних, так и внешних»⁴⁵. В разговоре с Бонапартом он заявляет даже, что коль скоро Директория даст ему соответствующее поручение, с заговором против республики будет немедленно покончено. Однако, когда наступает решительный момент, Жан Батист, забыв о конституции и республиканских добродетелях, является в дом Бонапарта на улице Шантерен — осиное гнездо заговорщиков; правда, в отличие от других военных участников переворота — в штатском платье, а не в мундире. Взаимоисключающие поступки, категоричные заявления, не подкрепленные конкретными действиями, — все это не прибавляет Бернадоту популярности и крайне раздражает Бонапарта. Мера недовольства им Наполеона такова, что, когда авторы «революции 18 брюмера» становятся законной властью, Жан Батист вовсе не исключает своего ареста. Впрочем, страхи оказываются преждевременными. Уже на следующий день после переворота первый консул*, беседуя с Сарразеном, говорит ему буквально следующее: «Когда вы его (Бернадота) увидите, передайте ему, что я всегда буду рад считать его одним из моих друзей»⁴⁶.

Бернадоту остается лишь верить на слово главе государства. Наполеон не торопится давать ему какое бы то ни было поручение. Только по прошествии двух месяцев первый консул «определяет» Жана Батиста в члены Государственного Совета — главного совещательного органа эпохи Консульства. Это назначение — нечто вроде «почетной ссылки». Наполеона, однако, не устраивает то, что строптивый гасконец, которому невозможно доверять, находится здесь, в Париже.

Бонапарт при переходе через Сен-Бернар

1 мая 1800 г. он назначает Бернадота командующим Западной армией. По долгу службы Жан Батист должен отправиться в Ренн — древнюю «столицу» Бретани, где находится штаб армии. По сути, очередная «милость» первого консула — новая ссылка, ибо Жан Батист на посту командующего Западной армией не более чем начальник пограничного округа, призванный оборонять побережье Бретани

от англичан. С возложенной на него задачей он вполне успешно справляется. Попытки англичан высадить десанты на Бель-Иле и полуострове Киберон отражены, Запад «умиротворен». Бернадот лоялен, к тому же он входит в клан Бонапартов, и Наполеон совершает один из тех поступков, которые можно объяснять как угодно, но понять нельзя. В самый канун своего отъезда в Италию (весной 1800 г.), где ему предстоит сразиться с австрийской армией Меласа, он пишет Бернадоту записочку следующего содержания: «Если я погибну, вы будете располагать сорока тысячами солдат у ворот Парижа и судьба Республики будет в ваших руках»⁴⁷.

Жану Батисту не придется воспользоваться этим советом. 14 июня 1800 г. в знаменитой битве при Маренго Наполеон одерживает одну из самых блестящих своих побед. Первый консул с триумфом возвращается в Париж, а Бернадот, вплоть до весны 1802 г., остается командующим Западной армией. «Не пропустили в эту эпоху, — вспоминает секретарь Наполеона Бурьенн, — сделать новому консулу о генерале Бернадоте доносы... Первый Консул не посмел, однако ж, открыто мстить ему, но всегда изыскивал все случаи удалять Бернадота, приводить его в затруднительное положение и делать ему поручения, не давая никаких определенных наставлений, в надежде, что Бернадот впадет в ошибки, за которые Первый Консул мог бы подвергнуть его ответственности»⁴⁸.

Правомерен вопрос, почему Наполеон «не смел» мстить Бернадоту и за что, собственно, он должен был ему мстить?

Ответ на первую часть вопроса не сложен: открытый разрыв с Бернадотом означал также ссору Наполеона со своим старшим братом Жозефом, женатом на сестре супруги Жана Батиста; к тому же, несмотря ни на что, Бонапарт не забыл о своей прежней возлюбленной Дезире и потому не мог проявлять суровость в отношении ее мужа. Возможно, здесь имел место и некий «политический подтекст»: Бернадот был известен как генерал-патриот (читай якобинец), и слишком явное желание первого консула отдалить его от себя стало бы проявлением антиякобинских чувств главы государства.

Что же касается второй его части, то здесь надо согласиться с мнением одного из биографов Жана Батиста, писавшего о том, что после провозглашения Консульства Бернадот вел «бесконечную тайную войну против Наполеона»⁴⁹. Иные эпизоды этой «войны» хорошо известны. Так, например, у адъютанта Бернадота был найден объемистый сверток с антиправительственными прокламациями, а один из участников заговора на жизнь первого консула, скульптор Черраки, получил от Жана Батиста 12 тыс. франков. Однако, Бернадоту не составляет большого труда оправдаться. Если его адъютант и проявил враждебность к Бонапарту и консульскому правительству, то он действовал так по собственной инициативе и Бернадот тут ни при чем. Что же до денег, выданных Черраки, так ведь то была плата скульптору за изготовленный им бюст генерала... Трудно сказать, насколько убедительными кажутся первому консулу подобные объяснения. В любом случае, стоит только возникнуть ситуации, чреватой большими переменами, имя Бернадота одним из первых «всплывает» при обсуждении создавшегося кризиса.

В канун нового 1801 г. в Париже предпринято покушение на жизнь первого консула. Взрыв «адской машины» на улице Сен-Никез с предельной ясностью ставит вопрос о судьбе диктатуры. Что если на следующий раз заговорщикам будет сопутствовать успех? Может быть, в случае гибели Бонапарта пост первого консула достанется Моро?*

Когда кто-то высказывает в присутствии Наполеона эту мысль, он с ходу ее отвергает: «Нет, им, должно быть, станет генерал Бернадот, — говорит он в ответ на это предположение. — Подобно Антонию, он покажет возбужденной толпе окровавленную тогу Цезаря»⁵⁰. Вместе с тем Бонапарта, очевидно, не слишком прельщает обозначенная им самим перспектива. Он не то что уже «не прочит» больше Бернадота в свои преемники, но даже отвергает, причем в довольно резкой форме, родственные поползновения Жозефа выхлопотать для Жана Батиста очередное назначение. «Время только более и более усиливало неприязнь Бонапарте к Бернадоту, — пишет Бурьенн, — можно было сказать, что по мере того, как он подвигался вперед... к самовластью, — возрастало и его негодование против человека, кото-

Бернадот и Наполеон

рый отказался поддержать первые его шаги на этом отважном поприще»⁵¹.

Наполеон готовится нанести последний, сокрушительный удар вечному сопернику Франции — Соединенному Королевству Великобритании. Вновь, как и в 1798 г., государственным деятелям по обе стороны Ла-Манша не дает покоя мысль о десанте, который решит судьбу Англии и, кто знает, возможно, всей Европы. Бернадот лелеет надежду, что именно его первый консул назначит командующим армией вторжения на Британские острова. Когда же вместо «броска через Ла-Манш» Франция заключает с Англией мир в Амьене в 1802 г., Жан Батист считает себя вполне подходящей кандидатурой для того, чтобы возглавить французский экспедиционный корпус, призванный восстановить власть метрополии на далеком Сан-Доминго. Вместо этого Бонапарт «награждает» Бернадота парадной должностью сенатора. Впрочем, если Жану Батисту «не сидится» дома, у главы государства есть для него несколько равноценных должностей вне Франции. Во-первых, должность посла в Константинополе, во-вторых, генерал-губернатора Гваделупы, в-третьих, губернатора Луизианы. От двух первых Бернадот «с благодарностью» отказывается по собственной инициативе. Третья должность исчезает сама собой. Убедившись в невозможности удержать за Францией ее далекое заморское владение, Наполеон продает Луизиану Соединенным Штатам. Может быть, именно в связи с этим первого консула посещает «счастливая мысль» — услатить Бернадота послом в Вашингтон⁵². Дело совсем было решено, как тут вновь возобновилась война с Англией (в мае 1803 г.) и вояж через Атлантику стал чрезвычайно рискованным мероприятием. Кроме того, Бернадот, как военный, должен был отправляться в армию и его отсутствие там в момент начала войны могло вызвать нежелательные для Наполеона толки. Однако война мало что меняет в личных отношениях Бонапарта и Бернадота. Первый не доверяет второму, второй вполне это недоверие заслуживает. В Жане Батисте Наполеона раздражает решительно все: его внешность, его темперамент, его гасконский диалект, его ненасытное честолюбие и, может быть, то, что он — муж Дезире. Кроме

того, у Бернадота есть одно ненавистное первому консулу свойство: он самостоятелен и он не его, Наполеона, «создание». Бернадот пробился на вершину военной иерархии сам. Он стал генералом всего лишь годом позже Бонапарта. По большому счету, Жан Батист ничем ему не обязан и часто, слишком часто напоминает ему об этом... Фрондерство и неумение «служить» — не единственный недостаток Бернадота. У него странные для члена клана знакомства: г-жа де Сталь, г-жа Рекамье, которые, одна явно, другая завуалировано, смеют критиковать режим консульства и его главу. Дочь знаменитого Неккера* и известная писательница г-жа де Сталь в восторге от Жана Батиста. Она даже именуется его «подлинным героем века». Неизвестно, совпадает ли ее мнение с мнением прелестной Жюльетты Рекамье. По крайней мере Бернадот с ней откровенничает и однажды, когда речь заходит о Бонапарте, признается: «Я не обещал ему любви, но я обещал ему лояльную поддержку и я сдержу свое слово»⁵³. «Лояльная поддержка»... Очевидно, что для Наполеона этого явно недостаточно. В конце концов, если Бернадоту угодно фрондировать, что же, пусть фрондирует, но при этом ему не стоит рассчитывать на важное назначение.

Как и год назад, западное побережье Франции в мгновение ока превращается в бивуак. Уже в третий раз за последние шесть лет Бонапарт готовит вторжение в Англию. Правда, «владычицу морей» можно наказывать, и не высаживая десант на ее территории. 3 мая 1803 г. армейский корпус генерала Мортье оккупирует Ганновер — континентальную вотчину английского короля Георга III. Через год, 14 мая 1804 г., первый консул назначает Бернадота губернатором Ганновера⁵⁴.

Жан Батист отправляется в Германию, а Наполеон решает сменить «вывеску» возглавляемого им с 1799 г. режима. «28 флореаля (18 мая 1804 г.) постановлением Сената... «правительство Республики доверялось императору (т. е. самому Бонапарту. — А. Е.), который примет титул императора французов»⁵⁵. Несмотря на сиротливо примостившееся в сенатском постановлении слово «Республика», речь, по сути, идет об установлении Империи. Уже на следующий день декретом Сената во Франции учреждается, а точнее восстанавливается, воинское звание маршала*. Тем же дек-

ретом этого звания удостоиваются сразу 18 человек. Одним из них становится Бернадот. Родственник императора и маршал Франции, однако, совсем не испытывает чувства благодарности. Он, как всегда, недоволен. В разговоре с Люсьеном Бонапартом он высказывается в том смысле, что Наполеон признает лишь свою собственную славу. Все прочие могут прославиться только с его, императора, позволения и только в указанных им пределах...

Жан Батист сетует на то, что у него не хватает средств для поддержания на уровне, соответствующем его новому званию, себя и своей семьи. Упрек услышан. Наполеон приказывает министру полиции взять из государственной казны столько денег, сколько тот сочтет необходимым, чтобы удовлетворить аппетиты строптивого гасконца. «Я хочу, чтобы Бернадот был доволен, — говорит он ему. — Он только что сказал, что полон преданности к нашей особе; это усилит его привязанность к нам еще больше»⁵⁶. Кроме жалованья маршала, Жан Батист получает поместья, многочисленные денежные подарки, которые к 1809 г. дают ему дополнительный доход в 292 тыс. франков. Наполеон не скупится и на пожалования иного рода. Так, в 1805 г. он дарит Бернадоту роскошный особняк в предместье Сент-Оноре, принадлежавший некогда генералу Моро. При этом император распоряжается о выдаче Жану Батисту дополнительной суммы денег (200 тыс. франков) на приобретение необходимой обстановки⁵⁷.

Во время торжественной церемонии коронации Наполеона в соборе Нотр-Дам 2 декабря 1804 г. Бернадот исполняет долг «верноподданного», участвуя в процессии в качестве лица, которому доверено нести украшенный драгоценностями воротник императорского облачения. Первый живописец Наполеона, великий Давид, на своем знаменитом полотне* располагает фигуру Бернадота позади кардинала Феша — дяди императора: не самое плохое место для не самого надежного члена клана.

«Отбыв» положенные по случаю мероприятия в столице, Бернадот возвращается в Ганновер* (в феврале 1805 г.)⁵⁸ В общей сложности он находится там больше года, проявив на своем проконсульском посту снисходительность и вели-

Маршал Бернадот

кодушие. Жану Батисту удастся даже избавить жителей Ганновера от непосильных денежных поборов, на взимании которых настаивает Наполеон. Он представляет в Париж точные статистические данные, доказывающие невозможность сбора таких непомерных для Ганновера сумм. В конечном итоге «битву за Ганновер» выигрывает не император французов, а маршал Франции...

В походе 1805 г. Бернадот командует 1-м корпусом Великой армии*, численность которого не превышает 15 тыс. человек. Это те солдаты, которые находились под командованием Бернадота в оккупированном Ганновере. По распоряжению императора корпус Жана Батиста сильно «разбавляют» союзными баварскими войсками, которые входят в его состав. Один из биографов Бернадота полагает, что в этом лишний раз проявилось недоверие к нему Наполеона. Император «всегда заботился, — пишет он, — чтобы Бернадот никогда не имел под своим началом французских солдат». Далее он указывает на то, что и в последующих кампаниях Жан Батист командовал не французскими, а «интернациональными» (союзническими) воинскими контингентами: в 1807 г. — поляками, в 1808 г. — голландцами и испанцами, в 1809 г. — поляками и саксонцами⁵⁹.

Как бы то ни было, тогда, в 1805 г., Наполеон дает весьма ответственное поручение командующему 1-м корпусом. По замыслу императора, корпус Бернадота должен зайти в тыл австрийцам, нарушив их коммуникации с Веной и идущими им на помощь русскими войсками. За десять дней баварцы Бернадота совершают стремительный 350-километровый марш по раскисшим от осенней распутицы дорогам. Устав «сражаться с грязью», Жан Батист отдает приказ корпусу продолжить путь через территорию принадлежавшего Пруссии (не участвовавшей в войне) Ансбаха. Этот поступок, затрагивающий нейтральную, сливающую крупной военной державой Пруссию, очень опасен. Бернадот делает все от него зависящее, чтобы как-то минимизировать в Берлине неблагоприятное впечатление от этой военной акции французов. В рапорте начальнику штаба Великой армии маршалу Бертье он писал: «Я не пренебрег ничем... чтобы наш марш через Ансбах был как можно менее ощу-

тим... Я располагаюсь на бивуак лишь там, где уже собран урожай, и плачу за все по полной цене и наличными»⁶⁰. Через пять дней войска 1-го корпуса без единого выстрела вступают в Ингольштадт, а 12 октября, тоже без боя, занимают Мюнхен. После более чем двухнедельной остановки там 30 октября 1805 года баварцы Бернадота, продолжая двигаться на юго-восток, оккупируют Зальцбург.

С чисто военной точки зрения, Бернадот действует безупречно. В том, что 20 октября австрийский командующий генерал Мак сдается со своей армией в плен Наполеону под Ульмом, немалая заслуга принадлежит маршалу Бернадоту. «Какое волнение! Весь город в тревоге, жители в слезах и в отчаянии, — записал в своем дневнике русский офицер, находившийся в Браунау. — Сегодня генерал Мак, отпущенный из плена на честное слово, прибыл в Браунау и объявил главнокомандующему (генералу М. И. Кутузову. — А. Е.), что вся австрийская армия, стоявшая при Ульме, разбита и забрана в плен, остатки сей несчастной армии, потеряв знамена и честь, некоторые даже без ружей и без амуниции, бегут чрез Браунау и рассеиваются по Австрии. Солдаты наши в недоумении, им велят отступить, но что делать? Счастливый неприятель со ста двадцатью тысячами победоносного войска шагает к Браунау, а нас только двадцать тысяч, Россия и помощь далеко от нас, должно отступить...»⁶¹.

Наполеон решает повторить в отношении русской армии тот маневр, который принес ему победу над австрийцами под Ульмом: зайдя во фланг, перерезать коммуникации Кутузова, окружить его войска, принудить русских сложить оружие. Одна из важнейших составляющих плана императора — стремительность в исполнении маневра. Наполеон поручает Бернадоту с его 1-м корпусом совершить форсированный марш в северо-восточном направлении от Зальцбурга к Мельку, с тем, чтобы быть у Дуная не позднее 14 ноября. Войскам Бернадота предстоит пройти 120 миль по плохим, труднопроходимым дорогам, переправившись через Дунай ниже укрепленного аббатства Мельк. Более или менее успешно Жану Батисту удастся осуществить лишь первую часть плана. Непрекращающиеся дожди и

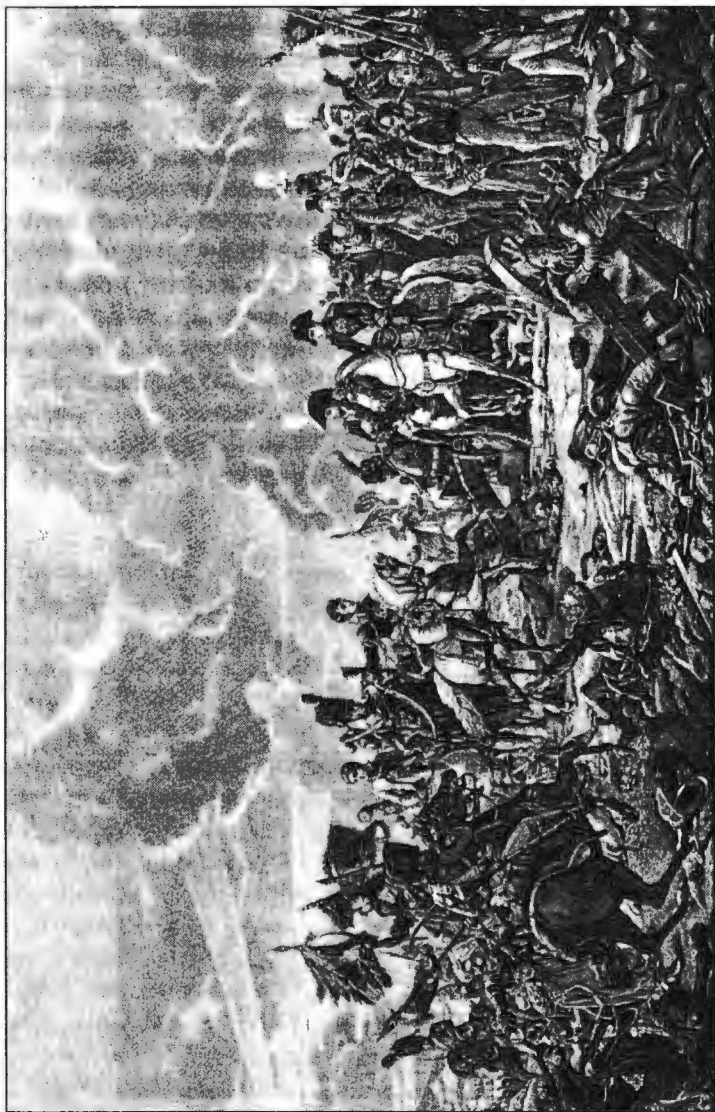

Наполеон на бивуаке при Аустерлице

снегопады превращают Дунай в настоящее море. Ни понтонов, ни каких-либо других необходимых для переправы подручных средств (за исключением 14 небольших лодок) у Бернадота нет... К назначенному императором месту 1-й корпус прибывает с трехдневным опозданием. «Я утешаюсь

мыслью о том, — докладывает Бернадот Наполеону, — что Вашему Величеству хорошо известны трудности форсирования войсками реки там, где нет никакого моста». Объяснения бесполезны. Властелин разгневан. «Бернадот заставил меня потерять день, — с раздражением пишет он своему брату Жозефу, — а от одного дня зависят судьбы мира». «Каждый день все более и более убеждает меня в том, — продолжает он, — что люди, которых я воспитал, — самые лучшие. Как и прежде, я доволен Мюратом, Ланном, Даву, Сультом, Неем и Мармоном...»⁶².

В канун первой годовщины коронации Наполеона Великая армия и союзные русско-австрийские войска готовятся к генеральному сражению, которое решит участь кампании. Перед самым началом битвы при Аустерлице (2 декабря 1805), вспоминал впоследствии адъютант Наполеона Филипп де Сегюр, тон, которым император отдал приказания Бернадоту, был на редкость высокомерным и ледяным. Вместе с корпусами Ланна и Удино баварцы Бернадота сражаются на левом фланге французской армии. Наступает кульминация Аустерлицкого сражения. Отборная тысяча кавалергардов российской императорской гвардии, атаковав Праценские высоты, заставляет попятиться корпус Сульта. «С отличною неустрашимостью действовали полки кавалергардской и конной гвардии, — вспоминал А. П. Ермолов, — и часть сего последнего, врубившись в конницу, взяла одного орла...»⁶³. Бернадот, первым осознав опасность сложившейся ситуации, не дожидаясь приказа, посылает на помощь Сульту одну из своих дивизий. Ему же в поддержку уже сам Наполеон бросает гвардейскую кавалерию. Русский натиск отражен*. Потеряв более пятисот человек, два лучших полка русской армии откатываются назад. Дальнейшее хорошо известно: после ожесточенной схватки в центре и на левом фланге союзной армии русские были прижаты к линии полузамерзших прудов. «В прудах потонули или были уничтожены французской картечью целые полки, другие сдались в плен»⁶⁴. «Я обратил в бегство союзную армию, — писал Наполеон брату Жозефу, — под личным командованием императоров Германии и России...

Аустерлицкое сражение

Я захватил около 40 тыс. пленных, в том числе 20 русских генералов, 40 знамен, 100 орудий и все штандарты русской императорской гвардии. Вся армия покрыла себя славой...»⁶⁵.

Прямым и скорым следствием Аустерлица был выход из войны Австрии. Единственным серьезным противником наполеоновской Франции на континенте оставалась Россия. Впрочем, в течение какого-то времени накал военного противостояния снижается, и Наполеон получает возможность оглядеться, отметив заслуги отличившихся в минувшую кампанию соратников. Бернадот получает новое назначение. Отныне он губернатор Ансбаха, который прусский король уступил Наполеону, получив взамен Ганновер. Жан Батист склонен верить в то, что это назначение

Маршал Бернадот

не случайно. Ведь стал же пасынок императора Евгений Богарне еще в июне 1805 г. вице-королем Италии! К тому же «раздача титулов» продолжается. В марте 1806 г. Жозеф Бонапарт, единственная «заслуга» которого в том, что он брат императора, становится королем Неаполитанским.

Бернадот «метит» в герцоги Ансбахские, но в итоге получает от Наполеона 6 июля 1806 г. титул герцога и князя Понте-Корво, «как доказательство нашей благодарности за услуги, оказанные им нашей короне». Крохотное владение Понте-Корво входит в состав Неаполитанского королевства, и то, что именно Бернадот превращается в его светлость герцога Понте-Корво, вряд ли может кого-либо удивить. Это «пожалование» лишний раз подчеркивает: император награждает Бернадота не за его заслуги, а за то, что он — член семьи Бонапартов*. «Вы же понимаете, — говорит Наполеон «королю» Жозефу, — что, когда я возложил

Мюрат

на Бернадота титул герцога и князя, я сделал это из уважения к вашей жене, ибо в моей армии есть генералы, которые служат мне куда лучше и на чью... привязанность я могу рассчитывать в гораздо большей степени. Но то, чтобы шурин королевы Неаполитанской был отмечен соответствующим званием при вашем дворе, кажется мне вполне естественным»⁶⁶.

Однако то, что, по мнению императора, должно быть «естественным», вызывает у других наполеоновских маршалов страшное негодование. Можно еще понять, что зять Наполеона Мюрат получает титул великого герцога Клеве и Берга. Можно согласиться с тем, что владельческим князем Невшательским становится бессменный начальник штаба Великой армии маршал Бертье. Но каковы же права на звучный титул у этого, как зло выражается Даву, «жалкого Понта-Корво»? Разве он не опаздывал везде, где его ждали? Разве он не переправился через Дунай позже всех? И почему же он не сумел организовать энергичного преследования русской армии после победы под Аустерлицем?

У его светлости князя Понта-Корво, маршала Франции, вскоре появляется возможность продемонстрировать скептикам свои полководческие таланты.

Осенью 1806 г. ряды противников Франции на континенте пополняются еще одним участником. На сей раз это Пруссия. Во время прусской кампании Наполеон, как и в 1805 г., поручает Бернадоту командовать 1-м корпусом Великой армии. Он отправляется в поход из Нюрнберга, через территорию союзной Пруссии Саксонии, на Лейпциг и далее на Берлин. Корпус Бернадота, насчитывающий чуть более 20 тыс. человек, идет в авангарде вместе с кавалерийскими частями под командованием Мюрата. Сразу следом за ними наступает 3-й корпус маршала Даву. Все шесть корпусов Великой армии должны действовать сообща и в случае необходимости немедленно приходить на помощь друг другу. Таков по крайней мере приказ императора.

1-й корпус совершает стремительный марш-бросок, за каких-нибудь пять дней преодолев расстояние в 72 мили. 13 октября 1806 г. части Бернадота и Мюрата вступают в городок Наумбург, расположенный на берегу реки Заале.

Уже три часа спустя Мюрат получает приказ из штаб-квартиры — как можно скорее идти со всей своей кавалерией к Дорнбургу. Это городок в 16 милях к юго-западу от Наумбурга. Еще юго-западнее, близ небольшого старинного университетского городка Йены, Наполеон с основными силами Великой армии наткнулся на прусские войска, которые он счел главной прусской армией герцога Брауншвейгского (на самом деле это была 38-тысячная армия князя Гогенлоэ). В данной ситуации марш Мюрата к Наумбургу означал стремление Наполеона отрезать пути отступления прусской армии, с которой он намеревался сразиться под Йеной. Великий герцог Клеве и Берга более чем оправдывает доверие властелина. Он не просто выполняет приказ, но, безостановочно двигаясь на юг, успевает попасть на поле битвы под Йеной 14 октября.

Для Бернадота все складывается иначе. Получив приказ о движении в юго-западном направлении, 1-й корпус выступает вслед за кавалерией Мюрата. Измотанная форсированными маршами предшествующих дней, обремененная артиллерией, пехота Бернадота медленно «тащится» в заданном направлении. Когда преодолена уже почти треть пути, близ местечка Кезен у моста через р. Заале к Бернадоту внезапно является командующий 3-м корпусом Великой армии маршал Даву. По его словам, из штаба получены новые приказы. Бернадот распоряжается об остановке движения 1-го корпуса на юго-запад. Суть новых распоряжений императора состоит в том, чтобы Даву со своими войсками направился к Апольде и обрушился на фланг прусской армии, когда та будет отброшена от Йены. Далее в приказе за подписью Бертье следовала довольно невразумительная фраза: если маршал Бернадот окажется с вами (с корпусом Даву. — *А. Е.*), вы можете идти вместе... Такая весьма неопределенная формулировка, при наличии вполне определенного распоряжения императора Бернадоту, поручившего ему следовать к Дорнбургу, то есть в прямо противоположном Апольде направлении, решает дело. Бернадот отказывается соединять свои силы с силами Даву и продолжает марш к Дорнбургу. В итоге 14 октября, когда Наполеон сражается с армией Гогенлоэ при Йене, а Даву со

своим 3-м корпусом неожиданно для себя вступает в бой с главной прусской армией герцога Брауншвейгского при Ауэрштедте, корпус Бернадота «блуждает» между армией Наполеона и корпусом Даву, не сделав ни единого выстрела.

Император был страшно разгневан бездействием Бернадота. Впоследствии, уже на о. Св. Елены, Наполеон признавался, что даже хотел отдать Жана Батиста под трибунал, а это почти наверняка означало вынесение ему смертного приговора. Однако, несмотря на «возмутительный поступок» маршала, Наполеон его простил. Приказ о трибунале был порван. Как-никак Бернадот был членом семьи Бонапартов...

Наполеон, однако, совсем не делал секрета из того, что он крайне недоволен поведением командующего 1-м корпусом. Оценка действий Бернадота 13—14 октября 1806 г. чуть ли не как предательских, а потому заслуживающих бесспорного порицания, переключалась в мемуары современников. Генерал, барон Марбо, писал в своих мемуарах: «Армия ожидала, что Бернадот будет сурово наказан»⁶⁷. Вслед

Даву

за мемуаристами* о «предательстве» князя Понте-Корво написали историки. Известный исследователь полководческого искусства Наполеона Дэвид Чандлер полагал, что «промедление и завистливость», проявленные Бернадотом, воспрепятствовали императору и Даву в полной мере воспользоваться результатами их двойной победы над пруссаками⁶⁸. Подобного рода выводы на поверку оказываются, как минимум, несправедливы. Дело в том, что «краеугольным камнем» обвинения Бернадота в «предательстве» является утверждение Наполеона о том, что он приказал командующему 1-м корпусом поддержать Даву. Не выполнив приказ императора, Бернадот как раз и проявил то «промедление и завистливость», о которых писал Чандлер. Однако, по замечанию одного из биографов Бернадота, «тщательное изучение французских депеш доказывает... что такого документа не существовало»⁶⁹. Таким образом, сами официальные документы штаб-квартиры Наполеона оправдывают Бернадота. Что же касается практической осуществимости помощи Бернадота корпусу Даву, сражавшемуся под Ауэрштедтом, то по крайней мере технически она была совершенно невозможна. 1-й корпус Бернадота был отделен от 3-го корпуса Даву двумя реками, протекавшими между гористыми ущельями, что фактически исключало возможность их быстрого соединения.

Тем не менее события середины октября, как бы вновь подтвердившие присущую Бернадоту особенность всегда отсутствовать в решающем месте в решительный момент, сильно раздосадовали самого Жана Батиста. Чтобы как-то сгладить впечатление от своего невольного бездействия в день 14 октября, Бернадот активно участвует наряду с Сультом и Мюратом в преследовании остатков разгромленной прусской армии. Командующий 1-м корпусом проявляет завидную энергию и решительность. Уже 17 октября он берет штурмом сильно укрепленную крепость Галле. За семь дней солдаты его корпуса преодолевают расстояние в 100 миль, форсируют Эльбу, захватывают фамильное гнездо Гогенцоллернов — Бранденбург. 7 ноября именно Бернадоту сдается загнанный со своим 22-тысячным отрядом в Любек Блюхер. Там же в плен к князю Понте-Корво попа-

дают 1,5 тыс. шведов*. Бернадот чрезвычайно любезно обходится с их командиром, графом Густавом Мернером. У рядовых шведов пребывание во французском плену также не оставляет неприятных воспоминаний: их хорошо кормят, никоим образом не унижают их достоинство и в конце концов транспортируют на родину в Остерготланд. «Маршал (Бернадот), чьи манеры, когда он того желал, были очень привлекательны, — вспоминал Марбо, — особо старался прослыть благовоспитанным человеком в глазах этих иностранцев»⁷⁰. Если Жан Батист в самом деле этого хотел, он достиг цели. О благородном и любезном французском маршале вскоре «узнала вся Швеция»⁷¹.

Во время так называемой Польской кампании Наполеона (1806—1807) Бернадоту поручено командовать войсками левого фланга Великой армии. Под его непосредственное начало попадают корпуса Нея и Бессьера. Ни разу за свою военную биографию Бернадоту не приходится сталкиваться с таким множеством проблем, как «в этом гнуснейшем месте на свете» (именно так он называет в письме к

Г. Л. Блюхер

королю Жозефу Польшу). Первый «противник», который встречает Великую армию в Польше, — непролазная грязь. «Я так глубоко проваливался в раскисшую землю, — вспоминал французский офицер, участник похода, — что с трудом мог вытащить оттуда ногу. Мои сапоги, наверное, остались бы в ней, не решился я нести их в руках и идти босиком. Таким образом я прошел больше пяти миль по кромке льда, проваливаясь в грязь на каждом шагу»⁷².

Полунищая страна не может обеспечить продовольствием явившиеся на ее земли

многочисленные армии. В своих письмах Бернадот все чаще отмечает этот пугающий факт. Нельзя заставить сражаться солдат, которые не ели больше суток. Как и другие корпусные командиры, князь Понте-Корво уговаривает, упрощает властелина приостановить военные действия, расположив армию на зимние квартиры. Наполеону нечего на это возразить, и Великая армия в самом деле становится на зимние квартиры.

Командующий русской армией генерал Л. Л. Беннигсен, однако, совсем не собирается следовать примеру своего противника. Внезапно появившись под Пултуском (25 декабря 1806 г.), русские войска наносят тяжелые потери 5-му корпусу маршала Ланна. Вскоре следует внезапное нападение русских на базу 1-го корпуса в Остероде. В конце января 1807 г. близ Морунгена казаки захватывают большую часть обоза корпуса Бернадота.

Наполеон решает «проучить» Беннигсена. Надо заманить русских в ловушку, окружить и уничтожить упрямого противника. В плане императора роль «наживки» выпадает Нею и Бернадоту. Ней должен отступить в южном направлении, а Бернадот отойти к Торну. Затем Мюрат с тремя дивизиями пехоты и тремя бригадами легкой кавалерии должен атаковать левый фланг русской армии. Тогда же в контрнаступление перейдет и Бернадот. Весь этот отлично продуманный план срывается в силу случайного стечения обстоятельств: «Аванпостные казаки авангарда берут в плен французского офицера, посланного курьером от маршала Бертье к Бернадоту...»⁷³. Замысел императора становится известен в русском штабе. Командующий авангардом армии Беннигсена князь Петр Багратион, чуть было не попавший в расставленный французами капкан, отдает приказ о немедленном отступлении для соединения с главными силами. «Однако, предвидя неминуемость генерального сражения, он, в намерении обессилить неприятельскую армию целым корпусом войск, не забыл и о Бернадоте; он приказал Юрковскому* атаковать его аванпосты, сбить их и преследовать целый день, дабы через то уверить его, что намерение наше теснить его всеми силами не изменилось и продолжится... Предприятие это увенчалось желаемым ус-

пехом. Бернадот, не получив повеления Наполеона, перехваченного казаками, остался в неведении о направлении главных сил французов... К тому же он полагал, что натиск Юрковского поддерживается всем авангардом, а авангард следовал за всей нашей армией и продолжал отступление к Торну, что отсрочило прибытие его на эйлавское* поле сражения несколькими сутками»⁷⁴.

8 февраля 1807 г. на заснеженном поле близ Прейсиш-Эйлау происходит одно из кровопролитнейших и ожесточеннейших сражений наполеоновской эры. Русская армия Беннигсена сражается с Великой армией, которой командует сам император. Битва заканчивается поздно вечером, не принеся ни одной из сторон долгожданной победы. То, что и Наполеон, и Беннигсен объявляют Эйлау своей «победой», яснее, чем что бы то ни было, доказывает: в этой битве победителей не было. Так как покрытое снежным саваном поле Эйлау остается за французами, формально победителями могут считаться они. «Потери в обеих армиях, — вспоминал француз — участник сражения, — были громадны, и, являясь победителями, мы претерпели такой же жестокий урон, как и побежденные»⁷⁵. Императору срочно нужно найти «козла отпущения». Нечего и говорить, что эта роль идеально подходит для Бернадота. Если бы 1-й корпус был при Эйлау, заявляет император буквально на следующий день после сражения, я бы выиграл битву... Мнение Наполеона разделяют личные враги князя Понте-Корво — Бертье и Даву. Злопыхатели не могут упустить случай, чтобы не обвинить Бернадота в очередном «предательстве». Темпераментному и самолюбивому Жану Батисту непереносимо слышать злобные перешептывания у себя за спиной. Он должен, нет, просто обязан доказать всем лживость выдвинутых против него императором и подхваченных недоброжелателями обвинений.

В начале июня 1807 г. Бернадот не упускает ни малейшей возможности отличиться. 4 июня 1-й корпус успешно сражается с русскими войсками близ Шпандена. На следующий день в небольшой стычке Жан Батист был ранен пулей в шею и сдал командование своим корпусом генералу Виктору.

Сражение при Фридланде (14 июня 1807 г.), решившее исход кампании, происходит без Бернадота. На этот раз, впрочем, он отсутствует на поле битвы по вполне уважительной причине... Ровно через месяц Наполеон назначает князя Понте-Корво губернатором ганзейских городов (Гамбурга, Бремена и Любека). Кроме того, вскоре после заключения в Тильзите мира и союза с императором Александром I повелитель Европы жалует Бернадоту обширные владения на территории Польши, Ганновера, Вестфальского королевства. Эти дары вовсе не бескорыстны. Жан Батист должен «отрабатывать» щедрые пожалования императора французов. Ему предстоит вовлечь Северную Германию в Континентальную блокаду*, изгнать британскую торговлю из ганзейских портов, предотвратить превращение Дании в опорный пункт англичан на Скандинавском полуострове, подготовить вероятное вторжение Великой армии в Швецию. В течение целого года Бернадот занимается решением всех этих проблем, подчас очень своеобразно интерпретируя распоряжения властелина*.

Подобно тому, как, будучи проконсулом Наполеона в Ганновере и Ансбахе, Бернадот не слишком стремился выполнять все драконовские распоряжения, приходившие из Парижа, он и на своем новом посту не намерен играть роль бездумного исполнителя. Отдавая себе отчет в том, что ганзейские города не могут жить без торговли, Жан Батист смотрит сквозь пальцы на торговлю ганзейцев с англичанами в соседнем Гольштейне. Это — прямой вызов императору, ибо его, Наполеона, Континентальная система — удавка на шее у Англии — может быть эффективна лишь при полном недопущении британских товаров в Европу. Князь Понте-Корво ведет рискованную игру. Для «властелина мира» вопрос о блокаде Великобритании столь важен, что за уклонение от нее даже родной брат императора Людовик, «назначенный» королем Голландии, теряет свой трон, а его королевство становится частью «Великой империи».

Наполеон не выказывает Бернадоту своего отношения по поводу его генерал-губернаторства в Ганзе. Однако есть косвенные свидетельства, доказывающие, что Жан Батист,

как и прежде, не пользуется доверием повелителя. Когда король Жозеф, получивший в 1808 г. из рук Наполеона «должность» короля Испании, пытается добиться для Бернадота придворного чина вице-адмирала Франции, император на все просьбы старшего брата отвечает отказом. Отправляясь на Пиренейский полуостров, чтобы привести к повиновению новых подданных короля Жозефа, Наполеон поручает командование французскими войсками в Германии не Бернадоту, а его злейшему антагонисту, маршалу Даву. В подчинении князя Понте-Корво всего около 12 тыс. человек, в то время как Рейнская армия, находящаяся в распоряжении «железного маршала»*, насчитывает 90 тыс. солдат. Старая вражда между Бернадотом и Даву расцветает пышным цветом. Герцог Ауэрштедтский* не упускает случая, чтобы написать донос на подозрительные, с точки зрения интересов империи, действия в Ганзе князя Понте-Корво. Бернадот, в свою очередь, докучает властелину бесконечными жалобами на то, что Даву перехватывает и распечатывает его корреспонденцию...

Сложность положения Бернадота усугубляется тем, что в ближайшем окружении императора постоянно пребывает его недруг с более чем десятилетним стажем, его светлость князь Невшательский, маршал Луи-Александр Бертье. Вечный начальник штаба Наполеона использует малейшую оплошность принца Понте-Корво, чтобы выставить его перед повелителем в самом неприглядном виде. Степень раздражения Жана Батиста постоянными происками его противников такова, что в начале 1809 г. он ни много ни мало просит у императора позволения уйти со своих постов, сохранив половинное жалованье⁷⁵. Наполеон отказывает Бернадоту в его просьбе.

Тем временем в Европе сгущаются тучи, предвещающая новую войну. В этих обстоятельствах почти незамеченным для европейского общественного мнения остается государственный переворот, совершившийся в марте 1809 г. на периферии континента, в Швеции. Вместо свергнутого армией с престола короля Густава IV Адольфа на шведский трон вступает его дядя — весьма немолодой и бездетный герцог Седерманландский...

В кампании 1809 г., начавшейся в середине апреля нападением Австрии на территорию союзной Франции Баварии, Бернадот командует так называемой Саксонской армией (или 9-м корпусом Великой армии). Новую большую войну с Австрией для Бернадота предваряет новая «малая» война с Даву. Дело в том, что, когда князь Понте-Корво прибывает в Дрезден, где находятся войска его корпуса, выясняется, что инструкции, посланные ему из Парижа, каким-то образом оказались в штабе Даву... Придя в страшное негодование, Бернадот в очередной раз просится в отставку или по крайней мере в какую-либо отдаленную миссию, где он будет недосыгаем для происков своих врагов. Война в разгаре. Императору некогда «разбираться» с князем Понте-Корво и герцогом Ауэрштедтским, и все просьбы Бернадота об отставке, о миссии остаются без последствий. Лишь 6 июня 1809 г., когда после занятия Вены Великой армией в военных действиях наступает временное затишье, Наполеон приглашает Жана Батиста к себе в Шенбрунн*. Постоянно встречаясь и беседуя с властелином, князь Понте-Корво находится там в течение пяти дней. Император старательно изображает радушного хозяина, безропотно выслушивая длинные монологи гасконца.

В начале июля 1809 г. война вступает в решающий этап. Австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла и Великая армия готовятся к генеральному сражению. Бернадот, вновь проявляя «строптивость», хочет отказаться от командования Саксонской армией. Причин для этого несколько. Во-первых, князь Понте-Корво не знает немецкого языка, во-вторых, полки 9-го корпуса сплошь и рядом состоят из необученных конскриптов и, наконец, что, очевидно, самое главное — саксонцы, по мнению Жана Батиста, отнюдь не горят желанием сражаться под французскими знаменами. О какой-либо смене командующего целым армейским корпусом в самый канун сражения, призванного решить исход войны, разумеется, не может быть и речи. Чтобы как-то успокоить неумного Понте-Корво, Наполеон обещает дать ему в качестве резерва французскую дивизию генерала Дюпа.

5 июля корпуса Даву и Удино безуспешно атакуют австрийцев. Столь же безуспешно атакует противника и 9-й корпус Бернадота. Правда, в действиях трех корпусов Великой армии есть и определенные различия. В то время, как Даву и Удино, пусть и не добившись успеха, медленно отходят на исходные позиции, саксонцы Бернадота стремительно откатываются назад в величайшем беспорядке. Отход 9-го корпуса напоминает скорее бегство с поля боя проигравшей сражение армии. Жан Батист пытается изменить ситуацию, бросив в бой резерв, но оказывается, что, по распоряжению Бертье, обещанная ему Наполеоном дивизия Дюпа передана корпусу Удино...

Явившись поздно вечером в штаб, Бернадот с гневом обрушился на Бертье, лишившего его резерва в самый ответственный момент боя; попутно «досталось» и императору за его стремление решить исход сражения, бросая во фронтальную атаку на врага огромные, неповоротливые колонны. По словам Жана Батиста, будь он на месте императора, он сумел бы с помощью «искусного маневра» заставить эрцгерцога Карла сложить оружие...

В ночь с 5 на 6 июля Бернадот, полагая, что на следующее утро эрцгерцог Карл попытается вклиниться между его 9-м корпусом и 4-м корпусом Массена, распорядился об отходе, чтобы, сократив разрыв с Массена, уплотнить свою линию обороны. Как и предполагал Бернадот, Карл совершил именно этот маневр, проведя атаку силами двух корпусов на стыке 9-го и 4-го корпусов Великой армии. Шквальный огонь австрийских орудий и мощная кавалерийская атака, последовавшая за ним, расстроили ряды 9-го корпуса. Несмотря на все усилия Бернадота и его штаба, саксонцы дрогнули и начали отступать. С обнаженной шпагой, верхом на коне, Бернадот пытался остановить паническое бегство своих солдат. Как раз в этот момент к его саксонцам прибыл Наполеон. «Так это тот самый искусный маневр, посредством которого вы собирались заставить эрцгерцога сложить оружие?», — «поинтересовался» он у князя Понте-Корво⁷⁶. Никогда: ни прежде, ни потом — Бернадоту не пришлось пережить большего унижения. Перекрестный огонь французских орудий остано-

вил австрийскую атаку. Остановились и понесшие тяжелые потери саксонцы 9-го корпуса. Мощная атака корпуса Макдональда в центре и успешное наступление корпуса Даву на правом фланге решили исход битвы при Ваграме 6 июля 1809 г. в пользу французов. Плата за победу 6 июля была непомерно высока. Каждый пятый солдат Великой армии был либо убит, либо ранен во время сражения. 9-й корпус потерял треть своего состава.

В официальном императорском бюллетене о сражении 6 июля корпус Бернадота не был даже упомянут, как если бы не участвовал в нем вовсе. Раздосадованный этой несправедливостью и, видимо, не забывший язвительных слов повелителя на поле битвы при Ваграме, князь Понте-Корво совершает один из тех поступков, которые доказывают, что в его жилах течет кровь уроженца юга. Он, князь Империи, маршал Франции, командующий Саксонской армией, издает свой собственный приказ по корпусу. Приказ помечен 7 июля 1809 г. Место его написания — Леопольдау — штаб-квартира 9-го корпуса. В приказе Бернадота говорилось об отваге, проявленной саксонцами в первый день битвы, когда им удалось вклиниться в расположение австрийских войск, и о мужестве солдат 9-го корпуса во второй день сражения. «Посреди опустошений, производимых вражеской артиллерией, — гласил приказ, — ваши... колонны оставались столь же непоколебимы, как если бы они были отлиты из бронзы. Великий Наполеон был свидетелем вашей преданности; он занес вас в число своих храбрецов»⁷⁷. По словам маршала Мармона, в данном случае Бернадот поступил как «мужественный человек». «Он дерзко приписал выигрыш сражения, — замечает Мармон, — своим саксонцам, позорно бежавшим с поля боя. Император был раздражен и оскорблен»⁷⁸. Почти в тех же словах о реакции Наполеона на леопольдауский приказ князя Понте-Корво сообщает в своих воспоминаниях маршал Макдональд. «Император, очень сильно разгневанный на Бернадота, — пишет он, — издал приказ, в котором выразил свою досаду и... заявил, что похвалы, данные им... саксонцам, в равной мере принадлежат и моим войскам; этот

приказ, — подчеркивает Макдональд, — предназначался лишь маршалам»⁷⁹.

В этом примечательном документе Наполеон утверждал, что «только ему одному принадлежит право определять степень славы, которую каждый заслужил. Его Величество обязан успеху своего оружия французским войскам, а не иностранцам... Маршалу Макдональду и его войскам принадлежит успех, который князь Понте-Корво приписал себе»⁸⁰. Таким образом, «имидж» Бернадота, созданный Наполеоном и его окружением, пополнился еще одной чертой: Жан Батист приобрел «славу» похитителя лавров, ему не принадлежащих. Нечего говорить, что при таких обстоятельствах князю Понте-Корво следовало покинуть армию как можно скорее. Через несколько дней Бернадот получил разрешение императора выехать во Францию, «по причинам, связанным с его здоровьем». 25 июля 1809 г. он был уже там. Через три дня после его приезда вблизи Булони была замечена английская эскадра примерно из 50 военных кораблей и более чем 100 транспортных судов, взявшая курс на север. Целью ее назначения был Антверпен. Десантная операция англичан, при условии грамотного ее проведения, представляла собой известную опасность для Наполеона. На заседании Государственного Совета 29 июля по предложению морского министра Империи Декре командующим так называемой Антверпенской армией был назначен князь Понте-Корво⁸¹. Жан Батист не стал отказываться от неожиданного назначения и уже 3 августа явился в военное министерство, чтобы обсудить необходимые меры обороны голландского побережья с главой военного ведомства генералом Кларком. Вскоре из штаб-квартиры императора в Австрии было получено подтверждение о назначении маршала Бернадота на его новую должность.

Как-то особо отличиться в качестве командующего Антверпенской армией Жану Батисту, впрочем, не довелось. Англичане организовали экспедицию из рук вон плохо. В итоге дело ограничилось не имевшей особого смысла демонстрацией военной мощи британского флота близ острова Вальхерн. Экспедиция лорда Чатама потерпела полнейшее фиаско за считанные недели. Потеряв более 4 тыс. солдат

и матросов, британский флот возвратился в Англию. Это произошло в конце сентября 1809 г.

Во время своего двухмесячного командования Антверпенской армией Бернадот, пожалуй, совершил лишь два поступка, которые не понравились властелину. Во-первых, 31 августа князь Понте-Корво издал прокламацию, обращенную к жителям 15 северо-французских (в том числе и бельгийских) департаментов. В прокламации, под текстом которой не отказался бы подписаться сам Дантон*, Бернадот призывал всех граждан к оружию для отражения нависшей над родиной опасности. Слишком очевидное сходство прокламации его светлости князя Понте-Корво с якобинскими прокламациями образца 1793 г., клеймящими тиранов, разумеется, вызвало гнев человека, для перечисления всех титулов которого уже требовалось несколько строк. Во-вторых, императору сообщили о том, что Бернадот передал текст своего леопольдауского приказа в дрезденские и парижские газеты. Этим последним своим поступком Жан Батист как будто в очередной раз пытался доказать, что был прав (а император соответственно ошибался), высоко оценив заслуги 9-го корпуса в битве при Ваграме.

Терпению повелителя Европы приходит конец. Новым командующим армией Севера (так именуется теперь Антверпенская армия) назначен маршал Бессьер, а Бернадот вызван к императору в Вену. Грядущая встреча не предвещает Жану Батисту ничего хорошего. Властелин разгневан и в таком расположении духа способен на весьма жесткие решения. 9 октября он принимает князя Понте-Корво в Шенбрунне. Их встреча скорее напоминает сражение, причем император — «атакующая сторона». Наполеон упрекает Бернадота за его леопольдауский приказ, за «пламенную» прокламацию 31 августа, которую вправе издать только он, император французов, за то, что, будучи князем Империи, Жан Батист якшается в Париже со всякими политическими интриганами... Бернадот молча выслушивает бесконечный поток обвинений и упреков, срывающийся с уст Наполеона. Он совсем не пытается оправдываться, не пробует возражать. Тактика избрана верно. «Смирение» Жана Батиста лишает императора возможности продолжить свою

обвинительную речь. «Какие чувства испытывает французский народ ко мне?», — внезапно спрашивает он Бернадота. «Чувство восхищения, которое внушают ваши изумительные победы», — без запинки отвечает князь Понте-Корво. Наполеон смягчается. Подойдя вплотную к Бернадоту, он дотрагивается до его лба. «Что за голова!» — восклицает император и слышит в ответ: «Государь, кроме того, вы могли бы сказать, какое сердце! Какая душа!»⁸² Как ни странно, Наполеон без раздражения воспринимает эту чисто гасконскую браваду.

Жан Батист не покидает Шенбрунн вплоть до 21 октября 1809 г. Перед его отъездом во Францию император предлагает ему принять пост генерал-губернатора Рима. Бернадот отклоняет «лестное» назначение, объясняя это состоянием своего здоровья... Иные из его биографов уверяют, что этот

Наследный шведский принц Бернадот

отказ был продиктован... честолюбием Жана Батиста, воспринявшего миссию в Рим как своего рода почетное изгнание⁸³. Реальные факты биографии Бернадота не дают повода для подобных выводов. Человек, участвовавший (пусть даже и с перерывами) в бесконечных войнах, начиная с 1792 г., в конце концов мог уйти от активной деятельности. К тому же у него была семья, жена, ребенок. Его сыну, крестнику императора, нареченному звучным и экзотическим именем Оскар, шел десятый год...

Как бы то ни было, ему недолго пришлось оставаться без дела. 28 мая 1810 г. в Швеции произошло событие, круто изменившее всю дальнейшую жизнь Бернадота: умер принц Христиан Август Шлезвиг-Гольштейнский — двоюродный брат короля Карла XIII и наследник шведского престола. Довольно сильная в Стокгольме франкофильская партия, возглавляемая бароном Отто Мернером (братом того самого полковника Мернера, который попал в плен к Бернадоту в Любеке в 1806 г.), предприняла шаги с тем, чтобы кандидатом на пост престолонаследника стал князь Понте-Корво. Отто Мернер побывал в Париже и, встретившись с Бернадотом (25 июня), уверил последнего в том, что франкофильская партия в Швеции желает, чтобы именно он, князь Понте-Корво и маршал Франции, был избран кронпринцем Шведским. Неофициальное предложение барона Мернера вскоре получило официальное подтверждение. Прибывший на свадьбу Наполеона и Марии Луизы специальный посланник шведского короля генерал Вреде, повидавшись с князем Понте-Корво, обсудил с ним вопрос о кандидатуре на пост преемника Карла XIII. Бернадот сообщил о предложениях шведов Наполеону. Его реакция на случившееся была более чем своеобразной. Узнав о том, что шведы занялись поисками кандидата в кронпринцы, Наполеон предложил своему пасынку Евгению Богарне «баллотироваться» на этот пост... После недолгого колебания принц Евгений отказался от предложения императора. Тогда к делу «подключился» весьма недолголюбивавший Бернадота министр полиции Империи Савари, предложивший сразу три кандидатуры в шведские престолонаследники: маршалов Бертье, Даву или Массена на выбор...

Весь июль и большая часть августа 1810 г. были заполнены интригами вокруг предполагаемой кандидатуры в наследники Карла XIII⁸⁴. Наконец 21 августа 1810 г. сейм риксдага, собравшийся на заседание в городке Эребру, в 100 милях к юго-западу от Стокгольма, вынес свой вердикт, единогласно проголосовав за кандидатуру Бернадота. Известие о решении шведского риксдага достигло Парижа 3 сентября. Наполеону ничего не оставалось, как сделать вид, что он доволен результатами сейма в Эребру. Император даже высказался в том смысле, что расценивает избрание Бернадота в качестве кронпринца Шведского как «свою» победу, способствующую «распространению его славы». За всеми этими высокопарными фразами, однако, проглядывала обеспокоенность: как поведет себя этот вечный фрондер и оппозиционер, превратившись в его королевское высочество Карла Юхана? Далекая от идиллии история взаимоотношений Наполеона и Бернадота не могла не внушать серьезных опасений императору французов.

Перед отъездом Бернадота в его новое отечество Наполеон встречался с ним несколько раз (11, 23 и 24 сентября). Отпуская князя Понте-Корво в Швецию, он желал получить гарантию дальнейшего лояльного поведения наследника Карла XIII в отношении его самого и Франции. В специальной грамоте, изготовленной по этому случаю, был пункт, согласно которому кронпринц Шведский обязался не вступать в антифранцузские союзы и не воевать против Франции. Бернадот с негодованием отверг грамоту, содержащую такой пункт. Будущий шведский король не должен связывать себе руки, становясь вассалом Франции. «Государь, — заявил он, — разве вы хотите сделать меня более великим человеком, нежели вы сами, требуя от меня того, чтобы я отверг корону?». — «Ну что же, идите, и пусть с нами случится то, что случится», — ответил император.

В октябре 1810 г. Бернадот выехал в Швецию. 19 октября в присутствии архиепископа Упсальского Жан Батист, отринув католицизм, принял лютеранскую веру. На следующий день он вступил на шведскую землю. Вскоре состоялась встреча наследника шведского престола с тем, кто этот престол пока занимал. Карл XIII был очарован фран-

Бернадот в 1810 году

цузской галантностью кронпринца. «Мой дорогой генерал, — сказал он своему адъютанту, когда встреча подошла к концу, — я безрассудно рисковал, но, полагаю, что выиграл»⁸⁵. Принявший новое имя Карла Юхана, Бернадот был представлен четырьмя сословиям шведского риксдага через неделю после его приезда в Стокгольм. Он успешно избегает опрометчивых поступков. Роль наследника, судя по всему, ему удастся. Русский посол в Швеции генерал Чернышев не без удивления сообщает царю: «В нем (Бернадоте. — А. Е.) нет ничего от парвеню...».

Правда, для Бернадота пребывание на его новом посту не обходится без трудностей. Он не знает языка своих новых подданных и предпринимает «героические» усилия, чтобы освоить его как можно скорее. В первые недели 1811 г. кронпринц «выкраивает» час в день для занятий шведским языком. Однако его попытка публично прочесть речь на языке Густава Адольфа и Карла XII с треском проваливается. К весне 1811 г. Бернадот «изучает» язык уже только по 15 минут в день, а летом и вовсе прекращает заниматься этим бесперспективным делом.

Впрочем, у Бернадота, кронпринца Карла Юхана, находятся занятия куда более важные и неотложные, чем преодоление сложностей шведской грамматики. Грозный сосед Швеции император Александр I относится с большой подозрительностью к бывшему наполеоновскому маршалу. С другой стороны, император Наполеон, всемогущий повелитель Европы, пытается диктовать Швеции свои условия, заставляя ее присоединиться к губительной для шведской торговли континентальной системе. Во многих европейских странах, Англии например, не сомневаются в том, что шведский кронпринц — ставленник императора французов. Наполеон навязчиво демонстрирует свою благосклонность бывшему маршалу. Осенью 1810 г. брат Бернадота удостоивается звания барона. Бернадот в свою очередь изо всех сил старается «дистанцироваться» от бывшего повелителя. «Я отказываюсь быть либо префектом, либо офицером таможенной стражи у Наполеона», — заявляет он сразу же по прибытии в Швецию. Но заявления и декларации — одно дело, другое дело — реальная политика. На этом попроще

Бернадоту сопутствует успех. Уже в конце 1810 г. начинается его сближение с императором Александром I, завершившееся личной встречей кронпринца Шведского и российского самодержца в августе 1812 г. в г. Або — «столице» Великого княжества Финляндского.

Россия заключила с Швецией союзный договор, согласно которому последняя должна была выступить против Наполеона в рядах антифранцузской коалиции. Уже после разгрома Великой армии в России и восстания вассальной Европы против французского владычества Бернадот выполняет данное им союзническое обязательство. Союзники поручают ему командовать так называемой Северной армией. 18 мая 1813 г. шведский контингент во главе с Бернадотом высаживается в Штральзунде. Позже, когда бывшему маршалу Франции придется по-настоящему воевать с соотечественниками, своими боевыми соратниками, он будет испытывать угрызения совести, пытаясь свалить вину на Наполеона. «Моя позиция весьма щекотлива, — говорил он своему адъютанту Клуэ после разгрома Нея под Денневицем (6 сентября 1813), — для меня омерзительно сражаться

с французами, Наполеон один ответственен за это отвратительное положение»⁸⁶. Превратившийся в Карла Юхана Жан Батист, конечно, лукавил. Участие в войне с Наполеоном — его собственный выбор, продиктованный личными и весьма небескорыстными побуждениями. Кое-кто из историков считает, что Бернадот вступил в антифранцузскую лигу, намереваясь получить за свое участие в ней Норвегию, принадлежавшую союзнику Наполеона Фредерику VI Датскому. Иные исследователи полагают, что кронпринц Шведский вынашивал куда более честолюби-

М. Ней

вые планы, рассчитывая с помощью императора Александра I «воссесть» на освободившийся после падения Наполеона французский престол. Однако, каковы бы ни были планы Бернадота, одно можно сказать наверняка: своим поведением в кампании он, как минимум, вызывает негодование европейских монархов и, одновременно, совсем не приобретает симпатий потенциальных подданных. За все время кампании 1813 г. армия Бернадота лишь трижды принимает участие в боевых действиях, сражаясь с наполеоновскими маршалами при Гросбеерне, Денневице и с самим императором при Лейпциге. Чтобы побудить Бернадота действовать энергичнее, союзные монархи проявляют «бездну изобретательности». После победы Бернадота над Неем под Денневицем каждый из них, надеясь «вызвать большую стремительность в наступлении» Северной армии, направил кронпринцу Шведскому высшие воинские награды своих стран: Александр I — Георгиевский крест, Франц II — орден Марии Терезии и Фридрих-Вильгельм III — Железный крест. Проявивший особую находчивость российский император отправил с орденом в штаб-квартиру Бернадота своего адъютанта — французского эмигранта графа де Рошешуара. Адъютант царя был положительно очарован Бернадотом, проникшись уважением к «его характеру открытому, прямодушному и общительному». Передавая свое первое впечатление от встречи с наследным принцем Шведским, Рошешуар пишет: «Он (Бернадот) принял меня очень любезно, выразил свое живейшее удовольствие, благодарил русского императора за выбор его бывшего соотечественника для передачи ему высшего знака благоволения. Слова, полные обаятельности, выбор выражений произвели на меня сильное впечатление; остроумная речь Бернадота звучала резким гасконским акцентом... Бернадоту... было в то время сорок девять лет. Он был высокого роста, стройный; орлиное лицо очень напоминало великого Конде*; густые черные волосы очень шли к матовому цвету лица уроженцев Беарна, его родины. Его посадка на лошади была очень величественной, может быть, немного театральной; но храбрость, хладнокровие во время битв самых кровопролитных заставляли забывать этот маленький недостаток. Трудно

себе представить человека с более пленительной манерой обхождения... если бы я состоял при нем, — завершает свой рассказ о первой встрече с Бернадотом Рошешуар, — я был бы искренно ему предан»⁸⁷. Однако, когда, разговаривая с Бернадотом, граф де Рошешуар «деликатно» намекает собеседнику о возможности новых доказательств уважения императора Александра к кронпринцу Шведскому, «по одержании вашим высочеством последней победы над общим врагом, не дав ему времени опомниться», он слышит в ответ: «Ах, мой друг, подумайте сами, в моем положении нужна величайшая осторожность, оно так трудно, так щекотливо; кроме вполне понятного нежелания проливать французскую кровь, мне необходимо поддержать свою славу, я не должен ею злоупотреблять: моя судьба зависит от битвы, если я ее проиграю, то никто во всей Европе не одолжит мне ни одного эку по моей просьбе»⁸⁸. «Наша беседа, — вспоминал Рошешуар о своем разговоре с Бернадотом, — продолжалась три часа: каждый раз, когда я начинал настаивать, принц уклонялся очень искусно».

Армия Севера превращается в настоящий «летучий голландец», постоянно выпадая из поля зрения как Наполеона, так и самих союзников. Только во время знаменитой «битвы народов» под Лейпцигом (16—19 октября 1813 г.) союзным монархам удастся побудить кронпринца принять участие в боевых действиях. Рошешуар, видевший Бернадота во время сражения, в следующих словах передает сохранившееся об этом воспоминание: «Принц шведский принял нас (великого князя Константина и Рошешуара) верхом на белом коне, одетый в шубу из лилового бархата, отделанную золотыми петлицами, с шляпой на голове, украшенной белыми перьями и громадным развевающимся султаном шведских цветов, с жезлом в руках, обтянутым лиловым бархатом, с золотой короной на обоих концах. Он был великолепен среди грохота пушек, среди убитых и раненых, воодушевляя своим присутствием роту английских артиллеристов-фейерверкеров, метавших конгревские ракеты»⁸⁹. Однако, если шведы и продемонстрировали при Лейпциге дисциплину и хороший порядок, то этим их роль в «битве народов» по существу ограничилась. После Лейп-

Император Александр I

цигского сражения армия Бернадота двинулась на север, чтобы помочь англичанам освободить Ганновер, одновременно блокируя засевшего со своим корпусом в Гамбурге маршала Даву.

Как и прежде, Бернадот действует с удручающей союзных монархов нерасторопностью. Император Александр I, направляя в штаб-квартиру кронпринца своего адъютанта, напутствует его словами: «Вразумите этого несносного человека; он подвигается с досадной медленностью, между тем как смелое наступление имело такие прекрасные последствия»⁹⁰. Все уговоры и увещевания — бесполезны. С октября 1813-го до середины февраля 1814 г. Бернадот вообще не участвует в военных действиях, удобно расположившись со своим штабом в Ганновере. В то время, как союзные армии, вступив на французскую землю, яростно сражаются с Наполеоном, Бернадот с основными силами своей армии нападает на Данию, заставив ее капитулировать в считанные дни. Согласно заключенному 14 января 1814 г. в Киле мирному договору, поверженная Дания «уступает» Швеции Норвегию. Почти месяц спустя Бернадот появляется в Кельне, а еще примерно через два месяца союзники, занявшие Париж, заставляют Наполеона отречься от престола (6 апреля 1814 г.). «Бесхозная» корона Франции неудержимо манит к себе его королевское высочество, кронпринца Шведского. Проявив неожиданное для всех проворство, Карл Юхан является во французскую столицу. «Во время пребывания Бернадота в Париже, — вспоминал экс-секретарь императора Бурьенн, — я виделся с ним каждый день. Он скрывал от меня свои слабые надежды на престол Франции... Несмотря на то... я убедился, что он имеет виды наследовать Наполеону...». Французское общество, по крайней мере парижане, воспринимают притязания Бернадота с нескрываемой враждебностью. «Под окнами дома (в котором остановился кронпринц Шведский), — свидетельствует современник, — были слышны крики: «Прочь, изменник! Прочь, вероломный!». Но волнение сие не имело никаких последствий и кончилось одним оскорблением, следствием ничтожного мщения»⁹¹.

Император Александр I — «Агамемнон Европы», обосновавшийся в Париже во дворце Талейрана* на ул. Сен-Флорантен, интересуется мнением хозяина дома относительно перспектив установления во Франции конституционной монархии во главе с Бернадотом. «Бернадот, — не задумываясь отвечает принц Беневентский, — не может быть ничем иным, как только новой фазой революции, — и с презрением добавляет: — К чему же выбирать солдата, когда вы только что низвергли величайшего из всех солдат?»⁹². Действительно, к чему?

Вместо честолюбивого гасконца престол Франции занимает легитимная династия Бурбонов в лице короля Людовика XVIII.

Меньше чем через год Наполеон, покинув остров Эльба, высаживается на юге Франции, в бухте Жуан. Начинается феерия «Ста дней». Через двадцать дней Бурбоны вынуждены бежать из Франции, укрывшись в бельгийском Генте. Империя восстановлена. Наполеон — в Париже. Узнав о событиях во Франции, Бернадот высказывает твер-

Талейран

дую уверенность: дело Бурбонов проиграно навсегда. Людям в своем ближайшем окружении он говорит в эти дни буквально следующее: «Наполеон — величайший полководец всех времен, самый великий человек из всех когда-либо живших на земле людей, человек более великий, чем Ганнибал, чем Цезарь и даже чем Моисей»⁹³. Бернадот отказывается вступить в новую коалицию европейских держав, цель которой — низложение узурпатора⁹⁴.

Бернадот — король Швеции Карл XIV Юхан в кругу семьи

Кровавая эпопея Ватерлоо, вторичное отречение Наполеона, второе «пришествие» Бурбонов во Францию, все это происходит без какого-либо участия кронпринца Шведского. Дальнейшая биография Бернадота уже никак не связана ни с Наполеоном, ни с его бывшей родиной. Вступив на шведский престол после смерти своего предшественника (18 февраля 1818 г.), он принял имя Карла XIV Юхана, процарствовал вплоть до 8 марта 1844 г. и дожив до своего 81-го дня рождения. Старый король оставил по себе в Швеции добрую память. Страна ни с кем не воевала в течение четверти века, ее экономика была на подъеме. Успешно развивалась торговля Швеции, росла ее промышленность, повсеместно сооружались каналы, открывались шахты. Известный прогресс наблюдался в сельскохозяйственном производстве, кораблестроении, постоянно улучшалось положение дел в финансовой сфере⁹⁵.

Бернадот на смертном одре

Вспоминал ли бывший генерал французской революции и наполеоновский маршал прошлое? Наверное, да. Когда за три года до его смерти* Бернадоту сообщили, что 2 декабря 1840 г. в Париже будут погребены останки Наполеона, привезенные с острова Св. Елены, он воскликнул: «Скажите им, что я тот, кто был когда-то маршалом Франции, теперь всего лишь король Швеции»⁹⁶.

Памятник Бернадоту в Христиании

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Barton Sir Dunbar Plunket The Amazing Career of Bernadotte. 1763—1844. Boston, N. Y., 1930.

² Palmer A. Bernadotte. Napoleon's Marshal, Sweden's King. Lnd., 1990. P. 4.

³ Ibidem.

⁴ Barton Sir Dunbar Plunket. Op. cit. P. 4.

⁵ Scott S. F. The Response of the royal army to the French Revolution. The Role and Development of the Line Army 1787—1793. Oxford Univ. Press, 1978. P. 19—20.

⁶ См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1973. С. 69.

⁷ Barton Sir Dunbar Plunket. Op. cit. P.11.

⁸ Palmer A. Op. cit. P. 10.

⁹ Dunn-Pattison R. P. Napoleon's Marshals. Lnd., 1909. P. 72.

¹⁰ Palmer A. Op. cit. P. 17.

¹¹ Barton Sir Dunbar Plunket. Op. cit. P. 15.

¹² Fouché J. Mémoires de Joseph Fouché, duc d'Otrante, ministre de la police générale. Paris, 1824. Т. 1. P. 98.

¹³ Palmer A. Op. cit. P. 30.

¹⁴ Barton Sir Dunbar Plunket. Op. cit. P. 18.

¹⁵ Palmer A. Op. cit. P. 24.

¹⁶ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его, собраны Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 62.

¹⁷ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 73.

¹⁸ Palmer A. Op. cit. P. 26.

- ¹⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 73.
- ²⁰ **Palmer A.** Op. cit. P. 28.
- ²¹ Ibid. P. 29.
- ²² Ibid. P. 35.
- ²³ **Barton Sir Dunbar Plunket.** Op. cit. P. 43—44.
- ²⁴ Ibid. P. 45.
- ²⁵ **Lavalette A-M de.** Mémoires et souvenirs du Comte Lavalette. P., 1831. Т. 1. P. 200.
- ²⁶ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 75.
- ²⁷ **Palmer A.** Op. cit. P. 49.
- ²⁸ Ibid. P. 55.
- ²⁹ **Batron Sir Dunbar Plunket.** Op. cit. P. 65.
- ³⁰ Ibid. P. 71.
- ³¹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 75.
- ³² **Palmer A.** Op. cit. P. 62.
- ³³ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 76.
- ³⁴ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 873, л. 5—6.
- ³⁵ **Пристер Е.** Краткая история Австрии. М., 1952. С. 314.
- ³⁶ АВПРИ. ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 873, л. 1—2.
- ³⁷ **Rovigo.** Memoirs of the Duke of Rovigo (M. Savary) written by himself. Lnd., 1828. V. 1. Part 1. P. 25.
- ³⁸ **Palmer A.** Op. cit. P. 78.
- ³⁹ Отчет генерала Бернадота, бывшего военного министра, представленный консулам 1-й Французской Республики 1-го жерминаля 8-го года той же Республики. Варшава, 1903. С. 6.
- ⁴⁰ Там же. С. 7.
- ⁴¹ Там же. С. 18.

- ⁴² Там же. С. 14.
- ⁴³ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 77.
- ⁴⁴ **Thibaudeau A-C.** Mémoires de A-C. Thibaudeau 1799—1815. P., 1913. P. 62.
- ⁴⁵ **Palmer A.** Op. cit. P. 94—95.
- ⁴⁶ Ibid. P. 101.
- ⁴⁷ Ibid. P. 103.
- ⁴⁸ **Бурьенн Л. А.** Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 3. Ч. 5. С. 2—3.
- ⁴⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 78.
- ⁵⁰ **Palmer A.** Op. cit. P. 109.
- ⁵¹ **Бурьенн Л. А.** Указ. соч. С. 5—6.
- ⁵² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 79.
- ⁵³ **Palmer A.** Op. cit. P. 119.
- ⁵⁴ **Young P.** Napoleon's marshals. N. J., 1973. P. 72.
- ⁵⁵ **Манфред А. З.** Указ. соч. С. 444—445.
- ⁵⁶ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 79.
- ⁵⁷ **Palmer A.** Op. cit. P. 124.
- ⁵⁸ Ibidem.
- ⁵⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 80.
- ⁶⁰ **Palmer A.** Op. cit. P. 125.
- ⁶¹ **Глинка Ф. Н.** Письма русского офицера. М., 1990. С. 28.
- ⁶² The Confidential Correspondence of Napoleon Bonaparte with his brother Joseph, sometime king of Spain. Lnd., 1855. V. 1. P. 61.
- ⁶³ **Ермолов А. П.** Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 56.
- ⁶⁴ **Тарле Е. В.** Наполеон. М., 1992. С. 190.
- ⁶⁵ The Confidential Correspondence... V. 1. P. 64.

- ⁶⁶ **Palmer A.** Op. cit. P. 130—131.
- ⁶⁷ **Young P.** Op. cit. P. 72.
- ⁶⁸ **Chandler D. G.** The campaigns of Napoleon. N. Y., 1966. P. 497.
- ⁶⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 81.
- ⁷⁰ **Young P.** Op. cit. P. 73.
- ⁷¹ **Монархи Европы. Судьбы династий.** М., 1996. С. 245.
- ⁷² **Barrés J.-B.** Memoirs of a napoleonic officer. N. Y., 1925. P. 95.
- ⁷³ **Давыдов Д.** Военные записки. М., 1940. С. 87.
- ⁷⁴ Там же. С. 88.
- ⁷⁵ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 82.
- ⁷⁶ **Young P.** Op. cit. P. 74; **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 82.
- ⁷⁷ **Palmer A.** Op. cit. P. 152.
- ⁷⁸ **Marmont.** Mémoires du Duc de Raguse de 1792 à 1832. P., 1857. Т. 3. P. 256.
- ⁷⁹ **Macdonald.** Souvenirs du Maréchal Macdonald, duc de Tarante. P., 1892. P. 165.
- ⁸⁰ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 83.
- ⁸¹ **Barton Sir Dunbar Plunket.** Bernadotte and Napoleon. 1763—1810. Lnd., Dublin, 1921. P. 232.
- ⁸² **Palmer A.** Op. cit. P. 154.
- ⁸³ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 83.
- ⁸⁴ См. об этом подробно: **Вандаль А.** Наполеон и Александр I. СПб., 1911. Т. 2. Гл. XII. Избрание Бернадота. С. 455—503.
- ⁸⁵ **Palmer A.** Op. cit. P. 175.
- ⁸⁶ **Perrin É.** Le Maréchal Ney. P., 1993. P. 227.
- ⁸⁷ **Рошешуар Л.-В.-Л. де.** Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация и Империя). М., 1915. С. 225.
- ⁸⁸ Там же. С. 227.

- ⁸⁹ Там же. С. 236—237.
- ⁹⁰ Там же. С. 243.
- ⁹¹ **Бурьенн Л. А.** Указ. Соч. Т. 5. Ч. 10. С. 132—133.
- ⁹² **Palmer A.** Op. cit. P. 212.
- ⁹³ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 89.
- ⁹⁴ **Lacroix D.** Les Maréchaux de Napoléon. P., s. a. P. 118.
- ⁹⁵ **Монархи Европы...** С. 248—249; **Lacroix D.** Op. cit.
- ⁹⁶ **Dunn-Pattison R. P.** Op cit. P. 92.

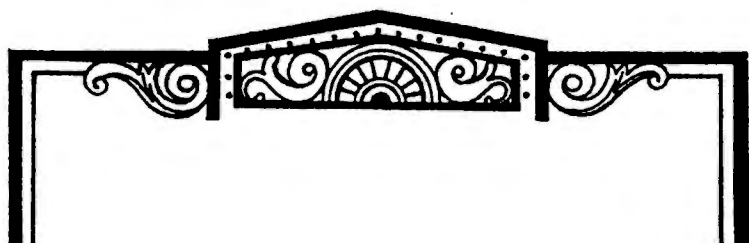
Глава 2

МАРШАЛ МАССЕНА

«Массена был выдающимся человеком и вследствие странной особенности своего темперамента обретал равновесие характера лишь в пылу сражения...»

Наполеон о Массена

Из всех французских военачальников, чей талант раскрылся еще в годы революционных войн, имена лишь трех обыкновенно ставятся рядом с именем Наполеона: Гоша, Моро и Массена. «Любимое дитя победы» — так почти восторженно называл Массена сам Наполеон. В этом смысле даже среди прочих ярчайших военных индивидуальностей, окружавших великого корсиканца, Андре Массена выделялся как звезда первой величины.

Будущий герцог Риволи, князь Эслингский и маршал Франции, родился 6 мая 1758 г. в Ницце¹. В то время Ницца входила в состав Сардинского королевства; таким образом, по своей национальности Массена был итальянцем, а выражаясь более точно, пьемонтцем. Родовым гнездом семейства Массена была деревушка Левен, находившаяся в каких-то 15 милях от Ниццы². Предки Массена были потомственными землевладельцами и фермерами. Семейный бизнес, по-видимому, процветал, иначе чем объяснить тот факт, что родословная Массена известна с 1475 г.³ Это было бы совсем невозможно, если бы род Массена не принадлежал к числу зажиточных, уважаемых, а потому и заметных в своей округе семей. «Изменив» сельскому хозяйству, отец Массена Джулио-Сезар стал торговцем и мелким предпринимателем. Он занимался производством и сбытом мыла и изделий из кожи. В 1754 г. Джулио-Сезар женился на дочери инженера из Тулона, француженке мадемуазель Маргерит Фабр. Вскоре молодожены перебрались в Ниццу. Там у супружеской четы один вслед за другим родились пятеро детей: три дочери и два сына. Родившийся 6 мая 1758 г. мальчик получил имя Андре. Третий ребенок в семье, Андре рано повзрослел. Его отец умер, когда ему исполни-

лось всего шесть лет. Вдова Джулио-Сезара вскоре утешилась в новом браке, выйдя замуж за купца из Ниццы, г-на Феранди. В жизнь сеньоры Феранди ее дети от первого брака, судя по всему, «не вписывались». Дабы не обременять себя докучными хлопотами в отношении детей, супруги Феранди отправили их в Левен, к бабушке. Через несколько лет брат Джулио-Сезара Агостино забрал племянника Андре к себе. Причиной этого, впрочем, были не столько родственные чувства, сколько желание заполучить дарового работника. Как и его покойный брат, Агостино был владельцем мыловарни и мелким торговцем. В его мыловарне в Ницце Андре прошел свои «первые университеты». Порывистая и страстная натура Андре, однако, скоро восстала против однообразной, монотонной, не сулящей ничего нового и интересного работы. Рутинному и полусонному существованию он предпочел трудную, опасную, но исполненную романтики и приключений жизнь моряка. Едва достигнув 13 лет, он бежал из дома, поступив в качестве юнги на одно торговое судно. Почти пять лет его жизнь связана с морем. Корабль с юным Массена на борту бороздит воды Средиземного моря и просторы Атлантики. Как в калейдоскопе, перед взором Андре мелькают новые города и страны. То, к примеру, экзотическая Гвиана, а то — знаменитая своей мрачноватой славой Кайенна — атлантическая тюрьма для французских политзаключенных... Впрочем, со временем все приедается, даже романтика...

18 августа 1775 г. Массена, которому пошел семнадцатый год, записывается добровольцем в Régiment Royal-Italien (королевский Итальянский полк), входивший в состав французской армии. Выбор Андре не случаен. В этом полку служит его другой дядя — Марсель, за много лет «выбившийся» в унтер-офицеры, что для простолюдина, в общем, довольно неплохой результат. По мнению одного из биографов Массена, именно благодаря советам и заботам своего дяди Андре быстро достиг успеха в освоении военного ремесла⁴. По словам другого биографа знаменитого маршала, Андре Массена чувствовал себя на солдатской службе как «рыба в воде», и это, несомненно, объясняет ту легкость, с которой он преодолел первые ступени служеб-

ной лестницы. Не исключено, что именно предрасположенность Массена к службе в армии в гораздо большей степени, чем протекция дяди, способствовала его стремительной, особенно по меркам «старого порядка», военной карьере. Уже 1 сентября 1776 года, то есть спустя чуть больше года после начала службы в полку, Массена получил чин капрала. Впоследствии, вспоминая то время, он не без грусти уверял, что ничто так не волновало и ничто так не радовало его в жизни, как получение первого воинского звания — звания капрала⁵. За первым званием последовало второе. Менее чем через год (в апреле 1777 г.) Массена стал сержантом. «Стать сержантом в 19 лет... в армии старого порядка, — замечает историк, — ...доказательство не только грамотности, но и большого ума, прилежания и способностей»⁶. С присвоением следующего чина, квартирмейстера, Массена, правда, пришлось обождать. Андре получил его лишь пять лет спустя (13 февраля 1783). И, наконец, 4 сентября 1784 г., в возрасте 26 лет, Андре Массена обрел долгожданный унтер-офицерский чин. Первые восемь лет службы, проведенные в рядах Royal-Italien, ничем вроде бы не примечательные, лишены сколько-нибудь ярких происшествий годы, на самом деле — превосходная военная школа для Массена. В этой школе он и учитель и ученик одновременно. Полковое начальство скоро замечает отличного служаку. Ему оказывают доверие, поручив обучать солдат строевой подготовке и тактике. Сам Андре постигает все тонкости военной службы столь основательно, что полковник даже ставит его в пример своим офицерам: «Ваше невежество по части строевого обучения, — язвительно отчитывает он их, — прямо-таки позорно; ваши подчиненные, к примеру, Массена, куда лучше могут осуществить маневр, командуя батальоном, чем любой из вас»⁷. Обидный щелчок по самолюбию офицерам стерпеть тем труднее, что им, людям благородного происхождения, потомственным дворянам, рекомендуют равняться на плебея. Это по меньшей мере возмутительно!

Однако, как бы хорошо к Массена ни относился полковник, как бы он его ни отличал, недворянское происхождение Андре преграждало ему путь к продвижению по служ-

бе. К тому же, если высшее начальство и благоволило к ревностно исполняющему свой долг унтеру, то начальство поменьше, так сказать среднего звена, не скрывало от него своего весьма прохладного отношения. В сложившейся обстановке Массена ничего не оставалось, как подать в отставку. Это произошло 3 августа 1789 г.⁸ Решение, которое принял Андре, вряд ли было спонтанным. Возможно, кроме всего прочего, в дело вмешалась любовь. Через неделю после отставки Массена женился на мадемуазель Мари-Розали Ламар, 24-летней дочери хирурга из Антиба, где квартировал его полк⁹. Биографы Массена по-разному описывают это событие. Одни утверждают, что тесть Андре, господин Жозеф Ламар, находился в столь стесненном материальном положении, что не дал за дочью ни гроша¹⁰; другие столь же уверенно сообщают о том, что дочь хирурга располагала «значительным приданым»¹¹. Если правы те, кто уверяет, что мадемуазель Ламар была богатой невестой, то вполне можно предположить следующее: отставник Массена польстился на состояние будущей супруги, и этот брак был не чем иным, как браком по расчету. Однако, если Мари-Розали была бесприданницей, здесь имела место настоящая любовь, не замутненная материальными расчетами и «видами» на будущее...

М. Марбо

Как бы то ни было, доподлинно известно, что молодая пара осталась жить в Антибе, открыв бакалейную лавку на первом этаже дома г-на Жозефа Ламара, приторговывая продажей оливкового масла и сухофруктов. Большинство биографов Массена, вслед за сильно недолголюбившим его бароном Марбо, упоминают о том, что он якобы «приумножал» свое состояние, занимаясь контрабандой вместе со своим двоюродным братом Бавастро¹². По словам одного из них, именно это обстоятельство немало помогло впоследствии Массена, когда тому пришлось воевать в Приморских Альпах¹³. Знание козьих троп контрабандистов оказалось для него поистине неоценимо в условиях горной войны с превосходящим по численности противником.

Между тем революция, начавшаяся во Франции еще в 1789 г., хоть и с опозданием, достигла антибского захолустья. По примеру Парижа и здесь формируются отряды национальной гвардии. В 1791 г. Массена добивается своего назначения *capitaine-instructeur* (капитаном-инструктором) национальной гвардии Антиба. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1791 г., он поступает добровольцем во 2-й батальон волонтеров, получив звание *adjudant-major* (адьюдана)*, с которым, казалось бы, навсегда распрощался двумя годами раньше. Среди охваченных революционным энтузиазмом волонтеров людей, имеющих основательную военную подготовку, не слишком много. Один из этих немногих — Андре Массена. Его отличают глубокое знание военного дела, внушающая уважение манера себя вести, безграничная уверенность в себе, выразительная и образная речь. Этот маленький, темноволосый, невзрачный человек, которого если что и выделяет из общей массы, так это его невероятная худоба, обладает удивительной способностью внушать другим веру в победу. «Массена, — писала о нем современница, — один из самых достопамятных людей нашей Революции... Строптивый характером, он... не годился для света... он сделался славен между храбрыми... Это был человек довольно скрытный, корыстолюбивый от природы и алчный в победе... Простой по наружности, он был очень горд, и в существе имел для этого много поводов. Но гордость его надобно было угадать под наружнос-

тью мнимого деревенского простодушия и презрения к почестям... Прибавьте к этому наружный вид, который никогда не был приятен, и страсть его к женщинам, доведенную в старости почти до сумасшествия...»¹⁴. Однако тогда, в 1791 г., Андре думает об утехах любви меньше всего. Франция напоминает встревоженный улей. Кипящей революционными страстями стране угрожают многочисленные враги. Пробудившиеся от трехлетней летаргии европейские монархи, намерены помочь своему «брату» — христианнейшему королю Франции и Наварры Людовику XVI «вразумить» забывших своей долг подданных... Но все попытки спасти «старый порядок» во Франции рассыпаются как карточный домик. Страна меняется на глазах, а вместе со страной меняется и армия. Теперь лучшая гарантия скорого продвижения по ступеням военной иерархии — не длинная вереница титулованных предков, а искренняя вера в идеалы революции и собственные таланты, если они, конечно, не плод буйного воображения. Что касается талантов Массена, его способностей военачальника, то они не вызывают сомнений. Если же вести речь об идеалах, то в этом случае ответ будет не столь ясен. Дело в том, что, будучи «практиком», да к тому же человеком совершенно необразованным, Массена избегал пускаться в теоретические дискуссии, а потому о его суждениях по поводу революции, республики, монархии нельзя сказать ничего определенного.

Так или иначе, волонтеры доверяют солдату с почти 15-летним стажем. 1 февраля 1792 г. они избирают его подполковником. Больше года (с весны 1792-го по лето 1793 г.) он сражается, командуя батальоном, с австро-сардинскими войсками в Приморских Альпах своего родного Пьемонта. В это время «военные достоинства Массена постоянно привлекали внимание его командиров. Ему давали все более и более ответственные задания... и 22 августа 1793 г. произвели в бригадные генералы»¹⁵.

Уже в этом качестве на исходе 1793 г. Массена принимает участие в осаде и штурме захваченного еще летом англичанами Тулона — важнейшего города-порта на юге Франции. Он появляется под стенами Тулона 14 декабря, а через два дня, после яростной канонады, республиканские

войска штурмуют его форты. Во время этого штурма колонну, атаковавшую форт л'Артиг, ведет в бой генерал Массена. Он же командует солдатами, штурмующими и другой форт, Сент-Катрин. Где-то совсем неподалеку и, что любопытно, под его, Массена, началом, сражается еще никому тогда не известный капитан артиллерии, со странной, не французской фамилией Буонапарте. Впоследствии, описывая осаду и взятие Тулона, Наполеон припомнит, казалось бы, все мало-мальски значимые детали этого события. Особенно охотно он расскажет о своем личном участии в штурме мятежного города: «Под начальником артиллерии (т. е. самим Наполеоном. — А. Е.) была убита лошадь выстрелом с батареи Малого Гибралтара*. Накануне атаки он был сброшен на землю и расшибся. Утром он получил от английского канонира легкую колотую рану в икру»¹⁶. Однако при всей «дотошности» описания событий 17—18 декабря 1793 г. Наполеон ни разу и ни в каком контексте даже не упомянул о Массена. Отметив этот по-своему замечательный факт, Джеймс Маршал-Корнвол пишет: «Вероятно, не будет ошибкой предположить, что между этими двумя блистательными воинами уже существовало нечто похожее на профессиональную зависть»¹⁷. Правда, если кто тогда и испытывал чувство зависти, то это был, разумеется, не Массена. 20 декабря 1793 г. за участие в штурме Тулона Андре Массена было присвоено звание дивизионного генерала. Через день комиссары Конвента О. Робеспьер и К. Саличетти своей властью присвоили маленькому артиллерийскому капитану Буонапарте воинское звание бригадного генерала. В республиканских войсках

Андре Массена

это звание предшествовало званию дивизионного генерала...

В январе 1794 г. генерал Дюмербион, командующий Итальянской армией Республики, поручил Массена руководить военными операциями против австро-сардинских войск на своем левом фланге. Во время развернувшихся в Альпах боев с союзниками (в апреле—мае 1794 г.) молодой бригадный генерал Бонапарт* сражается под командованием Массена в качестве начальника артиллерии¹⁸. Отношения, которые складываются между ними, нельзя назвать дружескими. Впрочем, и неприязненными их также не назовешь. Впоследствии, вспоминая об операциях Итальянской армии в 1792—1795 гг., Наполеон не раз называл имя Массена, причем с какой-то отстраненностью, очень характерной для него, когда речь не шла о «начальнике артиллерии», как он сам предпочитал себя именовать, говоря о дебюте своей военной карьеры.

При чтении «Очерка операций Итальянской армии в 1792—1795 гг.»¹⁹ складывается впечатление, что Наполеон не только не подчинялся напрямую Массена, но даже был в сравнении с ним фигурой по меньшей мере равнозначной... Конечно, это не так. Более опытный и старший по званию Массена, безусловно, имел ряд преимуществ перед Бонапартом, проявившим себя пока что один-единственный раз — во время взятия Тулона в 1793 г. Поэтому неудивительно, что в течение двух лет (1794 и 1795 гг.) именно Массена, а не Наполеон был тем человеком, к чьим советам прислушивались сменившие друг друга на посту командующего Итальянской армией Дюмербион, Келлерман и Шерер²⁰. Всем трем командующим одинаково недоставало такого первостепенного и необходимейшего на их посту качества, как решительность и способность в нужный момент пойти на риск. Зато этими чертами в полной мере обладал «темноволосый, тощий, немногословный человек»²¹ со сверкающим взглядом черных глаз — дивизионный генерал Андре Массена. В довольно часто цитируемом отрывке воспоминаний Наполеона, где он дает характеристику Массена, об этих особенностях его личности сказано следующее: «Он (Массена) был решителен, храбр, неустра-

шим, честолюбив и властолюбив; отличительной чертой его было упрямство, и потому он никогда не падал духом»²².

Правда, ничто, даже упрямство, в иных случаях не в силах заставить отступить болезнь. За неделю до нового, 1795 года Массена серьезно заболел. Он был вынужден без промедления уйти в отпуск. Получив увольнительную, Андре заехал в Ниццу, а оттуда отправился к жене, в Антиб. К этому времени он уже дважды успел стать отцом. В июне 1793 года Мари-Розали родила ему сына — Жака-Проспера, а в следующем году у Массена появилась дочь — Виктуар-Фекль.

Однако сидеть дома, когда совсем рядом гремят выстрелы, льется кровь, за считанные дни создаются и исчезают имена и состояния, не для Андре. «Его великий воинственный инстинкт, — писал о Массена известный историк, — имел что-то общее с господствующим инстинктом некоторых животных. Что делать охотничьей собаке без охоты? Массена нуждался в опасности...»²³. Лишь только ему стало немного лучше, как в апреле 1795 г. он вернулся в строй. По возвращении в армию он командует 1-й дивизией, при-

А. Массена

нимающей участие в боях с противником на ее крайнем правом фланге. Тем временем французское правительство, недовольное нерешительностью 60-летнего Дюмербиона, присылает ему на смену (19 мая 1795 г.) тоже 60-летнего героя Вальми Франсуа-Этьенна Келлермана. Лавры победителя герцога Брауншвейгского к этому времени заметно увяли. По словам Наполеона, «у Келлермана напрочь отсутствовали качества, необходимые для главнокомандующего»²⁴. «Келлерман был доблестный солдат, чрезвычайно энергичный, имел много ценных качеств, но был совершенно лишен способностей, необходимых для главнокомандующего. Во время этой войны (в Приморских Альпах. — *А. Е.*) он делал только ошибки»²⁵. Последовавшие вскоре на Итальянском фронте события полностью подтвердили справедливость этой оценки. В конце июня 1795 г. Итальянская армия Республики потерпела в Альпах ряд неудач. Не обошли они стороной и дивизию Массена. 25 июня

Генерал Келлерман

1795 г. она была отброшена австрийцами от Мелоньо. Предпринятая день спустя попытка вернуть стратегически важный Мелоньский редут также не принесла успеха французам²⁶. Директория убедилась, что командование Итальянской армией не под силу Келлерману. В сентябре 1795 г. новым главнокомандующим Итальянской армией был назначен генерал Шерер, прежде командовавший армией Восточных Пиренеев. Выбор правительства и на этот раз оставлял желать лучшего. Решительные действия были явно не по душе «методичному» и боязливому Шереру. Всякое предложение об активных, наступательных действиях воспринималось им как рискованная и безответственная авантюра. Тем не менее по прошествии двух месяцев с момента прибытия в Итальянскую армию ее нового главнокомандующего* ситуация здесь заметным образом изменилась к выгоде для французов. Причиной этого стало сражение при Лоано (21—24 ноября 1795), в ходе которого пьемонтские войска и поддерживавшие их австрийские части потерпели полное поражение. «Армии австрийская и сардинская», — писал об этой победе Наполеон, — понесли очень чувствительные потери. Они оставили большую часть своей артиллерии, склады, обозы и 4000 пленных. Австрийская армия покинула всю генуэзскую Ривьеру и ушла на другую сторону Апеннин»²⁷. Своей победой при Лоано французская армия была прежде всего и больше всего обязана Массена. План прорыва вражеского центра, при одновременном охвате одного из его флангов превосходящими силами, детально разработанный Массена, принес блистательный успех. Он был тем ошутимее, что общие потери французской стороны в сражении составили лишь пятую часть в сравнении с потерями, понесенными австро-сардинскими войсками²⁸. «Генерал Массена, которому была поручена трудная и сложная операция, — доносил Директории Шерер, — осуществил ее с искусством и четкостью, которые принесли ему общее признание»²⁹. Лоано — важнейшее событие в военной карьере Андре Массена, его первая крупная победа, подтвердившая репутацию будущего маршала Франции как одного из выдающихся полководцев, рожденных великой Революцией.

После отставки Шерера (в марте 1796 г.) перед Директорией вновь остро встал вопрос о главнокомандующем Итальянской армией. В самой армии на этот счет были свои соображения. Почти никто не испытывал сомнений в том, что пост командующего займет Массена. Когда же стало ясно, что командующим будет генерал Бонапарт — «генерал вандемьер»*, как ехидно именовали его армейские ветераны, это вызвало почти всеобщее негодование среди высшего офицерского корпуса Итальянской армии. Причиной тому был, конечно, не маленький рост нового главнокомандующего — 5 футов, 2 дюйма и 4 линии*; для сравнения: Массена, который годился на этот пост, был лишь двумя дюймами выше Бонапарта. Бонапарта невзлюбили за то, что он был «человеком со стороны», назначенцем, которому покровительствует директор Баррас, и т. д., и т. п. Несомненно, что и сам «обиженный» Массена разделял подобные чувства в отношении «военного из прихожей», интригами оттершего его, победителя при Лоано, от законно принадлежащего ему поста. Генерал Тьебо, впервые увидевший Массена в 1796 г. (и, добавим, бывший его адъютантом во время Итальянской кампании 1796/97 гг. — *А. Е.*), оставил его красочный портрет: «Массена не получил ни воспитания, ни даже начального образования, но на всем его облике лежала печать энергии и проницательности; у него был орлиный взгляд, и в самой манере держать голову высоко поднятой и чуть повернутой влево чувствовалось внушительное достоинство и вызывающая смелость. Его повелительные жесты, его пыл, его предельно сжатая речь, доказывавшая ясность мыслей... все обличало в нем человека, созданного, чтобы приказывать и распоряжаться...»³⁰. С мнением Тьебо в общем совпадает мнение другого французского генерала — участника революционных и наполеоновских войн барона Дедема. По его словам, Массена как никто другой знал, что такое повиноваться, и в то же самое время умел повелевать. «Никогда, — пишет Дедем, — не существовало командира, более сурового, чем он, по части поддержания дисциплины, более справедливого и больше заботящегося о солдате, о его обучении и его нуждах...»³¹.

Вернемся, однако, к событиям весны 1796 г. на Итальянском фронте. Новый командующий армией, генерал Бонапарт, прибыл в ее штаб-квартиру в Ниццу уже 26 марта и на следующий же день вызвал к себе командующих дивизиями генералов Массена, Серюрье, Лагарпа и Ожеро. «К этому их обязывает его звание и должность, хотя легенда и приукрасила их первую встречу»³². Суть легенды, о которой упоминает Жан Тюлар, состоит в том, что Бонапарт уже во время своего первого свидания с подчиненными ему генералами сумел дать им понять, «кто в доме хозяин». В описании Ипполита Тэна эта сценка выглядит так: «Несколько дивизионных генералов... являются на главную квартиру, весьма недружелюбно настроенные по адресу маленького выскочки, присланного к ним из Парижа... Их вводят, и Бонапарт заставляет их довольно долго прождать себя. Наконец он является, надевает шпагу, шляпу, объявляет им о своих намерениях, отдает приказания и отпускает. Ожеро не проронил ни слова; опомнился он только на улице и, спохватив-

Генерал Тьебо

шись, принялся за свою обычную ругань; однако он не мог не сознаться, так же как и Массена, что «этот невзрачный генералишка нагнал-таки на него страху; он и понять не может, откуда взялось то превосходство, которым он почувствовал себя раздавленным с первого взгляда»³³.

Происходила ли эта встреча действительно так или это — плод фантазии мемуаристов, растиражированный рядом историков³⁴, теперь уже нельзя определить со сколько-нибудь большой долей достоверности. Но это, в сущности, не так уж и важно. «Кампания 1796 года... переменяла ход военной карьеры Массена... и из главного советчика командующего армии он превратился в его правую руку и преданного исполнителя его приказов»³⁵. Впрочем, человек с 14-летним воинским стажем еще до Революции, умел повиноваться, и подчиненное положение, в которое он попал с 1796 г., по-видимому, не слишком его тяготило. К тому же он много чего получил взамен. Бонапарт открыл перед своими боевыми соратниками, в их числе и перед Массена, широкое поприще славы. Воюя под его началом, талантливые честолюбцы, даже будучи простыми исполнителями приказаний свыше, добивались новых чинов, почестей, званий, богатства и известности. За редким исключением, все люди, знавшие Массена не понаслышке, отмечали две преобладающие черты его характера: неукротимое честолюбие и неумную страсть к деньгам. «Массена любил очень две вещи, — писал Бурьенн, — славу и деньги; что касается до так называемых почестей, то он заботился только о тех, которые происходят от командования армией...»³⁶. Бонапарт, с самого начала «раскусивший» Массена, в изобилии дал ему и первое и второе.

Кампания 1796—1797 гг., первый Итальянский поход Бонапарта, ознаменовавшийся длинной вереницей громких побед над австро-сардинскими войсками, для Массена началась с происшествия, чуть было не перечеркнувшего его дальнейшую военную карьеру. Нанеся поражение австрийскому авангарду близ Кайро, Массена отправился отпраздновать победу на постоянный двор, находившийся неподалеку. Эта «идея» посетила командующего первой дивизией, когда он узнал, что поспешно отступавшие ав-

стрийцы оставили ему в качестве трофея богато сервированный стол. Покинув своих солдат на отбитой у неприятеля позиции, Массена вместе с несколькими офицерами штаба отправился на импровизированный банкет. Веселье было в полном разгаре, когда запыхавшийся вестовой сообщил генералу, что австрийцы внезапно контратаковали его дивизию. Массена, пробравшись через линию австрийских аванпостов, сумел появиться в расположении 1-й дивизии в критический момент и исправить положение, реорганизовав свои силы и остановив неприятеля. Однако один из батальонов, занимавший позицию на отроге высокого холма, оказался отрезанным от основных сил дивизии Массена и, по всей видимости, был обречен на гибель. Не долго думая, Массена сам, без провожатых, добрался до расположения этого батальона и, вскарабкавшись по крутому склону, показал солдатам, как им надо действовать, чтобы в целостности и сохранности спуститься к подножию холма.

Битва при Риволи

Следуя за своим генералом, весь батальон, не потеряв ни единого солдата, осуществил этот рискованный маневр под самым носом не ожидавших ничего подобного австрийцев³⁷.

Во всех последовавших военных операциях Итальянской армии: стремительных маршах, стычках, сражениях, осаде крепостей — дивизия Массена принимает самое деятельное и непосредственное участие. На боевом счету у Массена битвы при Монтенотте (12 апреля 1796), Дего (14—15 апреля), взятие Кераско (25 апреля), битва при Лоди (10 мая), взятие Вероны (3 июня), битва при Лоано (3 августа), битва при Кастильоне (5 августа), взятие Пескиеры (6 августа), ряд мелких стычек и боев в сентябре—октябре 1796 г., знаменитое сражение при Арколе (15—17 ноября) и обессмертившая имя Массена трехдневная битва при Риволи (13—15 января 1797 г.). Появление на риволийском плато дивизии Массена, ее отважные действия, неукротимый наступательный порыв решили исход битвы в пользу французов³⁸. «Благодаря своевременному вмешательству Массена вся французская армия смогла перейти в контрнаступление, — пишет Д. Маршал-Корнвол, — и овладеть позициями и орудиями, потерянными дивизией Жубера». Сражение было выиграно. Именно тогда Наполеон назвал Массена — «l'Enfant chéri de la Victoire» («Любимое дитя победы»). Неудивительно поэтому, что, когда Наполеон станет императором французов, а Массена — маршалом Франции, повелитель пожалует ему титул герцога Риволи. Но это случится еще очень не скоро...

Тогда же, в 1796—1797 гг., отношения между главнокомандующим, генералом Бонапартом, и дивизионным генералом Массена складывались отнюдь не просто. Бонапарт ценит проникательность, активность и упорство Массена. Однако по своим человеческим качествам, а главное, по преданности к своей особе он скорее отличает неутомимого начальника штаба армии генерала Бертье или неразлучного с ним со времен Тулона Жюно, за неукротимый нрав прозванного «бурей», нежели шуплого и молчаливого уроженца Ниццы. Правда, в своих частных, не предназначенных для публики письмах, главнокомандующий воздаст Массена должное. Так, в письме к своей супруге Жозефи-

не от 23 мессидора IV года (11 июля 1796 г.) он, к примеру, сообщает ей следующее: «Выехав с трудом из Ровербеллы, я узнал, что неприятель показался в Вероне. Массеновы диспозиции были весьма удачны. Мы взяли 600 пленных и три пушки...»³⁹. Официальные бумаги за подписью главнокомандующего также содержат лестные для Массена строки. В приказе Бонапарта о дальнейшем наступлении армии после победы при Риволи была такая фраза: «Главнокомандующий желает, чтобы отважная дивизия и ее талантливый генерал (т. е. Массена. — А. Е.) внесли свой вклад в те успехи, которые нам еще предстоит обрести»⁴⁰.

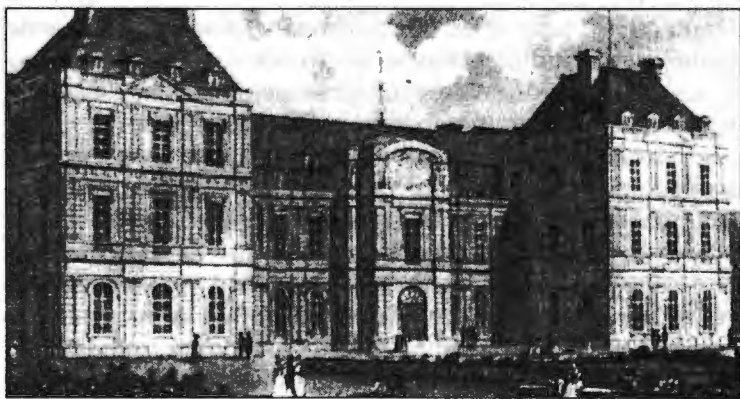
За все время Итальянской кампании 1796—1797 гг. Бонапарт не раз выказывает знаки внимания командиру 1-й дивизии. По его распоряжению вскоре после битвы при Кастильоне майор Мармон отвозит в штаб-квартиру Массена почетную саблю...

Несмотря на все это, отношения между главнокомандующим и одним из самых одаренных его генералов продолжают оставаться весьма прохладными. Объясняя причину этой отчужденности, Мишле видит ее в том, что Бонапарт «считал его (Массена) первым между всеми, имел слабость завидовать ему»⁴¹. Не будем комментировать это утверждение историка, известного своим гиперкритическим отношением к Наполеону, но обратимся к конкретным фактам. Они таковы. Будучи человеком крайне самолюбивым и амбициозным, Андре Массена часто обижался на главнокомандующего, считая, что тот недооценивает его вклад в ту или иную победу. Как-то раз в письме к Бонапарту* он даже отважился рассуждать по поводу одного донесения командующего в Париж: «Я сожалею о докладах по поводу Лонато и Ровередо, — писал Массена, — в которых вы не воздали мне справедливость, вполне мною заслуженную. Эта забывчивость разрывает мне сердце и приводит в смятение мою душу. Я принужден напомнить вам то, что победа при Сен-Жорже была одержана благодаря моим распоряжениям, моей энергии, моему хладнокровию и моей предусмотрительности»⁴². Эта «простота героя» (выражение Мишле) сильно не понравилась Бонапарту. Не ответив прямо на упреки Массена, Наполеон, однако, сделал это опо-

средованно. Вскоре после того, как ему вручили письмо из штаба 1-й дивизии, Бонапарт приказал Бертье вынести Массена выговор за то, что он произвел шестерых офицеров в командиры бригад и двенадцать человек в батальонные командиры без согласования этого вопроса с вышестоящим начальством⁴³. Таким образом, очевидно, что главной причиной «недоразумений» между главнокомандующим и командиром 1-й дивизии было то, что Наполеон не смог (а может быть, не захотел) оценить Массена по достоинству, чем и вызвал бурную реакцию последнего, еще больше осложнившую и без того непростые отношения между ними.

Массена, и в этом, очевидно, проявилась гибкость его характера, присущая итальянцам, правда, извлек из инцидента с письмом должный урок. Никогда и ни при каких обстоятельствах он больше не повторит своей ошибки, обращаясь напрямую к Наполеону, укоряя его в «забывчивости» и несправедливости.

В свою очередь, когда после подписания прелиминарных условий мирного договора с Австрией в Леобене (в апреле 1797 г.) Бонапарту понадобилось передать в Париж известия о достигнутых соглашениях, он поручил сделать это Массена⁴⁴. У биографов Массена нет недостатка в ответах на вопрос, почему выбор Бонапарта пал именно на Массе-

Париж. Люксембургский дворец

на, а не на кого-либо другого⁴⁵. Однако, как нам представляется, направляя Массена в Париж, куда до него и после него он посылал Мюрата, Ожеро, Бернадота, Бонапарт вряд ли имел в виду какой-то хитроумный, расчетливый план действий. Массена должен был всего лишь передать леобенские прелиминарии по назначению, и только.

В Париж Массена прибыл вечером 6 мая 1797 г. В тот день ему исполнилось 39 лет, и он впервые очутился в столице. Неизвестно, какие чувства он испытал, оказавшись в «этом городе тщеславия»⁴⁵, по ироническому определению Стендаля, но легко предположить, что его переполняла гордость. Ему, совсем еще недавно никому не известному солдату, было поручено возвестить правительству Республики о победах Итальянской армии, о том, что древний дом Габсбургов, смилив свою гордыню, готов пойти на заключение мира с Францией... Генерала встретили со всей возможной торжественностью. Он был представлен директорам Баррасу, Карно, Ларевальеру-Лепо и 9 мая даже произнес речь на официальном приеме в Люксембургском дворце*. «Граждане директора, — патетически восклицал он, — солдаты Итальянской армии являются ревностнейшими защитниками Республики и Конституции 1795 года... отдайте лишь приказ, граждане директора, и покорители Италии, рука об руку с победоносными воинами Самбро-Маасской и Рейнской армий без промедления отважатся на новые битвы, дабы сокрушить жалкие остатки коалиции и принудить самых упорных неприятелей трепетать при одном упоминании Французской Республики»⁴⁶.

Вряд ли высокопарная декламация Массена произвела сколько-нибудь сильное впечатление на привыкших к подобным официальным проявлениям «патриотических чувств» парижских политиканов. Тем не менее власти Республики не оставляют генерала без награды, вручив ему почетную саблю, изготовленную на версальской оружейной фабрике. За этим отличием следует другое: Массена становится членом Совета старейшин*.

Правление Директории клонится к закату. Внутри правительства нет единства. Законодательный корпус раздирает фракционная борьба. Для человека, обладающего

склонностью и «талантом» к политической интриге, открывается широкое поле деятельности. Однако Массена не интриган и не «политик». Он «отлично видит все тайные козни в столице и не испытывает восторга по поводу своего нового отличия — членства в Совете старейшин, ибо крайне страшится реставрации «исторической монархии»*, в случае которой опасается того, что «наши внушающие уважения раны превратятся в повод, чтобы подвергнуть нас проскрипции»⁴⁷.

В конце июня 1797 г. Массена покидает Париж, едет к семье в Антиб и, пробыв там несколько дней, через Геную и Александрию отправляется в Милан. Как пишет один из его биографов, в течение последующих двух лет каких-либо особых событий в жизни Массена не произошло⁴⁸. Это, впрочем, не совсем верно. Дело в том, что в 1798 г. Директория поручила Массена принять командование французскими войсками, оккупировавшими Рим и его окрестности, сменив генерала Бертье, отправившегося вместе с Бонапартом в Египетскую экспедицию. По прибытии в «Вечный город» Массена сразу же столкнулся с рядом трудностей, доставшихся в наследство от его предшественника. Войска были одеты в какие-то лохмотья, плохо накормлены и не получали жалованья в течение многих месяцев. Фактически, когда Массена явился к месту своего нового назначения, он застал вверенных ему солдат в состоянии мятежа. «Недовольство распространилось столь широко, — пишет по этому поводу его биограф, — что новый командующий немедленно приказал всем солдатам, за исключением примерно трех тысяч, покинуть город»⁴⁹. Однако при всех своих бесспорных военных заслугах Массена совсем не обладал другим, совершенно необходимым в создавшейся ситуации достоинством, — умением в мирной обстановке внушать доверие к своим словам и поступкам. Та страсть к накопительству, которую почти единодушно отмечали у него современники, не способствовала популярности Массена в войсках. Известны случаи, когда он буквально вымогал у своих солдат деньги и трофейные ценности, если узнавал, что таковые у них имеются. Посылать подобного командующего в войска, доведенные до отчаяния воров-

тостью армейских поставщиков, с которыми Массена всегда жил душа в душу, означало играть с огнем. Реакция солдат не заставила себя долго ждать. В протесте, направленном ими Директории, были такие строки: «Последней причиной, переполнившей чашу терпения, является прибытие генерала Массена. Солдаты не забыли о вымогательствах и грабежах, совершаемых повсюду, где он командовал. Венецианская территория и более всего земли Падуи дают множество подтверждений его безнравственности»⁵⁰. Правительство не рискнуло продолжить «эксперимент» с пребыванием Массена в Риме, отозвав генерала во Францию.

В ожидании следующего назначения минуло несколько месяцев. «Назначенный в Рейнскую армию, генерал Массена покинул Париж 21 сентября 1798 года»⁵¹. Однако довольно скоро было решено поставить его во главе так называемой Гельвецкой армии вместо генерала Журдана. Назначение Массена на этот пост состоялось 9 апреля 1799 г.⁵² и имело достаточно любопытную предысторию. В известном смысле с Массена повторилась та же ситуация, которая имела место с Бонапартом в Италии в 1796 г. Тогда, три года назад, оборванная, голодная, маленькая армия Бонапарта тоже мало кем в Париже воспринималась как серьезная военная сила, а рассматривалась скорее как вспомогательный корпус великой Рейнской армии. Точно так же дело обстояло и теперь, в 1799 г. армия Массена, по замыслу Директории должна была стать придатком Рейнской армии генерала Жубера. Сам Массена был категорически против подобного рода решения. После ряда бурных объяснений с «парижскими стратегами» и обмена гневными посланиями командующий Гельвецкой армией добился своего. Войска, находившиеся под его началом, выполняли собственную боевую задачу, защищая союзную Францию Швейцарию (Гельвецкую республику) от австро-русского нашествия.

Директории не пришлось раскаиваться в своей уступчивости. Уже к началу лета после ряда поражений, понесенных французами на Рейне и в Италии, стало ясно: следующий удар союзники нанесут в Швейцарии. В создавшейся ситуации Швейцарские Альпы становились своеобразным

ключом, овладев которым, союзники, практически не сражаясь более на Рейне и в Приморских Альпах, вынуждали французов отступить на всех фронтах. Швейцария же превращалась для них в своеобразный плацдарм, с которого через Франш-Конте они могли совершить вторжение во Францию⁵³. Прекрасно разбиравшийся в специфике горной войны, Массена оставил ряд своих позиций, которые из-за отдаленности друг от друга и невозможности поддерживать с ними связь легко могли превратиться в своеобразные ловушки для разрозненных французских отрядов. Он сосредоточил свои силы близ Цюриха, надежно перекрыв все возможные пути наступления неприятеля. Австрийскому главнокомандующему, эрцгерцогу Карлу, правда, удалось, в немалой степени благодаря значительному численному превосходству имперских войск, заставить Массена 5 июня 1799 г. эвакуировать Цюрих, отступив на укрепленную позицию близ Монт-Альбис. В течение некоторого времени две армии находились друг против друга, не предпринимая сколько-нибудь активных действий. К концу августа 1799 г. положение дел неожиданно изменилось в пользу французов, так как эрцгерцог Карл, получив соот-

А. М. Римский-Корсаков

ветствующие распоряжения гофкригсрата*, снялся со своими войсками с позиций и ушел с ними за Рейн. В итоге 72-тысячной армии Массена остался противостоять под Цюрихом лишь малочисленный (в нем было не более 24 тыс. чел.) русский корпус генерала А. М. Римского-Корсакова⁵⁴. К нему на помощь из Италии спешил Суворов. «Массена почувствовал... что наступил решительный момент и ему больше нельзя терять ни одного дня, так как, если он даст время Суворову прибыть в Цюрих, его положение делается опасным»⁵⁵.

Воспользовавшись ошибками, допущенными Римским-Корсаковым, расположившим свои войска на весьма невыгодной позиции, и проведя ряд искусных маневров, 25 сентября 1799 г. Массена обрушился на русский корпус. Упорство и отвага русских солдат позволили им мужественно противостоять натиску армии Массена в течение 25 сентября и даже удерживать Цюрих на следующий день. Но силы были слишком неравны, и 26-го числа сопротивление русских было сломлено. Французы ворвались в Цюрих*.

А. В. Суворов

Битва при Цюрихе 26 сентября 1799 г.

«Русские были опрокинуты и принуждены спастись, придя в страшное расстройство, — вспоминал французский участник сражения 25—26 сентября, — и, не захватив с собой ни единого орудия, оставили победителям всю свою артиллерию, весь свой багаж, несчетное количество всевозможных повозок и много тысяч пленных»⁵⁶. «С большими потерями (до 50%)* остатки русского корпуса... начали беспорядочный отход и... ушли за р. Рейн в район Шафгаузен»⁵⁷. Шедший на выручку Римского-Корсакова Суворов, в свою очередь, сам был вынужден спасать свой отряд от почти неминуемого разгрома, совершив ставший легендарным марш в Швейцарских Альпах. «Окружить и уничтожить суворовский отряд Массена не удалось! Впоследствии он с завистью говорил, что «отдал бы все за один швейцарский поход Суворова»⁵⁸. Тем не менее значение того, что сделал Массена, командуя французскими войсками в Швейцарии в 1799 г., трудно переоценить. По словам одного из его биографов, не одержи Массена победы под Цюрихом, «возвратившись из Египта, Бонапарт мог бы застать русские, австрийские и британские армии во Франции на

пятнадцать лет раньше, чем это произошло в действительности»⁵⁹. Цюрихская кампания важна еще и потому, что в ходе ее осуществления во всей полноте раскрылся полководческий талант Андре Массена. Умелое использование горных проходов, поддержание надежной связи между отдельными частями армии, грамотный выбор позиции, искусное чередование оборонительных и наступательных операций, способность воспользоваться оплошностью врага, перехватив у него инициативу, — таков далеко не полный перечень того, что продемонстрировал Массена в Швейцарии в 1799 г.⁶⁰

Шесть недель спустя после победы Массена под Цюрихом в результате государственного переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. власть Директории была ниспровергнута и во Франции установился режим Консульства. Правительство Республики возглавил первый консул — Наполеон Бонапарт. «Декоративные» второй и третий консулы (в первом составе Консульства это были: Сийес и Роже-Дюко; во втором: Камбасерес и Лебрен) исполняли чисто представительские функции, не обладая, в отличие от Бонапарта, никакими реальными полномочиями.

Массена воспринял известия о перевороте без энтузиазма. Учитывая его непростые отношения с Бонапартом, это было более чем естественно. Однако вряд ли правы те биографы Массена, которые связывают его реакцию на происшедшие в Париже перемены с его республиканизмом и опасениями за свободу страны. Скорее всего Массена если чего и опасался, так это того, что недолголюбивавший его новый глава государства не даст ему все то, из-за чего только и стоит жить: славы и богатства.

Когда командующий Гельвецкой армией узнал о совершившемся в Париже перевороте, он выразил свое отношение к нему следующим оригинальным способом: если Франция хотела доверить свою независимость и славу одному человеку, — заявил он, — то она не могла выбрать никого лучше Бонапарта⁶¹. «Если Франция хотела доверить...».

В ответ на столь сдержанное проявление лояльности первый консул внезапно предлагает Массена ответственный пост. Если у героя Риволи и Цюриха нет возражений, он

может направиться к месту своего нового назначения. Бонапарт хочет поручить Массена командование Итальянской армией. Массена, разумеется, не прочь возглавить армию, но при этом не забывает поставить условия, при которых он примет назначение. «Я не возглавлю армию, обреченную на оборонительные действия. Моя предыдущая служба и мои успехи не позволяют мне переменить ту роль, которую я... играл в войнах Республики»⁶². «Ультиматум» принят. Первый консул дает Массена неограниченные полномочия по части тех реквизиций, которые новый главнокомандующий в Италии сочтет необходимыми для армейских нужд. На прощание Бонапарт уверяет Массена в том, что Итальянская армия всегда будет предметом его особых забот. Получив просимые гарантии и, пусть неконкретные, но весьма лестные заверения главы государства, Массена отправляется в Италию. В свою штаб-квартиру, находящуюся в Ницце, он прибывает 17 января 1800 г.⁶³ Массена не требуется много времени, чтобы понять: то, что именуется Итальянской армией Республики, не более чем тень настоящей армии. Армейские госпитали переполнены, целые батальоны превратились в неуправляемые банды, офицеры и генералы бессильны восстановить дисциплину и порядок. Недостачи всего и вся превосходят всякое вероятие. «Положение армии таково, — сообщает Массена военному министру, — что если вы в скором времени не пришлете продовольствие, людей, лошадей и деньги, ждите полной гибели Лигурийской* армии»⁶⁴. Массена ничуть не стужает краски. С честолюбивыми намерениями вести наступательную войну против австрийцев приходится сразу же распрощаться раз и навсегда. Попытки Сульта и Сюше — двух лучших генералов армии Массена — сразиться с противником в открытом бою терпят неудачу. Двойное численное превосходство неприятеля, скудость имеющихся припасов, которую усугубляла блокада побережья британским флотом, — все это вынудило Массена отступить в Геную с намерением оборонять этот город до последней крайности. «Сопrotивление, которое Массена оказывал во время осады Генуи, — пишет историк, — напоминают самые замечательные подвиги этого рода, известные в истории. Солдаты

Массена переносили из одного чувства чести и воинской доблести страдания вроде тех, какие защитники Ньюманса, Иерусалима и Ла-Рошели испытывали из-за религиозного фанатизма и страха перед рабством. Мало того, Массена беспрерывно выступал из оборонительного положения в наступательное. С 9 апреля, когда начались военные действия, до первых чисел мая ему удалось лишить австрийскую армию ранеными, убитыми и пленными до 15000 человек, т. е. столько, сколько у него имелось действующего войска»⁶⁵. Самым страшным противником, с которым пришлось иметь дело солдатам Массена, были не австрийцы и даже не восставшее против них местное население, а голод — безжалостный и непобедимый враг. Постоянно уменьшавшийся продовольственный паек осажденных в Генуе французов вскоре не превышал четверти фунта конины и четверти фунта того, что с большой долей условности можно было бы назвать хлебом. Этот блокадный «хлеб» состоял из испорченной муки, опилок, крахмала, пудры, молотого льняного семени, прогорклых орехов, «сдобренных» небольшим количеством какао. Еще больше, чем французы, от бедствий осады страдали жители Генуи. Когда Массена стало известно, что доведенные до отчаяния генуэзцы решили восстать, он издал специальное распоряжение, согласно которому на перекрестках города расставили пушки, а солдатам, заведящим где-либо более пяти собравшихся вместе горожан, было приказано открывать по «мятежникам» огонь⁶⁶.

На все предложения австрийцев капитулировать Массена неизменно отвечал отказом. «Он заставит нас съесть его сапоги, прежде чем сдастся», — в шутку, но со смыслом говорили солдаты осажденной Генуи о своем упрямом командующем. Со временем, кроме австрийской блокады и голода, осажденных стал донимать тиф, косивший людей сотнями. Для того, чтобы не допустить деморализации тех немногих тысяч солдат, которые еще были в состоянии сражаться, Массена запретил устраивать похороны с воинскими почестями. Когда в Геную пришла весть о том, что, преодолев Сен-Бернар и Мон-Сенис, армия Бонапарта ворвалась в Ломбардию, Массена предложил сделать попыт-

ку прорвать блокаду, двинувшись навстречу первому консулу. Однако его голодные и обессилевшие солдаты были неспособны осуществить задуманный Массена дерзкий план. К тому же армия Бонапарта вместо того, чтобы поспешить на юг, на выручку осажденной Генуе, резко повернула на восток, направившись к Милану.

К началу июня 1800 г. все мыслимые и немыслимые средства защиты Генуи были исчерпаны. Массена ничего не оставалось делать, как сдать город противнику, впрочем, выговорив у него почетные условия капитуляции. Французский гарнизон покидал Геную с оружием в руках, взяв на себя обязательство не участвовать в дальнейших сражениях с австрийцами⁶⁷. Принимавший наряду с австрийцами капитуляцию гарнизона Генуи британский адмирал Кейт, пораженный мужеством французов, выдержавших двухмесячную осаду, сказал Массена: «Генерал, вы так героически оборонялись, что мы не можем вам ни в чем отказать»⁶⁸.

Когда 4 июня 1800 г. напоминавшие призраков французские солдаты покидали Геную, перед ними на одной из немногих уцелевших лошадей ехал их командир, дивизионный генерал Андре Массена. Героическая эпопея завершилась.

Через десять дней после капитуляции Генуи у деревушки Маренго, близ Александрии, армия Бонапарта вступила в генеральное сражение с австрийской армией фельдмаршала Меласа. Память о прошлогодних победах, почти двойное численное превосходство, подавляющая мощь артиллерии — все преимущества были на стороне австрийцев. К пяти часам пополудни сражение было проиграно французами. Но внезапно в происходящее вмешался его величество случай. На поле боя неожиданно для австрийцев, уже праздновавших победу, явилась дивизия Дезе, накануне отправленная Бонапартом к Нови. Австрийцев охватила паника. В то время, как Дезе атаковал главную австрийскую колонну, их левый фланг был сметен конницей Келлермана. Армия Меласа была полностью разгромлена.

Знаменитая битва 14 июня 1800 г., как и предшествовавший ей переход армией первого консула неприступных альпийских вершин, увековеченный картиной великого Давида*, поразили воображение современников. На фоне этих

драматических событий, достойных Гомера, как-то поблекли, превратившись в незначительный эпизод войны, те два изнурительных месяца осады, которые выдержали солдаты Массена в блокированной австрийцами Генуе. И все же жертвы, понесенные мужественными защитниками Генуи, были не напрасны. По единодушному мнению историков, может быть, наиболее точно выраженному Данном-Паттисоном, «без осады Генуи не было бы и Маренго»⁶⁹. В течение нескольких недель Массена приковывал к осажденной Генуе значительные силы австрийцев, связывал им руки, заставляя нести неоправданно высокие потери, терять драгоценное время. Все это в конечном счете и вылилось в громкую победу Бонапарта при Маренго 14 июня 1800 г. «Чернорабочими» этого шедевра военного искусства были солдаты армии Массена. Оборона Генуи, наряду с битвой при Риволи и победой под Цюрихом, — важная веха в во-

Брюн

енной биографии Андре Массена. По прошествии времени, уже находясь в изгнании на о. Св. Елены, Наполеон раскритикует действия Массена во время осады Генуи. С недоброжелательной дотошностью он разберет все «просчеты», допущенные Массена, укорив его даже в том, что тот не предпринял наступательных операций, как будто они были возможны с едва державшимися на ногах солдатами...

Тогда же, в 1800 г., Бонапарт не искал ошибок в поведении Массена, блокированного в Генуе. В одном из писем, адресованных первым консулом Массена в осажденную Геную, были такие строки: «В той ситуации, в которой вы находитесь, человек вроде вас стоит двадцати тысяч солдат»⁷⁰.

24 июня 1800 г. по распоряжению победителя при Маренго Массена был назначен главнокомандующим Итальянской и Резервной армиями. Это, несомненно, явилось неким воздаянием Массена за героическую оборону Генуи. Но не прошло и двух месяцев, как первому консулу пришлось пересмотреть принятое им решение. Дело в том, что, обретя пост командующего, Массена без промедления попытался извлечь из него всевозможные материальные выгоды. Грабежи и мародерство, давно уже укоренившиеся во французской армии, приняли повальный характер. Будучи «санкционированы» главнокомандующим, они превратились в хроническую болезнь, неуклонно разрушавшую и без того не слишком здоровый армейский организм. Снятый со своего поста 13 августа 1800 г. Массена был заменен генералом Брюном. То, что эта отставка — «знак» высочайшей немилости со стороны главы государства, неоспоримо. Подтверждение этому — перевод Массена на половинное жалованье сразу же после его отзыва из Италии. Зная о том, как «трепетно» Массена относится к деньгам, первый консул расчетливо и точно бьет его по самому больному месту. Правда, уже 23 сентября 1800 г. Бонапарт назначает Массена пенсию в размере 30 тыс. франков в год, а спустя чуть больше года (6 октября 1801 г.) награждает его почетной саблей⁷¹.

Первый консул зря старается. Массена если и не злопамятен, то в любом случае «не страдает» забывчивостью. Возможно, именно поэтому и летом 1802 г., и весной 1804 г.,

когда речь заходит об учреждении пожизненного Консульства (этот вопрос даже выносится на референдум) и об установлении Империи во Франции, Массена оба раза высказывается решительно против этих нововведений. По словам Бурьенна, Массена «не был приверженцем сделанного при основании Империи изменения в образе правления... он возносился еще воспоминаниями к Республике, потому что Республика напоминала ему самые славные эпохи блестящего его военного поприща»⁷².

Вплоть до 1805 г. Массена находится не у дел. Ведь нельзя же для человека вроде него назвать подходящим занятием участие в дебатах законодательного корпуса, депутатом которого от департамента Сена он является с 28 июля 1803 г.? Как и Сенат, законодательный корпус — вполне ритуальный орган власти, ничего не решающий и ничего не определяющий. Блестящее воплощение наполеоновской идеи насчет того, чем должна отличаться конституция: своей краткостью и неясностью...

Наполеон не теряет надежду со временем «приручить» героя Цюриха и Гenuи. 19 мая 1804 г., когда во Франции восстанавливается воинское звание маршала, Массена получает его наряду с еще 17 генералами. Верный Тьебо спешит поздравить своего шефа с новым высоким отличием и с изумлением слышит в ответ: «О, да, один из восемнадцати!». «Он (Массена) был из числа тех маршалов, — замечает Бурьенн, — которым бы хотелось видеть конец честолюбия Бонапарте, и конечно, он так довольно сделал с самого начала войн Республики, что имел полное право желать покоя — к тому же тогдашнее его здоровье того требовало»⁷³.

Император «пропускает мимо ушей» непочтительные высказывания старого вояки. 2 февраля 1805 г. маршал Массена удостоивается высшей награды, незадолго перед тем учрежденной во Франции, — Большого Орла ордена Почетного Легиона.

С началом войны с Австрией в 1805 г. Наполеон поручает маршалу Массена командовать французскими войсками в Италии. «В Италии Массена был таков, — пишет, вспоминая о том времени, герцогиня д'Абрантес, — как

Маршал Империи Массена. 1804 г.

всегда: честь нашего войска. Виченца, Верона пали перед ним»⁷⁴.

Мемуаристка несколько упрощает и приукрашивает действительное положение вещей на Итальянском фронте. На самом деле Массена тогда не удалось стяжать в Италии новые лавры. Ничего удивительного в этом нет, если учитывать то, что численность войск под командованием Массена не превышала 50 тыс. человек, тогда как австрийцы направили в Италию «наиболее сильную армию во главе с лучшим генералом эрцгерцогом Карлом...»⁷⁵. «Эрцгерцог Карл, — пишет по этому поводу А. П. Ермолов, — будучи генералиссимусом и много раз начальствуя прежде, в состав своей армии избрал храбрейшие полки и лучших генералов и офицеров»⁷⁶.

Любой другой генерал на месте Массена в сложившихся обстоятельствах не думал бы ни о чем ином, кроме обороны. Он же отдал приказ... о наступлении. Итальянская армия Массена несколько раз безуспешно атакует австрийцев, расположившихся на укрепленных позициях близ Кальдиеро. Для сторонних наблюдателей все выглядит предельно просто: раз все атаки Массена отбиты, стало быть, победители — австрийцы. Именно поэтому, рассуждая о том, что происходило в Италии в 1805 г., А. П. Ермолов упоминает успехи, которые армия эрцгерцога Карла одержала «над маршалом Массеною». Однако, если австрийцы и в самом деле успешно сражались с Массена при Кальдиеро, то их успех здесь был скорее успехом тактическим. Стратегически победителями, безусловно, оказались французы. Дунайская армия австрийцев, которую как раз в это время окружил под Ульмом Наполеон, не могла рассчитывать на помощь лучшей армии Империи, отбивавшейся от назойливых наскоков маршала Массена.

Когда австрийцы догадались о допущенной ими ошибке, время было уже безнадежно потеряно. Командовавший Дунайской армией генерал Мак сдался Наполеону под Ульмом. Шедшая на соединение с ним русская армия, едва не попав в окружение, была вынуждена поспешно отступать в направлении на Ольмюц. «13 ноября, предшествуемый кавалерией Мюрата, окруженный своей гвардией, Наполе-

он въехал в Вену»⁷⁷. Преследовавшие австрийцев, отступивших из Италии, войска Массена соединились с частями Великой армии уже после решающего Аустерлицкого сражения. 11 декабря 1805 г. Наполеон назначил Массена командующим 8-м корпусом Великой армии. Вскоре за последовавшим затем Пресбургским миром маршалу Массена было поручено возглавить так называемую Неаполитанскую армию. Ей предстояло совершить поход на Неаполь для того, чтобы фраза Наполеона: «Бурбоны перестали царствовать в Италии», — из просто раздраженного предложения превратилась в факт европейской политической жизни. Причиной, побудившей повелителя Франции столь радикально решить вопрос с неаполитанскими Бурбонами, были отношения, в которые Неаполь вступил с Австрией и Россией еще в октябре 1805 г. Разгромив Австрию и вынудив русских отступить на восток, Наполеон счел возможным «разобраться» с Неаполем и, «приватизировав» Неаполитанское королевство, посадить на его престол своего старшего брата Жозефа. Приняв командование Неаполитанской армией 9 января 1806 г., Массена уже 12 февраля занял стратегически важную Капую и через день вместе с «назначенным» королем Жозефом вступил в Неаполь. Пожалуй, единственной трудностью, с которой пришлось столкнуться Массена во время его неаполитанского похода, была осада крепости Гаэта, продолжавшаяся с 26 февраля по 19 июля 1806 г. Кроме того, в августе 1806 г. ему пришлось лично возглавить экспедицию французских войск в Калабрию, чтобы разгромить отряды легендарного Фра-Дьяволо, сражавшиеся против иноземных оккупантов.

Упорное сопротивление калабрийских «мятежников» в конце концов было сломлено, Фра-Дьяволо схвачен французами и повешен, а население Неаполитанского королевства приведено к повиновению королю из династии Бонапартов. Казалось бы, Массена стоило удовлетвориться достигнутым. Однако деятельная натура маршала в очередной раз подвинула его на то, чтобы попытаться преумножить свое состояние. Слухи о том, что герой Цюриха и Генуи, как и прежде, не чист на руку, очень быстро достигли Парижа. Еще 2 марта 1806 г. Наполеон писал брату Жозе-

фу: «Массена грабит всюду, где только может. Пусть ему посоветуют вернуть три миллиона... Саличетти* сделает это за вас». Дальше шло детальное изложение того, как Саличетти следовало «деликатно» довести требование императора до сведения Массена⁷⁸. Но пока Наполеон вырабатывает в Париже свою «стратегию» в отношении Массена, неутомимый маршал продолжает собирать дань с оказавшихся в его власти неаполитанцев. Уже десять дней спустя (12 марта) в очередном письме Жозефу Наполеон сообщает брату новые сведения о хищениях, допущенных Массена: «Массена и Сен-Сир* стащили 6 400 000 франков. Они вернут все до последней копейки... Пусть Массена посоветуют возратить 6 000 000... Если он этого не сделает, я направлю в Падую военную комиссию для расследования, так как такого рода грабительство нетерпимо. Заставлять солдат голодать и не платить им жалованье под тем предлогом, что предназначенные для этого суммы являются подарком, сделанным ему провинцией, чересчур опрометчиво...»⁷⁹.

Грозные послания императора не производят на Массена ни малейшего впечатления. По-видимому, «громы», грохочущие в Тюильри и Сен-Клу, отдаются в Неаполе лишь слабым эхом. «В качестве гражданского лица, — раздраженно пишет Наполеон Жозефу 3 июня, — Массена ни на что не годится; он не способен испытывать чувство привязанности. Он хороший солдат, но он не думает ни о чем, кроме денег; только этим и определяется его поведение и это то единственное, что побуждает его действовать, даже тогда, когда я нахожусь с ним рядом. Поначалу он довольствовался небольшими суммами, но теперь и десятки миллионов неспособны удовлетворить его алчность»⁸⁰.

Возможно, самоуправство и вымогательства Массена в Неаполе сошли бы с рук старому вояке, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что Массена, не ограничившись взиманием «законной» дани с неаполитанцев, с осени 1806 г. стал широко практиковать продажу торговых лицензий местным купцам⁸¹. Подобная «самодеятельность» Массена, по существу, ставила под вопрос эффективность осуществления знаменитых Берлинских декретов Наполеона (21 ноября 1806 г.), объявлявших Англию в состоянии блокады.

Массена в Неаполе, 1806 год

Пользуясь лицензиями, выданными Массена, неаполитанские купцы преспокойно и на «законных» основаниях продолжали торговать с англичанами.

На сей раз чаша терпения императора была переполнена. Разузнав о том, что Массена перевел «благоприобретенные» им суммы в один из банков Ливорно, Наполеон немедленно направил туда инспектора французского казначейства и полицейского комиссара с поручением конфисковать находившиеся на счетах маршала деньги. Благодаря этой стремительно проведенной операции, Массена в одночасье лишился трех миллионов и был настолько расстроен этим, что даже слег от огорчения. «Я сражался, служа ему, — сетовал Массена по поводу «несправедливости», допущенной в отношении его повелителем, — а он был настолько жесток, что отнял у меня мои скромные сбережения, вложенные в банк в Ливорно»⁸².

Возможно, опасаясь того, что «потерпевший» Массена, выздоровев, вновь примется за старое, попытавшись компенсировать понесенные им убытки, Наполеон срочно вызвал его в Польшу, где в это время сражался с русскими войсками. 12 января 1807 г. Массена прибыл в штаб-квартиру Великой армии. Император все еще помнит о его «проделках» в Неаполе. По-видимому, с этим связано то, что лишь почти полтора месяца спустя (24 февраля 1807 г.) он поручает испытанному ветерану командовать 5-м корпусом... Однако еще до этого назначения Массена участвует в сражениях при Пултуске, Остроленке. Ему доводится принять участие и в знаменитой битве под Фридландом (14 июня 1807 г.), фактически предопределившей успешный для Наполеона исход войны.

Через месяц после Фридланда (15 июля 1807 г.) Массена, получив отпуск, уехал во Францию. Он почти не показывается в Париже, не посещает двор, предпочитая проводить время в своем великолепном поместье Рюэль.

19 марта 1808 г. император жалует Массена титул герцога Риволи. Новая милость Наполеона вынуждает Массена покинуть свое добровольное рюэльское затворничество. Однажды по приглашению властелина герцог Риволи на свою беду участвует в императорской охоте, завершившей-

ся для него весьма прискорбным образом. «Император не только не умел стрелять, — вспоминал современник, — но и был несчастлив на охоте... стреляя по стае куропаток, он ранил в глаз маршала Массену. Заметив это, Наполеон восклицает: «Бертье, вы ранили Массену!» Обер-егермейстер* начал было оправдываться, но Император настаивает, Бертье уступает, и охотники возвращаются во дворец в невеселом расположении духа». Приехав в Мальмезон*, Наполеон немедленно отправил в Париж к раненому маршалу своего личного врача, доктора Ларре. Оказав Массена необходимую помощь, доктор, пишет мемуарист, передал ему от императора записку следующего содержания: «Mon Cousin*, когда здоровье ваше поправится, вы отправитесь из Парижа и примете главное начальство Португальской армией. Молю Господа, да хранит Он и милует вас своей святою милостию. Наполеон». «Что за человек! — восклицает Массена, с улыбкою, дурно скрывавшею его радость. — Умеет пустить пыль в глаза!» Так-то окривел Массена и получил главное начальство над Португальскою армиею», — завершает свой рассказ современник⁸³.

Было ли приведенное мемуаристом письмо в самом деле написано императором или же нет — неизвестно. Известно одно: французскими войсками в Португальском походе, начавшемся еще осенью 1807 г., командовал генерал Жюно, а Массена впервые появился на Пиренейском полуострове лишь весной 1810 г. ...

Массена никоим образом не участвовал в испанской авантюре Наполеона, начавшейся в 1808 г. Когда же Жозеф Бонапарт, «перепрофилированный» из неаполитанского короля в короля Испании, попросил императора прислать к нему на помощь Массена, Наполеон сухо ему в этом отказал. Он по-прежнему не слишком доверял герцогу Риволи; впрочем, и сам Массена вовсе не горел желанием идти усмирять испанских смутьянов.

Воспользовавшись трудностями Великой империи в Испании, приободрились ее противники на континенте. Весной 1809 г. Австрия первой «бросила перчатку» повелителю Европы, направив свои войска против союзной Франции Баварии. В новой кампании против Австрии в 1809 г.

Массена командует 4-м корпусом Великой армии и впервые с 1797 г. сражается под непосредственным началом Наполеона. По мнению императора, в этой кампании ключ к успеху — это активность, еще раз активность и быстрота. Этими качествами герцог Риволи обладает, пожалуй, в избытке. Войска корпуса под командованием Массена ус-

Битва при Асперне-Эслинге

пешно сражаются с австрийцами при Ландсгуте (21 апреля), при Экмюле (22 апреля), захватывают мост и замок Эберсберг (3 мая). После пятидневных кровопролитных боев авангард его корпуса почти вплотную приближается к Вене. В битве при Асперне-Эслинге (21—22 мая) Массена командовал войсками, сражавшимися на левом фланге Великой армии.

После того, как австрийцам удалось разрушить наведенные французами мосты через Дунай, войска императора, переправившиеся на левый берег реки, в том числе и 4-й корпус, оказались в чрезвычайно сложной и опасной ситуации. «Слухи о гибели моста через главный рукав Дуная произвели смятение в рядах наполеоновских войск. Толпы солдат бросились к переправам, неся огромные потери от огня австрийцев. Французская артиллерия в значительной своей части была приведена к молчанию; снарядов не хватало; множество лошадей погибло»⁸⁴.

Здесь Массена в полной мере проявил упорство, находчивость, самообладание — те черты своего полководческого таланта, которые впоследствии отметит Наполеон, рассуждая о нем как о военачальнике: «При первом выстреле, посреди ядер и опасностей, — вспоминал император, — мысли его приобретали силу и ясность... только среди кровопролития обдумывал он распоряжения, которые следовало сообразить заранее. Посреди убитых и умирающих, когда кругом поражали ядра и пули, Массена становился тем, чем действительно был; тогда с величайшею основательностью и хладнокровием отдавал он приказания свои и принимал надлежащие меры»⁸⁵.

При Асперне все было именно так, как описывал Наполеон: яростные атаки противника, смятение в собственных рядах, ураганный огонь вражеской артиллерии... Хладнокровие, самообладание старого солдата — только они способны остановить дрогнувшие было войска. В течение нескольких часов герцог Риволи не покидает свой командный пункт — кладбище в Асперне. Картечь австрийских пушек бьет в упор, сметая ветки с деревьев, заставляя пятиться назад даже самых отчаянных храбрецов. Лишь маршал Массена посреди всей этой вакханалии боя остается

спокойным и непоколебимым, как гранитный утес. Обладающие численным превосходством и преимуществом в артиллерии, австрийцы усиливают свой натиск на французские позиции. К концу первого дня сражения (21 мая), несмотря на мужество солдат 4-го корпуса и распорядительность их командующего, французы вынуждены оставить превращенный в дымящиеся руины Асперн. Нервы участников сражения напряжены до предела. И это касается не только простых солдат. Поздно вечером 21 мая на глазах у Массена разыгралась неожиданная ссора между маршалом Ланном и маршалом Бессьером, причем первый чуть ли не открыто обвинил последнего в том, что тот только и делал со своим корпусом, что ходил с места на место. Пылкий Бессьер, возмущенный словами Ланна, схватился за рукоять сабли. То же сделал и Ланн. Вовремя подоспевший к ним Массена не дал маршалам скрестить оружие: «Немедленно вложите свои сабли в ножны! — воскликнул он. — Вы находитесь в моем лагере, и я, конечно, не позволю, чтобы мои солдаты стали очевидцами позорного зрелища, как два

Ланн

маршала сходятся в поединке в присутствии неприятеля!»⁸⁶
Пристыженные Ланн и Бессьер прекратили ссору.

На другой день, 22 мая, герцог Риволи вместе с Ланном и самим императором отчаянно стремится вдохнуть новые силы в заметно поредевшие дивизии Великой армии на левом берегу Дуная. Его видят верхом на коне, с саблей в руках, стоящим в пешем строю, отдающим распоряжения канонирам, направляющим подкрепления к наиболее уязвимым пунктам французской позиции. Благодаря в первую очередь усилиям Массена французам удается сдержать натиск армии эрцгерцога Карла и в относительном порядке отступить на остров Лобау. Отступление на о. Лобау, осуществленное под прикрытием войск Массена 23 мая, было проведено столь искусно, что, по словам одного из его биографов, в плен к австрийцам не попал ни один француз⁸⁷.

Все последующие дни герцог Риволи неразлучен с Наполеоном. Император поручает ему командовать войсками на острове Лобау, не раз выезжает вместе с ним на рекогносцировку. Во время одной из таких поездок (3 июля), за два дня до генерального сражения с австрийцами при Ваграме, Массена вместе с конем угодил в яму и сильно расшибся. Упавший конь настолько основательно повредил Массена ногу, что он был не в состоянии снова сесть в седло*. Поэтому во время знаменитой двухдневной битвы при Ваграме (5—6 июля 1809 г.) Массена, командовавший войсками на левом фланге, появился на поле боя в легкой коляске, запряженной четверкой белых лошадей, и в сопровождении врача, менявшего компрессы у него на ноге каждые два часа. В решающий, второй день сражения, когда Наполеон предпринял попытку обойти левый фланг австрийцев, а эрцгерцог Карл, в свою очередь, попытался сокрушить левый фланг французов с целью отрезать их от переправы, части под началом Массена приняли на себя главный удар. Герцог Риволи не только сумел отбить все атаки противника, но, не раз переходя в контрнаступление, заставил австрийцев отойти в направлении на Гирштетен.

Проявив несгибаемую силу воли, свойственную ему упрямую решительность, смелость, граничащую с безрассудной отвагой — ибо его карета была почти идеальной

Массена в битве при Ваграме. 6 июля 1809 г.

мишенью для австрийских пушек, — Массена в то же время попытался уберечь от опасности своего сына Жака-Проспера, которому только месяц назад исполнилось шестнадцать лет. Когда ему понадобилось отправить с ответственным заданием одного из своих адъютантов, случилось так, что дежурным адъютантом оказался Жак-Проспер. Не долго думая, Массена отправил с этим заданием своего другого адъютанта, намереваясь оставить сына при штабе. Однако пылкий и честолюбивый юноша не послушался отца, уехав вслед за своим товарищем. По возвращении обоих адъютантов назад целыми и невредимыми в ответ на упреки Массена, гневно вопрошавшего сына, зачем ему понадобилось совать свой нос куда не надо, Жак-Проспер ответил, что поступить так было для него делом чести. «Это моя первая кампания. Я уже награжден крестом, — сказал он, — а что же я сделал, чтобы заслужить его? В любом случае была моя очередь выполнять приказ». «Этот юный бездельник доставил мне больше хлопот, чем целый армейский корпус», — не без гордости заметил Массена по поводу сына.

По свидетельствам французов, участников битвы при Ваграме, в течение всего боя подле герцога Риволи находились, подвергаясь риску, ничуть не меньше, чем он сам, его кучер и его фореитор. Их мужество заслуживало награды, и Массена вскоре объявил, что намерен пожаловать по 200 франков каждому из храбрецов. Когда офицеры его штаба прокомментировали щедрый дар герцога Риволи в том смысле, что он собирается выплачивать каждому из своих преданных слуг ежегодную пенсию в размере 200 франков, старый маршал чуть было не задохнулся от негодования: «Я скорее готов увидеть вас всех покойниками и прострелить себе руку! — гневно воскликнул он: — Если бы я вас послушался, я был бы разорен, разорен, вы это понимаете?.. Нет, нет, и еще раз нет, четыреста франков наличными и все»⁸⁸.

К несчастью для Массена, о забавном инциденте узнал император, сделавший вид, что очень доволен щедростью герцога Риволи, готового выплачивать отважным слугам ежегодную пенсию. После того, как император при всех

похвалил Массена за принятое им решение, тому ничего не оставалось, как действительно назначить кучеру и форейтору ежегодную пенсию...

Последняя стычка с австрийцами под Цнаймом, завершившая кампанию 1809 г., чуть не стала роковой для Массена. Через мгновение после того, как он покинул карету, австрийское ядро разнесло ее в пух и прах...

Признав свое поражение, Австрия подписала с Наполеоном мирный Шенбруннский трактат (14 октября 1809 г.), а три с половиной месяца спустя, 31 января 1810 г., Наполеон пожаловал Массена еще один, «несколько двусмысленно звучащий титул князя Эслингского»⁸⁹. Зная, что материальные блага в глазах Массена куда важнее титулов, император намеревался подарить ему замок Туар (Deux-Sèvres), но он, к удивлению многих, отказался от этого пожалования. Злые языки уверяли, что причиной тому было нежелание князя Эслингского тратить на ремонт замка.

Не проходит и полгода после завершения войны с Австрией, как император решает поручить Массена новое ответ-

Андре Массена, князь Эслингский

ственное задание. На этот раз герцогу Риволи, князю Эслингскому, маршалу Франции, предстоит исправлять ошибки, допущенные Жюно, Сультом, Журданом, да и самим императором на Пиренейском полуострове. Война в Португалии и Испании уже принесла с 1808 г. Наполеону свои горькие плоды: поражение французских войск при Вимейро, капитуляция Дюпона под Байленом, разгром Журдана в битве при Талавере, неудержимо разрастающаяся, как лесной пожар, герилья*... У Массена нет ни малейшего желания отправляться в Испанию. У него есть все, чего только можно пожелать: слава, богатство, титулы. Он уже вовсе не так честолюбив, как прежде. Его не прельщает уже даже слава. «Одной вашей репутации довольно, — убеждает его император, — чтобы покончить со всем этим делом». В конце концов Массена соглашается возглавить так называемый Португальский поход. Императорским декретом от 17 апреля 1810 г. из трех корпусов Испанской армии формируется Португальская армия под командованием князя Эслингского⁹⁰. Наполеон обещает дать Массена армию численностью не меньше 90 тыс. человек. Под началом Массена в Португальском походе должны участвовать генерал Жюно и маршал Ней. Когда князь Эслингский осторожно намекает Бертье, что предпочел бы сам назначать генералов, которые будут находиться под его командованием, начальник штаба императора величественно изрекает: «Приказы императора в этом смысле совершенно конкретны и не могут быть предметом обсуждения. Когда император дает кому-либо полномочия, подчинение становится долгом; как бы ни велики были амбиции герцога Эльхингенского* и герцога Абрантес*, они не могут не отдавать себе отчета в том, что их заслуги совсем не те, что заслуги победителя при Цюрихе».

Победитель при Цюрихе, однако, куда менее оптимистичен и опасается буйного нрава своих будущих подчиненных, вероятно, больше, чем предстоящей встречи с английской армией Веллингтона. Когда он высказывает свои сомнения императору, то слышит в ответ: «Сегодня вы не в духе, мой дорогой Массена. Вы все видите в черном цвете... Ваш возраст?.. Насколько же вы старше теперь, чем

были при Эслинге? Ваше здоровье? Разве вы чувствуете себя хуже, чем при Ваграме?.. Отправляйтесь в поход с уверенностью. Будьте осмотрительны и тверды, и все препятствия, которых вы опасаетесь, со временем исчезнут; прежде вы преодолевали гораздо большие трудности».

По утверждению Мармона, Массена было доверено командование «сильной и превосходно экипированной армией, целью которой было завоевание Португалии»⁹¹.

Через двенадцать дней после издания декрета Наполеона о Португальской армии Массена, оставив Париж, выехал к месту нового назначения. Для того, чтобы скрасить свою поездку в Вальядолид, князь Эслингский прихватил с собой некую мадам Лебертон. Однажды в Калабрии она уже составила ему компанию, и на этот раз в зеленой форме драгуна выглядела совершенно неотразимо. По словам одного из биографов Массена, «он (Массена) обожал всех женщин без исключения, даже свою собственную жену...»⁹². Хорошо осведомленный о донжуанских похождениях старого солдата, Мармон в своих мемуарах следующим образом характеризует эту сторону его натуры: «Он пылко любил женщин, и его ревность напоминала страстный характер итальянцев четырнадцатого века»⁹³.

Князь Эслингский прибыл в Вальядолид, штаб-квартиру Португальской армии, 10 мая 1810 г. Заранее предупрежденные о его приезде подчиненные устроили ему торжественную, по всем правилам встречу, чем привели своего шефа в немалое смущение. Дело в том, что вместе с ним в карете восседала мадам Лебертон, наряженная в форму драгунского офицера, весьма плохо скрывавшую пол спутницы главнокомандующего⁹⁴. Впрочем, настоящие трудности, для Массена были впереди. То, чего он так опасался еще до своего отъезда из Парижа, в Испании стало явью. Ней и Жюно относились к его приказам с плохо скрываемым презрением. Генерал Ренье также проявлял упрямство, весьма смахивавшее на неповиновение. Проходили дни, недели, а Массена все никак не удавалось навести порядок в рядах собственной армии. Кроме того, первые же столкновения с британцами заставили его серьезно задуматься. Солдаты армии Веллингтона, которых Наполеон называл не

иначе, как эти «медлительные и неповоротливые англичане», оказались далеко не слабыми противниками.

Однако, несмотря на все трудности, кампания началась для французов в высшей степени успешно. 10 июля армия Массена заняла Сьюдад-Родриго; 27 августа пала Альмейда. Путь в Португалию был открыт. Англичане отступали, даже не пытаясь оказать сколько-нибудь значительного сопротивления. Французы перешли испано-португальскую границу 16 сентября 1810 г. «В течение всего последующего времени, — вспоминал участник Португальского похода Жан-Батист Баррес, — ...я не мог узнать названия городов и деревень, через которые мы проходили, так как в них мы не встретили ни единого жителя. Все население бежало, уничтожая без остатка то, что могло быть нами использо-

Герцог Веллингтон

вано. Это всеобщее бегство... организовали англичане для того, чтобы создать большие препятствия на нашем пути и заставить португальцев ненавидеть нас еще сильнее»⁹⁵. Тактика «выжженной земли», умело примененная англичанами, очень скоро принесла свои плоды. Голод, болезни, необходимость оставлять у себя в тылу гарнизоны заметно уменьшили армию князя Эслингского, но он упрямо шел вперед. Вскоре армия Массена насчитывала не более 70 тыс. человек. «Мы идем через пустыню, — сообщал Массена в Париж, — женщины, дети и старики бежали — абсолютно все; нигде нельзя... обнаружить проводника». Тем не менее инициатива, по-видимому, находится в руках у французов. «Быстрое и внушительное наступление Массена, — свидетельствует один англичанин, — очень сильно встревожило власти и жителей Лиссабона; когда же стало известно, что скоро будут слышны залпы его пушек, паника достигла апогея». Потерявшие от страха голову люди были готовы бежать в Англию, Америку, любую другую часть света, «смятение и тревога царили во всем этом многолюдном городе (т. е. в Лиссабоне)»⁹⁶.

Сам Массена какое-то время полагал, что англичане отступают ввиду несомненного превосходства французской кавалерии. Он считал, что «сипайский генерал»* (прозвище, данное французами Веллингтону) не пытался выручить осажденные французами в начале Португальского похода крепости именно по этой причине.

Внезапно 26 сентября 1810 г. англичане остановились, заняв сильные позиции на горной гряде близ Бусако. У Массена появилась возможность триумфально закончить Португальский поход, разгромив Веллингтона и заняв Лиссабон. Соблазн «одним махом» разделаться с англичанами был слишком велик. Видимо, как раз поэтому князь Эслингский действует крайне поспешно и, как вскоре выясняется, необдуманно. Даже не проведя совершенно необходимой рекогносцировки и полностью доверившись донесениям Нея и Жюно, уверявших его, что позиция Веллингтона вовсе не так сильна, как кажется, Массена распоряжается на следующий день атаковать англичан по всему фронту. По словам француза — участника сражения 27 сентября (бит-

вы при Бусако и Алькоба), войска Массена «были если и не разбиты, то отброшены от всех пунктов, которые они намеревались захватить. Этот ужасный день, — продолжает очевидец, — стоил армии более 4000 человек убитыми и ранеными и чрезвычайно ее обескуражил»⁹⁷. В мемуарах супруги Жюно Лауры д'Абрантес то, что произошло «при нападении на скалу Бусако», описано следующим образом: «Наши солдаты, гонимые превосходными силами, и сверх того утомленные, запыхавшиеся, не могли сопротивляться, были опрокинуты неприятелем, и катились с скалы на скалу, до глубины пропастей, где острые камни покрылись в этот день ужасными, кровавыми останками...»⁹⁸. Шок от поражения 27 сентября был настолько велик, что многие генералы армии Массена настойчиво советовали главнокомандующему начать отступление, распрошавшись с мыслью окончить кампанию в 1810 г. Князь Эслингский не последовал этим малодушным советам. «Массена не отказался от своего намерения идти на Лиссабон»⁹⁹. Убедившись в том, что он совершил ошибку, попытавшись посредством фронтальной атаки захватить грозные позиции англичан, князь Эслингский обходит их с левого фланга, заняв горные проходы Сердао. Этот маневр вынуждает Веллингтона совершить поспешный отход, оставив не только скалы Бусако, но и эвакуировав Коимбру, дав возможность французам оккупировать большую часть Португалии от гор до самого моря.

То, что происходит в ближайшие две недели после битвы при Бусако, по-видимому, не имеет аналогов в военной истории: побежденная армия преследует армию-победительницу! Фантастичность ситуации усугубляется тем, что отступающая армия превосходно вооружена и в изобилии снабжена всем необходимым; к тому же она пользуется поддержкой местного населения. Об армии Массена ничего подобного сказать нельзя. Подвергаемые насилиям всякого рода, жители Португалии ненавидят оккупантов-французов. Сама армия князя Эслингского испытывает с каждым днем все более заметные трудности с продовольствием, фуражом для лошадей, боеприпасами. Описывая этот удивительный поход, Лаура д'Абрантес пишет: «...Лорд

Веллингтон отступил... а Массена, как будто пораженный головокружением, шел за ним по земле опустошенной и пустынной... и в этом случае действия его истинно неизъяснимы»¹⁰⁰.

Однако то, что так изумило мемуаристку и что она сочла необъяснимым, на самом деле имело очень простое объяснение. Не заняв Лиссабон и не сбросив «британского льва» в море, Массена не мог считать задачу Португальского похода выполненной. Ему следовало во что бы то ни стало захватить столицу Португалии, и потому, теряя людей, лошадей, терпя всевозможные лишения, князь Эслингский упрямо шел вперед.

1 октября 1810 г. солдаты Массена захватили и разграбили Коимбру. От Лиссабона их отделяли считанные мили. 10 октября на пути армии князя Эслингского, словно из-под земли, возникли мощные укрепления англичан — знаменитые линии обороны Торрес-Ведрас, надежно защищавшие подступы к португальской столице. Правый фланг грозных английских укреплений прикрывала река Тахо, а их левый фланг упирался в море, на котором господствовал британский флот. За первой линией укреплений Торрес-Ведрас располагалась вторая линия¹⁰¹.

Обойти позиции англичан было невозможно. Атаковать их с фронта значило повторить битву при Бусако, причем с тем же самым результатом. Массена был поражен увиденным. Рассматривая в мощный телескоп, захваченный французами в разграбленной Коимбре, неприступные линии, тайно возведенные британцами; изумленный маршал воскликнул: «Что за черт! Веллингтон не мог соорудить горы»¹⁰².

В действительности все обстояло именно так. Еще в 1809 г. Веллингтон замыслил построить на подступах к Лиссабону укрепленный лагерь с целью преградить противнику путь к португальской столице¹⁰³. Его строительство велось настолько скрытно, что Веллингтон, убежденный в том, что о нем никому ничего не известно, еще 6 октября писал английскому посланнику в Лиссабон: «Я надеюсь, что ни вы, ни правительство понятия не имеете о том, где находятся линии укреплений».

Линии Торрес-Ведрас явились совершенной неожиданностью для Массена. В течение шести недель упрямый маршал не сходил с места, рассчитывая на то, что англичане в конце концов покинут свои неприступные позиции и сражаются с ним в открытом бою. Но британские джентльмены не собирались выбираться из своих надежных укрытий. Времена, когда противники, выстроившись друг перед другом в линию, любезно предлагали неприятелю дать первый залп, безвозвратно прошли...

С другой стороны, князь Эслингский отлично помнил урок, преподанный ему Веллингтоном при Бусако. Как пишет Мармон, «дойдя до лиссабонских линий (так он именуется линии Торрес-Ведрас. — *А. Е.*), он (Массена) не отважился их атаковать»¹⁰⁴. По-видимому, французским главнокомандующим владели противоречивые чувства. Опытный солдат с более чем тридцатилетним стажем, князь Эслингский не мог не понимать того, что он проиграл. Его голодающая, терпящая нужду во всем армия, сократившаяся до 60 000 человек, была не в состоянии сражаться с превосходно экипированными англичанами. Но гордость Массена и, кто знает, может быть, его вера в то, что произойдет некое чудо, удерживали его на месте.

Но чудеса — явления достаточно редкие, в том числе и на войне... Правда, одно чудо на самом деле произошло. «Поистине изумительно, — писал Веллингтон, — что неприятель смог находиться в этой стране столь долгое время... Это из ряда вон выходящий пример того, на что способна французская армия»¹⁰⁵.

В конце концов, когда все запасы были исчерпаны и «беда всякого рода, крайняя нужда, голод обрушились на эту (французскую. — *А. Е.*) армию»¹⁰⁶, князю Эслингскому пришлось отдать приказ об отступлении войск в направлении к Сантарену.

Зима 1810—1811 гг. прошла в бесконечных тщетных попытках Массена побудить Сульта, Друэ д'Эрлона, Ренье действовать сообща для того, чтобы, идя по левому берегу реки Тахо, достичь Лиссабона. Французские военачальники в Испании отнюдь не считали себя обязанными исполнять приказы князя Эслингского и даже просто действо-

вать сколько-нибудь координировано с его армией. Император далеко, и его уговоры не властны заставить своих нравных Сульта, Ренье и прочих маршалов и генералов, посланных им в Испанию, оказывать помощь Португальской армии. Наполеон пишет Сульту: «Прошу вас пособлять князю Эслингскому... Будьте таковы же, как под Аустерлицем... думайте, пособляя ему, что это тот же Массена, это старый ваш товарищ славы при осаде Генуи, которому облегчите вы занятие Лиссабона...»¹⁰⁷. Однако амбициозный и не склонный к сентиментальным воспоминаниям Сульт, герцог Далмацкий, вместо того, чтобы поспешить на помощь «старому товарищу», направляется в Андалузию наслаждаться плодами только что одержанной им победы. Между тем болезни, дезертирство, голод неумолимо и неуклонно делают свое дело с брошенной на произвол судьбы Португальской армией. Численность ее уменьшается с устрашающей быстротой. Больше всего армию Массена донимает голод. Один португальский шпион англичан в своем донесении Веллингтону писал по этому поводу следующее: «Господь меня простит, если я ошибаюсь, предположив, что они (французы. — А. Е.) съели моего кота».

К началу марта 1811 г. стало очевидно, что французы не могут больше оставаться в Сантарене. «Массена решил вернуться в Испанию... Но тут не заслуживает он упрека: войскам нечего было есть... уже давно солдаты могли существовать только мародерством... недостаток в съестных припасах дошел наконец до того, что князь Эслингский решил отступить совершенно»¹⁰⁸.

Разговаривая с Шапталем, Наполеон как-то заметил, что с французами очень тяжело отступать. Поясняя свою мысль, он сказал: «Проигранное сражение отнимает у него (француза) силы и лишает мужества, уменьшает его доверие к своим начальникам и толкает его к неповиновению»¹⁰⁹. Со всеми этими трудностями Массена пришлось столкнуться на практике весной 1811 г. Правда, для начала ему предстояло решить непростую задачу: суметь покинуть Сантарен таким образом, чтобы англичане сразу же об этом не узнали. Проявив почти виртуозную ловкость, князь Эслингский достиг желаемого результата. Веллингтону ста-

ло известно о начале отступления Массена лишь через три дня после того, как французы оставили Сантарен. Тем не менее отход Португальской армии в Испанию, прикрываемый арьергардом под командованием норовистого Нея, проходил в крайне сложной обстановке. Отступали голодные, страдающие от болезней, деморализованные люди...». Для неприятеля было довольно показаться на аванпостах с несколькими десятками человек, — сообщал Массена в Париж, — чтобы до смерти напугать наших офицеров и заставить их поднять крик о том, что они видят перед собой всю армию Веллингтона». К чести князя Эслингского надо сказать, что он не ошибся, поручив маршалу Нею командование арьергардом. «Не переставая начальствовать арьергардом, он (Ней) постоянно выдерживал огонь неприятеля. Его нападения, его храбрость и твердость внушили уважение англичанам и спасли Португальскую армию от конечной гибели»¹¹⁰. Вместе с тем обладавший, по словам современницы, «бешеным характером» Ней, и до отступления постоянно конфликтовавший с главнокомандующим,

Ней

теперь окончательно вышел из повиновения. «Массена оскорблялся поступками Нея, но, больше него скрытный, он таил свое неудовольствие под видом презрительного равнодушия...». Временами, давая выход накопившемуся негодованию, князь Эслингский произносил гневные речи по поводу князя Эльхингенского: «...Могу ли я, — говорил Массена Жюно, — ...сделать что-нибудь с таким человеком, как Мишель Ней?.. с человеком, который показывает, что смотрит на меня как на болтуна!.. который не слушает, когда я говорю! Право... я чуть было не наложил правой руки моей на его лицо... и был бы готов просить у него извинения своей саблею... Сабля старого солдата Генуи, право, еще не тупа!»¹¹¹. В свою очередь Ней делал все возможное, чтобы подтвердить справедливость слов Массена. Однажды во время отступления, узнав, что англичане, внезапно напав на французскую штаб-квартиру, вероятно, захватили главнокомандующего в плен, Ней воскликнул: «Взят в плен!.. взят в плен... Черт возьми!.. тем лучше, этому надобно радоваться, вдвойне радоваться, потому что армия спасена...»¹¹².

Португальская армия, впрочем, действительно была спасена от, казалось бы, неизбежного разгрома и, не потеряв при отступлении ни единой пушки, ни единой обозной фуры, ни единого солдата, достигла крепости Сьюдад-Родриго.

Однако Наполеон, привыкший судить о людях только по достигнутому ими результатам, был явно разочарован действиями Массена в Португалии*. Вместо благодарности князь Эслингский получает от императора письмо, в котором тот весьма неллицеприятно отзывается о Португальском походе. Правда, несколько позже, в апреле 1811 г., за подписью Бертье к Массена приходит другое письмо. «Император надеется, — пишет начальник штаба командующему Португальской армией, — что вы скоро найдете возможность нанести ответный удар. Император не забыл успехов, которые вы одержали на протяжении пятнадцати лет, и он совершенно в вас верит. Вы победите и оставите потомкам военную репутацию, основанную на столь многих славных достижениях. Мы сознаем все трудности вашего положения...»¹¹³.

В Париже доподлинно знают, что одна из главных «трудностей» Массена — это маршал Ней. Его спешно отзывают из Испании, заменив более покладистым Мармоном, герцогом Рагузским. Впрочем, отзыв Нейя во Францию, кажется, единственная реальная помощь, которую князь Эслингский получает от императора. В лагере под Сьюдад-Родриго точно так же, как и близ злополучных линий Торрес-Ведрас, точно так же, как в Сантарене, армия Массена сидит на голодном пайке, остро нуждаясь во всем самом необходимом. Как и прежде, князю Эслингскому не удается наладить сотрудничество с другими французскими военачальниками, командующими «своими» армиями на Пиренейском полуострове. Все призывы Массена к другим маршалам поспешить прислать ему помощь остаются без ответа. Лишь маршал Бессьер, да и то после долгих препирательств с князем Эслингским, является к нему в местечко Фуэнтес д'Оноро с маленьким отрядом в полторы тысячи гвардейской кавалерии и шестью орудиями... Массена разочарован. «Для успеха мне нужно побольше войск и поменьше Бессьера!»¹¹⁴ — с усмешкой замечает старый вояка.

Мармон

И все же Массена решает нанести тот ответный удар, о котором писал ему из Парижа Бертье. 5 мая 1811 г., проведя тщательную рекогносцировку, он внезапно напал на английские части, прикрывавшие осажденную Веллингтоном Альмейду. Не ожидавшие нападения англичане были застигнуты врасплох. Находившиеся на правом фланге армии Веллингтона войска потерпели поражение. От полного разгрома англичан спасло лишь то, что, вопреки распоряжениям Массена, Бессьер запретил своим кавалеристам участвовать в сражении без его ведома. Сам «железный герцог» впоследствии утверждал, что битва при Фуэнтес д'Оноро (5 мая 1811 г.) была «самой тяжелой из тех, в каких он принимал участие... Если бы Бони* там оказался, мы были бы разгромлены»¹¹⁵.

Массена горел желанием на следующий день возобновить сражение, но не нашел поддержки у своих подчиненных. Генералы в один голос убеждали его отказаться от этого намерения. Войска тоже, судя по всему, устали и не рвались в бой. Простояв на позиции еще три дня, князь Эслингский отдал приказ об отступлении к Сьюдад-Родриго. Как и Португальская кампания, Испанская кампания Массена заканчивалась отступлением...

А в Испанию, опережая вести о неудаче под Фуэнтес д'Оноро, из Парижа летело очередное письмо Бертье маршалу Массена, на котором значилась дата 20 апреля 1811 г.: «Господин маршал, князь Эслингский! Император полагает уместным поручить командование Португальской армией маршалу, герцогу Рагузскому*. Его Величество желает, чтобы, как только вы передадите командование, вы немедленно возвратились в Париж. Согласно точным приказам императора, вы должны взять с собой только собственного сына и еще одного из своих адъютантов. Полковник Пеле, все ваши прочие адъютанты и все штабные офицеры обязаны остаться при герцоге Рагузском»¹¹⁶.

Массена узнал о своей отставке буквально вслед за битвой при Фуэнтес д'Оноро. Столь быстрая отставка, сопровождаемая письмом, в котором не было и намека на благодарность главы государства по отношению к заслуженному ветерану, безусловно, глубоко задела Массена. Обиду ста-

рого маршала усугубило то, что после его приезда в Париж император «выкроил минутку» для встречи с ним лишь несколько недель спустя. Встреча Массена и Наполеона началась с весьма нелюбезной фразы, сказанной императором: «Ну, князь Эслингский, так вы уже больше не Массена?»¹¹⁷ Последовало бурное объяснение, в результате которого Наполеон пообещал Массена вновь отправить его в Испанию, дабы он доказал, что старый солдат еще жив, а не почил под пышной мантией князя Эслингского. После битвы при Саламанке, где армия под командованием Мармона была наголову разгромлена англичанами (22 июля 1812 г.), для Наполеона пришло время исполнить данное им обещание. Он приказал Массена отправиться в Испанию, но не успел князь Эслингский добраться к вверенным ему войскам, как в Байонне его свалила тяжелая болезнь и он вынужден был возвратиться во Францию.

На протяжении 1813 и 1814 гг., когда на полях Германии и во Франции решается участь великой империи, старый Массена командует 8-м военным округом со штаб-квартирой в Тулоне. Вероятно, он не слишком сожалеет о падении империи, хотя, может быть, и реставрация полузабытых всеми Бурбонов на прародительском престоле его тоже отнюдь не радует. «Историческая» династия ведет себя в отношении маршала Массена несколько двусмысленно. Герцог Риволи и князь Эслингский сохраняет доверенный ему еще Наполеоном пост на юге. Но вместе с тем Бурбоны отказываются дать маршалу Массена звание пэра Франции под тем оскорбительным предлогом, что он не француз, а итальянец. Таким образом, несмотря на почти сорокалетнюю службу Массена под французскими знаменами, он по-прежнему остается для короля и его верных слуг в лучшем случае наемником из Régiment Royal-Italien (Королевского Итальянского полка)...

Меньше чем через год после падения империи Наполеон, покинув отданный ему во владение остров Эльба, является на юге Франции. На календаре — март 1815 г. С горсткой сторонников узурпатор, так в «праведном» гневе именуется Наполеона роялистская пресса, совершает стремительный марш к Парижу. События следуют друг за другом

Массена — герцог Риволи, князь Эслингский. 1812 г.

с калейдоскопической быстротой. Эта смена власти, происшедшая за 20 дней и по старинке названная «революцией», производит на современников неизгладимое впечатление. «...Наполеон возвратился во Францию... — вспоминала современница. — ...Он прошел от залива Жуана до Лиона, потому что французы несли его на руках... и он казался страшнее еще тем, что сердце его было полно мщенья. Он требовал опять своих городов, своих пушек, крепостей, тысяч знамен и орлов своих... и все возвращалось ему.. Это (возвращение Наполеона во Францию), — продолжает она, — казалось молнией, которая разразилась посреди ясного дня... Я очень помню, что когда первое известие о высадке Наполеона пришло в Париж, мы глядели друг на друга с каким-то изумлением, похожим на безумие, не верили, и опять глядели вокруг себя, желая увериться, что мы не бредим»¹¹⁷.

Во время своего триумфального марша на Париж император отправляет Массена коротенькую записочку следующего содержания: «Князь, водрузите на стенах Тулона знамя Эслинга и следуйте за мной»¹¹⁸. В ответ на этот патетический призыв герцог Риволи издает не менее патетическую прокламацию, обращенную к жителям Марселя (9 марта 1815 г.): «Вы можете положиться на мое усердие и преданность. Я поклялся в верности нашему законному королю. Я никогда не сойду с дороги чести; я готов пролить мою кровь до последней капли, защищая его трон». Далее следовала подпись: Маршал Франции, герцог Риволи, губернатор 8-го военного округа, князь Эслингский¹¹⁹. Только после того, как племянник короля герцог Ангулемский с отрядом роялистов был вынужден сложить оружие¹²⁰, а власть Наполеона была фактически восстановлена по всей Франции, лишь тогда Массена признает законность происшедших в стране перемен. В итоге 10 апреля 1815 г. появляется новое воззвание герцога Риволи жителям Марселя, написанное так, как если бы император вернулся во Францию только вчера. (На самом деле к тому моменту исполнилось уже 30 дней, как Наполеон водворился в Тюильри). Прокламация Массена на сей раз гласит: «Событие, столь же счастливое, сколь и необычайное, вернуло нам

избранного нами государя, В Е Л И К О Г О Н А П О Л Е -
О Н А. Этот день должен стать днем ликования для всяко-
го француза...»¹²¹

18 апреля «великий Наполеон» пригласил Массена в Париж, и тот покорно явился на зов властелина. Император без промедления встречается с ним, как будто ничего не произошло, как будто они только вчера вместе стояли под выстрелами австрийских пушек близ Эслинга... Император — воплощенная сердечность, князь Эслингский — воплощенная преданность. Но разговор продолжается, и вдруг неожиданно Наполеон спрашивает своего собеседника: «Ну, Массена, так вы хотели сражаться против меня под началом герцога Ангулемского?» — «Государь, — слышит он в ответ, — вы отлично знаете, что моим знаменем всегда было знамя моей страны. Если я заблуждался, то это произошло помимо моего желания». — «Помимо вашего желания! Так, так! Вы бы сбросили меня в море, дай я вам время собрать ваши войска». — «Разумеется, государь, до тех пор, пока я был убежден, что вы не были призваны во Францию большинством французов»¹²².

За шестнадцать дней до Ватерлоо и за двадцать дней до своего второго отречения Наполеон жалует герцогу Риволи, князю Эслингскому, маршалу Франции, кавалеру Большого креста ордена Почетного Легиона, кажется, единственное недостающее ему отличие. 2 июня 1815 г. Массена становится пэром Франции.

Вслед за падением Империи по поручению Временного правительства Массена с 22 июня по 8 июля 1815 г. командует национальной гвардией Парижа, насчитывавшей 50 тыс. человек, и с 3 июля занимает пост губернатора столицы. По мнению одного из его биографов, именно Массена принадлежит заслуга сохранения порядка в Париже, наводненном в конце июня — начале июля 1815 г. множеством подвыпивших дезертиров и выбравшихся на поверхность личностей с криминальным и полукриминальным прошлым. Известный военный историк Шаррас, в свою очередь, считает, что Массена принял предложения Временного правительства возглавить национальную гвардию Парижа и стать губернатором столицы, исходя из своих лич-

Маршалъша Массена и ее супруг в 1814 г.

ных, сугубо эгоистических побуждений. По его словам, князь Эслингский «теперь думал только о том, чтобы пользоваться на досуге своими повсюду награбленными, несметными богатствами*». В первом же приказе Массена заявил, какого рода будет его деятельность: он поручил национальной гвардии «наблюдать за общественным спокойствием и неприкосновенностью личностей и частного имущества». Выбрав подобного главнокомандующего, Фуше (президент Временного правительства) останавливал одну из пружин оборонительного механизма»¹²³.

Вернувшиеся к власти Бурбоны более чем своеобразно собираются «отблагодарить» князя Эслингского за то, что тот сумел умерить страсти в Париже, а также сослужил им службу, высказавшись против установления регентства при малолетнем сыне Наполеона. Они хотят сделать его членом трибунала над маршалом Неем. Массена удаётся уклониться от этой сомнительной чести под тем предлогом, что после его ссоры с Неем в 1810 г. он не может быть непредвзятым судьей в такого рода процессе...

Старый маршал редко появляется на людях. Как-то раз на одном из приемов, где ему довелось быть, оказался также и его удачливый соперник в войне на Пиренейском полуострове герцог Веллингтон. Подойдя к нему, Массена шутливо заметил: «Из-за вас вся моя голова поседела», на что Веллингтон возразил: «В этом смысле мы — квиты»¹²⁴.

В последние годы жизни герой Риволи и Цюриха, Генуи и Эслинга все чаще обращался к воспоминаниям о днях своей славы, когда «смерть в своем дымящемся пурпурном облачении была... так прекрасна, так величественна, так великолепна!»¹²⁵

1 апреля 1817 г. князь Эслингский, уже будучи тяжело больным, сломленным тяжким недугом стариком, виделся со старшим сыном своего боевого товарища маршала Ланна — Наполеоном. Он с теплотой вспоминал человека, которого сам император называл Роландом французской армии, рассказывал о его гибели, о том, что, даже лишившись ног, Ланн не думал ни о чем другом, кроме как о спасении армии...¹²⁶ Три дня спустя, 4 апреля 1817 г., Массена скончался. Он был погребен на кладбище Пер-Лашез. На бело-

мраморном обелиске, воздвигнутом над его могилой, указана только дата его смерти и начертано имя Массена. А вверху монумента, как лавровый венец над головой героя, значатся названия четырех битв, прославивших «любимое дитя победы»: Риволи, Цюрих, Генуя и Эслинг.

Медаль, выбитая в честь Массена

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Young P.** *Napoleon's Marshals*. N. Y., 1973. P. 55.
- ² *Mémoires de Massena rédigés d'après les documents qu'il a laissés*. P., 1848. T. 1. P. XI.
- ³ **Marshall-Cornwall J.** *Marshal Massena*. Lnd., 1965. P. 1—2.
- ⁴ **Dunn-Pattison R. P.** *Napoleon's Marshals*. Lnd., 1909. P. 4—9.
- ⁵ *Ibidem*.
- ⁶ **Young P.** *Op. cit.* P. 56.
- ⁷ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 50.
- ⁸ **Young P.** *Op. cit.* P. 56.
- ⁹ **Marshall-Cornwall J.** *Op. cit.* P. 2.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 2—3.
- ¹¹ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 50.
- ¹² **Young P.** *Op. cit.* P. 56; **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 50; **Macdonell A. G.** *Napoleon and his marshals*. N. Y., 1934. P. 9.
- ¹³ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 50.
- ¹⁴ **Абрантес Л. д.** *Записки герцогини Абрантес, или исторические воспоминания о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов*. СПб., 1837. Т. XIII. С. 72, 75.
- ¹⁵ **Marshall-Cornwall J.** *Op. cit.* P. 4.
- ¹⁶ **Наполеон.** *Избранные произведения*. М., 1956. С. 17.
- ¹⁷ **Marshall-Cornwall J.** *Op. cit.* P. 5.
- ¹⁸ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 51; **Marshall-Cornwall J.** *Op. cit.* P. 5—6.
- ¹⁹ **Наполеон.** *Указ. соч.* С. 23—45.

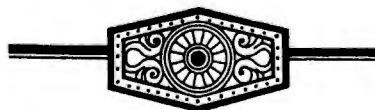
- ²⁰ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 51.
- ²¹ **Chandler D. G.** The campaigns of Napoleon. N. Y., 1966. P. 55.
- ²² Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его, собраны Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 43.
- ²³ **Мишле Ж.** История XIX века. До 18 брюмера. СПб., 1883. Т. 2. С. 72.
- ²⁴ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 7.
- ²⁵ **Наполеон.** Указ. соч. С. 42; **Chardingy D.** Les Maréchaux de Napoléon. P., 1977. P. 14.
- ²⁶ **Young P.** Op. cit. P. 57.
- ²⁷ **Наполеон.** Указ. соч. С. 45.
- ²⁸ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 9—10.
- ²⁹ *Ibidem.*
- ³⁰ Цит. по: **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт. М., 1973. С. 137.
- ³¹ **Dedem.** Mémoires du général B^{an} de Dedem de Gelder. 1774—1825. P., 1900. P. 196.
- ³² **Тюлар Ж.** Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 68.
- ³³ **Тэн И.** Наполеон. М., 1912. С. 20.
- ³⁴ См.: **Манфред А. З.** Указ. соч. С. 138—139.; **Пеэр.** История Наполеона I. СПб., 1893. С. 64.; **Young P.** Op. cit. P. 57.
- ³⁵ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 52.
- ³⁶ **Бурьенн Л. А.** Записки г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 5. Ч. 9. С. 13.
- ³⁷ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 52.
- ³⁸ **Левицкий Н. А.** Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 92.

- ³⁹ **Наполеон.** Письма к Жозефине. СПб., 1833. Т. 1. С. 14.
- ⁴⁰ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 50.
- ⁴¹ **Мишле Ж.** Указ. соч. Т. 2. С. 71.
- ⁴² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 53.
- ⁴³ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 42.
- ⁴⁴ **Young P.** Op. cit. P. 58.
- ⁴⁵ **Стендаль.** Собр. соч.: В 15 томах. М., 1959. Т. 5. С. 211.
- ⁴⁶ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 56—57.
- ⁴⁷ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 54.
- ⁴⁸ **Young P.** Op. cit. P. 58.
- ⁴⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 54.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 55.
- ⁵¹ **Gachot E.** Histoire militaire de Masséna. P., 1904. P. 24.
- ⁵² **Young P.** Op. cit. P. 58.
- ⁵³ **См.: Суворов А. В.** Письма. М., 1986. С. 361—362.
- ⁵⁴ **См.: Боголюбов А. Н.** Полководческое искусство Суворова. М., 1939. С. 124—126.
- ⁵⁵ **Наполеон.** Указ. соч. С. 355.
- ⁵⁶ **Soult.** Mémoires du Maréchal-Général Soult duc de Dalmatie. Publiés par son fils. P., 1854. Т. 2. P. 239.
- ⁵⁷ **Боголюбов А. Н.** Указ. соч. С. 137.
- ⁵⁸ Там же. С. 140.
- ⁵⁹ **Young P.** Op. cit. P. 58.
- ⁶⁰ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 57.
- ⁶¹ *Ibidem.*
- ⁶² *Ibid.* P. 57—58.
- ⁶³ **Young P.** Op. cit. P. 59.
- ⁶⁴ **Soult.** Op. cit. Т. 3. P. 11.

- ⁶⁵ **Пеэр.** Указ. соч. С. 293—294.
- ⁶⁶ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 58.
- ⁶⁷ **Левицкий Н. А.** Указ. соч. С. 97.
- ⁶⁸ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 59.
- ⁶⁹ Ibidem.
- ⁷⁰ Ibidem.
- ⁷¹ **Young P.** Op. cit. P. 59.
- ⁷² **Бурьени Л. А.** Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 13.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 8. С. 309.
- ⁷⁵ **Левицкий Н. А.** Указ. соч. С. 102.
- ⁷⁶ **Ермолов А. П.** Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 39.
- ⁷⁷ **Тарле Е. В.** Наполеон. М., 1992. С. 185.
- ⁷⁸ The Confidential Correspondence of Napoleon Bonaparte with his Brother Joseph, sometime King of Spain. Lnd., 1855. V. 1. P. 85—86.
- ⁷⁹ Ibid. P. 92.
- ⁸⁰ Ibid. P. 129.
- ⁸¹ **Young P.** Op. cit. P. 60.
- ⁸² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 61.
- ⁸³ **Сент-Илер Э. М. де.** Воспоминания о Наполеоне. М., 1844. С. 200—201.
- ⁸⁴ **Левицкий Н. А.** Указ. соч. С. 164.
- ⁸⁵ Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2. С. 43.
- ⁸⁶ **Young P.** Op. cit. P. 60.
- ⁸⁷ Ibid. P. 61.
- ⁸⁸ Ibidem; **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 69.
- ⁸⁹ **Манфред А. З.** Указ. соч. С. 629.

- ⁹⁰ The Confidential Correspondence... V. 2. P. 114.
- ⁹¹ **Marmont.** Mémoires du Duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. T. 3. P. 451.
- ⁹² **Macdonell A. C.** Op. cit. P. 9.
- ⁹³ **Marmont.** Op. cit. T. 1. P. 147.
- ⁹⁴ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 13. С. 68—70.
- ⁹⁵ **Barrès J.-V.** Memoirs of a napoleonic officer Jean-Baptiste Barrès. N. Y., 1925. P. 142—143.
- ⁹⁶ Letters from Portugal, Spain and France written during the campaigus of 1812, 1813 and 1814 addressed to a friend in England. By S. D. Broughton. Lnd., 1815. P. 80.
- ⁹⁷ **Barrès J.-V.** Op. cit. P. 143. По словам автора монографии о битве при Бусако Дональда Д. Хорвада, в сражении 27 сентября французы потеряли 515 чел. убитыми, 3 600 чел. ранеными, 364 чел. пленными. Таким образом общее число потерь составило 4 480 чел. Армия Веллингтона понесла потери, равные 1 252 чел. (200 чел. убитыми и 1 052 чел. ранеными) / **Howard D. D.** The Battle of Bussaco: Masséna versus Wellington. The Florida State University. Tallahassee, 1965. P. 128.
- ⁹⁸ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 13. С. 284, 211—212.
- ⁹⁹ **Barrès J.-V.** Op. cit. P. 143.
- ¹⁰⁰ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 13. С. 214, 218.
- ¹⁰¹ Letters from Portugal... P. 75—76.
- ¹⁰² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 65.
- ¹⁰³ Letters from Portugal... P. 74.
- ¹⁰⁴ **Marmont.** Op. cit. T. 3. P. 451.
- ¹⁰⁵ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 65—66.
- ¹⁰⁶ **Marmont.** Op. cit. T. 3. P. 451.
- ¹⁰⁷ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 13. С. 337.
- ¹⁰⁸ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 14. С. 13.
- ¹⁰⁹ **Chaptal J.** Mes Souvenirs sur Napoléon par Cte Chaptal. P., 1893. P. 298.

- ¹¹⁰ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 14. С. 22.
- ¹¹¹ Там же. Т. 13. С. 73—74.
- ¹¹² Там же. Т. 14. С. 23.
- ¹¹³ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 238—239.
- ¹¹⁴ **Young P.** Op. cit. P. 64.
- ¹¹⁵ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 67.
- ¹¹⁶ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 249—250.
- ¹¹⁷ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 16. С. 246—247.
- ¹¹⁸ **Lacroix D.** Les Maréchaux de Napoléon. P., s. a. P. 82.
- ¹¹⁹ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 257.
- ¹²⁰ **Скотт В.** Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов. М., 1995. Т. 2. Кн. III—IV. С. 448.
- ¹²¹ **Marshall-Cornwall J.** Op. cit. P. 259.
- ¹²² Ibid. P. 261.; **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 68.
- ¹²³ **Шаррас.** История кампании 1815 года. Ватерлоо. СПб., 1868. С. 394—395; **Chardigny D.** Les Maréchaux de Napoléon... P. 402.
- ¹²⁴ **Young P.** Op. cit. P. 65.
- ¹²⁵ **Мюссе А.** Исповедь сына века // Избранные произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 6.
- ¹²⁶ **Damamme J.-C.** Lannes Maréchal d'Empire. P., 1987. P. 284.

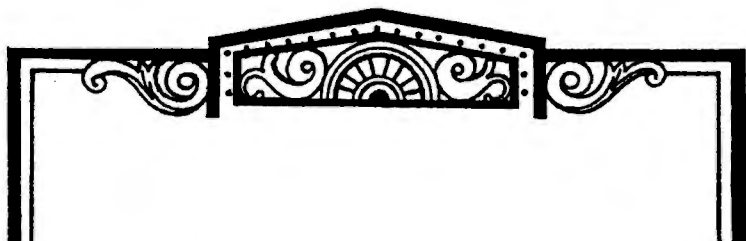
Глава 3

МАРШАЛ ДАВУ

«Это один из самых безупречных воинов Франции».

Наполеон о Даву

Люди, сыгравшие в своей жизни слишком заметную роль, приобретая известность и славу, почти неизбежно теряют то, что, казалось бы, потерять просто нельзя — свою биографию. Точнее сказать, их биография, разумеется, остается, но в настолько «преображенном», мифологизированном виде, что за нагромождением всевозможных историй, рассказов, случаев из их жизни почти невозможно разглядеть их настоящее лицо. Как на предназначенных для публики парадных портретах, так и в карикатурах подлинная историческая личность весьма далеко отстоит и от мифа, и от шаржа.

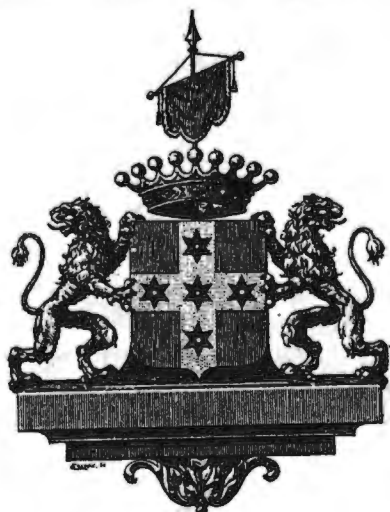
Возможно, этот феномен — явление некоего оптического обмана. Так же трудно, порой невозможно, рассмотреть чье-либо лицо при ярком свете прожекторов, как нельзя увидеть то же лицо и в темноте ночи.

Одной из таких мифологизированных личностей среди маршалов Наполеона, бесспорно, был знаменитый Даву, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, победитель пруссаков в 1806 г., свирепый проконсул Наполеона в Германии, палач Гамбурга, по праву получивший прозвище «железного маршала».

«Семейство д'Аву... принадлежит к старинному знатному бургундскому роду, позаимствовавшему свое имя от названия замка д'Аву округа Соль-ле-Дюк, находящегося близ Дижона»¹, — так начинает свое изложение биографии Даву граф Вижье. С этим мнением согласны все биографы «железного маршала», хотя по поводу того, насколько древен был род д'Аву, их мнение уже не столь едино. Кто-то полагает, что дворянский род д'Аву обосновался в Дижоне в конце XIII века²; кое-кто (например F. G. Hourtoulle) считает, что дворянами д'Аву стали еще в первой половине того

же XIII века, хотя вероятнее всего то, что их дворянство восходит к началу XIV века³. В любом случае современница Даву и известная мемуаристка Лаура д'Абрантес имела все основания написать в своих воспоминаниях следующее: «Даву происходил от прекрасной фамилии, которой благородство во всяком случае могло поддержать все почести, какими Император осыпал начальника ее (т. е. маршала Даву)»⁴. Из рода в род приобретая все новые фьефы, семейство д'Аву, в конце концов, стало одним из самых состоятельных семейств края.

Луи Николя Даву родился 10 мая 1770 г. в фамильном замке Анну в Бургундии. Он был старшим из четверых детей Жана-Франсуа Даву. После него в семье появились еще сестра Жюли 1771 г. рождения и два младших брата — Александр (1773) и Шарль (1776)⁵. Даву-отец, продолжая семейную традицию (почти все мужчины из рода Даву, как истинные дворяне, всем прочим занятиям предпочитали службу в армии, не даром старая бургундская поговорка гласила: «Когда рождается Даву, меч покидает свои ножны»), пошел по воинской стезе, дослужившись до чина лейтенанта. Особыми военными талантами он, по-видимому,

Фамильный герб д'Аву

не обладал, но лишь честно служил в полку Ларошфуко, в рядах которого сражался в годы Семилетней войны. В кровопролитном сражении при Миндене (1 августа 1759 г.), где французы были разбиты армией Фердинанда Брауншвейгского, Жан-Франсуа сумел отличиться, но был при этом ранен.

Мать Луи Николя — Мари-Аделаида, урожденная Минар — была «женщиной редких достоинств и глубокого ума...»⁶. Подобно своему мужу, она принадлежала к знатной дворянской семье. Один из ее предков, некий Антуан Минар, в течение 15 лет (с 1544 по 1559 г.) был президентом Парижского парламента*. Таким образом, в браке Жана-Франсуа и Мари-Аделаиды соединились потомок «дворянства шпаги»* — Даву и наследница честного имени предков из «дворян мантии»* — мадемуазель Минар.

Вскоре после рождения первенца семейство Даву переехало из Анну в Этиви, где прошли первые девять лет жизни Луи Николя. За два месяца до его девятого дня рождения (3 марта 1779 г.) на охоте от случайного выстрела погиб Жан-Франсуа*, и 38-летняя мадам Даву осталась вдовой с четырьмя малолетними детьми на руках...

Продав поместье в Этиви, возможно, из-за связанных с ним мрачных воспоминаний, госпожа Даву купила замок и земли в Равьере, куда и переехала со всем своим семейством, за исключением Луи Николя, который в 1779 г. был отдан для обучения в Военную королевскую школу в Оксерре. Эта школа, основанная в 1777 г., была одной из двадцати школ подобного рода, созданных по инициативе военного министра и реформатора графа Клода Луи де Сен-Жермена. Создавая систему военных школ, энергичный и умный Сен-Жермен с ее помощью надеялся реформировать пришедшую в очевидный упадок французскую армию. «Тогда у нас так мало занимались военным искусством и воинский дух так упал, — вспоминал современник, — что король*, желая всеми средствами восстановить народную честь, отправил французских офицеров в Пруссию с тем, чтобы они узнали там, как образуют и обучают войска»⁷.

Для поступления в Оксеррскую школу требовалось доказать наличие у будущего кадета четырех поколений благородных предков и внести плату за обучение. Кроме того, потенциальный воспитанник должен был уметь читать и писать⁸. Со всем этим у Луи Николя был полный порядок, а потому никаких проблем с поступлением в школу у него не возникло.

Обучение в военной школе, по меркам того времени, было поставлено на широкую ногу. За шесть лет учебы кадеты должны были приобрести основательные знания в области математики, истории, географии, иностранных языков и черчения. Программа обучения предусматривала также занятия по фехтованию и, что было совершенно необходимо для жантильома, — уроки в танцевальном классе.

Дисциплина в школе была достаточно строгой, а потому маленьким кадетам приходилось усердно заниматься, чтобы успешно осваивать школьные премудрости. С помощью своего наставника, учителя математики Шарля-Мари Лапорта, Луи Николя сумел достичь определенных высот в учебе. При раздаче наград в школе в сентябре 1783 г. Даву получил почетную грамоту за успехи в геометрии, а в следующем году был награжден такой же грамотой за успехи в алгебре. Это были все его награды за время учебы в Оксерре. Вообще говоря, Луи Николя на школьной скамье сумел обнаружить лишь бесспорные математические способности. Что же касается остальных предметов, изучаемых в школе, то здесь его успехи были более чем скромными. Языки ему явно не давались. Английский он выучил довольно скверно; столь же плохо, впрочем, он знал и немецкий.

По окончании Оксеррской военной школы в сентябре 1785 г. Луи Николя поступил в Парижскую военную школу, которую за 26 дней до того (1 сентября 1785 г.) окончил Наполеон Бонапарт. Первая встреча будущих маршала Франции и императора французов тогда не состоялась...

Парижская военная школа по своему духу и царящим в ней порядкам была одним из элитных военных училищ, бастионом роялизма и аристократии. Недаром, когда во Франции разразится революция, большинство ее выпускников покинут страну и даже будут сражаться против ре-

волюционной родины под различными знаменами в течение чуть не четверти века⁹.

Успешно окончивший свою вторую военную школу (19 февраля 1788 г.)¹⁰ Луи Николя, которому через пару недель исполнилось 18 лет, с чином подпоручика был направлен в Королевский Шампанский кавалерийский полк (Royal-Champagne), несущий гарнизонную службу в местечке Эсден, провинции Артуа. В этом же полку в свое время служили его отец и дядя, а в том году, когда началась служба для самого Луи Николя, — его двоюродный брат Франсуа-Клод. Первые полтора года службы для юного Даву если и были чем примечательны, так только тем, что ему пришлось жить, рассчитывая почти исключительно на свое скромное армейское жалованье. Обремененная тремя детьми, г-жа Даву не могла, как прежде, помогать «ставшему на ноги» старшему сыну. Теперь ему приходилось самому заботиться о себе.

Служа в гарнизоне Эсдена, Луи Николя живо интересуется политическими и общественными делами. Это естественно, потому что Франция находится на пороге революции, и теории французских просветителей* из чисто умозрительного мира идей не сегодня-завтра могут превратиться в нечто вполне реальное. Как и на многих его современников, на юного Даву огромное влияние оказал «гражданин Женевы» — Жан-Жак Руссо с его теорией общественного договора, идеей прямого народоправства и народного суверенитета. Дядя Луи Николя, майор Жак-Эдм Даву, не одобрял увлечения своего племянника новомодными идеями. «Мой племянник Даву... — с сожалением писал он, — никогда не станет солдатом. Вместо того, чтобы изучать (военную) теорию, он упивается книгами Монтеня, Руссо и других философов»¹¹. Кроме того, что на формирование мировоззрения Даву, несомненно, повлияло его знакомство с сочинениями просветителей, по мнению многих его биографов, известное влияние на него оказал адвокат Луи Тюрро де Линьер, женившийся на матери Луи Николя 31 августа 1789 г. и, таким образом, превратившийся в его отчима¹². Всего лишь девятью годами старше своего пасынка, г-н Тюрро де Линьер был человеком передо-

вых взглядов и республиканцем в душе. С ним у Луи Николя установились неплохие, ровные и уважительные отношения, хотя его домочадцы дружно осудили этот брак, считая скандальным союз, в котором невеста была почти на двадцать лет старше жениха.

1789 г. — первый год революции — не внес существенных изменений в жизнь Даву. Это, разумеется, не означает, что все осталось у него по-прежнему. «Даву с энтузиазмом воспринял принципы революции...»¹³, и потому нет ничего удивительного в том, что его душу наполнил восторг, когда в Аррас (где в это время находился его полк) пришло известие о взятии Бастилии*. Дослужившийся к тому времени до звания лейтенанта, Луи Николя предлагает отправить в Париж делегацию от полка с целью заявить Национальному собранию о поддержке происходящих в стране революционных перемен. В делегации, созданной по его инициативе, автору «патриотического действия» — лейтенанту Даву — отводится роль ее главы. Одним из тех, кто решил поддержать лейтенанта Даву и вместе с ним посетить столицу, был круглолицый, толстенький сержант по имени Клод Перрен*, предпочитавший называть себя Виктором¹⁴. Через год (в августе 1790 г.), сформированная в Эсдене, где вновь располагается полк Даву, национальная гвардия предлагает Королевскому Шампанскому вступить с ней в союз, образовав некую федерацию. Рядовые и младшие офицеры полка, в том числе Луи Николя, горячо поддержали это предложение. Командование полка, в свою очередь, было настроено решительно против любых объединений со штафирками, вырядившимися в военные мундиры. В итоге победа осталась за патриотами. Полковое начальство, однако, очень скоро отыскало повод для того, чтобы «разобраться» со смутьянами. После того, как во второй половине августа в Эсдене произошли беспорядки, к которым оказались причастны служившие в полку солдаты и офицеры, распоряжением военного министра все нарушители спокойствия были исключены из рядов Royal-Champagne. Возмущенный авторитарной мерой министра, Даву написал письмо, в котором, обращаясь к правительству, очень резко протестовал по этому поводу. В ответ по приказу во-

енного министра Даву был посажен под арест в Аррасе. По требованию солдат Шампанского полка и национальных гвардейцев разобраться с фактом произвола в отношении Даву национальное собрание приняло 4 сентября 1790 г. решение направить в Эсден для выяснения истины двух специальных комиссаров. Разбирательство заняло два месяца и окончилось благоприятным для Даву образом. Он не только был освобожден из заключения в Арраской крепости, но и восстановлен на службе в своем прежнем звании. По-видимому, пережитые волнения сказались на физическом и моральном состоянии Луи Николя. Освободившись из-под ареста, он выхлопотал для себя увольнительную на несколько месяцев и без промедления уехал к матери в Равьер.

Очутившись в семейном кругу, Луи Николя, как и прежде, много читает, отдавая предпочтение книгам по древней и современной истории, политической философии. Прочитанное еще больше убеждает его в истинности революционных доктрин. Республиканские взгляды, свойственные Даву еще в 1789 г., к 1791 г. окончательно превращаются для него в своеобразный *profession de foi**.

В сентябре 1791 г., оставив службу в регулярной армии, Даву простым солдатом вступает в 3-й батальон волонтеров департамента Йонна. Принимая во внимание полученное Даву военное образование, волонтеры уже 23 сентября 1791 г. избрали его своим капитаном, а еще через три дня — подполковником.

Между тем перемены происходят не только в служебной карьере, но и в личной жизни Луи Николя. Месяцы, проведенные им в Равьере в 1790—1791 гг., были не только тем временем, когда он усердно занимался самообразованием, но и временем, когда он, как ему тогда казалось, нашел ту единственную, неповторимую... Ее звали Мари-Николь-Аделаида де Сегено. Луи Николя был страстно в нее влюблен. Девица Сегено, по-видимому, тоже. Они встречались все лето. 8 ноября 1791 г. состоялась свадьба. Ничто, кажется, не предвещало, что этот брак будет таким недолгим...

Вскоре после свадьбы Даву покинул родной кров. 16 декабря 1791 г. его батальон был направлен в армию Севера,

а когда весной 1792 г. началась война Франции с Пруссией и Австрией, он сражался под командованием генерала Шарля Дюмурье в Австрийских Нидерландах. Домой на побывку он сумел отпроситься почти два года спустя (в сентябре 1793 г.). Но, пока Луи Николя сражался с австрийцами в Нидерландах, его супруга, отнюдь не обладавшая добродетелями Пенелопы, ему изменила. Разумеется, можно было сделать вид, что ничего не произошло. Это было тем проще, что во французском аристократическом обществе понятие семейной добродетели имело вполне абстрактный характер, и супружеские измены, адюльтер, вовсе не считались чем-то предосудительным и тем более из ряда вон выходящим. Даву мог, вероятно, утешиться, перечитывая строки знаменитых «Персидских писем» Монтескье: «Мужья здесь легко примиряются со своей участью и относят-

Луи Даву в 1792 г.

ся к неверности жен как к неизбежным ударам судьбы. Мужа, который один захотел бы обладать своей женой, почли бы здесь нарушителем общественного веселья и безумцем, который желает один наслаждаться солнечным светом, наложив на него запрет для всех остальных. Здесь муж, любящий жену, — это человек, у которого не хватает достоинств, чтобы увлечь другую...»¹⁵.

Однако Луи Николя не последовал этому «мудрому» обычаю. Хоть и не без колебаний, он решил развестись с неверной супругой. Расторгнуть брак в то время, когда в стране революция, было, по-видимому, не слишком сложно. 3 января 1794 г. Даву оформил развод с почти стереотипной формулировкой «из-за несходства характеров», а 18 месяцев спустя его экс-супруга скончалась после недолгой болезни.

1792—1794 гг. — очень важная эпоха в жизни Даву и, конечно, не только потому, что в это время распалась его семья. Эти годы важны еще и постольку, поскольку тогда он раз и навсегда порвал с сословием, из рядов которого вышел. Это, разумеется, произошло не сразу, не вдруг, не под влиянием какого-то неосознанного душевного порыва. Вероятно, еще обучаясь в военных школах, Луи Николя совершил то «духовное дезертирство», которое через несколько лет проявилось в его уходе из полка и поступлении в батальон волонтеров департамента Йонна.

Многих современников Даву занимал вопрос, как могло случиться, что он, аристократ, потомок старинного дворянского рода, в годы революции оказался в рядах противников своего сословия. Попытавшись найти на него ответ, герцогиня д'Абрантес написала по этому поводу буквально следующее: «Всем, кто особенно знал маршала Даву, должна быть памятна глубокая ненависть его к старинному дворянству, и даже ко всякому другому, прежде Империи. Но причина этого малоизвестна: вот она ...Он (Даву) был в службе до революции и еще очень молод в то время, когда начались путешествия в Кобленц и в Вормс*. Но он помнил прежде всего, что был французом; он громко осуждал отъезд своих товарищей и отказался последовать за ними. Мнение его, откровенно выраженное, навлекло на него неприятности и между прочим дуэль. Но он тем не меньше оста-

вался в своих правилах и не хотел выезжать. Сначала к нему присылали извещения — он не глядел на них; за ними следовали безымянные письма — он презирал их... Но однажды он получил ящичек, в котором были веретено и прялка*... Сердце его глубоко оскорбилось. «А! — сказал он, уничтожая немое и между тем выразительное оскорбление. — Так вы хотите войны? Хорошо, мы будем сражаться; но на вас падет стыд, а для меня останется слава и честь... Я защищаю свое отечество». С этой минуты Даву сделался отъявленным врагом всего старинного дворянства, хотя он сам принадлежал к нему и был из хороших дворян...»¹⁶.

Нет оснований не доверять свидетельству госпожи д'Абрантес, и все же, думается, мемуаристка в данном случае спутала повод и причину. Поводом, конечно, вполне могла стать «с намеком» переданная Даву прялка, но причина его «отступничества», несомненно, была куда более глубокой. Литература Просвещения, великая литература, развенчавшая старые кумиры, ниспровергшая существовавшие веками догмы, провозгласившая ценности нового, буржуазного мира, открыла Даву глаза на царящую во Франции социальную несправедливость и «завербовала» его на сторону революции. Другим источником революционности Луи Николя, по-видимому, было общение с людьми, придерживавшимися демократических, республиканских взглядов, как, например, его отчим — Тюрро де Линьер, ставший впоследствии членом Конвента¹⁷.

Говоря о революционных настроениях Даву, вместе с тем надо отметить один существенный нюанс: Луи Николя никогда не принадлежал к «крайним» революционерам вроде монтаньяров* 1793—1794 гг. Ему скорее были ближе жирондисты, с их неприятием тирании, пиететом к частной собственности и умеренным республиканизмом. В любом случае для Даву, как для человека военного, совершенно неприемлемым и опасным казалось допускать случаи самосуда, «народной расправы» над гражданскими лицами, пусть даже они считались «врагами народа». В этом смысле интересен случай, происшедший зимой 1792 г. в городке Дорман, где в то время находился полк, в котором служил Даву.

В этом городке в сопровождении шестерых спутников неожиданно появился бывший епископ Меда — месье де Кастеллан. Он остановился в гостинице, о чем немедленно стало известно местным патриотам. Они знали, что экс-епископ бежал из Парижа, спасаясь от преследований со стороны Законодательного собрания*. Страсти мгновенно накалились. Собралась толпа; было решено «извлечь» беглеца из гостиницы и немедленно расправиться с ним. Даву, подоспевший к гостинице с отрядом солдат, предотвратил самосуд, лично арестовал бывшего прелата и отправил его на следующее утро для судебного разбирательства в Орлеан. Любопытно, что по пути в Орлеан экс-епископ сумел бежать от сопровождавших его стражей...¹⁸

В апреле 1792 г. часть, в которой служил Даву, получила приказ идти к Вердену. Немного времени спустя ей было приказано двигаться в направлении на Седан, чтобы войти в состав армии генерала Лафайета. В середине июля Даву вместе со своими волонтерами попадает в укрепленный лагерь в местечке Мольд и находится там вплоть до середины следующего месяца. Между тем в столице происходят события, весть о которых эхом разносится по всей Франции. 10 августа 1792 г. в результате парижского народного восстания в стране была ликвидирована монархия. Из христианнейшего короля Божией милостью и силой конституционных законов Людовик XVI превращается в гражданина Капета, заключенного замка Тампль*, смиренно ожидающего решения своей участи. Вопрос о суде и наказании «тирана» теперь всего лишь вопрос времени. В сентябре 1792 г. в Париж на свое первое заседание съезжаются члены только что избранного Национального Конвента, сменившего поднадоевшую всем Конституанту*, и Франция провозглашается республикой.

Вести о происходящих в стране переменах вызывают горячее одобрение в рядах волонтеров. Подполковник Даву — один из многих, кто не сомневается в благотельности того, что совершилось во Франции в августе—сентябре 1792 г.

Осень 1792 г. — значимая пора его жизни. 1 сентября между Конде и Валансьеном он вместе со своими волонте-

рами впервые вступает в бой с австрийцами в рядах наступающих войск Армии Севера; Луи Николя не раз приходится водить в бой волонтеров, и успех ему сопутствует. 24 октября 1792 г. волонтеры Даву захватывают австрийские укрепления, чуть позже участвуют в осаде Брюсселя и заканчивают кампанию 92-го года под стенами Антверпена.

Но военное счастье переменчиво, и уже весной 1793 г. вчера еще победоносная французская армия терпит неудачу за неудачей. Своя «доля» неудач выпадает и Армии Севера, которой командует знаменитый победитель пруссаков при Вальми генерал Дюмурье. На полпути между Брюсселем и Льежем под Неервинденом 18 марта 1793 г. армия Дюмурье терпит тяжелое поражение от австрийцев. В этом сражении Даву со своими волонтерами отважно сражается в центре французских позиций, но не может, конечно, превратить поражение в победу. Он, разумеется, не знает о том, что главнокомандующий замыслил измену и ведет тайные переговоры с врагом. Ему становится об этом известно лишь 4 апреля, когда с несколькими солдатами своего полка по дороге из Конде в Сен-Аман он случайно лицом к лицу сталкивается с генералом-изменником. Не растерявшись, он

Дюмурье

приказывает открыть огонь по проезжающему мимо Дюмурье и сопровождающим его лицам. Осыпанные градом пуль, Дюмурье и его штаб не без труда отрываются от неожиданных преследователей, оставив у них в руках в качестве трофеев лошадь генерала и его секретаря...

1 мая 1793 г. в благодарность за участие в подавлении заговора Дюмурье Даву был произведен в чин полковника, став командиром полубригады, в состав которой вошли три батальона волонтеров.

Весной 1793 г. в «послужной список» Даву попадает участие в боях в Сен-Аманском лесу, обороне укрепленного лагеря в Фамаре, командование арьергардом отступавшей французской армии, во время которого ему пришлось выдерживать по 30—40 стычек в день с войсками противника. Однако с течением времени для Луи Николя куда более опасным становится не поле боя, а разговоры по душам с сослуживцами. Как-то раз, в конце апреля 1793 г., командующий Армией Севера генерал Дампьерр пригласил его на обед. Во время возникшей за столом беседы Даву крайне неодобрительно отозвался о якобинцах, а также об их вождах — Робеспьере и Марате. Относительно их политических оппонентов, жирондистов, он, напротив, был самого высокого мнения. Случилось так, что на том же самом обеде, где велись эти речи, присутствовали два осведомителя военного министра, поинтересовавшиеся у Даву, почему он так критикует якобинцев. Явно провоцируя его на откровенный разговор, они «внезапно» вспомнили о том, что еще в 1790 г. не кто иной, как Марат и Робеспьер выступили в его защиту, когда полковое начальство попыталось с ним «разобраться» за его чересчур радикальные взгляды. Удар был рассчитан верно. Что значили эти слова, как не прямое обвинение Даву в неблагодарности?

Луи Николя пришлось объясниться. «Тогда, — сказал он, — я отказался служить планам короля, который был моим благодетелем. Теперь по той же самой причине я отказываюсь идти на службу к якобинцам и поддерживать их планы, которые представляются мне гибельными»¹⁹. По мнению одного из биографов Даву, именно с этим неосторожным признанием был связан его перевод из Армии Се-

вера в так называемую Армию Запада, совершившийся в начале июля 1793 г.²⁰ Мнение это, однако, не кажется сколько-нибудь обоснованным. Уже сам срок, прошедший между откровенным разговором и решением направить Даву в Армию Запада (два с лишним месяца), делает такое предположение неправдоподобным. К тому же вряд ли в этом случае можно будет разумно объяснить, почему «опальный» Луи Николя тогда же, в начале июля, был повышен в звании, получив чин бригадного генерала.

По-видимому, вопрос о том, почему Даву был переведен из армии Севера в Армию Запада, проще поставить, нежели ответить на него, не прибегая ради этого к очевидным натяжкам.

В Армии Запада Даву попадает под начало генерала Ла Барольера — военачальника, довольно скромно наделенного полководческими талантами. Возможно, как раз по поводу генералов вроде Ла Барольера однажды, выступая в Конвенте, Робеспьер раздраженно заметил: «Дал бы бог, чтобы нашими армиями так хорошо руководили, как руководят армиями мятежников!»²¹ Пожелания пожеланиями, но тогда, летом 1793 г., мятежники Вандеи* и в самом деле сражаются гораздо успешнее своих противников-республиканцев. После разгрома вандейцами республиканских войск при Вьере (18 июля 1793 г.) Даву с небольшим отрядом кавалерии прикрывал их беспорядочное бегство, проявив полнейшее самообладание и мужество. Распорядительность и отвага этого низкорослого, склонного к полноте и рано начавшего лысеть бригадного генерала обращает на себя внимание командования армией. Не проходит и двух недель после битвы при Вьере, как Даву получает новое повышение — чин дивизионного генерала и приказ возвратиться в Армию Севера.

Но вместо того, чтобы отправиться к месту нового назначения, Даву едет в Париж — этот больше чем город, больше чем столица: «Ватикан разума», как несколько театрално, но точно назвал его еще в 1792 г. «гражданин мира» барон Клоотс. Впрочем, в Париж Луи Николя влечет не праздное любопытство. Он приезжает туда с вполне определенной целью — отказаться от присвоенного ему

30 июля 1793 г. звания дивизионного генерала. Даву мотивирует свой отказ от очередного повышения своей молодостью (ему действительно только-только исполнилось 23 года), а также своей малой опытностью в делах. Дальше — больше. 29 августа 1793 г. Даву подает прошение об отставке и приказом военного министра Бушотта увольняется из армии.

Многие биографы Даву объясняют его уход нежеланием генерала служить в армии, полностью контролируемой якобинскими комиссарами, фанатичными приверженцами «системы террора» — кровавого детища революции. Испытывая ненависть и отвращение к «узаконенной расправе» на государственном уровне со всеми «отступниками», не разделяющими идеалов монтаньяров, Даву предпочел уйти в отставку и не участвовать в совершающемся в стране преступлении²². Возможно, недолгий, но незабываемый «опыт» участия в гражданской войне на западе, в Вандее, побудил Луи Николя сделать этот решительный и, добавим, небезопасный шаг...

Наряду с первым объяснением того, почему Даву оставил армейскую службу в 1793 г., существует еще и другое. Согласно ему не Луи Николя по собственной инициативе покинул армию, а он был из нее исключен вследствие его аристократического происхождения²³.

Вероятно, ближе к истине те авторы, которые придерживаются первой точки зрения. Сохранилось письмо Даву к другу, написанное им в начале 1794 г., в котором есть такие строки: «Должны ли мы быть подвержены тирании любого рода, вроде тирании комитета или клуба?*... Почему все не французы могут стать свидетелями братства и республиканских добродетелей, которые царят у нас на бивуаках; здесь у нас нет разбойников, но разве их нет в изобилии у нас дома?»²⁴. Это письмо, несомненно, свидетельствует в пользу тех, кто считает, что уход Луи Николя из армии был его собственным и осознанным выбором.

Однако как бы то ни было, бесспорным остается тот факт, что вплоть до 11 октября 1794 г.²⁵, то есть больше года, Даву не служил в рядах французской армии. Все это время он провел в доме матери, в Равьере. Луи Николя усиленно

занимается самообразованием. Он, как всегда, очень много читает (возможно, именно с этим связано то, что его врожденная близорукость вскоре превращается для него в серьезную проблему), отдавая предпочтение книгам по военной истории.

Равьерская идиллия Даву продолжается недолго. Дело в том, что он, генерал республики, оказавшийся в отставке во время войны, в которой против нее сражается могущественная коалиция европейских держав, не может не казаться властям человеком подозрительным. А за подозрительными личностями нужен глаз да глаз, и потому нет ничего удивительного в том, что за Даву и его семьей начинают усиленно «присматривать». Вскоре после того, как Луи Николя приехал в Равьер, по обвинению в переписке с эмигрантами* была арестована и увезена в Оксерр его мать. Правительственные агенты не даром ели свой хлеб. Мария-Аделаида и в самом деле переписывалась с семейством Ларошфуко, доверившим ей перед своим отъездом из страны на хранение кое-какие ценности, которые и являлись предметом их переписки. Даву, сопровождавший мать в Оксерр, узнал обо всем этом в пути. Ночью, тайком покинув мать, он, никем не замеченный, возвратился в Равьер, перелез через стену сада, отыскал и уничтожил злополучные письма. Так же незаметно на рассвете ему удалось вернуться к матери. По прибытии Марии-Аделаиды в Оксерр судьи, не располагавшие достаточными уликами против нее, сочли возможным ее отпустить. Правда, уже в апреле 1794 г. мать Луи Николя вновь была арестована и на этот раз провела несколько месяцев в тюрьме. Сам Даву также не избежал ареста и, будучи посажен в тюрьму, находился между жизнью и смертью в течение трех месяцев. Лишь низвержение якобинской диктатуры в результате переворота 9 термидора* 1794 г. приносит освобождение Даву и его матери. По словам биографа Луи Николя, «печальный опыт 1793—1794 гг. превратил его (Даву) в противника якобинизма и... пробудил в нем искреннее стремление к установлению такого порядка, при котором отсутствовали бы страх и насилие»²⁶.

После 9 термидора Даву был восстановлен в своей должности и направлен в так называемую Мозельскую армию. В этом ему сильно помог Тюрро де Линьер, который (хотя к тому времени его совместная жизнь с матерью Луи Николя окончилась) порекомендовал его Лазару Карно*, а также замолвил за него слово генералу Луи-Антуану Пилю, занимавшему важную должность в военном министерстве.

Зимой 1794/95 гг. в качестве командира кавалерийской бригады²⁷ Луи Николя сражается в рядах Мозельской армии, которой командует один из лучших генералов республики Жан-Виктор Моро.

Участвуя в осаде Люксембурга, в ночь на 4 марта 1795 г. Даву со своими кавалеристами совершает дерзкий рейд в тыл к австрийцам. Чуть позже бригада Даву участвует в осаде Майенса. В середине мая 1795 г. часть, которой командует Луи Николя, переброшенная под Шпейер, сражается с австрийцами чуть южнее Маннгейма.

После объединения Мозельской и Рейнской армий в Рейнско-Мозельскую армию не раз судьба сводит бригадного генерала Даву с генералом Марсо, получившим у современников прозвище «льва французской армии». Первые встретившись в Вандее летом 1793 г., теперь, в 1795 г., на Рейне Даву и Марсо становятся близкими друзьями, настолько близкими, что Луи Николя, на правах старшего брата, собирается устроить брак сестры Жюли, выдав ее замуж за своего закадычного приятеля. Гибель Марсо осенью следующего года помешала этому плану осуществиться...

Во время боевых действий, развернувшихся под Маннгеймом осенью 1795 г., Даву познакомился и подружился с бригадным генералом Никола-Шарлем Удино, прославившимся тем, что, кажется, не было ни одной стычки, ни одного сражения, участвуя в которых, он не получил бы ранения.

Поздней осенью 1795 г. окруженные близ Маннгейма в своем укрепленном лагере французские войска были вынуждены сложить оружие и сдаться австрийцам. Это произошло 21 ноября 1795 г. Кавалерийская бригада Даву также очутилась в плену. По счастливому для Луи Николя стечению обстоятельств победителями-австрийцами командовал генерал Вурмзер. «Старый гусар»²⁸, как называл Вур-

мзера барон Жомини, не забыл о своем друге — французском майоре Жаке-Эдме д'Аву, приходившимся Луи Никола дядей... В знак уважения к своему старинному другу Вурмзер разрешил Даву возвратиться во Францию под честное слово, что тот не будет больше принимать участия в боевых действиях.

Вернувшись на родину, Луи Никола едет в Равьер и вновь, как это уже не раз случалось, погружается в мир книг. Круг его чтения тот же, что и раньше: древняя история, сочинения по стратегии и тактике...

Лишь в ноябре 1796 г., после того, как французы и австрийцы совершают обмен военнопленными, Даву возвращается под знамена Рейнско-Мозельской армии, которой в ту пору командует генерал Бернонвиль. Если уподоблять военную кампанию спектаклю на театральной сцене, то Луи Никола прибывает в армию почти под занавес третьего акта пьесы из трех актов. Уже 9 декабря 1796 г. Бернонвиль заключил с австрийцами перемирие. Активные военные действия развернулись лишь весной 1797 г.

Французские войска форсируют Рейн, и в боях под Дирсхаймом кавалерийская бригада Даву вновь обращает на себя внимание армейского командования. Во время этих наступательных операций Рейнско-Мозельской армии

Генерал Удино

Генерал Марсо

Генерал Моро

Пишегрю

Дезе

Республики Луи Николя сражается бок о бок с генералом Луи Шарлем Антуаном Дезе, по словам Наполеона, обладавшим «в высшей степени тем равнодушием, которое столь необходимо великому полководцу, — равновесием ума и характера или мужества»²⁹. Как и Даву, аристократ. Дезе, по-видимому, был на него похож и во многих других отношениях. Подобно Луи Николя, он еще до революции окончил военную школу в Эффия, то есть был профессиональным военным. Когда грянула революция, Дезе раз и навсегда порвал со своим сословием, что было отнюдь не просто, ибо из его родственников 17 человек, в том числе два родных брата, бежали за границу, став эмигрантами³⁰. Осенью 1793 г. по распоряжению якобинского Комитета общественного спасения Дезе был отправлен в отставку и возвратился в армию лишь благодаря ходатайству генерала Шарля Пишегрю*, которому, в свою очередь, покровительствовал могущественный Сен-Жюст*. Дезе походил на Даву даже тем, что был, как свидетельствует Наполеон, «всегда небрежно одет»³¹. Современники, писавшие о Даву, также дружно отмечали то, что Луи Николя «был человек самый неопрятный, самый грязный наружностью, какого только можно встретить. Это поразило меня так необычайно, — пишет Лаура д'Абрантес, — что, несмотря на всю добрую волю быть вежливой к другу моего мужа, я не могла не изъявить своего изумления... при виде сапог, загрязненных даже летом (верно, он шел по какому-нибудь ручью, и это могло случиться с ним даже в полдень, потому что он не ясно видел), при взгляде на руки, маленькие и белые, но с ногтями в полутрауре, под стать грязному, истасканному фланелевому жилету»³².

Сходство судеб далеко не всегда означает сходство характеров, но в случае с Даву и Дезе все было именно так. В основе дружбы, связавшей Луи Николя и Луи Шарля Антуана, лежало то, что обыкновенно несколько абстрактно именуется родством душ. Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что Даву и Дезе ничем не отличались друг от друга. Дезе был совершенно несвойствен грубый, оскорбительный тон, который Даву нередко позволял себе в отношении своих подчиненных или людей, равных ему по званию.

Так или иначе, знакомство и дружба с Дезе вскоре круто изменили жизнь генерала Даву.

26 вандемьера VI года республики (17 октября 1797 г.) разгромленная в Италии и теснимая на Рейне Австрия подписала мирный договор с Францией в Кампо-Формио. Победоносная в Европе Директория, с подачи прославленного Итальянским походом 1796/97 гг. генерала Бонапарта и хитроумного министра иностранных дел республики Талейрана, стала вынашивать далеко идущие экспансионистские планы. Причем на этот раз дело не ограничивалось рамками европейского континента. Алчные взоры французской буржуазии пали на Египет. Захватив эту богатую провинцию дряхлеющей на глазах Оттоманской империи, Франция вплотную приближалась к Индии. Овладев Индией — «жемчужиной британской короны», французы наносили своей вечной упрямой сопернице и вдохновительнице антифранцузских коалиций в Европе тяжелый, быть может, даже смертельный удар.

С осени 1797 г. слухи о готовящейся против Англии широкомасштабной военной операции (многие, особенно жители Британских островов, правда, полагали, что это будет десант, который французы попытаются высадить на территории Великобритании) стремительно распространились по всей Европе. Немало французских военных, обуреваемых жадной нововыдуманных подвигов и боевых отличий, стремились попасть в состав формируемой Английской армии под командованием генерала Бонапарта. О том, что Английская армия на самом деле отправится покорять Египет, знал лишь весьма ограниченный круг лиц. Ко второй в своей жизни большой войне Бонапарт готовился с особенной тщательностью. По словам известного историка, он «чуть не поодиночке отбирал для Египта солдат, с которыми воевал в Италии»³³. Не менее тщателен был, разумеется, отбор генералов и офицеров, призванных разделить с Наполеоном трудности и славу Восточного похода.

У Даву было мало шансов участвовать в грандиозной по своему замыслу Египетской экспедиции Бонапарта. Но тут ему помог случай. Друг Луи Николя Дезе устроил встречу Даву с Наполеоном в Париже. «Покоритель Италии» при-

нял Даву в своем особняке на улице Виктуар 22 марта 1798 г. Это была их первая встреча. «Будущий император, — пишет один из биографов Даву, — сразу же обнаружил в этом невысоком, плотном, лысоватом молодом человеке те качества, которыми мало кто обладает. Потому он и взял его с собой в Египет»³⁴. Так ли все было просто на самом деле? Попал ли Даву под обаяние личности Наполеона, как о том пишет автор приведенной выше цитаты? Стал ли Луи Николя вскоре после личного знакомства с будущим повелителем «человеком Бонапарта»? Есть много причин для того, чтобы не отвечать на эти вопросы безусловным «да».

Одна из них — чрезвычайно любопытное свидетельство Жюно, адъютанта Бонапарта, человека, безгранично преданного ему и искреннего. «Когда генерал Даву возвратился с Восточную армию, Жюно сказал мне, — вспоминает его жена: — «Я желал бы, чтобы этого земляка приняли лучше, нежели примут его. Первый Консул не любит Даву, потому что в Египте он был в связи со всеми, кто почитался врагом Бонапарте. Я не думаю, чтобы Первый Консул имел причину, но нет сомнения, что он чувствует к Даву антипатию, какую только можно чувствовать к кому-нибудь. Для меня это прискорбно, тем больше, что Даву — мой земляк и человек с дарованием»³⁵. По мнению самой мемуаристки, причинами, в силу которых Наполеон испытывал антипатию к Даву, были его внешняя неопрятность и свойственная Луи Николя грубость в обращении с другими людьми. Бонапарт, по ее словам, «не любил этого дерзкого обхождения, этого обычая сопровождать похвалу насмешливой улыбкой. Все это не нравилось ему, и он не скрывал своих мыслей»³⁶. Не стоит сбрасывать со счетов, вероятно, также и то, что к началу Египетской экспедиции Даву не проявил сколько-нибудь выдающихся полководческих талантов и не совершил ничего заметного, что бы выделило его из числа множества таких же, как и он сам, бригадных генералов. «Даву служил в Рейнской армии, — пишет по этому поводу Мармон, — достойно, но неприметно; он появился в Египетской армии очень поздно и к этому времени не приобрел никакой репутации»³⁷. В словах Мармона так же, как и в откровениях Жюно, а возможно, и в догад-

ках его супруги содержатся ответы на вопрос о том, каковы на самом деле были отношения между Даву и Наполеоном в начале их знакомства. Если на основании этих свидетельств попытаться прийти к каким-либо общим выводам, то они, наверное, должны быть следующими. В 1798 г. Даву был скорее «человеком Дезе», нежели «человеком Бонапарта». По целому ряду причин Луи Николя не нравился своему новому командующему. Очень может быть, что и сам Даву совсем не испытывал по отношению к Бонапарту тех чувств, которые приписывали ему историки.

По-видимому, все было как раз наоборот. Наполеон сначала еще только присматривался к протее Дезе, по его просьбе определенному в штаб экспедиции³⁸. Даву, вероятно, делал то же самое. Первое впечатление у командующего было не в пользу Луи Николя, и тот, очевидно, почувствовав это, весьма неосмотрительно пошел на обострение конфликта, позволив себе роскошь фрондировать против Бонапарта.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале Египетского похода Наполеон не поручал Даву сколько-нибудь ответственные задания и тем более не собирался назначать его командовать крупным воинским соединением. Любопытно то, что в своем очерке кампании в Египте и Сирии в 1798—1799 гг. Бонапарт крайне редко упоминает Даву, причем его характеристика как «отличного офицера»³⁹ появляется лишь в середине этого описания...

После взятия Александрии, во время штурма которой Даву ничем особенным себя не проявил, он был назначен командиром кавалерии в дивизии Дезе. Именно в этом качестве он принял участие в знаменитой битве у пирамид близ Каира (21 июля 1798 г.), завершившейся разгромом мамлюков и упрочившей завоевание французами Нижнего Египта.

Вскоре после того, как армия Бонапарта вступила в Каир (23 июля), Даву заболел дизентерией и какое-то время оставался в городе. По выздоровлении, выполняя приказ командующего, он успешно осуществил реорганизацию армейской кавалерии.

Генерал Пуден

С осени 1798 г. вместе с Дезе Даву участвует в покорении Верхнего Египта. Бои с мамлюками перемежаются с карательными экспедициями против взбунтовавшегося населения⁴⁰. Кавалеристы Даву безжалостно рубят саблями повстанцев, обеспечивая усмирение всех окрестных деревень посредством этой показательной кровавой расправы. За успехи в боях против Мурад-бея и за подавление восстания в Нижнем Египте Даву получает чин дивизионного генерала.

В знаменитом Сирийском походе 1799 г. Луи Николя не участвовал. Лишь по возвращении Наполеона в Египет, когда неподалеку от Александрии высаживается турецкая армия Мустафы-паши, Даву, как и при пирамидах, в битве при Абукире (25 июля 1799 г.) сражается в присутствии главнокомандующего. Правда, если быть точным, в течение почти всего сражения он находится в тылу, возглавляя резерв. Роль простого зрителя его, однако, вряд ли устраивает. Быть может, как раз по этой причине он требует, чтобы Бонапарт с ним лично встретился и переговорил.

Встреча состоялась. О чем разговаривали в тот раз Наполеон и Даву — неизвестно. Но в любом случае именно с этой встречи, с этого момента Луи Николя становится человеком, безгранично преданным Бонапарту⁴¹.

Во французском языке существует выражение *coup de grâse*, означающее «смертельный удар». Право нанести его разгромленной при Абукире турецкой армии получает Луи Николя, получает после своего разговора с командующим. В записках начальника штаба французской армии генерала Бертье этот завершающий эпизод битвы запечатлен следующим образом: «12-го* генерал Даву был в траншеях; он отделил все дома, в которых неприятель имел квартиру, и отсюда бросился в форт*, после чего убил многих... успех этого дня, ускорившего сдачу форта, принадлежит прекрасным распоряжениям генерала Даву»⁴².

Тем не менее, когда Наполеон возвращается во Францию*, бросив на произвол судьбы свою экспедиционную армию, Даву не попадает в тот относительно узкий круг лиц из ближайшего окружения Бонапарта, которых он берет с собой.

Луи Николя остается в Египте и даже получает пост военного губернатора трех провинций — Бени-Суэф, Эль-Файюм и Эль-Миния в центральной части страны. Новый командующий экспедиционными войсками республики генерал Жан-Батист Клебер, однако, совсем не собирается «задерживаться» в Египте. Он вступает в переговоры с англичанами, установившими жесткую морскую блокаду побережья, и в конце концов (несмотря на протесты некоторых старших офицеров, в их числе был и Даву) подписывает с ними соглашение в Эль-Арише весной 1800 г. По этому соглашению «французы должны были выйти из Египта, а Клеберу с армией предписывалось возвратиться во Францию безо всяких угроз и опасностей от английского флота»⁴³. Вскоре после заключения эль-аришской конвенции Даву и Дезе с разрешения англичан выехали во Францию. Это случилось в марте 1800 г. Но сразу после их отъезда из Лондона пришло сообщение о том, что британское правительство отказалось ратифицировать соглашение, подписанное Клебером и сэром Сиднеем Смитом в Эль-Арише. Английские корабли устроили настоящую охоту за появившимися было на Средиземном море французскими судами. В раскинутую англичанами сеть вскоре попал корабль, на борту которого находились Даву и Дезе. Почти месяц они провели в английском плену в Ливорно⁴⁴ и, не без труда ускользнув оттуда, появились во Франции лишь в начале мая. По одним данным, Даву и Дезе прибыли в Тулон 5, по другим — 6 мая 1800 г.⁴⁵

Узнав о возвращении Даву во Францию, Наполеон, к тому времени уже первый консул и глава французского правительства, тотчас присылает ему письмо весьма лестного содержания: «Я с удовольствием узнал, гражданин, о том, что вы прибыли в Тулон. Кампания* еще только началась; нам нужны люди, обладающие вашими талантами. Вы можете быть уверены в том, что я не забыл о тех услугах, которые вы нам оказали при Абукире и в Верхнем Египте. Когда ваш карантин окончится, приезжайте в Париж»⁴⁶.

Луи Николя не торопится откликнуться на лестное приглашение. Вместо того, чтобы поспешить в столицу, он едет

к родственникам в Равьер. В Париже он появляется лишь в начале июля 1800 г.

В чем причина странной «нерасторопности» Даву? Почему, подобно Дезе (успевшему в решающий момент битвы при Маренго 14 июня 1800 г. со своими войсками подоспеть на помощь армии первого консула и найти на поле боя славную смерть), он немедленно не отправился на Апеннины? Возможно, правильнее всего было бы объяснить это тем, что Даву был обижен на Бонапарта, бросившего его как ненужную, негодную вещь в Египте. Человек, бесспорно, самолюбивый и, как все самолюбивые люди, обидчивый, Луи Николя вполне мог испытывать тогда к Наполеону чувства, весьма далекие от благодарности. Желание верой и правдой служить человеку, который без колебаний оставил его в египетской мышеловке, у Даву, должно быть, заметно поубавилось за истекшие с момента отъезда Наполеона из Египта месяцы. В плену у англичан в Ливорно у Луи Николя было достаточно времени для того, чтобы хорошенько поразмышлять обо всем этом...

Первый консул проявляет в отношении Даву подчеркнутую предупредительность. По его распоряжению в июле 1800 г. Луи Николя назначен командующим кавалерией Итальянской армии*. В этом качестве Даву доводится принять участие в боевых действиях в Италии в самом конце кампании 1800 г. В феврале 1801 г. ему поручают наблюдать за эвакуацией австрийцами крепости Мантуя и выводом имперских войск* из ряда других населенных пунктов на Апеннинах, обозначенных в Люневильском мирном договоре между Францией и Австрией*. Чуть позже Даву занимается реорганизацией кавалерии союзной Франции Цизальпинской республики. В июне 1801 г. Даву был вызван в Париж и уже 24 июля назначен генерал-инспектором кавалерии⁴⁷. Как не без удивления вспоминал секретарь Наполеона Луи Антуан Бурьенн, «этот человек (Даву)... без всяких знаменитых подвигов, без всяких прав, вдруг попал в величайшую милость»⁴⁸. Путь дивизионного генерала Луи Николя Даву к всевозможным отличиям был, однако, куда более извилист, чем о том пишет Бурьенн, а вслед за ним

некоторые историки. Стену, возникшую между Наполеоном и Даву в самом начале их знакомства в 1798 году, следовало разрушить с обеих сторон. Первому консулу, обладавшему фактически бесконтрольной и неограниченной властью во Франции, было гораздо проще, если можно так выразиться, пройти свою часть пути. Он мог (по крайней мере ему самому казалось, что он мог, раздавая направо и налево звания, должности, богатые денежные пожалования) заставить служить себе верой и правдой кого угодно. Даву в этом смысле было сложнее пройти свою часть пути. О том, что он для этого сделал, поведала в своих записках Лаура д'Абрантес. «...Даву, несмотря на свою близорукость, — вспоминала она, — удивительно умел распутывать самые смешанные нитки и размотать свою тесьму с таким искусством, что вскоре сделал из нее клубочек, красивый и кругленький. Он пришел в милость у Первого Консула, который, слыша каждый день вечные повторения, что Даву никогда не желал ему зла, не только исполнил самое главное желание его, то есть дал ему чины и должности, но и облек его своим доверием, следовательно, забыл все, за что мог негодовать и преследовать... Надобно было поддержать эту благосклонность, — продолжает мемуаристка, — и говорят, но я не верю несколько... что Даву выдумал для этого довольно странное средство. Он был настолько умен, что не мог вдруг сделаться обожателем человека, над которым смеялся, которого бранил за два или за три года прежде; но он решился прежде всего подражать Первому Консулу в одежде и во всей военной наружности. В нем было что-то похожее на Бонапарте, и это полусходство увеличивал он множеством разных принадлежностей. Сходство другого рода также употребил он в пользу; но оно выходило не совсем удачно, потому что было совершенно нравственное; а в этом случае никто не мог легко подражать Наполеону. Всего доступнее была строгость его, и Даву не только подражал ей, но даже парафразировал* ее. В то время общего возрождения Франции особенно занимались военной дисциплиною, которую наблюдали и прежде, но не так единообразно. Первый Консул хотел подвергнуть всю армию равным законам, которые должны были исполняться строго. Он часто рас-

суждал об этом перед многими из своих генералов, и, говорят, что Даву обещал ему лучшую ответственность за людей, которых вверят ему. — Я жила тогда, — замечает Лаура д'Абрантес, — совершенно в военном мире, посреди армии, и слух мой беспрестанно поражали жалобы низших и порицания равных или старших, которые все, так сказать, были дети Революции и еще не принимали этой системы, утвердившейся после; многие благоразумно удалялись от нее. Таким образом, гордость маршала Даву встречала не много одобрителей, если только они были. Спрашивали: почему генералу Даву не быть вежливым, и сердились, бывши полковником или генералом, когда главнокомандующий принимал их в туфлях, в халате и не хотел даже встать и поклониться. Этого не могли понять ни на каком языке, потому что до Революции была известна довольно общая поговорка: вежлив, как знатный господин. ...Как бы то ни было, а генерал Даву продолжал свой путь с грубостью против одного, с бранью против другого, и говорил вежливости в подражание Первому Консулу. Например: «Капитан Бори! Вы превосходно рисуете карты; не так как этот господин (он указал на капитана С...): он настоящий пачкун». В другой раз он сказал тому же капитану Бори: «Вы по крайней мере хорошо ездите верхом; вы умеете править лошадью; видно, что это дело для вас привычное; вы настоящий кентавр; а этот... (он указал на своего старшего адъютанта) ездит верхом как пехотинец, как деревянный мужичок». В другой раз он вывел на сцену своего шурина Леклерка-Дезессара, начальника штаба в дивизии Фриана, и назвал его очень странно перед всем штабом и даже перед войсками не в шутку, а просто в гневе»⁴⁹.

Разумеется, нельзя поручиться за то, что Лаура д'Абрантес нарисовала абсолютно достоверный образ Даву. Возможно, что-то в ее описании будущего герцога Ауэрштедтского было слишком утрировано, что-то, напротив, начисто выпало из ее поля зрения. И все же нам представляется, что супруге генерала Жюно лучше, чем кому бы то ни было, удалось запечатлеть на страницах своих записок ни на кого не похожую, своеобразную личность Луи Николя Даву.

В своей новой должности генерал-инспектора кавалерии Даву курировал кавалерийские части 1, 14, 15 и 16-го военных округов. После подписания Люневильского мирного договора с Австрией у Франции фактически (Англию можно не принимать в расчет) не остается противников в Европе. У французских военных появляется досуг, чтобы заняться устройством семейного очага, коль скоро они им еще не обзавелись. Появляется такой досуг и у Луи Николя. Другой вопрос, хочет ли он вновь обрести семейное счастье. Легко предположить, что после первого опыта супружества, завершившегося изменой жены и разводом, у Даву вряд ли было желание снова пускаться в рискованное плавание по бурным волнам моря житейского с очередной Дульсиной. Это предположение отчасти находит свое подтверждение в записках Жоржетты Дюкре, которая является свидетельницей тем более авторитетной и непредвзятой, что она была близкой подругой г-жи Даву №2. История, рассказанная мадам Дюкре, сводится к следующему. В 1801 г., когда уже было очевидно, что не сегодня-завтра Англия пойдет на заключение мира с Францией, первый консул задумал отправить военную экспедицию на о. Сан-Доминго. Воспользовавшись революцией в метрополии, чернокожие невольники свергли там власть белых поселенцев-французов, провозгласив свой остров республикой и избрав пожизненным правителем Туссена-Лувертюра — неграба, осмелившегося называть себя «первым консулом черных». Бонапарт, решивший восстановить власть метрополии над далеким островом, поручил возглавить военную экспедицию в Сан-Доминго своему зятю, генералу Леклерку*. Однако последний неожиданно отказался от назначения под тем предлогом, что не может покинуть Францию, так как ему надо прежде устроить судьбу своей младшей сестры, 18-летней девицы Луизы-Эме-Жюли Леклерк. По словам ее подруги, «прекрасная, как ангел, она (мадемуазель Леклерк) была проста, скромна и снисходительна»⁵⁰. Помимо молодости и привлекательной внешности, сестра генерала Леклерка обладала множеством других достоинств. К примеру, она окончила школу благородных девиц в Париже, хозяйкой которой была бывшая камеристка короле-

вы Марии-Антуанетты г-жа Кампан, получив очень приличное по тем меркам образование. Ее близкими подругами стали падчерица первого консула — Гортензия Богарне и одна из его сестер — Каролина. Учитывая тот факт, что сам генерал Леклерк был зятем Наполеона, Луиза-Эме-Жюли слыла завидной невестой. Правда, при всех плюсах женитьбы на мадемуазель Леклерк существовали и минусы. Во-первых, она не была дворянкой, а всего лишь принадлежала к известной буржуазной семье зерноторговцев из Понтуаза. Во-вторых, и это, возможно, был куда более существенный момент для девицы на выданье, за ней никто не давал никакого приданого. Разговаривая с первым консулом, его зять поделился с ним своими соображениями на сей счет: «Генерал, — сказал он, обращаясь к Бонапарту, — могу ли я поступить иначе (то есть уехать из Франции, не позаботившись о сестре)? Конечно, нет. Надобно поскорее выдать ее (мадемуазель Леклерк) замуж... например, завтра и потом ехать. Повторяю вам, что у меня нет состояния, и...» — «А разве меня нет тут? — возразил первый консул. — Ступай, мой милый, готовься к отъезду. Завтра сестра твоя будет замужем и выгодно». — «Но...» — «Кажется, я все сказал ясно; итак, без возражений». Генерал Леклерк... вышел, не произнеся ни слова. Спустя несколько минут генерал Даву входит к первому консулу и говорит, что он пришел извести его о своей женитьбе. «На девице Леклерк? Я нахожу это очень приличным». — «Нет, генерал, на г-же***...» — «На девице Леклерк, — прервал его Наполеон, сделав ударение на этом имени. — Не только этот брак приличен, но я хочу, чтобы он немедленно свершился». — «Я так давно люблю г-жу***...; теперь она свободна и ничто не заставит меня от нее отказаться». — «Ничто, кроме моей воли, — возразил первый консул, устремив на него свой орлиный взгляд. — Поезжай сейчас в Сен-Жермен к г-же Кампан, там ты увидишь свою невесту; ты будешь представлен ей братом ее, генералом Леклерком, который теперь у моей жены; он с тобой отправится. Девица Эме сегодня вечером придет в Париж. Приготовь свадебную корзину, которая должна быть отлична, потому что я буду посаженным отцом у этой молодой девицы; я озабочусь дать ей приданое, и брак со-

Мадам Даву

вершится тотчас по исполнении предписанных законами обрядов; я постараюсь об их сокращении. Ты меня слышал: надобно повиноваться». Кончив эту длинную речь, высказанную скорым и повелительным голосом, ему только принадлежавшим, Наполеон позвонил и велел позвать генерала Леклерка. При входе его Наполеон сказал ему: «Ну, что, не прав ли я? Вот муж сестры твоей. Поезжайте вместе в Сен-Жермен и не возвращайтесь, пока все не устроите; я ненавижу денежные расчеты». Оба генерала, равно удивленные, вышли для того, чтобы повиноваться. Несмотря на всю суровость характера, вовсе нелюбезного, генерал Даву смиренно покорился. Приехав к г-же Кампан, он был представлен девице Леклерк, которая... нисколько ему не понравилась. Свидание, как можно себе представить, было очень холодно; но наконец во всем согласились и через несколько дней после того отпраздновали свадьбу⁵¹. Она состоялась 9 ноября 1801 г. в Париже, причем на свадьбе, кроме Наполеона, подписавшего свадебный контракт, присутствовали все прочие члены семьи первого консула, находившиеся в это время в столице. Через девятнадцать дней после этого с помпой организованного бракосочетания (28 ноября 1801 г.) Бонапарт назначил Даву командиром пеших гренадер консульской гвардии⁵². «Он, — писал по этому поводу Бурьенн, — без всяких постепенностей был сделан главным начальником гренадеров консульской гвардии»⁵³.

Был ли второй брак Луи Николя счастливее, чем первый? Если иметь в виду карьерные соображения, безусловно, да. Даву, хоть и опосредованно, вошел в клан Бонапартов, получил престижную должность в консульской гвардии. К тому же жена «отличалась строгой красотой и, по свидетельству современницы, — ...была во всех отношениях вполне достойной женщиной». Та же современница, зная супругов, писала о том, что г-жа Даву «обладала изящными манерами и тем тоном светского общества, которого недоставало ее мужу... О г-же Даву, — отмечала она, — нельзя было сказать, что она не знала светского обращения или была лишена той легкости ума, которая облегчает беседу между людьми одного и того же круга, но она ни на минуту не забывала своего высокого сана и была ис-

полнена той холодной чопорности, которая почти граничит с чванством. Суровые черты ее прекрасного лица никогда не оживлялись улыбкой — совсем как у Юноны Гомера»⁵⁴.

Приведенные отрывки из воспоминаний наблюдательной польской графини, по-видимому, являются лучшим ответом на поставленный выше вопрос. Луи Николя и Луиза-Эме-Жюли были слишком разными людьми, чтобы понимать, а тем более любить друг друга. Этот заключенный по распоряжению свыше брак не был и не мог быть счастливым, что бы о нем ни писали некоторые биографы Даву, уверявшие, что «будущий маршал испытывал глубокую привязанность к своей жене...» и т. д., и т. п.⁵⁵ Правда, на вопрос о том, кто из супругов Даву больше повинен в том, что их брак не удался, точно ответить трудно. Хотя скорее всего больше виноват в этом, наверное, Луи Николя, «который, — как пишет современница, — конечно, был одарен великими воинскими качествами, но не имел ни одного, составляющего семейное благополучие»⁵⁶.

На следующий год после свадьбы Даву приобрел великолепное поместье Савиньи-сюр-Орж, раскошелившись ради этого на 700 тыс. франков. Это нанесло семейному бюджету столь ощутимый урон, что в течение нескольких последовавших лет Луи Николя и его супруга должны были соблюдать во всем строжайшую экономию⁵⁷.

Навестившая чету Даву много позже польская графиня Анна Потоцкая так описала свои впечатления от посещения Савиньи: «Замок, окруженный ровом и стеной, имел только один наглухо закрывавшийся вход. Ров порос травой, и вообще весь замок имел такой заброшенный вид, будто он был необитаем в течение многих лет». Парк, окружавший замок, по ее словам, также выглядел совершенно диким и неухоженным: повсюду высокая трава, разросшиеся деревья, густые кустарники. «На каждом шагу, — вспоминала она, — я оставляла обрывки своих воланов, и мои сиреневые туфли стали совсем зелеными»⁵⁸. Впрочем, нельзя сказать, что Даву не пытался ничего изменить в облике своего жилища. «Подходя к замку, — пишет Анна Потоцкая, — я заметила, как рабочие штукатурили одну из башенок замка, которая... носила на себе печать старины.

При виде подобного святотатства я не могла удержаться от порицания... Маршал (т. е. Даву) прямо заявил мне, что мои замечания очень ему не по вкусу, причем выразился весьма энергично относительно пристрастия к старинным постройкам»⁵⁹.

1802 г., ознаменовавшийся заключением между Францией и Англией мирного договора в Амьене, в служебном плане для Даву был ничем не примечателен. Лишь в 1803 г., когда стало ясно, что новой войны с Англией не избежать, Луи Николя получает новое ответственное задание первого консула: 29 августа 1803 г. он назначается командующим французскими войсками, дислоцированными в районе Дюнкерка и Остенде со штаб-квартирой в бельгийском городе Брюгге⁶⁰. Военские части под началом Даву составляют один из многочисленных корпусов, входящих в состав так называемой армии Океана, цель которой — вторжение на Британские острова. Один мощный удар через проливы Ла-Манш и Па-де Кале — и многовековая соперница Франции Великобритания будет повержена в прах. Чуть не полтора десятка лет спустя, вспоминая о том времени и о своем плане десанта в Англию, Наполеон говорил: «Я уверен был в возможности высадки. У меня была лучшая армия в Европе... Через четыре дня после высадки я бы был в Лондоне... Никто не верил моей высадке, потому что не видно было достаточных к тому средств. Я один их знал и тайне приготовил. В разных гаванях Франции было у меня до восьмидесяти французских и испанских кораблей... У меня было до четырех тысяч перевозных судов. 100 тысяч человек были приучены ко всем маневрам отъезда и высадки. В храбрости и доброй воле солдат моих был я уверен... Весь расчет основывался на одном выигранном сражении, и с моею армиею я мог быть уверен в победе. Вступя в Лондон, я бы политикою довершил то, что начал бы победою...»⁶¹.

Почти два года (с сентября 1803 по август 1805 г.) жизнь Даву неразрывно связана с подготовкой задуманного Наполеоном нападения на Англию. Луи Николя проявляет поистине безграничную энергию и добросовестность, усердно муштруя своих солдат, не оставляя ничего на волю случая. Все, связанное с предстоящим вторжением на Бри-

танские острова, подлежит его личной скрупулезной проверке, будь то отработка наилучших способов погрузки войск на баржи нового образца или осмотр состояния обуви солдат вверенных ему частей. Кстати, последнему Даву придавал особое значение, справедливо полагая, что успех военной операции в немалой степени зависит от скорости, с которой войска идут к намеченному командиром пункту. В этой связи исправная и удобная обувь была вещью совершенно незаменимой. В ранце у каждого солдата Даву непременно лежали две пары хороших сапог и одна пара была у него на ногах⁶². Возможно, именно постоянное внимание Луи Николя к добротной экипировке своих солдат побудили барона Дедема написать в своих мемуарах о том, что «он (Даву) всегда был настоящим отцом для своей армии»⁶³. Правда, тот же беспрестанный, мелочный надзор за всем и вся, чрезвычайно характерный для Даву, порой превращал службу под его началом в тяжелое испытание для подчиненных ему людей. «Один из важных упреков Даву, слышанных мною везде, в разные военные поездки мои по всем нашим лагерям, — вспоминала Лаура д'Абрантес, — это упрек в нравственной инквизиции, в надзоре за своею армиею, доведенном до ужасной степени строгости»⁶⁴. В очень схожей по тональности характеристике Даву, данной маршалом Мармоном, есть такие слова: «Фанатик порядка (*Homme d'ordre*), поддерживавший строгую дисциплину в своих войсках, с большой заботливостью входящий во все их нужды, он (Даву) был справедлив, но суров по отношению к офицерам и не снискал их любви»⁶⁵.

К этому же времени относится «происшествие, в котором, — по словам герцогини д'Абрантес, — играет он (Даву) прекрасную роль... В это время был в Брюггском лагере человек, известный всем... своими прекрасными кудрями и наружностью Мюрата*, которому старался он подражать в одежде, в поступи и в обращении: это генерал д'Арсенн. Тогда он был полковником пехотного полка, играл роль прелестного, очаровательного; но был ли добр? Это другое дело. Полковник д'Арсенн возвышался очень быстро, дрался хорошо, потому что был храбр и, завивая свои волосы, которые не вились сами, забыл о своем брате, бедном жан-

дарме. А этот брат воспитал его, выучил читать и был вторым его отцом. — Брат! — сказал он ему, когда молодой человек вступил в полк... — У тебя нет ничего; но я дал тебе хорошие, хорошие правила; будь честен, думай о нашем отце и не забывай меня. Молодой человек отправился... о бедном брате жандарме он не вспоминал никогда, точно как будто его и не бывало. Брат умер, и в величайшей бедности,

Иоахим Мюрат

которая только увеличилась для его вдовы и двух маленьких детей, оставшихся после него. Перед своей смертью он писал к брату-полковнику трогательное письмо и поручил ему своих детей. Вдова ожидала ответа; он не приходил. Она написала сама: прежнее молчание. Она была мать; она видела своих детей, умирающих от голода, осведомилась, где находится двадцать второй линейный полк, которым командовал д'Арсенн, и, взявши за руки своих детей, пошла с ними пешком в Брюггский лагерь. Это было далеко. Она шла из департамента Геро*. Пришедши в Остенде, бедная женщина спрашивает квартиру полковника д'Арсенна. Она была покрыта лохмотьями, нищая: слуги прогнали ее. Она плакала, говорила, что она сестра полковника: ее прогнали еще с большей грубостью. Странность этого случая заставила одного из слуг сказать о нем своему господину. Полковник нахмурился, вспомнил, что точно у него был брат, но приказал своим слугам выкинуть за дверь потаскушку, которая осмеливается принимать имя его невестки.

Тогда в Брюггском лагере был некто Флоренвиль, начальник жандармского эскадрона: он, как говорится, смотрел за порядком в лагере и в окружности его. Д'Арсенн пришел к нему, сказал, что у его брата была любовница, дерзкая женщина, которая, пользуясь теперь положением полковника, явилась к нему; потому он просит выслать ее. Флоренвиль, не осведомляясь, правда ли это, обещал исполнить просьбу полковника, и бедная вдова получила в тот же вечер приказание оставить Брюггский лагерь, под опасением иначе попасть в тюрьму. Бедная женщина, в отчаянии от своей бедности и от такого варварского поступка, рассказала свою историю каким-то добрым душам. История была коротка и трогательна; в ней все оказалось справедливо. Бумаги у нее были подлинные: брачный договор и свидетельство о смерти бедного жандарма. Кто-то посоветовал ей обратиться к маршалу (Даву). — Он груб, но правосуден, — сказали ей, — он заставит оказать вам справедливость. — ...Маршал получил в одно время и просьбу вдовы, и доказательства справедливости ее требований. Он пригласил к обеду всех полковников дивизии, где служил д'Арсенн; а это, кажется, была дивизия Удино. За столом

было двадцать пять человек. При начале обеда, как обыкновенно, царствовало глубокое молчание; вдруг маршал обратился к д'Арсенну: «Полковник д'Арсенн! У вас был брат?». Полковник онемел от этого вопроса и особенно от выражения, с каким он был сделан. — «Генерал...» — «Да, да, у вас был брат... добрый человек... который воспитал вас, сударь... выучил читать... словом, был достоин уважения... Здесь его вдова...» — «Генерал! Это искательница приключений». — «Молчать, милостивый государь!.. Я не допрашиваю вас... Я говорю вам, что вдова вашего брата, ваша невестка, сударь, ожидает вас здесь, в величайшей бедности... И вы осмелились прогнать ее, как потаскушку!.. Это бесчестно, милостивый государь... Я видел ее брачный договор, видел все доказательства... они законные, подлинные... Ваш поступок в этом случае ужасен, полковник д'Арсенн!». Полковник глядел на свою тарелку и, правду сказать, не мог ничего лучше сделать... Человек, пораженный могучими словами, оглашавшими его стыд, был жалок... «Господин полковник! — сказал маршал Даву, — Вы должны загладить свой проступок, и немедленно. Вы определите вашей невестке тысячу двести франков пенсии. Я обещал ей это вашим именем и выдал четвертую часть суммы вперед: прошу вас возратить ее мне». — Маршал наклонился, глядя на полковника: «Вы позаботитесь о ваших племянниках. Я принимаю на себя просить императора о помещении их в школу... А вы, милостивый государь, помните об исполнении всех условий, которые предложил я вам... иначе я расскажу все происшествие императору.. Можете угадать, понравится ли оно ему». Д'Арсенн оказал послушание... Он назначил своей невестке пенсию, не оскорблял ее больше, и все уладилось»⁶⁶.

Кроме «проработки» провинившихся в чем-либо лиц и «мелочного исполнения... распоряжений относительно строевого обучения»⁶⁷ вверенных ему войск, Даву тщательно следит за тем, чтобы никакая информация о том, что происходит на побережье между Дюнкерком и Остенде, не стала достоянием неприятеля. Все пойманные на месте преступления шпионы заканчивали жизнь в петле. «Ваши распоряжения по поводу суда над шпионом (Бюловым), — док-

ладывает Даву Наполеону, — будут исполнены, и в течение недели он будет казнен»⁶⁸. Луи Николя есть что скрывать от вражеских агентов, ибо подготовка нападения на Англию — это не только сосредоточение в портах вторжения судов и войск, но это также еще и улучшение гаваней, укрепление линий береговой обороны против английских десантов⁶⁹.

В подготовке вторжения на Британские острова Даву проявляет столько служебного рвения, что удостоивается персональной похвалы военного министра Бертье. По окончании инспекционной поездки в Булонь и Остенде 22 флореаля XII года (12 мая 1804 г.) Бертье пишет ему следующее: «Армия, которой вы командуете, гражданин генерал, оправдывает ожидания правительства. Я увидел... вашу преданность Первому Консулу и ваше неутомимое усердие, разделяемое и офицерами, и рядовыми...»⁷⁰.

Через пять дней после того, как Даву получил это любезное послание, 28 флореаля XII года (18 мая 1804 г.) Франция была провозглашена империей, а Наполеон — императором французов. 19 мая, восстановив звание маршала Франции (теперь оно, правда, именуется несколько иначе — маршал империи), император вручает маршальский жезл сразу восемнадцати французским генералам. Один из тех, кто получает это новое отличие, — дивизионный генерал Луи Николя Даву.

Закономерен вопрос, почему это произошло. Учитывая, то что Даву был женат на сестре генерала Леклерка — зятя Наполеона, казалось бы, сам по себе напрашивается ответ: Луи Николя был произведен в маршалы исключительно по этой причине. Такое объяснение, однако, не годится, ибо к тому времени, как это случилось, генерал Леклерк уже третий год как был в могиле, а его вдова утешилась, выйдя замуж за князя Боргезе. Что же касается воинских талантов Даву, то они, несмотря на его участие в боевых действиях на Рейне, в Вандее и во время Египетской экспедиции Бонапарта, были отнюдь не бесспорны. Таким образом, объяснить получение маршальского жезла военными заслугами Луи Николя тоже не представляется возможным. Поэтому надо, очевидно, вновь обратиться к свидетель-

ствам современников, попытаться найти в их воспоминаниях ответ на поставленный вопрос. В мемуарах Мармона, там, где речь идет о первых годах империи во Франции, упоминая Даву, он пишет: «Даву сам себя назначил шпионом императора и каждый день лично являлся к нему с докладами... Это был, в полном смысле этого слова, суший мамлюк, неустанно афиширующий свою преданность»⁷¹. В свою очередь, в записках Лауры д'Абрантес упоминается о

Наполеон I

том, что по поручению Даву начальник жандармского эскадрона в Брюггском лагере Флоренвиль занимался перлюстрацией, распечатывая «все письма людей, недостойных доверия», и подавал выписки из них командующему⁷².

Генерал Тьебо в своих мемуарах приводит чрезвычайно любопытное высказывание о Даву одного из своих сослуживцев. «Он (Даву), — заметил этот генерал*, — хороший муж и хороший отец и едва ли хозяин в своем собственном доме; и все же он без колебаний принесет в жертву свою жену и детей* ради того, что он считает своим долгом»⁷³.

И еще одно свидетельство, на этот раз письмо самого Даву Наполеону от 1 мая 1804 г.: «Гражданин Первый Консул, — говорилось в нем. — ...Армия желает, чтобы вы приняли титул императора французов (императора галлов*). Это в большей степени гарантия нашего счастливого будущего, нежели честь лично для вас. Одно ваше имя громче всех титулов, когда-либо данных тем, кто находился у власти. Но постольку, поскольку вы возглавляете великую и отважную нацию, вы должны принять титул, принадлежащий государям самых могущественных народов... Вы отнимете все надежды у Бурбонов, у которых нет ни добродетели, ни славы»⁷⁴.

На основании свидетельств мемуаристов, вероятно, можно прийти к следующим выводам: Наполеон увидел в Даву идеального исполнителя любых своих распоряжений, готового даже «ради пользы дела» взять на себя малопочтенную роль осведомителя. Пунктуальный и жесткий, умеющий доводить каждое порученное ему дело до конца, да к тому же уверовавший в счастливую звезду своего господина, Луи Николя Даву уже в силу совокупности всех этих качеств, очевидно, был достоин стать маршалом империи, попав в «первую обойму» лиц, удостоенных этого звания.

Впрочем, ведя речь об институте маршалов империи вообще и о маршале Даву в частности, надо отдавать себе отчет в том, что в наполеоновской Франции звание маршала имело не столько военное, сколько политическое значение. «Помните, — говорил Наполеон своим маршалам, — что вы являетесь солдатами лишь тогда, когда вы находитесь с армией. Звание маршала всего-навсего гражданское

отличие, которое дает вам право на почетное положение при моем дворе... но оно не обладает никакой властью само по себе. На поле боя вы — генералы; при дворе — знатные особы, принадлежащие государству благодаря тому положению в обществе, которое я создал для вас, когда даровал вам ваши звания»⁷⁵.

Получив звание маршала, Даву одновременно занял пост президента коллегии избирателей департамента Йонна, обретя тем самым тот политический статус, о котором столь недвусмысленно высказался император⁷⁶.

Заручившись поддержкой Австрии и России, Англия вынудила Наполеона отказаться от дерзкого плана вторжения на Британские острова. Вместо грандиозной десантной операции солдатам Великой армии* предстоял поход на восток, к рейнским рубежам империи, и далее на Вену. По словам одного из биографов Даву, «кампания 1805 г. впервые дала маршалу возможность руководить большими под-

Даву

разделениями всех родов войск и... подтвердить, что Наполеон был прав, сочтя его достойным маршальского жезла»⁷⁷.

В завершившейся разгромом и капитуляцией австрийской армии генерала Мака Ульмской операции (сентябрь—октябрь 1805 г.) командующий 3-м корпусом Великой армии проявляет себя как превосходный исполнитель приказов императора. Солдаты Даву всегда готовы по первому распоряжению явиться на поле боя, четко выполнить поставленную перед ними задачу. Луи Николя зорко следит за поддержанием неукоснительной дисциплины и порядка в рядах третьего корпуса, решительно искореняя мародерство — явление далеко не редкое во французских войсках.

Сам Даву был доволен результатом, достигнутым неустанной почти двухлетней муштровкой в Брюггском лагере и во время начавшегося похода. В донесении военному министру от 4 вандемьера XIV года (26 сентября 1805 г.) он сообщал следующее: «Войска прибывают в превосходном расположении духа, и лучшее тому доказательство — наличие малого числа дезертиров; они совсем не так утомлены (маршем), как ожидалось»⁷⁸.

После капитуляции Дунайской армии генерала Мака под Ульмом (17 октября 1805 г.) корпуса Бернадота, Мармона, Сульта, Даву, Нея и Ланна устремились к Вене. Во время этого форсированного марша 3-му корпусу Даву пришлось выдержать упорный бой с неприятелем близ Мариенцелля (8 ноября 1805 г.), в результате которого победу одержали французы⁷⁹.

Не задерживаясь в Вене, занятой Великой армией 13 ноября, Наполеон со своими основными силами идет следом за отступающими русско-австрийскими войсками по направлению к Брюнну. «Вынужденный разбросать свои войска с целью обеспечения тыла и необходимости оккупации захваченной территории, Наполеон... сумел сосредоточить к 20 ноября 1805 г. в районе крепости Брюнн только 50 000 чел., имея против себя в Ольмюце 86 000 Кутузова»⁸⁰. Мгновенно оценив опасность сложившейся ситуации, император принял меры «к сосредоточению остальных войск... для создания превосходства в силах над русско-австрийской армией Кутузова»⁸¹.

Противники встретились у деревни Аустерлиц, чуть юго-восточнее Брюнна. Невзирая на раскисшие от беспрестанных дождей дороги, пройдя 80 миль всего лишь за 50 часов, войска 3-го корпуса присоединились к основным силам Великой армии в самый канун сражения 2 декабря, вошедшего в историю под названием «Битвы трех императоров»*. Как выразился известный французский историк Жан Тюлар, это была «самая блестящая из наполеоновских побед и самая ясная по замыслу. План Наполеона был предельно прост: оставив за русско-австрийской армией Праценские высоты и сосредоточив перед ними свои дивизии (Сулыт в центре, Даву на правом фланге, Ланн и Мюрат — на левом), внушить неприятелю мысль обойти их с правого, намеренно ослабленного Наполеоном фланга. Чтобы осуществить этот план, генеральному штабу противника надо было укрепить свой левый фланг, оголив при этом центр Праценских высот. Как только неприятель совершит эту ошибку, Наполеон штурмом возьмет высоты, вклинится в центр поредевших русско-австрийских войск, расчленил их и сомнет слабейший из флангов»⁸².

В начавшемся в семь часов утра генеральном сражении на долю 3-го корпуса Даву выпала непростая и очень ответственная роль. Он должен был выдержать главный удар противника, но вместе с тем сделать так, чтобы тот не отказался от осуществления своего самоубийственного плана.

После упорного двухчасового боя русским войскам, действовавшим против французского правого фланга, удалось потеснить части 3-го корпуса. «Даву вынужден был несколько отойти, но зато он приковал к себе 42 000 чел. Буксгевдена*, что в огромной степени способствовало выполнению Наполеоном задуманного маневра»⁸³.

Особенно яростно французские и русские войска сражались за населенный пункт Сокольниц, находившийся примерно в центре расположения корпуса Даву. К 11 часам утра колонна русских войск под командованием генерала Ланжерона захватила Сокольниц. О том, что произошло дальше, сам Даву в донесении военному министру от 2 декабря сообщает следующее: «...Неприятель, совершавший маневр с целью окружения моих войск, выступил с артил-

лерией из Сокольников, который я тотчас же атаковал силами... построенных эшелонами*... пяти полков. Эта деревня переходила из рук в руки несколько раз, и противник в конце концов бросил там от 12 до 15 пушек. ...Большую часть дня мне пришлось сражаться как в центре моих позиций, так и на моих флангах с чрезвычайно сильными колоннами (противника). Все части маневрировали, сохраняя полнейшее хладнокровие, несмотря на жестокий огонь неприятеля, и многократно вступали в бой с врагом...»⁸⁴.

Захват Праценских высот французами послужил сигналом к мощному контрнаступлению всех частей Великой армии, участвовавших в сражении. Перед тем, как бросить полки своего корпуса в контратаку, вспоминал участник Аустерлицкого сражения капрал Жан-Пьер Блез, «маршал Даву, не сходявший с места, хотя неприятельские ядра начали серьезно нас тревожить, напомнил нам о деле при Мариенцелле»⁸⁵.

Александр I

После разгрома союзников под Аустерлицем третьему корпусу Даву было поручено преследовать отступавшие русско-австрийские войска. Луи Николя столь решительно взялся за это дело, так энергично и настойчиво преследовал разбитую вражескую армию, что ее окончательная гибель казалась неминуемой. Тем временем, дабы избежать катастрофы, царь предложил Наполеону заключить перемирие. Император французов принял предложение русского самодержца. Когда из штаб-квартиры русской армии Даву сообщили о том, что военные действия должны быть прекращены в силу заключенного между Александром I и Наполеоном перемирия, он счел это всего лишь ловким трюком со стороны противника. «Вы хотите меня обмануть, — заявил он парламентарю; вы желаете сделать из меня дурака... Я намереваюсь окончательно разделаться с вами, и это — единственный приказ, который я получил»⁸⁶. Только после того, как недоверчивому маршалу была передана записка, лично написанная царем и подтверждающая факт заключения перемирия, Даву распорядился о приостановке боевых действий.

1806 год

По словам одного из его биографов, следствием кампании 1805 г. лично для Даву было то, что он наконец-то обрел так недостающую ему репутацию толкового военачальника, которой до той поры он явно не располагал.

Однако подлинным «звездным часом» для Даву явилась кампания 1806 г. с ее кульминацией — сражением под Ауэрштедтом, прославившим «железного маршала» и ставшим «венцом его военной славы»⁸⁷.

В войне 1806 г. Наполеону приходится иметь дело с новым противником. На сей раз это — Пруссия. «Скрытое беспокойство, — рассказывает Талейран, — мучает Наполеона, вынужденного вновь вынуть из ножен меч. Его все еще ослепляет слава Фридриха*, он еще никогда не воевал с прославленной армией: «Думаю, тут нам придется больше повозиться, чем с австрийцами»⁸⁸. Действительность опровергает мрачные прогнозы императора. Начало кампании 1806 г. убедительно доказывает, что у прусской стороны, помимо внушительного «фасада» великой военной державы, за душой ровным счетом ничего нет.

7 октября 1806 г. Наполеон отдал приказ «выступить трем колоннам, чтобы на правом берегу Заалы, в местности, расположенной между Тюрингенским лесом и Рудными горами, наступать на Лейпциг...». «Все перехваченные письма показывают, — так писал он одному из своих генералов, — что враг потерял голову. Они совещаются дни и ночи и не знают, что им делать»⁸⁹. Первые же стычки с пруссаками (9 и 10 октября) продемонстрировали несомненные преимущества французской армии над воинством Фридриха-Вильгельма III. «В главной квартире (прусской армии) распространился панический страх. Было решено начать сосредоточение армии назад к Веймару и Йене; главные силы должны были собраться у Веймара, войска Гогенлоэ (авангарда прусской армии) — у Йены»⁹⁰.

Пока, «скупившись, как стадо дрожащих баранов, стояла славная прусско-саксонская* действующая армия вокруг Веймара и Йены»⁹¹, окончательно захватившая в свои руки инициативу Великая армия перешла в решительное наступление. В этом наступлении 3-му корпусу Даву поручается важная, но все же второстепенная роль: совер-

шив фланговый марш, выйти к Наумбургу, в тыл прусской армии. Цель этого маневра очевидна: войска 3-го корпуса должны «отрезать врагу путь отступления»⁹². По-видимому, как и в далеком Египте, Наполеон хочет предоставить Даву право нанести тот *coup de grâces*, который так хорошо ему удался в битве при Абукире 25 июля 1799 г.

Корпус маршала Даву численностью в 27 тыс. человек* был «в этот период самым сильным во всей французской армии»⁹³. Его солдаты имели за своими плечами опыт участия в крупных военных операциях. Они были превосходно обучены, дисциплинированы и отлично экипированы. В канун генерального сражения, призванного решить судьбу кампании 1806 г., в своем донесении Бертье Даву следующим образом охарактеризовал состояние, в котором находились войска его 3-го корпуса: «В общем, войска извлекли пользу от этой передышки (Даву имеет в виду время после Аустерлицкого сражения, в течение которого солдаты 3-го корпуса не принимали участия в активных боевых действиях), — писал маршал, — для того, чтобы подготовиться вступить в кампанию, и должен добавить, что забота, проявленная (в этом деле) генералами и офицерами, возымела превосходное действие. Снаряжение находится в очень хорошем состоянии. Недостаёт лишь 15—20 штыков, которые следует заменить в течение нескольких часов. Мундиры были получены и распределены по всем полкам; войска одеты так, как если бы они находились на смотре в Париже, в присутствии императора ... у каждого солдата — две пары сапог в ранце и одна — на ногах... Артиллерия ни в чем не испытывает недостатка...»⁹⁴.

Выполняя приказ императора, войска 3-го корпуса, совершив предписанный им фланговый марш, 13 октября 1806 г. вступили в Наумбург. Ранним утром 14 октября авангард Даву переправился через реку Заале близ местечка Кезен. Заняв дефиле за Кезенским мостом, Даву двинул свои части к деревне Хассенгаузен, находившейся в самом его конце. Еще накануне вечером, лично проведя рекогносцировку, Даву понял важность этого населенного пункта в том случае, если ему придется вступить здесь в бой с неприятелем. Войска третьего корпуса немедленно заняли

Хассенгаузен и находившиеся рядом с ним высоты. Вскоре после этого из густого утреннего тумана выросли 25 эскадронов под командованием Блюхера — авангард прусской армии, возглавляемой герцогом Брауншвейгским, вместе с которым находился и сам король Фридрих-Вильгельм III. Вслед за кавалерией Блюхера в бой с французами вступила прусская пехота и артиллерия. «По определению Раппа*, Даву оказался в столь тяжелом положении, когда всякий менее стойкий военачальник должен был неизбежно потерпеть поражение... Даву не только устоял против огромных сил противника, но и, превзойдя в военном искусстве, разгромил его наголову»⁹⁵. Ожесточенное сражение, получившее название битвы при Ауэрштедте, продолжалось шесть часов⁹⁶. «Король Пруссии, герцог Брауншвейгский и маршал Мюллендорф, а также более 60 000 человек... оспаривали победу у вашего 3-го корпуса... нам досталась почти вся неприятельская артиллерия; число пленных не слишком значительно...»⁹⁷ — в таких выражениях об итогах битвы при Ауэрштедте 14 октября 1806 г. докладывал императору сам маршал Даву.

Ауэрштедт — один из немногих случаев оборонительного сражения, превратившегося в сражение наступательное, при котором численно слабейший противник нанес поражение сильнейшему (по меньшей мере вдвое) неприятелю. Если рассматривать битву 14 октября 1806 г. в самом общем виде, не вдаваясь в мелкие детали, интересные лишь узким специалистам⁹⁸, то она может быть представлена как пьеса из трех актов. Ее первый акт — предусмотрительно, в отличие от пруссаков, которые этого не сделали⁹⁹, проведенная рекогносцировка и захват ключевых пунктов будущего поля боя; ее второй акт — упорная, жесткая оборона всех занятых позиций (при этом Даву чрезвычайно экономно расходовал свои силы, бросая их в бой лишь в случае крайней необходимости); ее третий акт — когда все атаки пруссаков были отбиты и их наступательный порыв иссяк, а моральный дух был надломлен, мощная контратака в центре и на обоих флангах силами всех трех дивизий (Фриана, Гюдена и Морана), участвовавших в сражении, принесшая французам победу. На протяжении всего боя выдающуюся

роль в разгроме противника сыграл лично Даву: «Его твердость и непоколебимая воля, — писала современница, — решила победу, долго оспариваемую Калькрейтом* и Блюхером... Кажется несомненно, — продолжает она, — что истинная слава этого дня (14 октября 1806 г.) принадлежит маршалу Даву»¹⁰⁰. 14 октября Луи Николя постоянно находился в гуще боя. Его мундир был черен от порохового дыма, треуголка сбита с головы вражескими пулями. «Великий Фридрих уверял, — кричал он своим солдатам, — что Бог дает победу большим батальонам, но он лгал; побеждают лишь самые стойкие, а вы и ваш командующий как раз из их числа!»¹⁰¹

«Маршал Даву атаковал (противника), — писал Савари*, — с меньшими силами, в соотношении один к четырем... Он смог удержать своих людей на поле боя, лишь появляясь повсюду лично... Славой, которую он обрел в этот день... Даву был обязан своей величайшей доблести и доверию, которое он внушал своим войскам... Несмотря на понесенные им потери (более 7 тыс. убитых и раненых)*, он захватил у неприятеля семьдесят орудий и принудил его к отступлению»¹⁰².

Одновременно с разгромом прусской армии под Ауэрштедтом маршалом Даву сам Наполеон нанес поражение прусским войскам под командованием князя Гогенлоэ близ Йены. Впрочем, в отличие от Ауэрштедта, под Йеной не пруссаки, а французы обладали почти двойным численным превосходством над своим противником¹⁰³. Видимо, принимая в расчет этот факт, один из биографов «железного маршала» писал о том, что Наполеон «в своих бюллетенях... преуменьшил роль, сыгранную Даву, и умалил его успех...»¹⁰⁴. Это не совсем так и даже скорее совсем не так. К примеру, в пятом бюллетене Великой армии от 15 октября 1806 г. были такие слова: «Этот маршал (Даву) проявил выдающуюся храбрость и твердость характера — первые качества воина»¹⁰⁵. В день опубликования этого бюллетеня в письме к Мюрату император сообщал следующее: «Маршал Даву дал превосходное сражение; он один разгромил 60 000 пруссаков»¹⁰⁶. В письме к самому Луи Николя, написанном 16 октября 1806 г., Наполеон отмечал его «пре-

восходное руководство» (войсками в битве при Ауэрштедте). «Я сожалею, — писал далее император, — о гибели ваших отважных солдат; но они пали на поле чести. Передайте всем вашим частям и вашим генералам то, что я доволен ими. Они приобрели право на мое вечное уважение и признательность»¹⁰⁷.

Доказательством «уважения и признательности» к заслугам 3-го корпуса и самого маршала Даву является то, что когда части Великой армии триумфально вступают в Берлин 25 октября 1806 г., их шествие возглавляют победители при Ауэрштедте¹⁰⁸. Когда император в очередной раз в присутствии Даву с похвалой отозвался о солдатах 3-го

Даву, герцог Ауэрштедтский

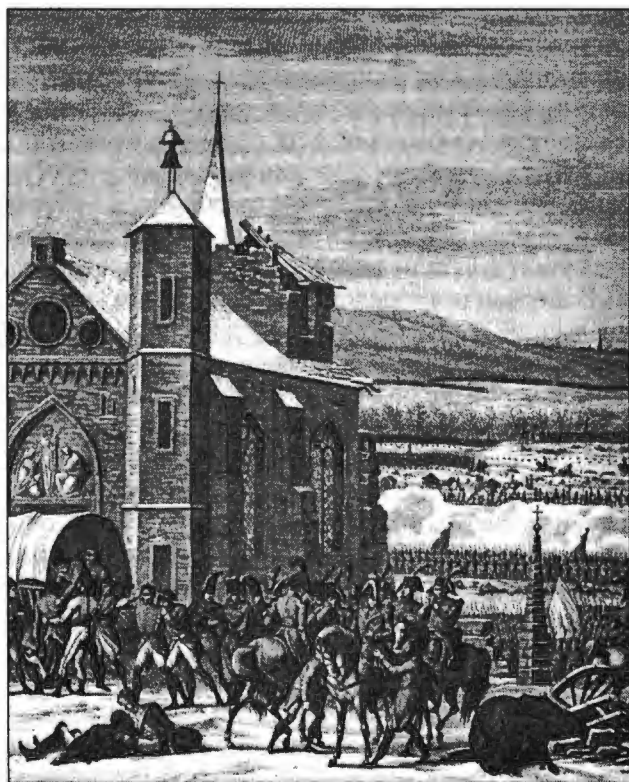
корпуса и об их командире, он услышал в ответ: «Государь, мы — ваш десятый легион*. Всегда и везде мы будем для вас тем, чем для Цезаря был десятый легион»¹⁰⁹.

Однако слава, как и все остальное на свете, имеет свою обратную сторону. Эта обратная сторона — зависть. Чувство товарищества, взаимовыручки, взаимоуважения и тем более признание чужих заслуг — большая редкость среди маршалов Наполеона. Любая похвала властелина, непосредственно обращенная к кому-либо из маршалов, воспринимается другими почти как личное оскорбление. «Я более, чем когда-либо нуждаюсь в покровительстве императора, — пишет Даву жене, — ...лишь немногие из моих сослуживцев могут простить мне удачу 3-го корпуса, разгромившего короля Пруссии»¹¹⁰.

Двойной разгром Пруссии при Йене и Ауэрштедте тем не менее не привел к окончанию войны. Неудержимый поток французского нашествия захлестнул польские земли, входившие в состав прусского королевства. Месяц спустя после взятия Берлина войска Великой армии торжественно вступают в Варшаву. Война докатывается в конце концов до самых отдаленных уголков владений Гогенцоллернов, опасно приблизившись к русским границам. «Борьба, которая велась в прусских областях восточнее Вислы с декабря 1806 до июня 1807 г., была борьбой между французами и русскими, в которой пруссаки играли совершенно подчиненную роль...»¹¹¹.

Как и прежде, в кампании 1807 г. Даву командует 3-м корпусом Великой армии. Во время войны, которую император именует Польской, Луи Николая советует ему и в самом деле объявить полякам (точнее говоря, польской знати) о том, что Франция гарантирует им восстановление национальной независимости. Это, по его мнению, самое действенное средство привлечь под знамена Наполеона всех патриотически настроенных поляков. Опасные советы маршала Даву спустя какое-то время становятся известны русским агентам. Недаром один из них, характеризуя Даву, именует его так: «...усердный сторонник поляков, он большой враг русских»¹¹².

В начале февраля 1807 г. 3-й корпус успешно сражается с противником под Гейльсбергом, а двумя днями позже принимает участие в кровопролитной и ничейной битве с русскими при Эйлау (8 февраля). Части 3-го корпуса, занимавшие позиции на правом фланге Великой армии, по распоряжению императора переходят в наступление. Однако все попытки Даву опрокинуть противостоящие ему русские войска оканчиваются ничем. Враг не просто обороняется, он контратакует, и Даву, в свою очередь, одно за другим приходится отражать нападения русской кавалерии. Ураганный огонь русских орудий и не на шутку разыгравшаяся злая февральская вьюга придают сражению 8 февраля особенно упорный и ожесточенный характер. По словам

Сражение при Прейсиш-Эйлау

одного француза, участвовавшего в битве при Эйлау, тела погибших покрывали все поле боя и нередко трупы лежали один поверх другого в два-три ряда¹¹³.

В страшной мясорубке боя 8 февраля 3-й корпус (как и при Ауэрштедте) потерял треть своего состава*. Очевидцы рассказывали, что в тот момент, когда ряды корпуса расстроились и солдаты Даву уже были готовы оставить свои позиции, маршал, объезжая полки, «воодушевлял» их следующим оригинальным способом: «Храбрецы найдут здесь славную смерть, — громко выкрикивал он, — а трусы отправятся в пустыни Сибири!»¹¹⁴

Поскольку русская армия в ночь с 8 на 9 февраля покинула поле сражения, Наполеон объявил битву при Эйлау своей победой. Однако «победители» и не думали преследовать «побежденных». «Французская армия, — писал Денис Давыдов, — как расстрелянный военный корабль, с обломанными мачтами и с изорванными парусами, колыхалась еще грозная, но неспособная уже сделать один шаг вперед ни для битвы, ни даже для преследования»¹¹⁵.

В знаменитом Фридландском сражении 14 июня 1807 г., завершившемся разгромом русской армии, войскам 3-го корпуса участвовать не довелось. Дело в том, что накануне битвы Наполеон распорядился о наступлении корпуса Даву в направлении Кенигсберга с тем, чтобы перерезать противнику возможные пути отступления.

Через неделю после подписания в Тильзите договора о мире и дружбе между Россией и Францией, а также союзного договора между вчерашними противниками Даву был фактически назначен генерал-губернатором созданного Наполеоном Великого герцогства Варшавского. Это произошло 15 июля 1807 г. Официально, правда, должность маршала Даву была обозначена скромнее: он всего лишь командовал оккупационной французской армией на территории Польши и являлся специальным советником правительства Великого герцогства Варшавского¹¹⁶.

«...Наполеон, прекрасно знавший своих маршалов, назначил его (Даву) губернатором Варшавы, — вспоминала графиня Анна Потоцкая, — потому, что был вполне уверен в его преданности и нравственности... Маршал получил

приказание обходиться с нами (т. е. с поляками) насколько возможно мягче, поддерживать в нас надежды и развлекать нас. Он получил в пользование княжество Лович* и, чтобы вести дом на широкую ногу, выписал сюда свою жену... Рассказывали, будто она постоянно терзалась муками ревности к своему мужу, который подавал к тому повод своими мимолетными любовными интригами... Кроме того, у него (у Даву) была возлюбленная-француженка, имевшая поразительное сходство с его женой и сопровождавшая его на этом как бы законном основании в походах, что чрезвычайно не нравилось императору...»¹¹⁷.

Тем не менее Наполеон смотрел сквозь пальцы на маленькие слабости Луи Николя, ибо как никто другой понимает, что ответственный пост в герцогстве Варшавском он может доверить только ему. С июля 1807 по октябрь 1808 г. «железный маршал» находится на своем по сути проконсульском посту в Варшаве. Учитывая новые, союзнические отношения с Россией, он по заданию императора изо всех сил старается уверить царя, что ему не следует опасаться действительного восстановления Польши. В то же время Даву не скупится на туманные намеки, беседуя с представителями польской знати, давая понять своим ясновельможным собеседникам, что заветная мечта Наполеона — содействовать возрождению Польского королевства.

Наряду с «дипломатической» деятельностью маршал Даву занимается тем, что гораздо больше соответствует его натуре и, так сказать, профессиональной подготовке: обеспечивает войска, находящиеся на территории герцогства, всем необходимым, поддерживая среди них строжайшую дисциплину и порядок. Попутно он «присматривает» за порядком в герцогстве, решительно пресекая все попытки дестабилизировать положение на вверенных его «попечению» землях. Так, Луи Николя трижды делает предупреждения монахам, осмелившимся вести антиправительственную пропаганду с церковных кафедр. Когда же увещевания не помогают, строптивых служителей божьих под сильным конвоем незамедлительно доставляют к границам герцогства и выдворяют их за его пределы. На всю эту акцию у Даву уходит 72 часа. Под патронажем маршала Даву в Ве-

ликом герцогстве создаются и тщательно экипируются польские воинские соединения во главе с князем Иосифом Понятовским¹¹⁸.

Сам Даву, по-видимому, доволен результатами своей деятельности в герцогстве Варшавском¹¹⁹ и уже в декабре 1807 г. с оптимизмом рапортует императору: «...Я пребываю во все том же расположении духа, что и в прежние времена, ничем не пренебрегая для того, чтобы исполнить повеления Вашего Величества...»¹²⁰.

Наполеон тоже, судя по всему, вполне удовлетворен тем, чего Даву удалось достичь за считанные месяцы его пребывания в Польше. 28 марта 1808 г. император жалует Даву титул герцога Ауэрштедтского. Зная о довольно стесненном материальном положении новоиспеченного герцога, Наполеон щедро наделяет его денежными пожалованиями и пенсиями всякого рода. «Необходимо, чтобы я дал ему это, — говорит император Нарбонну, — ...потому что он ничего не возьмет для себя сам»¹²¹. В итоге доходы Даву превышают миллион франков в год*.

Барон Штейн

В преддверии новой войны с Австрией, в октябре 1808 г., Даву получает распоряжение императора идти вместе со своим корпусом в Силезию, чтобы соединиться с французскими войсками, дислоцированными в Пруссии. Зимой 1808/09 гг. именно Даву Наполеон поручает взискать с Пруссии огромную контрибуцию, что герцог Ауэрштедтский и исполняет в кратчайшие сроки, проявляя присущую ему солдатскую непреклонность*. По настоянию Даву смертельно перепуганный король Фридрих-Вильгельм III отправляет в отставку и высылает из страны поставленного им во главе кабинета министров премьера-патриота Штейна и еще нескольких деятелей правительства, заподозренных в антифранцузских настроениях.

Тем временем у самого Даву во Франции происходит радостное событие. В марте 1809 г. у него рождается сын, которому в честь императора он дает имя Наполеон¹²².

В начале следующего месяца давно прогнозируемая и давно ожидавшаяся война с Австрией из угрозы стала реальностью. 9 апреля 1809 г. австрийская армия под командованием эрцгерцога Карла вторглась на территорию союзной Франции Баварии.

В кампании 1809 г. австрийское командование предполагало начать боевые действия «разгромом Даву, стоявшего в районе Вюрцбурга, после чего намечался разгром прибывающих на театр военных действий французских войск по частям»¹²³. Этот совершенно наполеоновский план кампании, выработанный австрийским генеральным штабом, стал возможен потому, что самого Наполеона в тот момент в Германии не было и, связанный Испанской войной, он «поручил своему начальнику штаба Бертье руководство сосредоточением войск на предполагаемом театре военных действий...»¹²⁴.

Превосходный штабной офицер, но бездарный командующий маршал Бертье на ответственном посту, доверенном ему императором, наделал массу ошибок, которыми и поспешил воспользоваться эрцгерцог Карл. Пожалуй, главным просчетом, допущенным Бертье, было то, что, пытаясь перекрыть все возможные пути наступления противника, он разбросал все имевшиеся в наличии силы (около

170 тыс. чел.) на значительной территории между Рейном и Эльбой. В результате в каждом отдельном пункте французы неизбежно были во много раз слабее неприятеля, собравшего все свои силы в единый кулак. Особенно опасным оказалось положение корпуса Даву, находившегося в сорока милях к северу от всех остальных частей и соединений Великой армии. Сам герцог Ауэрштедтский, кстати, сразу же совершенно правильно оценил сложившуюся ситуацию и высказал, не особенно заботясь о деликатности выражений, свои претензии к Бертье. Вместо того, чтобы признать правоту Даву, князь Невшательский пришел в страшное негодование, смертельно оскорбившись нелестными высказываниями «железного маршала» в свой адрес¹²⁵.

Неизвестно, чем бы закончилась ссора Бертье и Даву и, самое главное, каковы были бы последствия непродуманных приказов князя Невшательского, не появившись Наполе-

Бертье

он уже 18 апреля в Ингольштадте, в непосредственной близости от разворачивающихся боевых действий. Положение дел было немедленно исправлено. В соответствии с приказом императора корпус Даву отступает к Абенсбергу. Отступление это происходит в чрезвычайно сложных условиях: буквально по пятам за корпусом Даву движется 80 тыс. австрийцев во главе с самим эрцгерцогом Карлом. От верного разгрома герцога Ауэрштедтского спасает стойкость, проявленная его собственными войсками, недостаточная решительность австрийского командующего и, наконец, очень кстати разразившаяся весенняя гроза, помешавшая австрийцам атаковать корпус Даву прямо на марше.

В течение двух дней подряд (20 и 21 апреля) войска герцога Ауэрштедтского сдерживают главные австрийские силы близ Экмюля, дав тем самым Наполеону время перебросить туда подкрепления, создав значительный численный перевес над австрийцами. В итоге, 22 апреля 1809 г., из наступающей стороны превратившаяся в сторону обороняющуюся, австрийская армия потерпела поражение и была вынуждена отступить, потеряв около 10 000 человек. Отметив заслуги Даву в сражении 20—22 апреля 1809 г., Наполеон жалует ему новое отличие — титул князя Экмюльского.

Герб маршала Даву, герцога Ауэрштедтского, князя Экмюльского

В последовавшем ровно через месяц сражении при Асперне-Эслинге части под командованием Даву не принимают непосредственного участия. Тем не менее во многом благодаря действиям «железного маршала» Наполеону удается избежать полной катастрофы. Даву организует из лодок небольшую флотилию, с помощью которой император перебрасывает необходимые боеприпасы и обмундирование своим войскам, попавшим в трудное положение на левом берегу Дуная.

В канун битвы при Ваграме именно князю Экмюльскому Наполеон поручает вести наблюдение за австрийской армией эрцгерцога Иоанна, препятствуя ей соединиться с главными силами австрийцев под командованием эрцгерцога Карла. В самом генеральном сражении 5—6 июля 1809 г. солдаты 3-го корпуса, сражаясь на правом фланге французской армии, в немалой степени содействуют успешному для Наполеона исходу битвы. Роль, сыгранная Даву при Ваграме, по-видимому, вряд ли чем-то уступает его роли в битве при Экмюле. В сражении 5 июля князь Экмюльский должен был нанести поражение противостоящему ему левому флангу противника, одновременно зорко присматривая за положением дел на правом французском фланге, где вполне вероятным было появление войск эрцгерцога Иоанна, шедшего на помощь главной австрийской армии. Добившись успеха, Даву следовало создать угрозу неприятельскому флангу, чтобы отвлечь на себя внимание в тот момент, когда корпус маршала Макдональда обрушится на австрийский центр.

Луи Николя блестяще справился с порученным ему заданием. Как и прежде, 3-й корпус сражается упорно и жестоко; как и прежде, его командира видят на самых опасных участках боя. Под князем Экмюльским убита лошадь, ему самому угрожает опасность, но на второй день сражения при Ваграме (6 июля), после сокрушительной атаки Макдональда в центре и успешного наступления 3-го корпуса на правом фланге, признав свое поражение, австрийцы оставляют поле боя. Впрочем, в отличие от большинства прежних сражений с австрийцами, при Ваграме Наполеону не удается добиться разгрома противника. Как писал один

Маршал Гувьон Сен-Сир

Маршал Виктор,
герцог Беллюнский

Генерал Жюно,
герцог Абрантес

Маршал Макдональд,
герцог Тарентский

Генерал Нарбонн

Маршал Груши

**Маршал Бертъе,
князь Невшательский
и Ваграмский**

**Маршал Мортъе,
герцог Тревизский**

**Маршал Лафевр,
герцог Данцигский**

**Маршал Бессьер,
герцог Истрийский**

**Маршал Сюше,
герцог Альбуферский**

**Маршал Монсей,
герцог Конельяно**

**Маршал Сульц,
герцог Далматский**

**Маршал Мармон,
герцог Рагузский**

**Маршал Дюрок,
герцог Фриульский**

**Маршал Ланн,
герцог Монтебелло**

**Маршал Массена,
герцог Риволи,
князь Эслингский**

**Маршал Ней,
герцог Эльхингенский,
князь Московский**

**Е. Богарне,
вице-король
Итальянский**

Маршал Понятовский

француз — участник битвы 5—6 июля, «битва при Ваграме не имела ощутимых... последствий: это значит, — пояснил он, — что мы не захватили таких огромных трофеев, как при Ульме, Йене и Ратисбоне; почти не было пленных; от австрийцев нам досталось всего 9 пушек, в то время как мы сами лишились четырнадцати. Когда об этом доложили императору, он ответил, сохраняя величайшее спокойствие: «Четырнадцать минус девять равняется пяти»¹²⁶.

По мнению одного из биографов Даву, «битва при Ваграме... восстановила его (Наполеона) военное господство в Центральной Европе и... вынудила австрийского императора сесть за стол переговоров...»¹²⁷. С этим мнением, конечно, можно согласиться, но с определенными оговорками. Во-первых, военное превосходство Франции в Европе было далеко не бесспорным. Как раз это и продемонстрировал Ваграм. Во-вторых, хотя перемирие с австрийцами было заключено уже через неделю после битвы 5—6 июля, мирный договор с Австрией был подписан лишь 14 октября 1809 г.

Битва при Ваграме, кроме всего прочего, имела еще одно последствие. Дело в том, что во время этого сражения был тяжело ранен один из дивизионных генералов корпуса Даву — Шарль Этьен Сезар Гюден. Луи Николя высоко ценил Гюдена как испытанного в сражениях воина и глубоко порядочного человека. Когда император направил на смену Гюдену в 3-й корпус генерала Пюто, Даву буквально набросился на него с оскорблениями: «Итак, сударь, вы один из тех, которые считают себя способными заменить генерала Гюдена, и неужели вы в самом деле думаете, что способны на это! Прежде чем я отрешу от командования этого героического генерала, по меньшей мере двадцать раз водившего свою отважную дивизию к победе, я сломаю свой маршальский жезл»¹²⁸.

После войны с Австрией 1809 г. князь Экмюльский командует 70-тысячной оккупационной французской армией в Германии. В его компетенцию входит неукоснительное проведение в жизнь континентальной блокады и строгий надзор за всем тем, что происходит на территории униженной, низведенной Наполеоном до ничтожества Пруссии. Даву глубоко и искренне презирает пруссаков. В

этом он совершенно согласен с императором, как-то раз неслестно заметившим по поводу пруссаков: «У них много чего в штанах и мало чего под шляпами». Все самые суровые меры в отношении немцев, декретированные Наполеоном, находят в герцоге Ауэрштедтском и князе Экмюльском строгого и безжалостного исполнителя. Бегство рекрутов из немецких (союзнических) частей, входивших в состав германской армии под командованием Даву в 1810—1811 гг., приобретает настолько массовый характер, что с марта 1811 г. вокруг расположения германских контингентов по приказу «железного маршала» в ночное время суток выставляются французские патрули.

Наступившее в конце концов относительно мирное время (относительно мирное, ибо на Пиренейском полуострове по-прежнему гремят выстрелы и льется кровь) позволяет Даву подолгу бывать дома, время от времени посещая обязательные торжества при дворе императора французов. Он

Генерал Даву

присутствует на церемонии бракосочетания Наполеона с его молодой супругой эрцгерцогиней Марией Луизой 2 апреля 1810 г. Князя Экмюльского видят в этом году и во время другой грандиозной церемонии в Париже, собравшей, по словам современника, не меньше ста тысяч человек. Это — похороны в Пантеоне одного из самых отважных воинов империи — маршала Ланна, павшего под Эслингом в 1809 г.

Наполеон удостаивает Даву всякого рода придворными отличиями, которые вынуждают не склонного к светской жизни маршала довольно часто бывать при дворе. Может быть, с последним обстоятельством связан мгновенно распространившийся в обществе слух о том, что император намерен неким особым образом вновь наградить своего верного слугу. Видимо, как раз это имел в виду Бурьенн, писавший о том, что в самый канун войны с Россией Даву хвастал, что Наполеон «обещал ему сделать его вице-королем Польши». Когда же удивленный Бурьенн высказался в том смысле, что полякам в возрожденной Польше может не понравиться, что во главе их поставят иностранца, он услышал в ответ: «Ах, Боже мой, да какое дело до их жалоб... сабля торжествует над всем и все улаживает; тем хуже для побежденных»¹²⁹.

Один из биографов «железного маршала» как о вполне достоверном факте пишет даже о том, что Наполеон якобы «выпытывал» у Даву, как тот себя поведет, если он сделает его королем Польши. «Когда человеку выпала честь быть французом, — ответил Луи Николя, — он всегда должен оставаться французом». Но добавил при этом: «С того самого дня, как я приму корону Польши, я полностью и окончательно стану поляком и буду действовать... против Вашего Величества, если того потребуют интересы народа, чьим главою я стану»¹³⁰.

Театральность приведенного монолога столь очевидна, что почти не вызывает сомнений в его апокрифичности. Но и без вымышленных речей и мифических рассуждений о польской короне положение Даву в наполеоновской табели о рангах было совершенно особым. Ни одному из своих маршалов, исключая Даву, император не доверил командовать корпусом численностью в 140 тыс. человек. Никому

из маршалов империи не было пожаловано такое множество денежных подарков, как Даву. Поговаривали, что к началу похода в Россию годовой доход князя Экмюльского составлял ни много ни мало — более двух миллионов франков, и острословы заявляли, что гораздо лучше быть Даву, чем Его Королевским Высочеством. Русский агент в Париже полковник А. Чернышев доносил в Петербург относительно Даву: «В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние, ему Наполеон более, чем всем другим, доверяет и которым он пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально»¹³¹.

Располагаясь со своей штаб-квартирой в Гамбурге, Даву делает все от него зависящее, чтобы как следует подготовиться к предстоящей кампании 1812 г. «Никакая мелочь не была слишком малозначащей для того, чтобы ускользнуть от его внимания. Он позаботился о том, чтобы в ранцах его солдат было все, что им потребуется (в походе). Его полки были обеспечены всем необходимым и, по словам Сегюра*, в каждом из них были свои «каменщики, пекари, портные, сапожники, оружейники; короче говоря, рабочие самых разных профессий. Все, что им было нужно, находилось при них; его армия напоминала своего рода колонию. ...Он (Даву) учел все потребности; все средства для того, чтобы их удовлетворить, были готовы»¹³².

24 июня 1812 г., перейдя Неман, части Великой армии вступают в пределы России. В обычном для наполеоновских бюллетеней бравурном стиле воззвание императора к Великой армии в канун кампании 1812-го года открывалось фразой: «Воины! Вторая польская война начинается...»¹³³.

В начавшейся войне Даву командовал 1-м корпусом Великой армии, состоявшим из пяти пехотных дивизий и двух бригад легкой кавалерии. Правда, сразу три его дивизии из пяти (1, 2 и 3-я) «после переправы через Неман были отданы под начальство неаполитанского короля* для преследования неприятеля и поддержки кавалерии. У маршала оставались только дивизии Компана* и Дезе*, причем половину дивизии Дезе маршал должен был оставить в качестве обсервационного отряда в Минске»¹³⁴.

Легко предположить, что князь Экмюльский был раздосадован принятыми императором решениями о дроблении сил 1-го корпуса. И все же начало войны с Россией, казалось, не предвещало Великой армии грядущей катастрофы. Русские армии, не оказывая сопротивления, откатывались на восток. «Мы без боя заняли Вильно и вынудили русских очистить всю Польшу, — радостно сообщал Даву жене пять дней спустя после начала похода, — это... — великая победа»¹³⁵.

Однако, чем дальше солдаты Наполеона уходили на восток, тем все менее радужными для них становились перспективы дальнейшего развития событий. Французам не удалось помешать войскам 1-й и 2-й русских армий соединиться под Смоленском*. По мнению А. П. Ермолова, «грубая ошибка Даву была причиной соединения наших (т. е. русских) армий...». Иронизируя по этому поводу, Ермолов писал: «Наконец 2-я армия прибыла к Смоленску; совершено соединение (с 1-й армией)! Тебе благодарение, знаменитый Даву, столько пользам России послуживший!»¹³⁶. В своей критике действий героя Ауэрштедта и Экмюля герой Отечественной войны 1812 г. был прав лишь отчасти. Во время своего марша к Смоленску Даву приходилось в куда большей степени «сражаться» с данным ему Наполеоном в

Компан

помощники императорским братом — королем Вестфалии Жеромом Бонапартом и действующим совместно с ним другим королем — зятем императора Иоахимом Мюратом, чем с русскими войсками. Несогласованность действий отдельных частей Великой армии стала для нее настоящим бичом. Амбициозные, не привыкшие подчиняться никому, кроме императора, командующие корпусами Великой армии, наделенные властелином звучными титулами герцогов, князей и даже королей, без конца ссорились друг с другом. Это, разумеется, мешало скорректированным действиям их частей, ставя под вопрос успех той или иной боевой операции.

Особенно частые и бурные «выяснения отношений» происходят между Даву и Мюратом. В сражении под Вязьмой между ними «вышли опять крупные недоразумения и Мюрат чуть не поднял руку на Даву, а затем плакал от досады и, чтобы заглушить чем-нибудь свою злобу, бросился преследовать русские войска по гжатской дороге»¹³⁷.

Во время Бородинского сражения* находившийся на правом фланге Великой армии корпус Даву в течение пяти часов подряд, неся огромные потери, атакует флеши у деревни Семеновской. Артиллерия Багратиона открывает убийственный огонь; русские полки левого фланга не раз ходят в штыковую атаку. «Посреди этого грохота Даву с дивизиями Компана, Десе и тридцатью орудиями быстро двинулся к первому неприятельскому редуту, — вспоминал адъютант императора граф Филипп де Сегюр. — Русские открыли ружейный огонь; лишь со стороны французов гремели орудия. Пехота двинулась, не стреляя; она спешила навстречу неприятельскому огню, чтобы его прекратить, но Компан, генерал этой колонны, и его храбрейшие солдаты падали раненые, остальные в отчаянии остановились под этим градом пуль, собираясь отвечать на него; тут подоспел Рапп заменить Компана, ему удалось бегом повести солдат в штыки против неприятельского редута. И вот он уже первый достиг его, как вдруг и его постигает та же участь: он получает свою двадцать вторую рану. Его замещает третий генерал, но и тот падает. Сам Даву ранен»¹³⁸.

Князь Экмюльский пытается убедить императора прекратить бессмысленные лобовые атаки, попытавшись

обойти левый фланг неприятеля. «Нет, — слышит он в ответ, — ...это слишком далеко уведет меня от цели и заставит... потерять время»¹³⁹. В итоге, «сэкономив» время, Наполеон оставляет на поле битвы, помпезно названной им «la Bataille de Moskova», чуть не половину Великой армии*. По числу убитых и раненых в Бородинском сражении корпус маршала Даву занимает одно из первых мест.

Русская армия не разбита, но она отступает. Великая армия следует за ней по пятам. «Сентября 2-го (14-го), в час пополудни, пройдя через большой лес, — вспоминает француз — участник кампании 1812-го года, — мы увидели вдали возвышенность и через полчаса достигли ее. Передовые солдаты, уже взобравшиеся на холм, делали знаки отставшим, крича им: «Москва! Москва!». Действительно, впереди показался великий город... В эту минуту было забыто все — опасности, труды, усталость, лишения — и думалось только об удовольствии вступить в Москву, устроиться на

Мюрат

удобных квартирах на зиму и заняться победами другого рода — таков уж характер французского воина: от сражения к любви, от любви к сражению»¹⁴⁰.

Пламя вспыхнувшего на следующий день московского пожара, развернувшееся повсеместно партизанское движение, умелые действия Кутузова, совершившего свой знаменитый Тарутинский марш-маневр, не оставляют завоевателям шанса с комфортом перезимовать в Москве — единственном «трофее» русской кампании...

Оставив 18 октября московское пепелище, Великая армия двинулась в обратный путь. В ее арьергарде шли наиболее сохранившие боеспособность части 1-го корпуса герцога Ауэрштедтского. 3 ноября 1812 г. во время начавшегося отступления Великой армии корпус Даву был окружен русскими войсками неподалеку от Вязьмы. Лишь подоспевшие ему на выручку части Евгения Богарне и Иосифа Понятовского помогли арьергарду Даву спастись от полного разгрома. Тем не менее, избежав разгрома, князь Экмюльский не ушел от поражения. В бою за Вязьму 1-й корпус был разбит русскими войсками под командованием Милорадовича, Платова и Уварова. Значение этого события в общем ходе кампании трудно переоценить. В бою под Вязьмой потерпел поражение один из «наиболее боеспособных и чисто французских корпусов «великой армии». Если до Вязьмы наполеоновская пропаганда списывала частые поражения на слабость своих «союзников» (немцев, поляков, португальцев и др.), то теперь вся армия знала — русские наголову разбили «природных французов». «Вчерашнее поражение 1-го корпуса... произвело плохое и опасное впечатление на все войска», — доносил Ней Наполеону после поражения под Вязьмой»¹⁴¹.

Обвинив Даву в том, что он якобы отступает слишком медленно, император передоверил командование арьергардом маршалу Нею с его 3-м корпусом. Ней шел в арьергарде ровно две недели, вплоть до рокового для Великой армии сражения под Красным 17 ноября 1812 г. Император со своей старой гвардией и остатками корпуса Даву* сумел после ожесточенного боя прорваться сквозь русское окружение к Орше, но шедший сразу за ним арьергард Ней

угодил в расставленную Кутузовым ловушку. Вины Даву в этом, по большому счету, не было, так как он успел сообщить Нею о том, что «корпус Евгения* наполовину уничтожен, а сам он ни минуты не может ждать далее, чтобы оказать ему содействие»¹⁴².

После ожесточенного боя 18 ноября близ деревни Сырокорень 3-й корпус Великой армии перестал существовать. Вырваться из окружения и спастись удалось лишь самому Нею и еще примерно шестистам солдатам его корпуса. Явившись 21 ноября к императору в Оршу, Ней, «разгоряченный недавним сражением и расстроенный опасностями, угрожавшими чести армии, взваливал всю вину на Даву, несправедливо упрекая его в том, что тот покинул его. Когда, несколько часов спустя Даву захотел извиниться перед Неем, то получил в ответ лишь суровый взгляд и следующие слова: «Я, господин маршал, не упрекаю вас ни в чем; Бог все видел, Он и рассудит!»¹⁴³.

Ней

Впрочем, вне зависимости от того, был ли виноват в гибели 3-го корпуса маршал Даву, участь его 1-го корпуса оказалась так же трагична, как и судьба арьергарда Великой армии. При переправе через Березину (27 ноября) в корпусе герцога Ауэрштедтского насчитывалось только 3 тыс. человек, а к концу декабря 1812 г. в распоряжении Даву осталось всего-навсего 1,5 тыс. солдат и около 800 офицеров¹⁴⁴. Это было все, что уцелело от его корпуса в несколько десятков тысяч человек...

Под занавес русской кампании, уже после отъезда императора во Францию*, тем, что прежде именовалось Великой армией, командует король Неаполитанский Иоахим Мюрат. В прусском городке Гумбинен на военном совете между ним и Даву происходит примечательный диалог. Созвавший совет король Иоахим, дав волю своему озлоблению против императора, бросившего его вместе с остатками армии на произвол судьбы, воскликнул: «Служить долее безумцу невозможно! Прими я предложения англичан — я был бы таким же великим государем, как императоры России и Австрии». Присутствовавший на совете Даву резко его прервал: «Императоры России и Австрии — государи Божией милостью, а вы, если и король, то единственно по милости Наполеона и пролитой французской крови. Черная неблагодарность вас ослепляет»¹⁴⁵.

В самом начале кампании 1813 г. принц Евгений, смещивший Мюрата на посту главнокомандующего, поручает Даву оборонять Дрезден. Там, однако, князю Экмюльскому доводится находиться всего каких-то десять дней (с 9 по 19 марта 1813 г.)¹⁴⁶. Более чем краткое присутствие Луи Николя в саксонской столице ознаменовано варварской акцией: по приказу Даву взорван «прекраснейший в Европе Дрезденский мост». В «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки по этому поводу сказано: «История напишет имя его (Даву) на свинцовой скрижали подле имен Герострата и Омара»¹⁴⁷.

Прибывший вскоре к армии император находит для своего «железного маршала» более важное и ответственное задание, нежели уничтожение памятников искусства: «...я хочу сохранить за собою Гамбург, — пишет он Даву, — и не

только в случае возмущения жителей или нападения полевых войск, но даже и тогда, когда против него будет действовать целый осадный корпус»¹⁴⁸.

План Наполеона ясен: повелителю Европы надо во что бы то ни стало удержать за собой Северную Германию, а потому такая первостепенная «позиция», как Гамбург, не может быть отдана союзникам. Кому, как не Даву, поручить его защищать? У герцога Ауэрштедтского нет недостатка в упорстве — качестве, имеющем первостепенную важность как для осаждающих, так и для осажденных. К тому же он обладает другим чрезвычайно важным и в 1813 г., увы, редким качеством среди тех, кто окружает императора — личной преданностью властелину*. Как заметил один из биографов «железного маршала», «для Даву Наполеон был олицетворением Франции. Он являл собою консолидацию завоеваний Революции, имперскую славу во всем ее блеске и источник его собственного влияния и благополучия»¹⁴⁹.

30 мая 1813 г. тридцатитысячный корпус Даву оккупировал Гамбург*. Со своей всегдашней обстоятельностью Луи Николя готовится отразить любую попытку неприятеля овладеть городом, будь то его немедленный штурм или долгая, многомесячная осада. Он собирает все запасы продовольствия, которые только можно раздобыть в близлежащей округе. По его распоряжению все постройки, все деревья, находящиеся за пределами городских стен, подлежат уничтожению, чтобы сделать местность перед укреплениями Гамбурга совершенно открытой и хорошо простреливаемой французской артиллерией. В поразительно короткий срок по приказу Даву сооружается невероятно длинный деревянный мост, соединивший Гамбург и Гаарбург. Старые городские укрепления спешно ремонтируются; там, где это необходимо, строятся новые. Проблему наличных денег герцог Ауэрштедтский решает обескураживающе просто: «Для того, чтобы заплатить своим войскам (жалованье), — свидетельствует Дедем, — он завладел деньгами Гамбургского банка»¹⁵⁰. Правда, по словам того же Дедема, «маршал Даву совершенно ничего не брал лично для себя»¹⁵¹.

Союзники осадили Гамбург, собрав под его стенами значительные силы. Однако упорство осаждающих столкну-

лось с ничуть не меньшим упорством осажденных. Как выразилась об обороне Гамбурга Даву в 1813—1814 гг. Де-зире Лакруа, она стала подлинной «вершиной его воинской славы»¹⁵². Перед герцогом Ауэрштедтским как командующим осажденным гарнизоном встают по крайней мере две (не считая, разумеется, необходимости отразить в случае необходимости вражеский штурм) задачи: во-первых, удерживать от открытого бунта жителей Гамбурга; во-вторых, найти способ на максимально большой срок растянуть имеющиеся в городе запасы продовольствия. Первую задачу следует решить как можно скорее и радикальнее, хотя бы уже потому, что командующий русскими войсками, осаждающими Гамбург, генерал Беннигсен умудряется засылать в город своих агентов, подбрасывать с их помощью прокламации с целью побудить жителей поднять восстание против оккупантов-французов. Двух пойманных в городе шпионов противника публично расстреляли по распоряжению Даву... Одновременно, демонстрируя свою власть, беспристрастность, то, что он контролирует ситуацию в городе, «железный маршал» отдает приказ о казни солдата гарнизона, уличенного в попытке обворовать склад военного госпиталя. После всех этих показательных экзекуций Даву надеется, что мало у кого в Гамбурге возникнет желание выражать протест или, пользуясь случаем, заняться мародерством*. Вторую задачу Даву решает за счет «простой арифметики». Чем больше в городе людей, тем меньше в нем остается продовольственных припасов. Значит, надо сократить число жителей. И вот в самом конце декабря 1813 г. Даву распоряжается изгнать из города всех бедняков, пригрозив, что все не подчинившиеся его приказу будут наказаны розгами*. В злую декабрьскую стужу*, без различия пола и возраста, тысячи до смерти перепуганных жителей Гамбурга были изгнаны из родного города. Не многим из них впоследствии довелось вернуться домой...

За то время, что Даву «отстаивает» Гамбург, в Европе происходит множество событий. После «битвы народов» под Лейпцигом, проигранной французами (16—19 октября 1813 г.), Наполеон фактически теряет контроль над Германией. С 1 января 1814 г. война, перешагнув через рейнский

рубеж, полыхает во Франции. Короткая и яростная французская кампания завершается вступлением войск союзников в Париж (31 марта 1814 г.) и отречением Наполеона (6 апреля 1814 г.). 15 апреля 1814 г. парламентар союзников пытается сообщить о том, что свершилось во Франции, маршалу Даву. В ответ на его речи со стен Гамбурга гремят выстрелы. Герцог Ауэрштедтский не настолько легковверен, чтобы дать себя провести...*

В то, что империя действительно пала и во Франции восстановлена власть Бурбонов, Даву поверил лишь после того, как из самого Парижа пришло подтверждение удивительных перемен, происшедших у него на родине. 29 апреля 1814 г. оставшиеся в живых 15 тыс. французских солдат гамбургского гарнизона принесли присягу на верность Бурбонам и белому флагу древней монархии*. Две недели спустя Даву сдал командование прибывшему из Франции генералу Жерару.

По возвращении домой Даву пришлось оправдываться в своем поведении во время командования гамбургским гарнизоном. Его обвиняли в излишней, даже по меркам военного времени, жестокости, в том, что он приказал открыть огонь по парламентару 15 апреля, в том, что по его приказу были изъяты деньги из Гамбургского банка, и т. д., и т. п. На все обвинения герцог Ауэрштедтский отвечает так, как до него и гораздо позже него отвечали на подобные обвинения многие военные: он всего лишь выполнял приказ...

Бурбоны «оценивают» это служебное рвение старого солдата с более чем четвертьвековым стажем по-своему: Даву — единственный из маршалов Наполеона, которому отказано в праве присягнуть на верность реставрированной монархии¹⁵³. Герцогу Ауэрштедтскому запрещено являться в Париж, и он уезжает в свое загородное поместье Савиньи-сюр-Орж...

Когда почти год спустя Наполеон, бежавший с острова Эльба, высаживается на юге Франции в бухте Жуан, одна из первых мыслей, которая посещает королевское правительство, — мысль о том, что необходимо немедленно арестовать «железного маршала»¹⁵⁴. Однако в силу каких-то не-

известных причин (возможно, главная из них — стремительный двадцатидневный марш Наполеона от Жуана к Парижу) Даву не трогают, оставив на свободе этого опасного для древней монархии человека.

С восстановлением империи Наполеон предлагает Даву занять пост военного министра. Луи Николя это предложение не слишком прельщает, и он просит у императора лучше предоставить ему какую-либо должность в действующей армии, тем более, что новая война с новой антифранцузской коалицией неизбежна. Наполеон настаивает на своем: «Я не могу доверить Париж никому, кроме вас», — отвечает он на все возражения Даву¹⁵⁵. Герцогу Ауэрштедтскому не остается ничего иного, кроме как подчиниться воле властелина. С 20 марта по 8 июля 1815 г. он — военный министр императора. Занимая этот пост, Даву проявляет присущие ему замечательные организаторские способности, буквально из ничего, так как в армии не хватает людей, лошадей, орудий, транспортов, боеприпасов, обмундирования, сформировав к началу июня 1815 г. боеспособную армию в 120 тыс. человек. Одновременно по распоряжению военного министра под ружье призывается еще 250 тыс. французов.

Император поручает Даву осуществлять некоторые меры, которые скорее относятся к компетенции министра полиции или министра внутренних дел. Так, 28 марта 1815 г. по распоряжению Наполеона Даву пишет маршалу Ожеро: «Господин маршал, император не желает вас видеть. Его Величество поручил мне передать вам приказ отправляться в ваши поместья. Дайте мне знать о месте, куда вы удалитесь»¹⁵⁶.

Вскоре проблема убежища становится актуальной и для самого Даву. После поражения Наполеона в битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) и вторичного отречения императора по всей Франции прокатывается волна «белого террора». Ее самые знаменитые жертвы: расстрелянный по решению суда пэров маршал Ней и растерзанный толпой роялистских фанатиков в Авиньоне маршал Брюн. Своя доля преследований достается и Даву. Король Людовик XVIII лишает его звания пэра, данного ему «узурпатором» 2 июня 1815 г.; по распоряжению монарха герцога Ауэрштедтско-

Даву

го лишают всех денежных пожалований и пенсий и заставляют его отправиться в изгнание в Лувьер.

Но еще до своего отъезда в Лувьер Даву совершает поступок, который, вероятно, более замечателен, чем разгром пруссаков под Ауэрштедтом в 1806 г. или оборона Гамбурга в 1813—1814 гг. Он пишет письмо маршалу Сен-Сиру (военному министру короля), в котором просит его, чтобы все проскрипционные меры правительства против военных, служивших Наполеону во время Ста дней*, были обращены исключительно против него, «это милость, которую я требую мне оказать, — пишет Даву, — в интересах короля и отечества!»¹⁵⁷

В течение двух лет Даву живет в Лувьере под надзором полиции. Только в конце августа 1817 г. герцога Ауэрштедтского восстанавливают во всех его правах, 11 февраля король производит Луи Николя в кавалеры ордена Св. Людовика, а 5 марта 1819 г. даже в пэры Франции. Впрочем, с 1819 г. Даву предпочитает, чтобы его именовали князем Экмюльским... «Кажется, что маршал вознамерился окончательно порвать со своим прошлым»¹⁵⁸, — так комментирует этот факт один из его биографов.

Однако, если он в самом деле хотел добиться этого, то здесь его подстерегала неудача. Даву остался в истории прежде всего как маршал Наполеона и единственный из его военачальников, который «в полной мере усвоил... концепцию наполеоновских войн»¹⁵⁹.

«Железный маршал» умер в своем парижском особняке на ул. Сен-Доминик 1 июня 1823 г. от туберкулеза легких. Незадолго перед смертью, как бы подводя своеобразный итог тех пятидесяти трех лет, которые он прожил, «железный маршал» с гордостью заявил: «Я прожил жизнь честного человека; я умираю незапятнанным». Он был похоронен на кладбище Пер-Лашез, совсем неподалеку от могил Массена и Нея. Ветераны наполеоновских войн, они и после смерти были неразлучны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Le Comte Vigier.** Davout maréchal d'Empire, duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl (1770—1823). P., 1898. Т. 1. P. 1.

² **Военский К. А.** Наполеон и его маршалы в 1812 году. М., 1912. С. 32.

³ **Gallaher J. G.** The Iron Marshal A. Biography of Louis N. Davout. Lnd., 1976. P. 3.

⁴ **Абрантес Л. д'.** Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1836. Т. 7. С. 89.

⁵ **Le Comte Vigier.** Op. cit. Т. 1. P. 4.

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ **Сен-Сир Г.** Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской. СПб., 1838. Ч. 1. С. 1.

⁸ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 6.

⁹ **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт. М., 1973. С. 33—35.

¹⁰ **Young P.** Napoleon's marshals. N. Y., 1973. P. 120. **Ф. Ж. Уртуль** называет несколько иную дату — 2 февраля 1788 г. / **Hourtoulle F. G.** Davout le Terrible. Duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl. P., 1975. P. 8

¹¹ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 10.

¹² **Военский К. А.** Указ. соч. С. 33.; **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 13.; **Dunn-Pattison R. P.** Napoleon's Marshals. Lnd., 1909. P. 162.

¹³ **Young P.** Op. cit. P. 120.

¹⁴ **Delderfield R. F.** Napoleon's marshals. N. Y., 1980. P. 4.

¹⁵ **Монтескье.** Персидские письма. М., 1956. С. 140.

¹⁶ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 7. С. 89—90.

¹⁷ **Военский К. А.** Указ. соч. С. 33.

¹⁸ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 15—16.

¹⁹ Ibid. P. 22.

²⁰ Ibidem.

²¹ **Робеспьер М.** Избранные произведения: В 3-х томах. М., 1965. Т. 3. С. 21.

²² **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 23—24; **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 164.

²³ **Young P.** Op. cit. P. 122; **Delderfield R. F.** Op. cit. P. 23.

²⁴ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 164.

²⁵ **Young P.** Op. cit. P. 122.

²⁶ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 25.

²⁷ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 163; **Young P.** Op. cit. P. 122.

²⁸ **Жомини.** Политическая и военная жизнь Наполеона. Сочинение генерал-адъютанта, барона Жомини. СПб., 1844. Ч. 1. С. 43.

²⁹ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его, собраны Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 77—78.

³⁰ **Дживелегов А. К.** Армия Великой французской революции и ее вожди. Исторический очерк. М.—Пг., 1923. С. 135—147.

³¹ Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2. С. 62.

³² **Абрантес Л. д^р.** Указ. соч. Т. 7. С. 77.

³³ **Тарле Е. В.** Наполеон. М., 1992. С. 68.

³⁴ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 163.

³⁵ **Абрантес Л. д^р.** Указ. соч. Т. 7. С. 76.

³⁶ Там же. С. 77—78.

³⁷ **Marmont.** Mémoires du Duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. Т. 2. P. 191.

³⁸ **Young P.** Op. cit. P. 122.

³⁹ **Наполеон.** Избранные произведения. М., 1956. С. 516.

⁴⁰ Там же. С. 518.

⁴¹ **Macdonell A. G.** Napoleon and his marshals. N. Y., 1934. P. 40—41.

⁴² **Бертье.** Записки маршала Бертье, князя Невшательского и Ваграмского, начальника главного штаба французской армии о Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. М., 1848. Ч. 2. С. 113—114.

⁴³ **Скотт В.** Жизнь Наполеона Бонапарта — императора французов. М., 1995. Т. 1. Кн. 1—2. С. 315—316.

- ⁴⁴ **Военский К.** Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁵ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 61; **Young P.** Op. cit. P. 122.
- ⁴⁶ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 64—65.
- ⁴⁷ **Young P.** Op. cit. P. 122—123.
- ⁴⁸ **Бурьенн Л. А.** Записки Г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834. Т. 2. Ч. 4. С. 275.
- ⁴⁹ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 7. С. 78, 81—83.
- ⁵⁰ **Дюкре.** Записки г-жи Дюкре о императрице Жозефине, о современниках и о дворах Наваррском и Мальмезонском. СПб., 1834. Ч. 3. С. 17.
- ⁵¹ Там же. С. 20—23.
- ⁵² **Young P.** Op. cit. P. 122—123.
- ⁵³ **Бурьенн Л. А.** Указ. соч. Т. 2. Ч. 4. С. 274.
- ⁵⁴ **Потоцкая А.** Мемуары графини Потоцкой (1794—1820). Пг., 1915. С. 108—109, 155.
- ⁵⁵ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 165.
- ⁵⁶ **Дюкре.** Указ. соч. Ч. 3. С. 23.
- ⁵⁷ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 165.
- ⁵⁸ **Потоцкая А.** Указ. соч. С. 154, 155.
- ⁵⁹ Там же. С. 155—156.
- ⁶⁰ **Young P.** Op. cit. P. 122—123; **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 79—81.
- ⁶¹ **Зотов Р. М.** Наполеон на острове Святой Елены// Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 5. С. 254—255.
- ⁶² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 165.
- ⁶³ **Dedem.** Mémoires du général B^{an} de Dedem de Gelder. 1774—1825. P., 1900. P. 196.
- ⁶⁴ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 7. С. 91.
- ⁶⁵ **Marmont.** Op. cit. Т. 2. P. 193.
- ⁶⁶ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 7. С. 83—88.
- ⁶⁷ **Macdonell A. G.** Op. cit. P. 87.
- ⁶⁸ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 165.
- ⁶⁹ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 81.
- ⁷⁰ **Correspondance de Maréchal Davout prince d'Eckmühl, ses commandements, son ministère. 1801—1815.** P., 1885. Т. 1. P. 82.
- ⁷¹ **Marmont.** Op. cit. Т. 2. P. 193, 194.

- ⁷² **Абрантес Л. д'**. Указ. соч. Т. 7. С. 97.
- ⁷³ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 211.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 85—86.
- ⁷⁵ **Dunn-Pattison R. P.** Napoleon's Marshals. Lnd., 1977. P. X.
- ⁷⁶ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 91.
- ⁷⁷ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 166.
- ⁷⁸ *Correspondance de Maréchal Davout...* Т. 1. P. 139.
- ⁷⁹ **Young P.** Op. cit. P. 123.
- ⁸⁰ **Левицкий Н. А.** Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 110.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² **Тюлар Ж.** Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996. С. 156.
- ⁸³ **Левицкий Н. А.** Указ. соч. С. 115.
- ⁸⁴ *Correspondance de Maréchal Davout...* Т. 1. P. 193.
- ⁸⁵ **Young P.** Op. cit. P. 123.
- ⁸⁶ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 166—167.
- ⁸⁷ **Военский К. А.** Указ. соч. С. 35.
- ⁸⁸ **Людвиг Э.** Наполеон. М., 1998. С. 227.
- ⁸⁹ **Меринг Ф.** Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1937. С. 255—256.
- ⁹⁰ Там же. С. 256—257.
- ⁹¹ Там же. С. 257.
- ⁹² **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 167.
- ⁹³ Близорукий маршал. Из донесения военного агента в Париже полковника А. Чернышева//Родина. 1992. №6—7. С. 26.
- ⁹⁴ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 123.
- ⁹⁵ **Манфред А. З.** Указ. соч. С. 500.
- ⁹⁶ **Young P.** Op. cit. P. 123.
- ⁹⁷ *Correspondance de Maréchal Davout...* Т. 1. P. 277.
- ⁹⁸ См.: **Левицкий Н. А.** Указ. соч. С. 136—138.
- ⁹⁹ **Меринг Ф.** Указ. соч. С. 261.
- ¹⁰⁰ **Абрантес Л. д'**. Указ. соч. Т. 9. С. 232.
- ¹⁰¹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 168.
- ¹⁰² **Rovigo.** Memoirs of the Duke of Rovigo (M. Savary) written by himself illustrative of the history of the emperor Napoleon. Lnd., 1828. V. 1. Part 2. P. 186—187.

- ¹⁰³ Меринг Ф. Указ. соч. С. 260.
- ¹⁰⁴ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 169.
- ¹⁰⁵ Young P. Op. cit. P. 120.
- ¹⁰⁶ Correspondance de Maréchal Davout... Т. 1. P. 283.
- ¹⁰⁷ Gallaher J. G. Op. cit. P. 133.
- ¹⁰⁸ Young P. Op. cit. P. 123; Gallaher J. G. Op. cit. P. 136.
- ¹⁰⁹ Военский К. А. Указ. соч. С. 36.
- ¹¹⁰ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 169—170.
- ¹¹¹ Меринг Ф. Указ. соч. С. 272.
- ¹¹² Близорукий маршал... С. 26.
- ¹¹³ Barrès J.-V. Memoirs of a napoleonic officer Jean-Baptiste Barrès. N. Y., 1925. P. 98.
- ¹¹⁴ Gallaher J. G. Op. cit. P. 147.
- ¹¹⁵ Давыдов Д. Военные записки. М., 1940. С. 105.
- ¹¹⁶ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 171; Gallaher J. G. Op. cit. P. 153—154.
- ¹¹⁷ Потоцкая А. Указ. соч. С. 108—109.
- ¹¹⁸ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 171—172.
- ¹¹⁹ См. донесения Даву Наполеону и маршалу Бертье 1807—1808 гг. из Великого герцогства Варшавского: Correspondance de Maréchal Davout... Т. 2. P. 4—225.
- ¹²⁰ Correspondance de Maréchal Davout... Т. 2. P. 131.
- ¹²¹ Gallaher J. G. Op. cit. P. 169.
- ¹²² Ibid. P. 176.
- ¹²³ Левицкий Н. А. Указ. соч. С. 143.
- ¹²⁴ Там же. С. 142.
- ¹²⁵ Военский К. А. Указ. соч. С. 36—37.
- ¹²⁶ Blaze E. Recollections of an officer of Napoleon's army. By Captain Elzéar Blaze. N. Y., 1911. P. 136.
- ¹²⁷ Gallaher J. G. Op. cit. P. 201—202.
- ¹²⁸ Ibid. P. 213.
- ¹²⁹ Бурьенн Л. А. Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 100—101.
- ¹³⁰ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 182.
- ¹³¹ Близорукий маршал... С. 26.
- ¹³² Young P. Op. cit. P. 123—124.
- ¹³³ Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2. С. 111.

- ¹³⁴ **Коленкур А. де.** Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 100.
- ¹³⁵ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 228.
- ¹³⁶ **Ермолов А. П.** Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 137, 153.
- ¹³⁷ **Сухомлинов В.** Мюрат Иоахим-Наполеон, король Обеих Сицилий (Его смерть). СПб., 1896. С. 16.
- ¹³⁸ **Сегюр Ф. де.** Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де-Сегюра. М., 1911. С. 29.
- ¹³⁹ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 177.
- ¹⁴⁰ **Бургонь.** Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. СПб., 1898. С. 1—2.
- ¹⁴¹ **Сироткин В. Г.** Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 217.
- ¹⁴² **Клаузевиц.** 1812 год. М., 1937. С. 185.
- ¹⁴³ **Сегюр Ф. де.** Указ. соч. С. 159—160.
- ¹⁴⁴ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 273.
- ¹⁴⁵ **Военский К. А.** Указ. соч. С. 42; **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 178.
- ¹⁴⁶ **Young P.** Op. cit. P. 125.
- ¹⁴⁷ **Динка Ф. Н.** Письма русского офицера. М., 1990. С. 144.
- ¹⁴⁸ **Нечволодов А.** Очерк явлений войны в представлении полководца по письмам Наполеона за лето и очень 1813 года. Варшава, 1894. С. 22.
- ¹⁴⁹ **Gallaher J. G.** Op. cit. P. 308.
- ¹⁵⁰ **Dedem.** Op. cit. P. 197.
- ¹⁵¹ **Ibid.** P. 196.
- ¹⁵² **Lacroix D.** des Maréchaux de Napoléon. P., s. a. P. 218—219.
- ¹⁵³ **Dunn-Pattison R. P.** Op. cit. P. 179.
- ¹⁵⁴ **Бурьенн Л. А.** Указ. соч. Т. 5. Ч. 10. С. 246—247.
- ¹⁵⁵ **Young P.** Op. cit. P. 125.
- ¹⁵⁶ **Correspondance de Maréchal Davout...** Т. 2. P. 376.
- ¹⁵⁷ **Lacroix D.** Op. cit. P. 220.
- ¹⁵⁸ **Young P.** Op. cit. P. 125—126.
- ¹⁵⁹ **Macdonell A. G.** Op. cit. P. 30.
- ¹⁶⁰ **Hourtoulle F. G.** Op. cit. P. 392

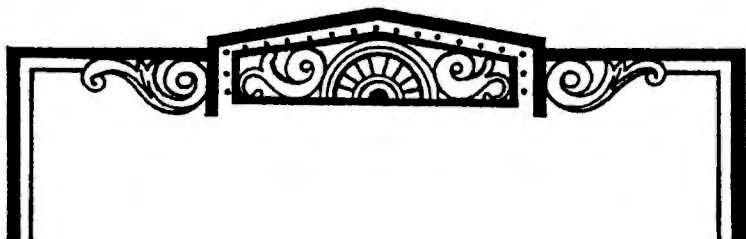
Глава 4

МАРШАЛ НЕЙ

«Что за человек! Что за солдат! Что за сорви-
голова!».

Наполеон о Нее

Любое крупное историческое событие и тем более целая эпоха, как правило, не могут обойтись без своего рода «знаковых личностей», встречая имена которых даже непосвященному читателю становится совершенно ясно, о каком времени, собственно, идет речь. Для эпохи Наполеона Первого, времени так называемых Наполеоновских войн, такой личностью (не принимая в расчет, естественно, самого Наполеона), безусловно, является Мишель Ней — маршал Франции, герцог Эльхингенский, князь Московский, которого сам не слишком щедрый на похвалы император однажды назвал «храбрейшим из храбрых».

Мишель Ней родился 10 января 1769 г. в местечке Сарлуи, в семье бочара. Как выразился его биограф Эрик Перрен, намерение обнаружить в семействе Неев знатных предков — не что иное, как совершеннейшая химера¹. Отец Мишеля Пьер Ней был мелким собственником, владельцем нескольких небольших участков земли, но его главным занятием, приносящим основной доход в семейный бюджет, было ремесло бочаря. Он ловко управлялся с топором, с помощью четырех подмастерьев превращая деревянные доски в бочки. По словам биографа Нея, именно ремесло бочара помогло его семье выжить, сведя концы с концами во время небывало морозной зимы 1785 г., пустившей многих односельчан Пьера по миру².

До того, как заняться бочарным делом и создать семью, Пьер Ней несколько лет прослужил во французской армии. Ему довелось участвовать в Семилетней войне, сражаясь под знаменами Субиза в битве при Росбахе (5 ноября 1757 г.), где франко-имперские войска потерпели сокрушительное поражение от армии самого Фридриха Великого. Человек

не робкого десятка, Пьер Нея дослужился в армии до звания сержанта³. Выйдя в отставку, он женился на Маргерит Граванинье, ставшей заботливой матерью его троих детей, старший из которых, Жан, родился в 1767 г., а младшая, Маргерит, появилась на свет пять лет спустя. Таким образом, сам Мишель был вторым ребенком в семье. В крестьянских семьях, с их патриархальными устоями и традиционно большим вниманием к старшему сыну и наследнику, Мишель, если и не был обделен родительской заботой, то в любом случае в разряд баловней тоже не попадал.

Семья Нея была из числа протестантских, но когда Мишель подросток, отец все же решил отдать его для обучения в католический *College des Augustins*. В коллеже образованием подрастающего поколения ведали монахи-августинцы. Учение давалось маленькому Мишелю без труда, о чем красноречиво свидетельствовали его весьма неплохие школьные отметки⁴.

Уже с детства Мишеля отличала склонность к лидерству, которая проявлялась во время обычных для мальчишек игр в войну. Организуя со своими сверстниками потешные батальи, «маленький Александр Великий» частенько являлся домой с разбитым в кровь носом и в разодранной в жаркой схватке рубашке⁵. Как пишет один из биографов Нея, еще будучи совсем юным, он предчувствовал, что ему предначертано совершить нечто выдающееся⁶. Дальнейшая судьба Мишеля Нея убедительно доказала: чем-чем, но провидческими талантами он не обладал. Поэтому утверждение его биографа о якобы по наитию открывшейся мальчонке из Саррлуи судьбе, вероятно, всего лишь красивая метафора, коими пестрят жизнеописания знаменитых деятелей, если об их детских и юношеских годах мало что известно.

По окончании коллежа Нея поступил в услужение к нотариусу, в конторе которого провел долгих четыре года⁷. Однако, если они и принесли ему какую-нибудь пользу, то лишь ту, что он понял: это — не для него...

Годы учения остались позади, и перед 19-летним Мишелем встал вопрос о том, какую карьеру ему избрать. Родители Нея полагали, что их младшего сына вполне устроит повторение жизненного пути отца⁸. Однако юный Нея не

был склонен стать простой копией Нея-старшего. Он не желал прожить свою жизнь согласно чьим бы то ни было указаниям. Ведь в конце концов это была его собственная жизнь...

6 декабря 1788 г Мишель записался добровольцем в Regiment Colonel-Général des hussards⁹, который нес гарнизонную службу в приграничном Меце.

Мишель служит в армии с удовольствием, не пренебрегая ничем, чтобы со временем стать образцовым гусаром. Физически очень сильный, рослый, неутомимый (это качество сразу же отмечают его сослуживцы¹⁰), превосходный наездник, он скоро обращает на себя внимание начальства. Поначалу он выделяется из общей массы скорее своей приметной внешностью*, нежели чем-либо еще. Обладатель ярко-рыжей шевелюры (именно за это солдаты впоследствии дадут ему прозвище «Le Rougeaud», которое можно перевести на русский язык, как «краснолицый» или «красномордый»¹¹) и выразительных голубых глаз, Ней прослыл в своем гусарском полку превосходным фехтовальщиком. В пехотном полку де Вентимилля немедленно нашелся свой кандидат в лидеры по умению владеть шпагой. Вскоре соперники решили помериться силами на дуэли. Своевременное предупрежденное кем-то полковое начальство помешало воплощению «идеи» в жизнь, и по распоряжению командира полка Мишель был посажен на гауптвахту¹². По прошествии короткого времени, выйдя из гауптвахты, Ней вновь вызвал на бой своего соперника. На сей раз поединок состоялся, причем Мишель столь серьезно ранил своего противника, что тот был комиссован из армии¹³.

Бретерская выходка сошла Мишелю с рук. Вероятно, причиной этого стало то, что молодой гусар с самого начала своей службы в полку выказывал совершенно особый интерес к военному делу, стремясь доскональнейшим образом освоить все тонкости солдатского ремесла. С другой стороны, во французской армии эпохи «старого порядка» дуэли между военнослужащими были вещь вполне заурядной, а стало быть, и не наказуемой по всей строгости закона, если, конечно, речь шла о поединке лиц, равных по званию и своему социальному статусу.

Уроженцу Лотарингии Нею пришлось в армии срочно осваивать как следует французский язык. Дело в том, что если Мишель очень хорошо знал немецкий язык, язык Шиллера и Гете¹⁴, на котором свободно говорило местное население Лотарингии, на протяжении долгих веков находившееся под властью Священной Римской империи германской нации, то с французским у него были определенные проблемы. Молодой лотарингец говорил по-французски с заметным немецким акцентом, что же касается чтения и письма, то тут дела обстояли еще хуже. Мишель проявил упорство и, хотя его французский так никогда и не стал безупречным, он тем не менее смог сдать необходимые тесты¹⁵ и 1 января 1791 г. получил чин *Brigadier fourgrier* (капрала-квартирмейстера)¹⁶. В ноябре этого года в Саррлуи умерла его мать¹⁷.

Между тем начавшаяся во Франции в 1789 г. революция открыла перед Неем, как и перед многими другими честолюбивыми военными из низов, широкий путь к карьере. «Революция, исключившая множество людей (из армии), — писал один роялистский автор, — поставила на их места других для нее надобных, на которых бы они никогда без нее не были. Адвокаты, купцы... сержанты и капралы... поставлены были в предводители (французского) войска»¹⁸. Конечно, в 1791 и даже в 1792 г. Ней еще очень далек от «предводительства». Он всего лишь делает первые шаги на том поприще, где ему впоследствии предстоит прославиться, став одним из самых знаменитых маршалов Первой империи.

1 февраля 1792 г. Ней получает очередное повышение — чин *maréchal des logis* (вахмистра)¹⁹. В апреле 1792 г. Австрия и Пруссия вступают в войну против революционной Франции. Вспоминая о том времени, будущий наполеоновский маршал Сен-Сир отмечал: «Войны, которые я описываю, принадлежат к достопамятной для нас эпохе. Я горжусь тем, что участвовал в них, потому что никогда французы не оказывали столь геройского мужества, столь редкого постоянства. Чтобы сохранить целостность государства и народную независимость, им надлежало победить соединенные армии всей Европы. Ни одна война не требовала от

нас столь необыкновенных усилий и ни одна не увенчала нашего оружия такою славою»²⁰. «Как и многим другим, — пишет биограф Нея, — начало военных действий предоставило нетерпеливому Мишелю... шанс доказать свою доблесть»²¹.

Инициаторы войны — жирондисты были преисполнены оптимизма насчет перспектив начавшейся военной кампании. «Эта война-потоп обновит лицо мира и водрузит знамя свободы на дворцах королей, на серале султана, на замках мелких феодальных тиранов, на храмах пап и муфтиев», — заявил вождь Жиронды Жан Пьер Бриссо²².

Реальное положение дел во французской армии, сложившееся к апрелю 1792 г., впрочем, не давало оснований надеяться на то, о чем с пафосом вещал Бриссо. По свидетельству Сен-Сира, «линейные полки (французской армии) были изрядно обучены, но единственно для парадов и для маневров, и были чрезвычайно ослаблены беспрестанными побегамми. Они не могли быть укомплектованы набором, потому что молодые люди охотнее вступали в волонтерские батальоны. Артиллерия состояла из семи полков, каждый в два батальона, превосходно обученных... Кавалерийских полков было пятьдесят девять, из которых двадцать четыре полка тяжелой кавалерии были весьма хорошо устроены и обучены и имели прекрасных лошадей, хорошо выезженных и, может быть, даже измученных беспрестанною манежною ездою. ...Драгунских полков было восемнадцать, конноегерских двенадцать, гусарских пять: они также имели хороших лошадей и отличались устройством и преданностью. Число легкой кавалерии было недостаточно...

С этими силами, — продолжает Сен-Сир, — можно было предпринять войну против одной из первостепенных держав; но они были недостаточны против коалиции, которая угрожала Франции... К тому ж армия нуждалась в офицерах, которые начали переходить за границу именно при наступлении войны; их недоставало двенадцать тысяч, когда последовал разрыв с Австриею»²³.

Настоящая служба в действующей армии (это так называемая Армия Севера, которой командует генерал Дюмурье) начинается для Мишеля Нея только в 1793 г.²⁴ Впро-

чем, еще до того, как присоединиться со своим полком (с 1791 г. полк именуется 5-м гусарским) к армии Дюмурье, Ней меняет нашивки вахмистра на погоны аджудана. Это происходит 14 июня 1792 г.²⁵ За оставшиеся полгода Мишель получает еще два повышения по службе — в конце октября он становится подпоручиком, а в начале ноября — поручиком 5-го гусарского. Таким образом, за два года с небольшим Ней из рядового гусара «из глубинки», рыжеволосого и драчливого нарушителя спокойствия без особых служебных перспектив, превращается в офицера. С чем связана эта удивительная метаморфоза? Скорее всего с тем, о чем писал Сен-Сир: в условиях начавшейся войны с грозной антифранцузской коалицией европейских держав и почти повального бегства офицерского корпуса «старой» армии за границу, революционная Франция остро нуждалась в командирах среднего звена. Любой мало-мальски инициативный военный, пусть даже с небольшим стажем воинской службы, освоивший тонкости своего ремесла, мог рассчитывать на повышение, очередной и даже внеочередной чин. Что же касается общего уровня знаний и образования у Нейя, то можно сказать, что он не претерпел существенных изменений. Как и прежде он был невысок, а грубоватая и «простецкая» внешность Мишеля приводила к тому, что люди, не слишком хорошо его знавшие, считали 23-летнего поручика, может быть, и добрым, но весьма недалеким малым.

Между тем во Франции в начале 1793 г. происходят важные перемены. 21 января 1793 г. на эшафот поднимается король Людовик XVI, которого теперь, правда, именуют Капетом, и республика, провозглашенная в стране еще в сентябре предыдущего года, получает свою кровавую жертву. Достоверных сведений о том, как Ней отнесся к этому событию, не сохранилось. Впрочем, генерал Сарразен, правда, много позже, уже во времена Реставрации, уверял, что Ней и он сам «с негодованием и яростью» восприняли «ужасное убийство наилучшего из королей»²⁶. Так ли все было на самом деле? Учитывая время, когда Сарразен сделал свое признание и даже саму его тональность («убийство наилучшего из королей»), можно усомниться в его искренности. И все же есть определенные основания, чтобы пове-

рить словам Сарразена. Дело в том, что Сен-Сир, описывая положение, существовавшее во французской армии в начале революционных войн, заметил, характеризуя кавалерийские части (а Ней ведь как раз и служил в кавалерии): «Не знаю, почему подозревали, что эти полки были менее привержены революционному правительству, нежели прочие войска»²⁷.

Однако, если Ней и возмутила расправа над этим «бедным тираном», как выразился по поводу Людовика XVI один из его современников, то это не помешало ему верой и правдой служить революционной родине, вынесшей этот суровый вердикт.

Очутившись в действующей армии, Ней очень скоро проявляет те качества, которые затем на протяжении двух десятков лет будут отличительными чертами его «почерка» как военачальника: неукротимую энергию, сообразительность, ясность понимания стоящих перед ним задач, бесстрашие. Нею было абсолютно неведомо чувство страха. Когда однажды его спросили, испытывал ли он когда-либо страх, Ней не раздумывая ответил: «Нет, для этого у меня не было времени»²⁸.

С 1792 по 1794 г. Ней служит в Армии Севера. Первое крупное сражение, в котором ему довелось участвовать, — проигранная французами битва под Неервинденом (18 марта 1793 г.)²⁹. Затем следуют новые бои, стычки, наступления, отступления, — все то, без чего невозможна ни одна война. И везде, при всех обстоятельствах Мишеля не покидает присутствие духа. Его беспримерная отвага и находчивость — первые качества воина — входят в поговорку. Однажды во время отступления с маленьким отрядом в двадцать гусар Ней ухитрился наголову разбить вражеский отряд в три сотни сабель...³⁰

12 апреля 1794 г. Ней получает чин капитана. Тогда же его замечает генерал Клебер — один из самых выдающихся и ярких полководцев Республики. Шестнадцатью годами старше Нея, Клебер — сын каменщика из Страсбурга к 1794 г. был известной и популярной во французской армии личностью. Вступив в ряды Национальной гвардии в самом начале революции, Клебер уже в 1792 г. командует ле-

гионом волонтеров в армии генерала Кюстина, а затем, в течение четырех месяцев живя, как он сам выразился, «под сводом огня», возглавляет героическую оборону Майнца, осажденного австрийскими войсками. Ему удается заключить с противником почетную капитуляцию, согласно которой гарнизон Майнца покинул город с оружием в руках. Затем Клебер принимал участие в боевых действиях на Западе, сражаясь с вандейскими мятежниками*³¹. Будучи направлен в Самбро-Маасскую армию генерала Журдана, Жан Батист Клебер, к тому времени уже дивизионный генерал, и заметил там Нея. Клебер захотел взять лихого капитана к себе в штаб и не был разочарован своим выбором. «Капитан Ней, — докладывал Клебер комиссару Конвента Жилле, — продемонстрировал чудеса храбрости. С тридцатью драгунами 7-го драгунского полка и несколькими

Генерал Клебер

ординарцами он атаковал две сотни черных гусар и отбросил их, приведя в величайшее смятение»³².

В мае 1794 г. Клебер поручает Нею возглавить отряд в 500 кавалеристов, а через два месяца он становится командиром эскадрона в Самбро-Маасской армии³³. Жан Батист — его непосредственный начальник, как и прежде, особо выделяет среди всех прочих упрямого и отважного лотарингца. По словам Сарразена, «Ней был вторым Клебером»³⁴. Возможно, этим удивительным сходством Клебера и Нея и объясняется тот особый доверительный, совсем не субординационный тон, который установился в их взаимоотношениях.

В конце 1794 г. Ней принимает участие в осаде Маастрихта. Во время этой осады, 22 декабря, он был ранен пулей в левое плечо³⁵.

1795 г. проходит для Мишеля без особых происшествий. Единственное жаркое дело, в котором ему довелось отличиться в этом году, — битва при Опальдене (8 сентября 1795 г.). В этом сражении обе стороны — французы («синие и белые»*) сходятся в братоубийственной схватке...

Начиная с 1796 г. Ней командует кавалерией дивизии генерала Колана. В этом качестве он сражается под Альтенкирхеном (4 июня 1796 г.) и участвует в штурме Вюрцбурга (15 июля 1796 г.), захватив в плен две тысячи австрийцев, хотя под его командой было не больше сотни гусар³⁶. Вскоре Нею доводится участвовать в сражении при Форхайме и, как всегда, в нем отличиться. 1 августа 1796 г. Клебер представляет его к званию бригадного генерала³⁷.

В начале кампании 1797 г., как и в предшествующие два с лишним года, Ней сражается с австрийцами в рядах Самбро-Маасской армии, под началом генерала Поля Гренье, который был его земляком — уроженцем Саррлуи. 19 апреля французы одерживают победу при Кирхберге, а уже через день близ Гиссена бригадный генерал Мишель Ней попадает в плен к неприятелю. По словам его биографов, причина этого — простая случайность. Во время отступления французской армии Ней, шедший со своими гусарами в арьергарде, внезапно обнаружил батарею конной артиллерии, по какой-то причине оказавшуюся без орудийной

прислуги и, по-видимому, обреченную попасть в руки врага. Не долго думая, Ней развернул своих кавалеристов, бросив их в атаку на австрийский полк, уже почти захвативший бесхозные пушки. Не ожидавшие ничего подобного, австрийцы подались было назад, как тут прямо во фланг гусаров Нея атаковал полк тяжелых драгун неприятеля. В короткой и жестокой схватке отряд Нея был разбит, а он сам, со сломанной саблей в руке, придавленный павшей во время боя лошадью, попал в плен к австрийцам³⁸.

Ней пробыл в плену чуть больше месяца и был отпущен «на честное слово» 27 мая 1797 г., а затем уже обменян на взятого в плен австрийского генерала. Тем временем, как раз в мае 1797 г. (журнале V года по республиканскому календарю), серьезно осложнилась внутривнутриполитическая обстановка во Франции. Выборы в законодательные советы Республики* внезапно дают значительное большинство в них роялистским и пророялистским элементам, так называемой партии Клиши*. После некоторого колебания и непродолжительных раздумий Директория с помощью армии «наводит порядок» в стране, арестовав большинство негодных ей депутатов.

По словам одного из его биографов, Ней принимает происходящее близко к сердцу. Он — всецело на стороне правительства. Всю присущую ему энергию и буйный темперамент Ней обращает против «эмигрантов», злойволной, враждебной республике «партии Клиши». Это был «единственный раз, когда он (Ней), — пишет Данн-Паттисон, — активно вмешивался в политику»³⁹. По счастью для Нея, его «опыт» участия в политической жизни был более чем скромнен. По верному замечанию Делдерфилда, «он (Ней) никогда ничего не смыслил в политике... Его лозунгом было слово «долг»...»⁴⁰.

Первый же долг солдата — защищать Отечество, воевать за него. Этому долгу Мишель Ней останется верен до конца своих дней.

Обретя долгожданный мир со всеми своими противниками, исключая Англию, «Франция в эту минуту, после победы республики в фруктидоре*, казалось, приняла на себя опеку над всеми слабыми землями и защиту их»⁴¹. Все же,

совсем мирным 1798 г. так и не стал. Начавшаяся Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта вызвала целый ряд важных и долгосрочных последствий. Мертвая зябь европейской внешней политики после Кампо-Формио* оказалась серьезно встревожена амбициозным планом Директории утвердить французское господство на Ближнем Востоке. Однако Мишелю Нею не пришлось разделить с Бонапартом опасности и славу Восточного похода. Для него, в отличие от честолюбивого корсиканца, война началась с годичным «опозданием» — весной 1799 г.

Войска грозной антифранцузской коалиции европейских держав наступают на разных фронтах: это и равнины Италии, и Швейцарские Альпы, и прирейнские земли, и отвоеванные у моря голландские низины. Один из главных фронтов — по-прежнему рейнский, германский фронт. С началом военных действий Ней попадает в Рейнскую армию Республики в качестве командующего ее кавалерией.

Первое крупное событие кампании 1799 г., в котором участвует Ней, — осада города Маннгейма, удерживаемого большим австрийским гарнизоном. Австрийцы упорно обороняются, французы столь же упорно осаждают город. И те, и другие прекрасно понимают важное стратегическое значение Маннгейма — настоящего ключа ко всей Южной Германии.

Австрийцы полагают, что находятся в относительной безопасности, ибо между ними и французской армией — широкий Рейн, переправиться через который незаметно французам, разумеется, не удастся. Столь надежное, по их мнению, прикрытие побуждает австрийцев рассредоточить свои силы по близлежащим деревушкам, разбросанным вокруг Маннгейма. Когда Нею становится обо всем этом известно, в его голове мгновенно вырабатывается план: с небольшим отрядом незаметно форсировать Рейн и внезапным ударом (*coup-de-main*) захватить город. Но чтобы такая операция прошла успешно, чтобы дерзкий налет не превратился в дорогостоящую авантюру, Нею совершенно необходимо точно знать, где находятся постовые в самом Маннгейме и где расположились австрийские отряды, находящиеся вне городских стен. Мишель не может никому

доверить рискованное задание выяснить, каково месторасположение австрийцев, и, «преобразившись» в пруссака, под покровом ночи он перебирается через Рейн, оказавшись на вражеском берегу. Превосходное знание немецкого помогает Нею сойти за местного жителя и беспрепятственно выяснить все то, без чего нападение на Маннгейм с малыми силами может закончиться в лучшем случае пленом для атакующей стороны. Проводя эту личную рекогносцировку, Ней, конечно, очень рискует: ведь стоит какому-нибудь бдительному австрийцу выяснить, кто он такой, и его немедленно расстреляют на месте как вражеского шпиона... Фортуна благоприятствует храбрецам. Ней возвращается в свой лагерь и уже на следующий же вечер «наносит визит» неприятелю, прихватив с собой небольшой отряд. Со штыками наперевес солдаты Нея внезапным ударом опрокидывают выставленную австрийцами стражу и вихрем врываются в город. Внезапность нападения, темнота ночи, скрывающая от австрийцев малочисленность нападавших, командирский, громовой голос Нея, потребовавшего у коменданта немедленной сдачи крепости, — все это превратило в итоге дерзкий набег в успешную военную операцию.

28 марта 1799 г. Ней получает новое повышение: теперь он — дивизионный генерал⁴². Удивительно, но это заслуженное им отличие скорее озадачивает Нею. В противоположность большинству военных он совсем не честолюбив в том плане, что он нисколько не гонится, а следовательно, и не особенно ценит всякого рода внешние атрибуты славы вроде чинов, званий, орденов и тому подобных отличий. Слава быть со своими солдатами в самом опасном месте, слава разделять с ними все тяготы службы, честно исполнять свой долг — все это для Нея неизмеримо важнее пустых и пышных званий, чванного самодовольства выскочки. К тому же он не уверен, соответствуют ли новому высокому чину его способности. Когда вскоре после повышения правительство решает поручить Нею временно исполнять обязанности командующего Рейнской армии Республики*, он почти с испугом пишет Директории: «Учили ли вы недостаточность моих военных способностей для того, чтобы доверить мне столь высокую должность?»⁴³.

Власть предержавшие не обращают внимания на генеральскую скромность. В начале мая 1799 г. генерал Мишель Ней командует легкой кавалерией Гельвецкой армии, а три недели спустя — гвардейской дивизией, причем его непосредственным начальником здесь является генерал Николя-Шарль Удино, впоследствии, как и сам Ней, один из наполеоновских маршалов.

Из писем к Нею той поры сохранились немногие, но среди них есть одно в высшей степени интересное, поскольку оно подтверждает редкостное для военного человека отсутствие у адресата чего-либо даже отдаленно напоминающего тщеславие. Автор этого письма — Бернадот, сослуживец Ней по Рейнской армии. «Посмотри вокруг себя, мой дорогой Ней, — писал ему Бернадот 14 мая 1799 г., — и честно мне ответь: разве твоя совесть не повелевает тебе распрощаться со скромностью, которая становится ложной и даже опасной тогда, когда она чрезмерна. Нам нужны герои, сердцам которых неведом страх, соблазны и которые, сверх того, исполнены благородного честолюбия... У кого, как не у тебя предостаточно этих талантов и качеств?.. Прощай, мой дорогой Ней. Я говорю с тобой как отец, но... так же как и тот, кто связан с тобой узами искренней дружбы и огромного уважения»⁴⁴.

Удино

Отважно сражаясь в рядах Рейнской армии, «Ней, как и все прочие военные его эпохи, с осуждением относился к гражданскому обществу из-за его нестабильности, его аморальности и... развращенности»⁴⁵. Всегда пользующийся популярностью в стране, сотрясаемой глубоким и всеобъемлющим кризисом, лозунг «сильной руки», по-видимому, не был неприемлем для такого человека, как Мишель Ней. Поэтому нет ничего удивительного в том, что низвержение агрессивно-бессильной и фатально бездарной Директории в результате переворота 18 брюмера 1799 г. вполне им одобряется. Месяц спустя после этого знаменательного события в письме к командиру эскадрона Денуайе Ней с энтузиазмом рассуждал о преобразованном правительстве, искренне желающем блага для Республики, и об офицере*, способном оказать важные услуги Отечеству⁴⁶. Правда, на основе этого письма Нея все же будет неправильным предположить, что он увидел в «революции 18 брюмера» нечто совсем отличное от всего происходившего во Франции начиная с 1798 г. В его представлении первый консул — генерал Бонапарт был всего-навсего первым магистратом Республики и никем иным. То, что Ней — республиканец, не подлежит ни малейшему сомнению. Прежде всего это объясняется тем, что он «рейнец». «Эта новая великая Рейнская армия, — писал об армии Рейна 1799 г. Альбер Вандаль, — ...насчитывала в своих рядах благороднейшие силы Франции; она была проникнута энергическим революционным духом и гораздо меньше предана Бонапарту, чем свободе. Многие офицеры и солдаты в ней не отделяли воинского долга от долга гражданина. Именно в силу своих добродетелей и страстей эта армия была не слишком податлива...»⁴⁷.

Другое объяснение республиканизма Нея состоит в том, что, невзирая на изъяны своего образования, Мишель прекрасно понимал: революция и республика дали ему все; без них деревенский мальчонка из Саррлуи, наверное, мог заслужить в самом лучшем случае сержантские нашивки и ничего больше... О людях, подобных Нею, один роялистский автор писал буквально следующее: «Имея существование свое от революции, которой они предались, сии генералы защищали оную с настоятельностью воли, которая

Бонапарт — первый консул

полагала, что не сделано еще ничего, когда осталось что-либо еще предпринимать, и с приверженностью, не знающей иных пределов, кроме смерти»⁴⁸.

Приветствуя переворот 18 брюмера, Ней, однако, — далеко не бонапартист. «Поверьте мне, мой дорогой генерал, — пишет он своему другу Лекурбу в ноябре 1799 г., — мое единственное честолюбие состоит в том, чтобы исполнить свой долг. Я никогда не унижусь до того, чтобы служить отдельным людям. Я всегда думаю лишь о моей стране... и пожертвую ради нее всем, если обстоятельства того требуют»⁴⁹.

Наполеон — первый консул

В кампании 1800 г., как и в предыдущие годы, Ней вновь сражается в рядах Рейнской армии под командованием генерала Моро. По словам одного из его биографов, именно Нейю принадлежит слава победы над австрийцами в битве под Гогенлинденом (2—3 декабря 1800 г.), в которой армия Моро наголову разгромила армию эрцгерцога Иоанна⁵⁰. Впрочем, столь высоко оценивая роль Нейя в этом сражении, его биограф, видимо, впадает в «грех» преувеличения, вообще присущий многим авторам жизнеописаний. К тому же гогенлинденская победа «была не плодом заранее продуманной стратегии, а, как верно выразился Наполеон, «удачной встречей», правда, крупного масштаба. Успех, — замечает Ганс Дельбрюк, — выпал на долю французов... благодаря качественному превосходству войск и решительности юного генерала Ришпанса»⁵¹.

Но и Ней, несомненно, отличился в сражении 2—3 декабря, ибо вскоре после Гогенлиндена получил денежную награду в 10 тыс. франков «от благодарного Отечества»⁵².

Однако «благодарное Отечество» в лице первого консула Республики генерала Бонапарта не спешит доверить Нейю сколько-нибудь ответственный пост, поручить ему важное дело. Но репутация, которую Ней завоевал, сражаясь в рядах Рейнской и Самбро-Маасской армий, все же не может быть проигнорирована главой государства. И вот, три месяца спустя после заключения Люневильского мира с Австрией, в мае 1801 г. по приглашению Наполеона Ней является в Париж. Первый консул принимает Нейя в бывшем королевском дворце Тюильри, его знаменитом павильоне Флоры, ибо отныне раззолоченные тюильрийские чертоги Бурбонов — резиденция Бонапарта. Это их первая встреча. Превосходный психолог, Наполеон легко находит нужную тональность в разговоре с неотесанным и простоватым воякой. Единственная дань формальностям — представление Нейя Бонапарту находящимся здесь же генералом Бертье — в ту пору военным министром Республики. Дальше все происходит так, как если бы встретились два старых друга, один из которых безмерно рад показать приятелю свой дом и свой город. «Добро пожаловать, гражданин Ней, добро

пожаловать в Париж и в Тюильри»⁵³, — такими словами встречает Наполеон Ней. Первый консул мастерски изображает радушие, напоследок одарив Мишеля саблей: «Примите это оружие, — говорит он, — на память о дружбе и уважении, которые я испытываю по отношению к вам. Оно принадлежало паше, нашедшем геройскую смерть в битве при Абукире*»⁵⁴.

Ней то ли очарован, то ли ошарашен, а скорее всего и то и другое вместе. Любопытное свидетельство тех чувств, которые он испытал, впервые увидевшись с Наполеоном в Тюильри, — его письмо, написанное Мишелем вскоре после того, как эта встреча состоялась: «Прием, который я встретил у генерала Бонапарта, превосходит все, что можно описать, — не без изумления сообщает Мишель своему корреспонденту. — Он (первый консул), — продолжает Ней, — обязал меня сопровождать его на спектакль после обеда и вслед за продолжительным и очень приятным разговором отвез меня в мою гостиницу...»⁵⁵.

Но, несмотря на любезный прием и обходительность, проявленные в отношении Ней, Наполеон не собирается давать мало ему известному рубаке должность или поручение, представляющие какую-либо важность*. Обласканный первым консулом, но не получивший никакого назначения Мишель Ней уже на следующий день после визита в Тюильри покидает Париж. Он возвращается домой, в Саррлуи. За то время, что он отсутствовал, здесь произошли перемены и, кроме постаревшего на восемь лет отца, его встречает сестра, успевшая обзавестись семейством и именуемая теперь гражданкой Мунье*. Генерал без обязанностей: пожалуй, первый и последний раз в своей жизни Ней оказывается в подобном положении... Те месяцы (где-то чуть более полугода), что он проводит дома, Мишель изнывает от безделья, не зная, чем себя занять. Наблюдательные деревенские кумушки зорко следят за тем, что происходит в доме у Неев, и вскоре, к немалой своей радости, открывают «тайну»: Мишель Ней встречается с некоей молоденькой немкой, которую молва немедленно превращает в его любовницу⁵⁶. Как знать, возможно, это и правда. Однако привыкшему к

службе, напряженному ритму жизни Мишелю очень скоро надоедает праздное времяпрепровождение даже в обществе хорошенькой и равнодушной к нему девицы.

Ближе к концу 1801 г. Ней-младший узнает о том, что правительство снаряжает экспедицию на остров Сан-Доминго. Экспедиционным корпусом, по слухам, назначен командовать зять первого консула — генерал Леклерк. Шарль Виктор Эмманюэль Леклерк, как и Ней, дивизионный генерал, был с ним знаком по Гогенлинденской кампании 1800 г. Быть может, это обстоятельство побудило Мишеля в начале декабря 1801 г. отправиться в Париж с намерением попасть в состав готовящейся экспедиции. 4 декабря он обратился к Бертье с просьбой разрешить ему

Жозефина

принять в ней участие в качестве начальника кавалерии экспедиционного корпуса. Бертье дал согласие на просьбу Нея, о чем даже было опубликовано соответствующее сообщение в газетах. Но уже буквально на следующий день Ней написал Бертье записку, в которой извещал последнего о том, что он отказывается от своей просьбы, так как некие «семейные дела» настоятельно требуют его присутствия во Франции. 1 января 1802 г. Ней вновь выступает в роли просителя. На сей раз он хочет получить все у того же Бертье согласие предоставить ему пост инспектора кавалерии. Военный министр, не выказав никакого неудовольствия, соглашается дать Нею этот пост.

«Секрет» неизменного успеха Нея — в матримониальных планах жены первого консула — Жозефины; дело в том, что супруга Бонапарта имеет свои виды на статного 33-летнего генерала, ибо она задумала женить его на близкой подруге своей дочери Гортензии Аглае Огье. Чтобы не упустить завидного жениха, Жозефина стала оказывать Нею «высочайшее покровительство», настояв перед Бертье на удовлетворении всех пожеланий упрямого лотарингца.

Судьба двадцатилетней Аглаи Огье, племянницы камеристки королевы Марии Антуанетты — госпожи Кампан, была по-своему трагичной. Ее мать — ревностная монархистка — покончила с собой, выбросившись из окна в день казни королевы. Отец Аглаи, занимавший ответственный пост в финансовом департаменте, попал за решетку при якобинцах, и лишь низвержение Робеспьера вернуло ему свободу. Воспитание девицы Огье взяла на себя ее тетя, г-жа Кампан, организовавшая специальный пансион, в котором было около ста воспитанниц, получавших совсем неплохое для того времени образование и навыки поведения в светском обществе. О престижности пансиона г-жи Кампан красноречиво свидетельствовал тот факт, что в нем обучались падчерица и даже родные сестры первого консула. «Если мне когда-либо доведется создавать женскую республику, — говорил Наполеон, отмечая заслуги г-жи Кампан, — я поручу вам в ней пост первого консула»⁵⁷.

Высокая, стройная брюнетка, черные глаза которой на удлиненном лице, по словам современницы, «напоминали

прекрасных дев Востока»⁵⁸, Аглая не была склонна к меланхолии, но, напротив, обладала жизнерадостным и веселым характером*. За годы обучения в пансионе тетюшки она отнюдь не стала «синим чулком» или салонной жеманницей, успешно проскользнув между Сциллой и Харибдой светского образования. Совсем не красавица, Аглая в то же время не была дурнушкой, умея располагать к себе собеседника и как-то незаметно, исподволь внушить доверие и желание излить душу.

Занявшись устройством судьбы Аглаи Жозефина организовала ее встречу с будущим супругом, пригласив для этого Нея в замок Гриньон, близ Версаля, где проживало семейство Огье. Первое свидание закончилось полнейшим фиаско: жених был робок и неловок, невеста — холодна и неискренна. Причиной столь досадного для Жозефины провала, как она вскоре выяснила, был нелепый костюм и смешная прическа явившегося в Гриньон Нея, сразу же замеченные и «оцененные» Аглаей. С другой стороны, Мишель, «опыт» общения которого с благородными девицами равнялся нулю, тоже испытал разочарование: эта воспитанная барышня «с манерами» — совсем не то, что ему нужно.

Жозефина, однако, не отказалась от задуманного. Аглаю она принялась убеждать в том, что Ней — герой, а потому достоин быть ее избранником; Мишелю она с не меньшим жаром внушала мысль о том, что мадемуазель Огье обладает всеми качествами, могущими составить счастье ее будущего супруга. Попутно искушенная в модах и искусстве куаферов жена первого консула взялась за внешность «героя», заставив его приодеться и сменить прическу.

Проведя эту «артподготовку», Жозефина посоветовала Нею подарить невесте какие-нибудь украшения, что тот вскоре и сделал, сопроводив подарок любопытной записочкой. В ней он писал о том, что просит Аглаю извинить его за скромность подарка; он не может предложить ей ни жемчугов, ни бриллиантов, ибо, по его глубокому убеждению, при помощи меча можно обрести лишь славу, но никак не богатство⁵⁹.

Недолгий и странный «роман» Мишеля и Аглаи в конце концов завершился тем, чем завершаются многие романы.

Мадам Ней

5 августа 1802 г. в Гриньоне состоялась свадьба Мишеля Нея и Аглаи Огье. Первый консул подарил жениху великолепную саблю, украшенную драгоценными камнями, и, как он уверял, привезенную им с собой из Египетского похода. Его жена, в свою очередь, прислала молодоженам записку, где были такие слова: «Я хочу еще раз уверить вас в том, насколько Бонапарт и я заинтересованы в вашей свадьбе и какое удовлетворение он ощущает при мысли о том, что этот брак обеспечит счастье двух людей, к которым он испытывает особенно теплые чувства и уважение. Я разделяю вместе с ним оба эти чувства»⁶⁰.

В браке Мишеля и Аглаи, состоявшемся при деятельном участии Наполеона и Жозефины, не было и намека на глубокое, искреннее чувство, иначе говоря — на любовь. «Это был брак скорее по расчету», — справедливо пишет о браке Нея и мадемуазель Огье Гарольд Куртц и столь же справедливо уточняет, что с годами Аглая стала для Мишеля верной супругой и заботливой матерью его детей⁶¹. Но тогда, в августе 1802 г., об этом, конечно, никто не мог сказать ничего определенного.

Впрочем, уже в сентябре 1802 г. Нею пришлось думать не о семейном очаге и перспективах его обустройства, а о делах служебных. В самом конце сентября*, выполняя распоряжение первого консула, дивизионный генерал Мишель Ней отправляется в Женеву. Это было связано с разразившимся в сопредельной с Францией Швейцарией острым внутривнутриполитическим кризисом. Сущность этого кризиса состояла в вооруженном противостоянии, возникшем между так называемыми «юнионистами» — сторонниками «единой и неделимой» республики по французскому образцу, представлявшими центральное, бернское правительство Гельвецкой республики, и так называемыми «федералистами», выразившими взгляды жителей отсталых лесных кантонов Швейцарии и требовавшими восстановления традиционного кантонального государственного устройства Швейцарии. Вяло тлевшая в предшествующие годы вражда «юнионистов» и «федералистов» к осени 1802 г. вспыхнула ярким пламенем. Опираясь на поддержку Англии и Австрии, «федералисты» сумели установить свой контроль

над большей частью страны, вынудив бернское правительство спасаться бегством в Лозанну.

События в Швейцарии существенным образом поколебали систему «дочерних республик», созданную Францией во второй половине 90-х годов, фактически «изъяв» из нее марионеточную Гельвецкую республику. Первый консул, естественно, не мог «пустить дело на самотек» и счел для себя необходимым вмешаться во внутришвейцарский конфликт. Повод для такого вмешательства долго искать не пришлось. «Эмигрировавшее» в Лозанну законное правительство обратилось к Наполеону с просьбой выступить третейским судьей в споре между «юнионистами» и «федералистами». Первый консул немедленно откликнулся на эту просьбу, для начала направив в Швейцарию своего адъютанта генерала Раппа с прокламацией, призывающей противников прекратить вооруженную борьбу. Видимо, для того, чтобы его призыв был услышан, Бонапарт приказал Нею с армейским корпусом, отданным в его распоряжение, без промедления оккупировать Швейцарию. Стоило Нею явиться со своим корпусом в альпийскую республику, как умиротворение по-французски состоялось в считанные дни. Отряды «федералистов» даже не пытались оказать сопротивления вооруженным «посредникам», благоразумно уступив силе.

Впрочем, и сам Ней предпочел разрешить конфликт, не прибегая к силовым методам. Когда к нему явилась депутация с ключами от ворот городов, особенно ревностно поддержавших в свое время «федералистов», Ней отказался их принять. «Мне не нужны ключи, — заявил он, — мои пушки в состоянии вышибить ваши ворота». И затем примирительно добавил: «Пусть ваши сердца преисполнятся покорности, достойной дружбы Франции».⁶²

Вооруженная миссия Нея в Швейцарию завершилась полным успехом*, и, по-видимому, одним из составляющих этого успеха было то, что военный негоциатор не пытался достичь цели, полагаясь исключительно на грубую силу. Он прибег к переговорам, дипломатическим методам урегулирования конфликта, выступив перед сенатом Гельвецкой

республики в Берне с изложением точки зрения французского правительства. По мнению одного из его биографов, в значительной мере успех Нея заключался в такте и дипломатичности, проявленной им во время выступлений в Берне, сделанных на французском и на немецком языках⁶³.

По возвращении Нея из Швейцарии Наполеон поручил ему (29 августа 1803 г.) командование войсками военного лагеря в Компьене. Там находилась часть войск, предназначенных участвовать в предполагаемом вторжении в Англию⁶⁴.

Четыре месяца спустя (28 декабря 1803 г.) следует новое назначение. Первый консул вновь доверяет Нею ответственный пост. На сей раз — это пост командующего военным лагерем Монтрейля⁶⁵ — самого южного из лагерей, где собираются войска для участия в грандиозной десантной операции на Британские острова. В письме Наполеона к Нею по этому поводу есть такие слова: «Полностью доверяя доб-

Генерал Моро

лести, опытности и преданности дивизионного генерала Мишеля Нея, (первый консул) назначает его главнокомандующим войсками, собранными в лагере Монтрейля...»⁶⁶.

Можно почти не сомневаться в том, что Бонапарт на самом деле к 1803 г. уверовал в доблесть и опытность Нея. Однако с преданностью все обстояло далеко не так просто. Позже, когда Франция станет империей, а Ней удостоится звания маршала, Наполеон скажет о нем, очевидно; совсем не лукавя, следующее: «У него (у Нея) есть склонность к неблагодарности и крамоле. Если бы я должен был умереть от руки маршала, я готов бы держать пари, что это было бы от его руки»⁶⁷.

У Бонапарта есть основания не верить в преданность Нея его особе. Обласканный им и его супругой комендант Монтрейльского лагеря позволяет себе поступки, которые вряд ли бы совершил человек, искренне ему преданный. В начале февраля 1804 г. Мишель Ней посещает своего бывшего командующего, опального в то время генерала Жана-Виктора Моро, дом которого, по словам Бонапарта, «превратился в сборище всех злоумышленников...»⁶⁸. Под конец встречи Моро поинтересовался у Нея, зайдет ли он на следующий день в Тюильри? Получив утвердительный ответ, он в сердцах воскликнул: «До чего же он обманул нас!» — и, возможно, не без удивления услышал прозвучавшие из уст своего сослуживца слова: «Возможно, но я всегда буду благодарен ему за то, как быстро и замечательно он управляет с общественными делами...»⁶⁹.

Командуя в течение 17 месяцев войсками Монтрейльского лагеря, Ней, кажется, первый и последний раз в своей жизни пытается освоить военную теорию, которую он вот уже больше десятка лет осваивал на практике. Он изучает специальные работы по тактике пехоты и даже сам сочиняет нечто вроде руководства по строевой подготовке для солдат своего корпуса. «Быстрые и умело проведенные марши, — гласил один из пунктов этого руководства, — почти всегда предопределяют успех в войне. Потому полковники-пехотинцы не должны пренебрегать ничем для того, чтобы довести до совершенства обычные и форсированные марши... Два условия жизненно важны для пехоты (этого, как

выражается Ней, «рычага войны»): солдаты должны быть приучены к маршам и привычны к усталости, а что касается их навыков ружейной стрельбы, то они должны быть отличными стрелками»⁷⁰.

В инструкциях, составленных Неем, наряду с рассуждениями о роли пехоты, кавалерии и артиллерии в бою, о выносливости солдат во время долгих маршей и о меткости стрельбы есть один поистине удивительный пункт. Он настолько замечателен, что заслуживает отдельного упоминания: «Нашим солдатам обязаны объяснять причину каждой войны. Только в случае вражеского нападения мы вправе ожидать проявления чудес доблести. Несправедливая война в высшей степени противна французскому характеру»⁷¹. Учитывая тот факт, что Французская республика уже дав-

Барон Анри Жомини

ным-давно сама стала первым агрессором в Европе, этот пункт неевской инструкции звучал резким диссонансом в хоре официальной пропаганды и славословий людей, до небес превозносивших «человека судьбы» и его бессмертные деяния. Все-таки, несмотря ни на что, этот неотесанный лотарингец, сын мужика из Саррлуи, в душе оставался республиканцем...

Время, проведенное Неем в Монтрейльском лагере, не пропало для него даром. Он многое узнал, многому научился, тем более, что с 1804 г. нашел для себя отличного учителя. Им стал швейцарец по национальности Антуан-Анри Жомини, впоследствии известнейший военный теоретик, историк, автор ряда классических трудов по военному искусству, человек удивительного таланта и проницательности. По мнению одного из биографов Нея, в Монтрейльском лагере и в последующие годы Жомини очень сильно повлиял на своего патрона в плане разъяснения ему важнейших правил наполеоновской стратегии и тактики⁷².

Маршал Ней, герцог Эльхингенский

Тщательно изучив опыт войн Фридриха Великого и Итальянской кампании 1796/97 гг., полковник Жомини превосходно понял сущность стратегии Наполеона, даже, как замечает Питер Янг, «куда лучше, чем большинство маршалов (Первой империи)»⁷³. Результатом глубокого осмысления опыта войн Нового времени явилось обширное, многотомное сочинение Жомини*, ставшее по сути учебником военного искусства — «*Traité des grandes opérations militaires*» («Трактат о великих военных операциях»). Мишель Ней был одним из первых читателей книги еще в ту пору, когда она представляла собой лишь весьма объемистую рукопись. Замечательно, что в отличие от других своих коллег, вроде Мюрата, не пожелавших взять в руки сочинения Жомини, Ней не только с большим интересом его прочел, но и ссудил автора деньгами для того, чтобы оно было издано. Любопытно, что, когда книга Жомини вышла в свет, Наполеон, ознакомившись с ее содержанием, обеспокоено заметил: «Эта книга позволит моим врагам узнать мою систему военных операций!»⁷⁴.

На протяжении десяти последующих лет швейцарец Жомини будет неразлучен с Неем. Он будет сопровождать его в походах, вести его личную канцелярию, подготавливать приказы по корпусу, фактически со временем превратившись в начальника его штаба. Между высокообразованным уроженцем Швейцарии и сыном лотарингского бочара с более чем скромным интеллектуальным уровнем установятся близкие, доверительные, дружеские отношения. Причем, несмотря на разницу в военной иерархии и в возрасте (Жомини был десятью годами моложе Нейя), в этом тандеме роль учителя, ментора, безусловно, принадлежала Жомини.

Между тем, пока Ней командует Монтрейльским лагерем и штудирует книги по военной теории, во Франции происходят большие перемены. Вслед за установлением в стране пожизненного консульства (летом 1802 г.), Наполеон делает следующий шаг: весной 1804 г. Франция провозглашается империей, а первый консул становится императором французов. *Ave, Caesar!**

Почти одновременно с провозглашением империи Наполеон восстанавливает в армии звание маршала, существо-

вавшее во Франции с XI века, но отмененное в годы революции. В частном разговоре с Редерером* он, очевидно, совершенно искренне признается своему собеседнику в том, что, возведя своих боевых товарищей в чин маршалов империи, он надеется тем самым упрочить свое собственное положение⁷⁵.

В списке французских генералов, представленных к званию маршалов империи, фамилия Нея значилась одиннадцатой по счету⁷⁶. Был ли сын бочара из Саррлуи «очарован» своим новым, звучным титулом? Вряд ли. Человек, прошедший чуть не двадцать лет жизни в казарме и на бивуаке, Мишель Ней был начисто лишен мелочного и глупого тщеславия, превыше всего на свете ценя военную славу. Богатство, отличия для него почти ничего не значили. «Его единственным... убеждением было то, что солдат должен пасть на поле боя и что те воины, которые умирают в своих постелях, — не настоящие солдаты... Для Нея существовал лишь один бог — бог войны»⁷⁷. Он искренне не понимал, как можно кичиться знатностью происхождения и чинами. Как-то раз, услышав рассуждения своих адъютантов, похваливавшихся друг перед другом родовитостью своих семей, он перебил их, заметив: «Господа, я — гораздо счастливее вас: я ничего не получил от своей семьи и считал себя богачом, когда в Меце у меня на столе лежали две буханки хлеба»⁷⁸.

Тем не менее, став одним из восемнадцати маршалов империи, Ней, конечно, не может уклониться от участия в обязательных и помпезных торжествах, которыми отмечена вся вторая половина 1804 г. «Праздники сменялись один другим, — вспоминала современница, — и соперничали в великолепии и вкусе. Армия дала один в Олимпийском театре. Он был хорош; но данный императору маршалами, в зале Оперы, никогда и ничего не имел подобного. Это было волшебство, очарование... Зала, вся украшенная серебряным газом и гирляндами свежих, ярких цветов; множество восковых свеч, отражавших свой блеск на великолепных нарядах; группы женщин, прелестных, сияющих огнем бриллиантов; платья, из которых иные были вышиты драгоценными камнями и заставляли опускать ресницы, между тем как множество свежих цветов наполняли воздух

благоуханием... наконец восхитительная музыка... все это было истинным очарованием, — завершает свой рассказ мемуаристка. — Ах, точно мы жили тогда в царстве волшебств!»⁷⁹.

Чреде праздников и пышных церемоний, сопровождавших учреждение империи во Франции, положила конец новая война. В кампании 1805 г. Нея командовал 6-м корпусом Великой армии.

«В конце августа 1805 г. войска Наполеона выступили из Булонского лагеря к Дунаю... План Наполеона заключался в том, чтобы сосредоточенными силами своих войск разбить противника по частям, наметив прежде всего разгром Дунайской армии (австрийцев)... раньше соединения ее с русскими, которые двигались двумя группами: Кутузова — 55 000 чел. и Буксгевдена — 40 000 чел.»⁸⁰. Обстановка на фронте складывалась в высшей степени благоприятно для французов. Командующий австрийской армией в Германии генерал Мак будто нарочно устремился к гибели, ринувшись в глубь Баварии и сильно оторвавшись от идущих к нему на помощь с востока союзных русских войск. Не теряя времени, Наполеон решает предпринять охват «австрийской армии левым флангом. Охват предполагал выход Великой армии на операционную линию неприятеля, что неминуемо приводило последнего к сокрушительному разгрому... Словно гигантский часовой механизм, точно и неумолимо движется армада войск по дорогам Германии. Каждый день из главной квартиры разлетаются десятки приказов, указаний и сообщений, которые постоянно дублируются и повторяются... Точно выполняя все предназначения императора, Великая армия вышла 6 октября к берегам Дуная позади правого фланга основных сил австрийцев. Грандиозный стратегический охват удался. «Маленький капрал», кажется, избрал новый способ ведения войны, — шутили солдаты, — он воюет нашими ногами, а не штыками»⁸¹.

Во время осуществления задуманного Наполеоном маневра корпусу Нея поручено блокировать дорогу отступления армии Мака вдоль северного берега Дуная. Счет времени идет на недели, дни, часы...

Маршал Ней четко выполняет приказ властелина. Сделать это, правда, не просто, ибо наряду с австрийцами и изнурительными маршами на пути Нея встречается еще одно препятствие — зять императора, маршал Иоахим Мюрат. Не сомневаясь в том, что он вправе приказывать, Мюрат предписывает командующему 6-м корпусом изменить маршрут следования и двигаться на юг. Ней категорически отказывается исполнить приказ Мюрата, причем дело доходит до бурного выяснения отношений между обоими маршалами, взаимных обвинений и солдатской брани⁸². «У маршала Нея, — замечает одна современница, — к... чувству собственного достоинства примешивалось величайшее отвращение... ко всему, что было выше его; всякая власть казалась тяжела ему, и даже власть императора начинала становиться для него беспокойной...»⁸³.

14 октября 1805 г. после недолгого, но кровопролитного боя корпус Нея овладевает неприступной австрийской позицией близ местечка Эльхинген*, «что оказало непосредственное влияние на взятие города Ульма и капитуляцию австрийской армии под начальством генерала Мака»⁸⁴.

Во время Ульмской операции в полной мере проявились такие черты «почерка» Нея-военачальника, как его необык-

Наполеон в сражении при Йене

новенная храбрость и столь же безграничная подозрительность. Дело в том, что, не будучи человеком тщеславным в обыденном, житейском смысле слова, Ней в то же время крайне ревниво относился к воинской славе. Когда во время боя под Мишельсбургом император отправил к нему своего адъютанта с приказом дождаться шедших к нему на помощь подкреплений из корпуса Ланна, маршал, находившийся в гуще схватки, крикнул в ответ: «Скажите его величеству, что мы не делим славу с кем бы то ни было!»⁸⁵.

В знаменитом Аустерлицком сражении корпус Нея не принимает участия. По приказу Наполеона Ней идет в Тироль и, проведя несколько успешных операций против войск эрцгерцога Иоанна, 7 ноября 1805 г. занимает Инсбрук⁸⁶.

В следующей кампании, 1806 г., на этот раз против Пруссии, корпус Нея действует на правом фланге Великой армии совместно с корпусом маршала Сульта и баварской дивизией генерала Вреде⁸⁷. В сентябре, выступив со своим корпусом в направлении на Вюрцбург, Ней, хотя и с некоторым опозданием, прибыл на поле боя под Йеной 14 октября. В этом сражении, где основным силам Великой армии под командованием императора пришлось оспаривать победу у прусской армии под командованием князя Гогенлоэ, корпус Нея, не дождавшись, пока другие корпуса займут свои позиции, сильно выдвинулся вперед и подвергся мощной атаке прусской кавалерии. Под напором пруссаков корпус Нея был вынужден отступить. Лишь своевременное вмешательство корпусов Сульта и Ланна смогло исправить создавшееся по вине Нея опасное положение. К двум часам дня битва была бесповоротно проиграна пруссаками, потерявшими 27 тыс. человек убитыми, ранеными, пленными и разбежавшимися и 200 орудий. Потери французов в сражении не превышали 5 тыс. человек⁸⁸.

Несмотря на успех под Йеной, Наполеон был раздосадован упрямством и непредсказуемостью Нея, в очередной раз проявившимися в этом сражении. По свидетельству Савари, император выказал маршалу свое неудовольствие, правда, в достаточно деликатной форме⁸⁹. Стремясь исправить свой промах, Ней после Йены неумоимо преследует остатки прусской армии, захватив в Эрфурте уже 15 октяб-

ря 1806 г. в плен 14 тыс. человек со ста пушками. Сложивший перед Неем оружие гарнизон Магдебурга насчитывает 22 тыс. человек при 600 орудиях⁹⁰. По словам секретаря императора Клода-Франсуа Меневаля, преследование разбегающихся во всех направлениях и разрозненных остатков прусской армии напоминало охоту⁹¹. В письме к своему брату Жозефу из Берлина от 15 ноября 1806 г. Наполеон с уверенностью заявил: «Прусская армия и монархия более не существуют»⁹².

До окончательной победы было, однако, еще далеко. После поверженной Пруссии французам предстояло победить другого, куда более грозного соперника — Россию. Наполеон, правда, не сомневался в успехе и на этот раз. «...Я сокрушил прусскую монархию, — писал он Жозефу из Потсдама, — если придут русские, я разделаюсь с ними в свою очередь...»⁹³.

Поздней осенью части Великой армии вступили в Польшу. Участвовавший в этом походе французский офицер Жан-Батист Баррес вспоминал нищие, унылые деревни, попадавшиеся по пути армии Наполеона, беспросветную нужду местного населения, едва сводившего концы с концами.

Очень скоро Великая армия стала испытывать острый неостаток в продовольствии и фураже. К этой беде добавилась осенне-зимняя распутица, невероятно затруднявшая продвижение войск в глубь страны. «Всегда по колено в грязи или в тающем снегу, совершая марши дни напролет, без какого-либо укрытия и огня»⁹⁴, — так описывали кампанию в Польше ее участники-французы.

В сложившейся ситуации Наполеон принимает, по-видимому, единственно правильное решение: по крайней мере до весны прекратить активные наступательные действия, став на зимние квартиры. Ней получает этот приказ, как и все прочие командиры корпусов Великой армии. Однако уже 2 января, вопреки распоряжению императора, он движется со своим корпусом по направлению к Фридланду, преследуя отступающий прусский корпус Лестока. Увлечшись преследованием, корпус Нея, как выразился Денис Давыдов, очутился в «залетном положении», которым и ре-

шил воспользоваться командовавший русскими войсками генерал Л. Л. Беннигсен. «Пользуясь бездействием французской армии, он (Беннигсен) вознамерился отрезать и истребить этот корпус на походе»⁹⁵.

Беннигсену не удалось исполнить свое намерение, но и корпусу Нея пришлось поспешно отступить, дабы избежать почти неминуемого разгрома. Наполеон был страшно разгневан этим самоуправством Нея. По его распоряжению начальник штаба, маршал Бертье, отправляет ему грозное послание: «Обдумывая свои планы, император не нуждается в советах, а также в том, чтобы кто-либо действовал по своему собственному почину; никто не знает его планов; наш долг — повиноваться»⁹⁶.

В кровавой, «ничейной» битве при Прейсиш-Эйлау (8 февраля 1807 г.) корпус Нея, подошедший к полю боя слишком поздно («в девять часов вечера»⁹⁷), не участвовал. Правда, как замечает один из биографов Нея, именно появление свежего корпуса Нея близ места сражения побуди-

Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен

ло Беннигсена отдать приказ об отступлении русской армии⁹⁸. Сам Нея был потрясен видом покрытого горами окровавленных, слегка припорошенных снегом тел эйлауского поля. «Что за резня, — воскликнул он, — и без всякого результата!»⁹⁹.

«После битвы при Эйлау военные операции приостановились совершенно: один Данциг был осажден французами, причем Беннигсен не делал никаких попыток освободить крепость. Она капитулировала 23 мая... Падение Данцига побудило Беннигсена предпринять нелепейшее движение против врага, увеличившего за это время свои силы до 200 000 человек, в то время как русско-прусские войска со всеми своими подкреплениями едва достигали 120 000 человек»¹⁰⁰. Тем не менее, совершенно внезапное для французов наступление русской армии первоначально развивалось успешно. «Движение 24 мая, — вспоминал А. П. Ермолов, — столь хорошо было соображено, что корпус маршала Нея весь должен был достаться в наши руки». В развернувшемся вскоре сражении близ Гутштадта корпус Нея потерпел поражение и отступил «в ужаснейшем беспорядке». «Казакам достались обозы и между ними экипаж маршала Нея, его серебряный сервиз и другие вещи. Найдены серьги и браслеты, и трудно было бы понять, — иронически замечает Ермолов, — какое употребление делал из них господин маршал, если бы не истолковали вырезанные на серебре гербы разных польских фамилий и беспристрастие его к самым верным слугам Наполеона. Пруссия не успела еще умножить сих сокровищ!»¹⁰¹

Вспоминая этот эпизод кампании 1807 г., мамлюк императора Рустам писал: «Но вот однажды явился адъютант маршала Нея и сообщил, что русские с сорокатысячной армией напали на наши позиции. Наши, правда, не потеряли ни одного солдата или пушки, но отступили на пятнадцать миль. Всего за два дня Бонапарт подготовил армию к наступлению и поспешил на передовые позиции, чтобы, как всегда, лично руководить боем. Он вошел в штаб маршала Нея, хотя было уже одиннадцать ночи, и смеясь спросил:

— Почтеннейший господин маршал, как это вы позволили русским разгромить нас?

Ней приложил руку к груди:

— Клянусь честью, сир, это не моя вина! Они напали совершенно неожиданно и у меня было несравнимо меньше солдат.

От моего взора не укрылось, — продолжает Рустам, — что по лицу маршала текут слезы, его, конечно, мучила совесть, что он отдал приказ об отступлении. Но за ужином Наполеон успокоил его:

— Ничего ужасного не произошло, мы все наверстаем»¹⁰².

Великая армия и в самом деле «все наверстала» три недели спустя, наголову разгромив русскую армию в битве под Фридландом (14 июня 1807 г.). Подлинными героями сражения были маршалы Ней и Ланн, командовавшие пехотой, и генералы Виктор и Груши, возглавившие кавалерийские части¹⁰³. Особую славу в бою стяжал Ней, лично водивший своих гренадер в атаку. В один из моментов сражения, когда молодые солдаты, не выдержав града обрушившихся на них вражеских пуль, пригнули головы, Ней, подъехав к ним верхом на коне, ободряюще крикнул: «Товарищи! Враг палит в воздух; я вот выше, чем самый высо-

Наполеон в сражении при Фридланде

кий из ваших киверов, но пули не причинили мне никакого вреда»¹⁰⁴.

«...Наполеон почувствовал, — вспоминал Рустам, — что противник оказывает серьезное сопротивление, велел укрепить опорные пункты, а маршалу Нею — атаковать дивизией мост, находившийся в другом конце города. Обе дивизии должны были усилить нападение с правого фланга. Маршал Ней поклонился Бонапарту:

— Слушаюсь, сир, мы тотчас выполним приказ вашего величества. Постараемся не разочаровать вас.

Верхом на коне Ней повел свою дивизию через весь город и, очень быстро дойдя до моста, приказал сжечь его. Армия русских оказалась расколотой на две части, и маршал Ней почти полностью разгромил правый фланг. Когда конная дивизия подходила к мосту, две другие штурмовали остальные позиции противника. Враг пытался отступить по

мосту, но он уже горел. Тогда русские решили перейти реку вплавь. Три четверти войска утонуло, и большая часть пушек и боеприпасов стала нашим трофеем. Это была полная победа. Наполеон вызвал Нея, поцеловал и сказал:

— Все было отлично, господин маршал, я очень доволен вами. Сражение выиграли вы.

Ней ответил:

— Сир, мы французы и всегда должны побеждать»¹⁰⁵.

Лестная оценка, данная императором действиям Нея 8 февраля, прямо на поле боя, нашла свое подтверждение в официальном бюллетене Великой армии, где говорилось о том, что даже среди всех прочих прекрасных армей-

Бертье

ских корпусов корпус Нея является образцовым. «Вы не можете себе вообразить блистательную храбрость Нея, — писал домой маршал Бертье, — с которой сравнима лишь отвага времен рыцарства. Именно ему (Нею) мы обязаны успехом этого памятного дня»¹⁰⁶.

После заключения Тильзитского мира с Россией Наполеон осыпает своих боевых соратников наградами. Менее чем за год (с 30 июня 1807 по 10 марта 1808 г.) он жалует Нею многочисленные денежные подарки и пенсии на общую сумму, составляющую примерно 300 000 франков годового дохода. 6 июня 1808 г. маршал Ней получает титул герцога Эльхингенского. «Маршал Ней отличился в деле при Эльхингене, — писала по этому поводу современница, — и император настолько согласился, что честь победы принадлежит ему, что... создавая титул герцогов, он желал, чтобы маршал носил имя герцога Эльхингенского...»¹⁰⁷.

Впрочем, Нею недолго доводится сидеть дома, наслаждаясь мирным досугом. Уже 2 августа 1808 г. император поручает ему командовать 6-м корпусом, пункт назначения которого — Испания¹⁰⁸. К этому моменту прошло почти сто дней с тех пор, как Наполеон заставил испанских Бурбонов отречься от престола, и чуть больше полутора месяцев с того дня, как он «пожаловал» испанцам в качестве короля своего старшего брата Жозефа Бонапарта. Однако, начавшись так успешно и «буднично», испанская авантюра Наполеона вскоре превратилась в незаживающую, кровоточащую рану на теле «великой империи». «В те дни, когда Жозеф вступал в Испанию, а Наполеон как победитель возвращался в Париж, — писал Стендаль, — ...Испания была уже охвачена восстанием»¹⁰⁹.

Порывистый, нетерпеливый Ней во время Испанской войны проявляет несвойственную ему медлительность. Он принимает командование 6-м корпусом лишь 26 сентября 1808 г., почти два месяца спустя после своего назначения в Испанию. Выполняя порученные ему императором операции, герцог Эльхингенский демонстрирует прискорбное отсутствие стратегических способностей и неумение действовать совместно с корпусами других маршалов, задействованными в Пиренейской кампании. По вине Нея Лан-

Маршал Ней. Гравюра

ну не удастся полностью разгромить испанцев в битве при Тудела. Император с негодованием обвиняет его в том, что именно он позволил войскам Кастаньоса уйти от окончательного поражения в ноябре 1808 г.¹¹⁰ Во время нередких у него приступов откровенности Наполеон раздраженно заявляет: «Никто не может себе представить, что значит иметь дело с... людьми вроде Нея и Сульга»¹¹¹.

Герцог Эльхингенский не остается у него в долгу. Когда, преследуя отступающий экспедиционный корпус англичан генерала Мура*, Наполеон в сопровождении всего лишь эскадрона кирасир первым ворвался в Вальдерас, Ней зло заметил: «Сир, я благодарю Ваше величество за то, что вы взяли на себя роль моего авангарда»¹¹².

Военного до мозга костей, Ней тяготит та роль, которую в основном принуждены играть французы в Испании, — роль карателя, приводящего к покорности испанских мужиков, сжигающего их дома, разрушающего их храмы и

Жозеф Бонапарт

монастыри, расстреливающего схваченных с оружием в руках герильясов*.

Ввиду новой надвигающейся войны с Австрией в Германии император «бросил в январе 1809 г. Испанию на усмотрение маршалов»¹¹³, спешно выехав в Париж. Накануне своего отъезда Наполеон устроил смотр войск. Разговаривая с Неем, император высказал весьма оптимистический прогноз: «С Романа*, — сказал император, — можно будет разобратся в течение двух недель; англичане разбиты и больше не опасны; все, — подытожил он, — здесь будет кончено месяца за три». Герцог Эльхингенский далеко не столь оптимистичен: «Жители этой страны упрямы, — слышит Наполеон в ответ, — а женщины и дети принимают участие в боях; я не вижу конца этой войне»¹¹⁴.

Оставляя нескольких своих маршалов в Испании, император намеренно не назначает главнокомандующего, дабы не оскорбить других «претендентов» на это звание. Но очень скоро эта «предусмотрительность» властелина оборачивается против него самого. Маршалы действуют несогласованно, на свой страх и риск, не обращая ни малейшего внимания на распоряжения «дарованного» испанцам в качестве короля императорского брата Жозефа. В жалобных и многословных письмах в Париж Жозеф сетовал на «противодействие и оскорбления тех, которые должны» ему служить¹¹⁵. Не надо быть особо проницательным, чтобы понять, о ком идет речь...

Король Жозеф весьма необдуманно «повелевает» Нею с его корпусом оказывать поддержку армии маршала Сульта, причем последний назначается главнокомандующим. Из всех решений, принятых тогда Жозефом, это — самое пагубное. Дело в том, что Ней терпеть не может Сульта, о чем тот, в свою очередь, прекрасно осведомлен. Вражда обоих маршалов имеет давнюю историю: еще в 1806 г. именно Сульт в битве при Йене выручил попавший в тяжелое положение корпус Нея и навсегда стал его... злейшим врагом. «Своеобразие» ситуации состояло в том, что не Сульт, а Ней явился инициатором этой всем хорошо известной враждебности. Стерпеть оскорбление, по-видимому, во все времена было проще, чем вынести тяжкое бремя благодарности...

После неудачи, постигшей Сульга в Португалии, откуда он был вынужден поспешно отступить*, лишившись всей своей артиллерии и обоза, доставшихся англичанам, в Луго его встречает маршал Ней. У герцога Эльхингенского появляется «законный» повод для злорадства: отощавшие, в изношенных мундирах, потерявшие какое бы то ни было представление о дисциплине, солдаты Сульга, герцога Далмацкого, являют собою жалкое зрелище. Слишком прямолинейный, чтобы как-то скрывать свои чувства, Ней отнюдь не скупится на едкие отзывы о положении дел в армии Сульга и полководческих талантах герцога Далмацкого. В свою очередь, его солдаты, очень некстати проявив присущее французам чувство юмора, тоже не могут удержаться от того, чтобы не понасмешничать над вышвырнутым из Португалии воинством Сульга¹¹⁶. Враждебность между двумя маршалами достигает высшей точки, что чрезвычайно пагубно сказывается на положении французских войск в Испании. Правда, там, где Ней действует сам и,

Сульг

надо отметить, против гораздо более слабого противника, ему сопутствует удача. В мае 1809 г. он по всей Астурии гоняется за испанской армией маркиза де ля Романа, одержав, в конечном счете над неприятелем победу при Баньосе (12 августа 1809 г.)¹¹⁷. Но все эти частные, второстепенные успехи не могут скрыть тот факт, что в целом кампания 1809 г. для французов на Пиренейском полуострове имеет весьма разочаровывающий результат. 28 июля 1809 г. армия маршала Сульта терпит жестокое поражение от английской армии герцога Веллингтона. «Они, в Мадриде, понятия не имеют о великих военных операциях», — разгневанно пишет Наполеон военному министру Кларку 15 августа 1809 г. Десять дней спустя, в другом письме к Кларку, император, вновь возвращаясь к «испанской теме», дает герцогу Фельтрскому* следующее задание: «...Передайте (Жозефу), что все в Испании предпринимается без какого-либо размышления или знаний военного искусства и что в момент, когда наступает время действовать, в действиях нет ни единства, ни плана, ни решительности»¹¹⁸.

В письме Наполеона к Жозефу Бонапарту от 11 ноября 1809 г. есть такие слова: «...Нам неизвестно ничего о том, что происходит в Испании. И все же, как случилось, что обретенные успехи столь ничтожны, притом, что большой и находящейся в хорошем состоянии (нашей) армии противостоит столь слабый неприятель?»¹¹⁹

Император не может, а может быть, не хочет сам отвечать на этот вопрос.

Вместо того, чтобы попытаться каким-то радикальным способом разрешить испанский кризис, Наполеон по-прежнему ограничивается полумерами, назначив командующим Португальской армией в апреле 1810 г. маршала Массена и в следующем месяце поручив командовать французскими войсками на юге Испании маршалу Сульту. В результате очередной перетасовки командных кадров Ней оказывается в Португальской армии Массена. Как и раньше, когда командующим числился Сульт, герцог Эльхингенский в полной мере проявляет присущий ему бунтарский дух и величайшее пренебрежение к каким бы то ни было распоряжениям «свыше». Во время длившейся чуть больше ме-

сяца осады крепости Сьюдад-Родриго (с 6 июня по 10 июля 1810 г.) он удивляет всех своей апатией и беспечностью. После новой более чем месячной осады и взятия Альмейды (с 24 июля по 28 августа 1810 г.) Ней, казалось бы, напрочь утрачивает свою всегдашнюю бьющую через край энергию. Правда, при любом намеке на свое подчиненное положение он приходит в страшное негодование и недвусмысленно дает понять своим «обидчикам», что не собирается никому подчиняться. Так, когда Массена «осмеливается» направить в штаб к Нейю под Сьюдад-Родриго инженерного подполковника Валазе, от герцога Эльхингенского «достается» не только попавшему под горячую руку «ставленнику», но и самому главнокомандующему. «Господин маршал, — пишет Ней Массена, — я герцог и маршал империи так же, как и вы; что же касается до вашего титула князя Эслингского, он важен только в Тюильри. Вы говорите мне, что вы главнокомандующий Португальской армией... Я знаю это слишком хорошо... Когда вы прикажете Мишелю Нейю вести свои войска против неприятеля, вы увидите, как он будет повиноваться. Но когда вам угодно опрокидывать штаб армии, составленный князем Невшательским*, разумеется, я не послушаюсь ваших приказаний так же, как не боюсь ваших угроз...». Приведшая этот своеобразный образец эпистолярного стиля герцога Эльхингенского мемуаристка заключает свой рассказ фразой: «Невозможно описать гнев Массена, когда он читал это письмо...»¹²⁰.

Тем не менее во время начавшегося Португальского похода Массена Ней, действуя со своей всегдашней отвагой, наносит поражение дивизии легкой кавалерии генерала Кроуфорда (24 июля 1810 г.), вынудив ее поспешно отступить за реку Коа¹²¹. Правда, излишняя горячность, качество почти столь же опасное для полководца, как и чрезмерная осторожность, побудила герцога Эльхингенского совершить один необдуманый поступок: преследуя отступавшего Кроуфорда, Ней трижды ведет своих солдат в атаку через узкий, хорошо простреливаемый вражеской артиллерией мост, без всякой пользы потеряв четыреста человек¹²².

В битве при Бусако (27 сентября 1810 г.), части, возглавляемые Неем, атакуют оба фланга неприступных англо-

португальских позиций, неся большие потери и придя в конце концов в полнейшее расстройство. Часть атакующих колонн остановилась буквально в десяти метрах от вражеских позиций, часть, совершенно обескураженная жестким отпором, беспорядочно отступила, заразив своей паникой остальную армию.

Когда армия Массена, почти добравшись до Лиссабона, «упирается» в заблаговременно сооруженные по приказу Веллингтона оборонительные линии Торрес-Ведрас, Ней решительно выступает против любой попытки их штурмовать.

В то же время, проявляя совершеннейшую непоследовательность, герцог Эльхингенский столь же решительно возражает против намерения Массена «задержаться» перед линиями Торрес-Ведрас, приступив к их правильной осаде. Короче говоря, как справедливо заметил один из биографов Нея, «ничто из того, что мог приказать его начальник, не было правильным». В значительной мере из-за упрямства и непокорности герцога Эльхингенского Массена был вынужден начать свое отступление из Португалии, распрощавшись с мыслью о взятии Лиссабона.

«Я сделал все, что мог, — докладывал князь Эслингский Бертъе, — чтобы удержать армию вне пределов Испании так долго, как это только было возможно... но постоянно сталкивался с противодействием... командиров армейских корпусов, которые возбудили такие настроения среди офицеров и своих солдат, что стало опасным оставаться в нашем теперешнем положении сколько-нибудь долгое время»¹²³.

Отступление из Португалии чревато для сильно поредевшей, голодной, деморализованной армии Массена тысячей опасностей. Во-первых, отступить приходится по обезлюдевшей, разграбленной и опустошенной самими же французами во время их марша на Лиссабон местности; во-вторых, буквально по пятам за ними следует прекрасно экипированная, сытая и довольно многочисленная армия Веллингтона; в-третьих, и это тоже немаловажный момент, французы совершенно не могут рассчитывать на местное население, которое их ненавидит как насильников и разорителей своей страны. В сложившейся ситуации, несмотря

на свою глубочайшую антипатию к Нею, князь Эслингский поручает ему командовать арьергардом, от действий которого фактически зависит спасение всей Португальской армии*. Численность арьергарда не превышает 10 000 человек, в то время как идущая вслед за ним армия Веллингтона насчитывает 40 000. При таком соотношении (1 к 4) итог борьбы был, казалось бы, предрешен... Тем не менее Ней, проявив замечательный талант тактика, сумел на протяжении всего отступления жестко сдерживать чуть не ежедневные нападения противника, не потеряв при этом ни единой пушки, ни единой обозной фуры.

Однако во взаимоотношениях Ней и Массена этот факт мало что меняет. Герцог Эльхингенский с не меньшим, чем прежде, пренебрежением относится к распоряжениям главнокомандующего. Когда Массена отдает Нею приказ двигаться по направлению к Альмейде и Сьюдад-Родриго, последний категорически отказывается его исполнять*. Мало того, очевидно, с намерением показать, чего в его глазах стоят приказы князя Эслингского, Ней отступает в прямо противоположном указанному направлении.

Умевший сдерживать свои эмоции Массена на сей раз дает волю чувствам. 23 марта 1811 г. он отстраняет Нея от командования корпусом. «Я был доведен до крайности, которой честно пытался избежать, — писал Массена Бертье. — Маршал, герцог Эльхингенский окончательно вышел из повиновения. Я передал командование шестым корпусом графу Луазону, старшему из дивизионных генералов. Старому солдату, командовавшему армиями в течение многих лет, прискорбно было вынести такое решение... в отношении одного из своих боевых товарищей. С момента моего приезда (в Испанию) герцог Эльхингенский постоянно мешал мне в моих военных операциях... Его характер хорошо известен, поэтому я ничего больше не стану говорить»¹²⁴.

По возвращении Ней домой император на удивление скоро меняет гнев на милость, хотя незадолго до этого и подтверждает правомерность его удаления из армии Массена. Уже 31 августа 1811 г. Наполеон назначает его ко-

мандующим войсками, дислоцированными в Булонском лагере, — должность, которую он исполняет вплоть до 1 февраля 1812 г.¹²⁵

В эти относительно мирные для него полгода Нея уделяет внимание делам домашним, приобретя за сходную цену поместье Ле-Кудро близ Шатодена¹²⁶, находиться в котором ему было куда приятнее, чем в элегантном особняке на Лилльской улице в Париже — столичной резиденции герцога Эльхингенского и его супруги.

С 1 апреля 1812 г. Наполеон поручает Нею командовать третьим корпусом Великой армии. Именно в этом качестве герцог Эльхингенский участвует в Русской кампании императора, начавшейся почти три месяца спустя. Армии Барклая и Багратиона отступают. Французы их преследуют. Казалось бы, исход войны — очевиден и окончательный триумф «вечного победителя» всего лишь дело времени. Однако неделя сменяет неделю, но желанная победа по-прежнему ускользает из рук Наполеона...

В середине августа корпус Нея совместно с корпусом Даву и кавалерией Мюрата сражается близ Смоленска с дивизиями генералов Раевского и Неверовского, но, несмотря на огромное численное превосходство, не может сломить упорное сопротивление русских и воспрепятствовать соединению сил Первой и Второй армий Барклая и Багратиона. По мнению одного из биографов герцога Эльхингенского, в постигшей французов неудаче под стенами Смоленска более всех был повинен Мюрат, серией бесполезных и бессмысленных кавалерийских атак задержавший наступление корпусов Нея и Даву¹²⁷.

Когда 17 августа русские войска оставили объятый пламенем Смоленск, первыми французскими солдатами, вступившими в город, были солдаты третьего корпуса маршала Нея. Очутившись в Смоленске вместе с императором, Нея уговаривал его остановить дальнейшее наступление в глубь России. При этом герцог Эльхингенский говорил властелину о том, что русские не тот противник, которого можно окончательно разгромить, очень непочтительно напомнив ему о неудаче, постигшей французов в Испании. Наполеон, кажется, склонен внять совету Нея: «Мы их (русских)

отбросим немного для нашего спокойствия, — заявляет он. — Я укреплю свои позиции. Мы отдохнем, опираясь на этот пункт (Смоленск), организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру.. Я обоснуюсь в Витебске. Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, если будет нужно, идти ли на Москву или на Петербург»¹²⁸.

Но остановиться в Смоленске — значит продлить тяжелую, изматывающую войну с Россией как минимум еще на один год... После недолгого раздумья Наполеон решил продолжить кампанию. «Вынудить русских к сражению и продиктовать мир — это единственный безопасный путь из оставшихся в настоящее время», — так прокомментировал решение императора участвовавший в русском походе Жюмини¹²⁹.

26 августа 1812 г. в 108 верстах от Москвы разыгралось необыкновенное по своей жесточенности и проявленной обеими сторонами воле к победе генеральное сражение, на которое Наполеон возлагал большие надежды. «Он (Наполеон), — вспоминал адъютант императора, граф Филипп де Сегюр, — чувствовал, что войску необходим отдых, какой бы то ни было, и оно может найти его или в смерти или в победе, ибо Наполеон сам довел его до неотступной потребности победить, и необходимо было добиться триумфа той или иной ценою»¹³⁰.

В Бородинском сражении корпус Нея вместе с корпусами Даву, Жюно, кавалерией Мюрата в течение семи часов подряд яростно атакует Семеновские флеши и батарею Раевского. «Страшная артиллерийская канонада, — вспоминал Коленкур, — изрыгала смерть повсюду; русская пехота делала новые усилия, чтобы отбить потерянную территорию. Большой редут обстреливал наш центр адским огнем. Маршал Ней и вице-король* тщетно вели комбинированные атаки для захвата этого редута; атаки были отражены. Двинувшись вторично в атаку, они достигли не большей удачи, и Ней даже несколько отступил»¹³¹.

В тот момент, когда, по мнению Нея, бой достиг кульминации, он через своих адъютантов настойчиво требует у Наполеона бросить гвардию в огонь. В этом он находит полную поддержку Мюрата, отправившего к императору

Наполеон на Бородинских высотах

генерала Бельяра. В ответ на просьбы и требования маршалов Наполеон отвечает, «что еще ничто не определилось и что, прежде чем пустить в дело резервы, он хочет хорошенько уяснить себе свой шахматный ход». По свидетельству Сегюра, «Бельяр в недоумении вернулся к королю* и доложил ему о невозможности получить подмогу от императора. По его словам, Наполеон находился все на том же месте* со страдальческим и убитым видом, с расстроенным лицом, с унылым взглядом, отдавая приказания вялым голосом посреди ужасного грохота войны, который, казалось, был ему уже чужд. Когда эти слова передали Нею, то он, под влиянием своего пылкого и безудержного нрава выйдя из себя, гневно воскликнул: «Что же, мы пришли сюда для того, чтобы посмотреть на поле сражения? Что делает император позади армии? Чего он там дождется, кроме поражения? Уж если он больше не полководец и не воюет сам, а желает повсюду разыгрывать императора, пусть он убегает в Тюильрийский дворец и предоставит нам самим команду!»¹³²

Наполеон благоразумно делает вид, что ему ничего не известно о выходе Нея. Напротив, на следующий день после Бородинского сражения, которое он объявил своей победой, император называет герцога Эльхингенского человеком, сыгравшим решающую роль в этой битве, и жалует ему очередной титул — князя Московского*.

Во время отступления из России после пожара Москвы, «ничейного» сражения при Малоярославце Ней со своим корпусом идет в арьергарде Великой армии. Несмотря на катастрофическое падение дисциплины в войсках, общую деморализацию, связанную с отступлением, князю Московскому удастся организовать более или менее боеспособный арьергард из примерно 10 тыс. человек. Правда, из этих 10 тыс. солдат к моменту, когда части Великой армии дошли до Смоленска (9 ноября 1812 г.), добралось не больше 7 тыс. (по другим сведениями — не более 6 тыс.) человек¹³³. При этом арьергард потерял половину своей артиллерии и почти всю кавалерию, из остатков которой был сформирован специальный отряд для вестовой службы. «На этом отступлении (из России), — рассказывал Жюно*, — маршал Ней был тем же, чем был он во время отступления из Пор-

тугалии: последний в виду неприятеля, он выставлял себя для защиты, для покровительства жизни каждого солдата, оживлял погибшее мужество твердыми словами, и один значил больше, нежели десять батальонов...»¹³⁴.

Неподалеку от Смоленска, близ Красного, корпус Нея, в котором насчитывалось где-то 6 тыс. человек, был окружен тридцатитысячной русской армией. Это произошло 17 ноября 1812 г. По словам русского участника битвы при Красном М. М. Петрова, «пушки не имел он (Ней) ни одной и лошадей только около сотни верховых и вьючных. При маршале было до 20 генералов и многие сотни штаб- и обер-офицеров разных корпусов штабов и штабов генерального военного правления... приставших к Нею в чаянии сыскать спасение свое в его удалстве, и не ошиблись»¹³⁵. Командовавшие русскими войсками генерал М. А. Милорадович и донской атаман М. И. Платов не сомневались в победе. Они даже отправили к Нею парламентаря с предложением сложить оружие. Герцог Эльхингенский с негодованием отверг это предложение: «Маршал Франции никогда не сдастся!»¹³⁶ Собрав своих солдат в колонны, Ней отважно повел их прямо на пушки неприятеля, заставив русских отступить. «Товарищи, — подбадривал он павших было духом солдат 3-го корпуса, — время пришло: вперед! они — наши!»¹³⁷ Остаткам арьергарда, «3000 отчаянных пехотинцев... под личным командованием наилучшего и отважнейшего из славных маршалов Наполеона»¹³⁸ удалось вырваться из окружения. Однако это еще не означало спасения. Впереди отступавшего отряда Нея был Днепр... «Беспрепятственно дошедши до селения Сырокоренья, — пишет Ермолов, — решился он (Ней) на отчаянное предприятие: перейти Днепр по льду. Недостаточно сильны были морозы, и лед гнулся под ногами... Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысяч человек; за ним вели верховую, его единственную лошадь»¹³⁹.

Слышавший доносящуюся с востока канонаду Наполеон говорил окружавшим его людям: «У меня в Тюильри, в моих подвалах, триста миллионов франков; я их охотно отдал бы для того, чтобы спасти маршала Нея»¹⁴⁰. 21 ноября 1812 г., после беспримерного боя под Красным и еще

Маршал Ней в 1812 году

более удивительного отступления Ней явился к Наполеону в Оршу, приведя с собой 900 человек. Это было все, что осталось от третьего корпуса Великой армии... Именно тогда, 21 ноября, Наполеон назвал Нея «les Brave des Braves» («храбрейшим из храбрых») ¹⁴¹.

Во время последующего отступления Ней вновь командует тем, что, разумеется, теперь очень условно можно называть арьергардом. Он отважно сражается на берегах реки Березины в конце ноября, а в середине декабря последним из Великой армии переходит Неман близ Ковно. Как выразился секретарь императора Клод-Франсуа Меневаль, «Ней — герой этого отступления, командуя слабым арьергардом, с ружьем в руках, как простой солдат, проложил себе путь через мост у Ковно и последним покинул эту негостеприимную землю» ¹⁴².

15 декабря 1812 г. в ресторан небольшого немецкого городка Гумбинен, «где обедали французские старшие офицеры, вошел бродяга в рваной одежде, со спутанными волосами, с бородой, закрывшей лицо, грязный, страшный, и, прежде чем его успели выбросить на мостовую, подняв руку, громогласно заявил: «Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард «великой армии». Я — Мишель Ней!» ¹⁴³

Призвав в армию всех, кому удалось избежать конскрипции* в предыдущие годы, и конскриптов будущих лет — безусых мальчишек, Наполеон собирает новую армию. «Если понадобится, — заявляет он, — я вооружу и женщин» ¹⁴⁴.

С конца апреля 1813 г. Ней снова в деле. Он сражается с войсками союзников при Вейссенфельде (29 апреля), с чувством некоторого изумления докладывая императору о своих новых солдатах: «Эти дети сражаются, как мои старые ветераны. Они идут в бой с энтузиазмом, отвагой, о которых я не мог и помыслить» ¹⁴⁵. При Люцене и Бауцене (в мае 1813 г.) вчерашние конскрипты под командованием герцога Эльхингенского покрывают себя славой. Сам Ней пять раз лично водит их в атаку при Люцене. Он ранен в правую ногу, но почти не обращает на это внимания ¹⁴⁶. Его солдаты продолжают изумлять, казалось бы, разучившегося чему-либо изумляться маршала: «Сомневаюсь, — говорит он

после Люцена, — чтобы мне удалось сделать то же самое со старыми гренадерами гвардии... Сообразительность и, возможно, неопытность этих отважных мальчишек сослужили мне большую службу, чем испытанная храбрость ветеранов. Французская пехота еще никогда не была столь молода»¹⁴⁷.

Сам Ней тоже вызывает удивление и врагов, и друзей в кампании 1813 г. Там, где это совсем не требуется, он проявляет упрямство, больше смахивающее на безрассудство. К примеру, вопреки советам Жомини, он проводит совершенно ненужную, сопряженную с большими потерями атаку на сильно укрепленную противником деревню Прейтиц неподалеку от Бауцена. И здесь же, под Бауценом, колебания и нерешительность, выказанные Неем, позволяют союзникам отступить, не потеряв при этом ни единого пленного и ни одной пушки.

Маршал Ней

После поражения маршала Удино в битве под Гроссберном Наполеон поручил командовать его войсками Ней, приказав герцогу Эльхингенскому напрямик идти на Берлин. Ней потребовал дать ему для осуществления этой операции 80 000 человек. Император пообещал, но не сдержал слова...

6 сентября 1813 г. Ней со своей армией попал в западню, устроенную ему под Денневицем Бернадотом. Распоряжения, которые герцог Эльхингенский отдал накануне и во время сражения, продемонстрировали его полную беспомощность в планировании крупной военной операции. Как писал Мармон, «разумный человек не сможет найти удовлетворительного объяснения предписанным им (Неем) действиям»¹⁴⁸. Забыв о том, что он командующий, Ней ведет себя под Денневицем, как старый гусар. Очертя голову, он бросается с саблей в руках в самую гущу боя. Итог битвы под Денневицем — сокрушительный разгром французов, потерявших 6 сентября 10 тыс. человек. «Мужество генералов и всех офицеров вообще, — докладывал Ней Бертье 10 сентября 1813 г. — подорвано чрезвычайно; кавалерия, состоящая при мне, так плоха, что является серьезный вопрос, приносит ли она пользу или только вред»¹⁴⁹. Впрочем, мужество подорвано и у самого командующего. Красноречивое свидетельство тому — его письмо императору после Денневица: «Я совершенно разбит, — пишет Ней Наполеону, — и до сих пор не знаю, можно ли собрать мою армию»¹⁵⁰.

В генеральном сражении кампании 1813 г., знаменитой «битве народов» под Лейпцигом (16—19 октября), Ней принимает участие, командуя частями, сдерживающими наступление противника, идущего с севера. Как прежде под Бауценом и Денневицем, он проявляет то излишнюю нерешительность и нерасторопность, то безудержную отвагу. В последний день сражения, 18 октября Ней был ранен и пять дней спустя получил разрешение возвратиться во Францию.

Во время трехмесячной французской зимне-весенней кампании 1814 г. Ней вместе со своим корпусом участвует в сражениях при Бриенне, Ла-Ротьере, Шампобере, Монмирайле, Шато-Тьерри, Краоне, Лаоне, Реймсе, Шалоне-

на-Марне и Арси-сюр-Об... В большинстве из них победа остается на стороне французов. Но итог войны, тем не менее предreshен. Союзники идут на Париж, воспользовавшись тем, что Наполеон со своей армией далеко ушел от столицы, надеясь смутить противника, очутившись в его глубоком тылу.

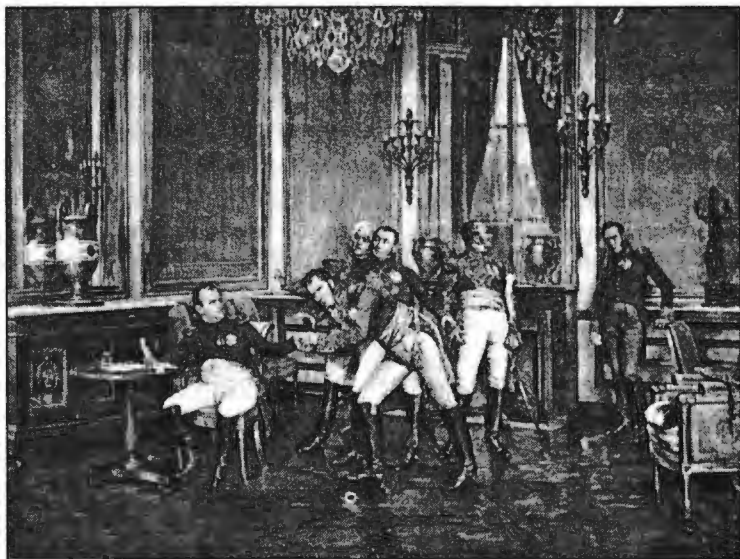
Император бросается вслед за неприятелем, но поздно... 31 марта 1814 г. российский император Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III во главе своих войск торжественно вступают в Париж. Катастрофа слишком внезапна и молниеносна... Наполеон отказывается в нее верить. Нет, все еще можно исправить. Со своей армией он пойдет прямо на Париж. Его верные парижане восстанут. Враг будет разбит...

Величайший реалист, император в начале апреля вдруг становится романтиком. В своем дворце Фонтенбло в 50 километрах от Парижа он лихорадочно разрабатывает планы дальнейших действий. На бумаге они — превосходны. Наполеон не учитывает лишь один «маленький» нюанс: кто будет их осуществлять? У него близ Фонтенбло чуть больше 30 тыс. солдат. Он, вероятно, может рассчитывать увеличить численность своей армии вдвое...

Когда Наполеон сообщает маршалам о своем намерении идти на Париж, он внезапно встречает единодушный отпор. «Армия мне повинуется!» — гневно восклицает он. «Сир, — резко отвечает Ней, — она повинуется своим генералам»¹⁵¹. Итог этого драматического диалога — отречение императора. Правда, тогда, 4 апреля 1814 г., он отрекается в пользу сына, при регентстве жены Марии Луизы, а в Париж с текстом отречения направляется депутация маршалов. Один из членов депутации, которая должна встретиться с российским монархом, — Мишель Ней, маршал империи, герцог Эльхингенский и... князь Московский. «Маршалы, — писал об этой миссии один современник, — единодушно требовали у Александра регентства»¹⁵². Решительным противником такого рода требования выступает князь Талейран — экс-министр иностранных дел поверженного императора и один из его давних тайных врагов. Расположившемуся в его дворце на улице Сен-Флорантен российскому самодержцу

он тоном, не терпящим возражений, заявляет, что «республика невозможна, регентство Марии Луизы или Бернадот на престоле — всего лишь случайности, одни Бурбоны олицетворяют определенный принцип»¹⁵³. Трудно сказать, насколько доводы князя Беневентского* убеждают ученика Лагарпа*. Скорее, его убеждает в этом другое. 5 апреля 1814 г., на следующий день после встречи Александра I с маршалами, на сторону союзников переходит корпус маршала Мармона, герцога Рагузского... Главный «козырь» Наполеона — армия — выпадает из его рук. Посланцы императора возмущены этой подлой изменой. Мармон пытается оправдаться, свалив вину на дивизионного генерала Суама. «Я отдал бы руку, — мелодраматически восклицает он, — чтобы этого не было...». И слышит в ответ исполненную презрения реплику Нейя: «Скажите лучше — голову, и то будет мало!»¹⁵⁴

После окончательного отречения низвергнутого повелителя (6 апреля 1814 г.) Ней, как и все остальные маршалы, исключая Даву, принес присягу на верность Бурбонам.

Отречение Наполеона

Воцарившаяся вновь на престоле в лице Людовика XVIII «историческая династия» терпеть не может безродных выскочек, из сержантов превратившихся в маршалов Франции, верных слуг «корсиканского бродяги». Однако на первых порах ее положение столь зыбко, что бывшие паладины империи, за весьма редким исключением, удостоиваются важных назначений и наград.

21 мая 1814 г. герцог Эльхингенский получает должность командующего шестым военным округом со штаб-квартирой в Безансоне. В июне, с разрывом в два дня (1-го и 4-го числа), он становится кавалером ордена св. Людовика* и пэром Франции. В связи с высоким социальным статусом мужа жена Нея часто является ко двору. Но в Тюильри на герцогиню Эльхингенскую не обращают ровным счетом никакого внимания. «Природные» герцогини не желают с нею знаться¹⁵⁵. Униженная госпожа маршальша, разумеется, обо всем этом немедленно рассказывает своему мужу...

Ней и сам с трудом выносит необходимость бывать при дворе, заполненном вчерашними эмигрантами, людьми с

Возвращение Наполеона с острова Эльба

«благородными» манерами и кривыми ухмылками... При малейшей возможности он уезжает в свое поместье Кудро. Там, в сельской глубинке, ему дышится неизмеримо легче, чем в раззолоченных парижских салонах. Он волен охотиться целыми днями или, к примеру, принимать гостей — владельцев соседних с Кудро поместий...

Конец «привольной жизни» для Нея наступает 6 марта 1815 г. Его срочно вызывают в Париж. По приезде в столицу ему попадается по пути знакомый адвокат, сообщивший ничего не ведавшему маршалу потрясающую новость: пять дней назад, тайно покинув Эльбу, Наполеон высадился на юге Франции, в бухте Фрежюс*. «Это большое несчастье, — говорит Ней, — что же намерены предпринять власти? Кого они собираются отправить против этого человека?»¹⁵⁶

Скоро Ней получает ответ на оба эти вопроса. «Власти» намерены остановить «корсиканское чудовище», выслав против него к Безансону войска, командовать которыми поручается «храбрейшему из храбрых». Только он, Ней, любимец солдат, легендарный «Le Rougeaud», сможет преградить путь узурпатору. Герцог Эльхингенский без колебаний принимает опасное назначение. Явившись в Тюильри, в припадке верноподданнических чувств, а скорее негодования по поводу очередной авантюры Бонапарта, он клянется королю, что выполнит его приказ и привезет Наполеона в Париж «в железной клетке».

Прибыв к месту назначения, Ней застал вверенные ему войска в величайшем смятении. Многие солдаты были готовы в любой момент присоединиться к императору. До этого подобное происходило уже много раз. Когда один из друзей Нея усомнился в успехе порученного ему дела под тем предлогом, что солдаты не будут сражаться против Наполеона, он услышал в ответ: «Они будут сражаться; я лично начну дело и всажу свою шпагу по рукоять в грудь всякому, кто не решится следовать моему примеру»¹⁵⁷.

То, что произошло дальше, хорошо известно. Все историки, писавшие о Ста днях Наполеона, авторы бесчисленных биографий великого императора, повторили, по сути, один и тот же рассказ. Когда император, почти достигший со своими спутниками Шалона, узнал, что навстречу ему

движутся войска под командованием Нея, он написал ему коротенькую записку: «Я вас приму так, как принял на другой день после битвы под Москвой. Наполеон». Эта записка, доставленная маршалу ночью 13 марта и, вероятно, общая атмосфера, царившая в войсках, решили дело. После недолгого колебания Ней перешел на сторону императора. «Он приказал полковым командирам сейчас же собрать и выстроить полки. Выйдя перед фронтом, он выхватил шпагу из ножен и прокричал громким голосом: «Солдаты! Дело Бурбонов навсегда проиграно. Законная династия, которую выбрала себе Франция, восходит на престол. Императору, нашему государю, надлежит впредь царствовать над этой прекрасной страной». Крики «Да здравствует император! Да здравствует маршал Ней!» заглушили его слова. Несколько роялистских офицеров сейчас же скрылись. Ней им не препятствовал. Один из них тут же сломал свою шпагу и горько упрекнул Нея. «А что же, по-вашему, было делать? Разве я могу остановить движение моря своими двумя руками?» — ответил Ней»¹⁵⁸.

Когда старому королю доложили об измене Нея, он с негодованием воскликнул: «Презренный! У него, стало быть, нет больше чести!»¹⁵⁹

Покинув белое знамя Бурбонов и став под трехцветное знамя Республики и Империи, герцог Эльхингенский не обрел доверия Наполеона. Слишком свежи были у императора воспоминания о том апрельском дне 1814 г., когда Ней почти открыто потребовал у него отречения от престола. К тому же, разве можно верить человеку, способному нарушить присягу, даже если это присяга Людовику XVIII?.. Сам герцог Эльхингенский тоже, видимо, чувствовал всю незавидность своего положения и потому поспешил удалиться в Кудро сразу же после въезда Наполеона в Париж. Лишь в конце мая по повелению императора он появляется в столице. Властелин пребывает в благодушном расположении духа. «Я думал, что вы сделали эмигрантом», — шуточно говорит он, завидя Нея. «Мне следовало бы им стать, — отвечает маршал, — но сейчас это — слишком поздно»¹⁶⁰. Наполеон поручает герцогу Эльхингенскому инспектировать части, находящиеся между Лиллем и Ландау. Впрочем,

это поручение он дает ему не сразу, а лишь 11 июня*. За восемь дней до этого (2 июня 1815 г.) император удостоивает Нея звания пэра. Учитывая тот факт, что почти год назад Людовик XVIII уже произвел его в это звание, герцог Эльхингенский становится... дважды пэром Франции.

Распоряжение отправиться к армии, которой предстоит сражаться с англо-голландцами Веллингтона и пруссаками Блюхера в Бельгии, Ней получает лишь 13 июня 1815 г. Немедленно по прибытии Нея к войскам* император назначает его командовать частями армии, действующими на левом фланге и состоящими из корпусов Рейля и Друэ д'Эрлона.

Прибыв к армии за три дня до генерального сражения, Ней попадает в невероятно сложную ситуацию. Он как следует не знает состояние тех войск, которыми ему предстоит командовать. Его штаб — не более чем случайное собрание людей. Приказы, которые в изобилии сыплются на его голову, выходят за подписью его старого недруга — маршала Сульта, которого император сделал начальником своего штаба. Но число приказов и даже то, что на них

Людовик XVIII

красуется подпись герцога Далмацкого, — это еще не самая большая беда. Гораздо хуже то, что приказы, доставляемые из главной квартиры, часто противоречат один другому.

16 июня 1815 г., в то время, как император с частью армии атакует прусскую армию Блюхера у Линьи, Ней с вверенными ему войсками сражается с англичанами у Катр-Бра. Наполеон через Сульга трижды приказывает герцогу Эльхингенскому отбросить англичан и взять Катр-Бра. Как не раз случалось и прежде, Ней медлит выполнить этот приказ. Он явно опасается того, что за передовыми, довольно жидкими линиями англичан скрываются главные силы Веллингтона (на самом деле в тот момент основные силы англичан еще не прибыли к Катр-Бра). Когда же Ней все же втягивается в бой, он совершенно неожиданно для себя получает четвертый приказ за подписью Сульга: «Господин маршал, — пишет ему начальник штаба, — час тому назад я вас уведомил, что император атакует неприятеля на позиции между деревнями С.-Аманд и Бри. В настоящую ми-

Фельдмаршал Блюхер

нута завязалось сильное дело; по поручению императора предлагаю вам тотчас же маневрировать таким образом, чтобы вы могли обойти правое крыло неприятеля и зайти ему в тыл. Прусская армия погибнет, если действия ваши будут решительны — судьба Франции в ваших руках. Не медлите и исполняйте тотчас предписанное императором движение, направляясь к высотам Бри и С.-Аманду. С вашим приходом мы одержим решительную победу. Неприятель, двинувшись на соединение с англичанами, захвачен нами на марше»¹⁶⁰.

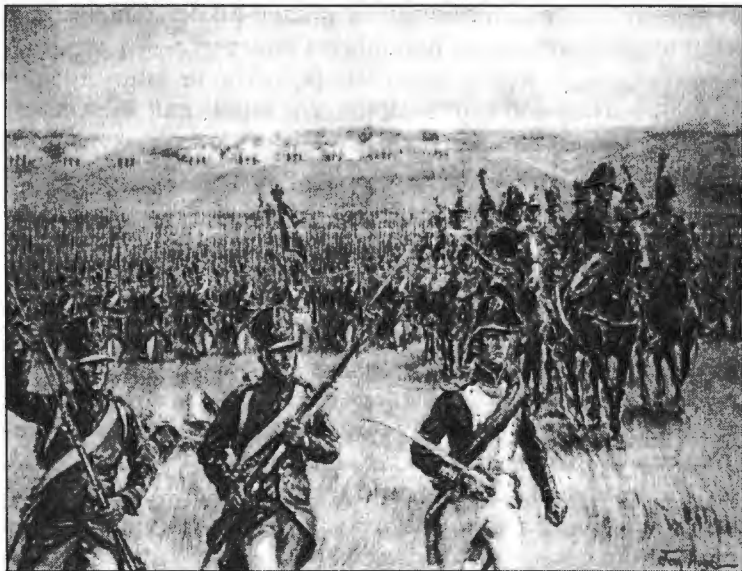
Сбитый с толку противоречивыми приказами императора и к тому же, как он внезапно узнает, лишенный без его ведома и согласия корпуса д'Эрлона, которому велено идти по направлению к Линьи, Ней теряет самообладание и способность трезво оценивать ситуацию. «Мы должны напрячь все силы, — кричит он генералу Келлерману. — Возьмите свою кавалерию и атакуйте центр англичан. Сокрушите,

Веллингтон

перебейте их всех!». Но «второе дыхание» приходит к Нею слишком поздно. Веллингтон уже успел сосредоточить близ Катр-Бра почти 40 тыс. человек, в то время как у Нея — чуть больше 20 тыс. солдат... Герцог Эльхингенский не только не в силах одолеть Веллингтона, но даже вынужден от наступления перейти к обороне. «Маршал (Ней), — писал военный историк, — подавляемый превосходными силами, начал отступление и только благодаря своей энергии избегнул поражения»¹⁶¹.

Наполеон, однако, был крайне недоволен поведением герцога Эльхингенского в день 16 июня. Встретившись с ним на следующий день, он громогласно заявил Нею: «Вы погубили Францию!» В то же время император старательно демонстрировал свою уверенность в победоносном для французов исходе предстоящей битвы с Веллингтоном. «У нас девяносто шансов из ста», — говорит он Нею, рассуждая о грядущем сражении и его результате. «Веллингтон совсем не так прост, как рассчитывает Ваше величество», — слышит он в ответ¹⁶².

Маршал М. Ней сопровождает атаку
1-го корпуса графа д'Эрлона

В развернувшемся 18 июня сражении, впоследствии названном битвой при Ватерлоо, Ней, сражаясь под началом самого императора, проявляет свойственные ему в его лучшие дни неукротимый порыв и упорство. Французы атакуют англо-голландскую армию Веллингтона по всему фронту от замка Угумон, на крайнем правом фланге союзников, до ферм Папелот и Ла Э — на ее левом фланге. В 11 часов утра Наполеон продиктовал диспозицию, согласно которой Нею предписывалось «вскоре после 1 часа дня... взять Мон-Сэн-Жан (плато, находившееся сразу за левым флангом англо-голландской армии)... Таким образом, Наполеон планировал разгромить левый, более слабый фланг Веллингтона — именно сюда и был направлен главный удар французов»¹⁶³. Импульсивный и порывистый герцог Эльхингенский, убедившись в том, что не в состоянии сокрушить будто вросшие в землю линии англичан, ведет против них в атаку огромные массы кавалерии. В течение двух часов кирасиры, конная гвардия, гвардейские драгуны, конные гренадеры во главе с самим Неем, как смерч, обрушиваются на выстроившиеся в каре полки союзников. «Герцог Веллингтон на Веронском конгрессе, — рассказывал Жомини, — лично уверял меня, что он не запомнил более поразительной картины, как эти десять или двенадцать повторенных атак нашей кавалерии* на английскую пехоту, кавалерию и артиллерию»¹⁶⁴.

В какой-то миг императору кажется, что победа близка и что даже появление за левым флангом истекающей кровью англо-голландской армии передовых частей прусской армии Блюхера не спасет Веллингтона от поражения.

В атаку идет старая гвардия Наполеона. Пять тысяч проверенных ветеранов, «ворчунов», как почти любовно называет их император. Эту последнюю атаку последней армии Наполеона ведет в бой маршал Ней. Он идет в пешем строю, с обнаженной саблей в руке...

Убийственный огонь английской пехоты, почти в упор расстреливавшей колонны старой гвардии, мощная атака пруссаков, сокрушивших правый фланг французской армии, заставляют ветеранов остановиться, а потом, выстроившись в каре, ошестиняться штыками, начать медленный

отход. Крики «Спасайся, кто может!» и «Гвардия отступает!» лишают мужества даже самых отважных солдат французской армии. Союзники контратакуют, и французы откатываются по всему фронту. Напрасно Ней, под которым в сражении пало пять лошадей, чей мундир, простреленный во многих местах и опаленный порохом, превратился в ломотья, чья сабля сломалась, став бесполезным куском металла, пытается удержать солдат на месте. «Здесь, — кричит он, — обращаясь к гвардии, — мы отстаиваем независимость Франции! Так ляжем же до последнего»¹⁶⁵. Когда-то, совсем недавно, он сравнивал появление Наполеона во Франции в начале Ста дней с «морем». Теперь это «море» — поток деморализованных, измотанных многочасовой битвой, отчаявшихся людей... Армия бежит, и нет такой силы, которая могла бы остановить ее...

После отречения императора, капитуляции Парижа и возвращения Бурбонов во Францию Ней подумывает об эмиграции в Швейцарию или даже в Америку. Один из его боевых товарищей, маршал Сюше, предлагает ему деньги

Атака французских кирасир

и паспорт для скорейшего отъезда в Швейцарию. В общем, Ней без труда может покинуть Францию, бежать, выражаясь менее возвышенным языком. Но мог ли бежать от кого бы то ни было «храбрый из храбрых»? Ведь это бегство означало бы признание им своей вины, бесчестье, которое должно было пасть не только на его голову, но и на головы его детей...

Ней решил не уезжать из страны. Он отправился в замок Бессони, где и был арестован 3 августа 1815 г. Вскоре Мишель Ней, герцог Эльхингенский, князь Московский, кавалер ордена Почетного Легиона, кавалер ордена св. Людовика, пэр и маршал Франции, предстал перед лицом специально учрежденного военного трибунала. В его состав из числа маршалов, недавних сослуживцев Нея, попали: Массена*, Журдан, Ожеро и Мортье. Не имевший отношения к трибуналу маршал Даву был убежден в том, что Нея оправдают. «Никто, — говорил он, — не сможет осудить такого человека. Никто, даже Рагуза!»¹⁶⁶

Битва при Ватерлоо

У Нея же на этот счет были совсем иные мысли. Он вбил себе в голову, что трибунал непременно приговорит его к смертной казни. «Они прикончат меня, как кролика», — заявил маршал и потребовал, чтобы его, пэра Франции, судил не военный трибунал, а суд палаты пэров. Многие члены трибунала вздохнули с облегчением. Теперь они не несут ответственности за приговор «храбрейшему из храбрых». «Мы — трусы, — говорил Ожеро. — Мы должны были настоять на своем праве (судить Нея), затем, чтобы спасти его (Нея) от него самого»¹⁶⁷. Вердикт Нею теперь предстоит вынести пэрам, большинство из которых — представители древних аристократических фамилий, не склонных прощать изменника...

Нея в тюрьме Консьержери

Жена герцога Эльхингенского пишет письмо Веллингтону, напоминая ему о том, что он, «победитель Наполеона» — один из тех, кто подписал акт об амнистии накануне вторичного возвращения Бурбонов в Париж. В ответ она получает коротенькую записку, где сказано о том, что Веллингтон не может препятствовать королю Франции поступать со своими подданными так, как ему заблагорассудится¹⁶⁸. Видя нависшую над Неем угрозу, адвокаты пытаются спасти его с помощью хитрой уловки. Дело в том, что часть земель Лотарингии, согласно Парижскому мирному договору 1815 г., отторгнуты от Франции, в том числе и Саррлуи — родина Ней. А потому, заявляют адвокаты маршала, он больше не француз... «Я — француз, — возмущается Ней, когда ему предлагают спастись подобным образом, — и умру французом!»¹⁶⁹

Начавшийся 4 декабря 1815 г. суд над Неем продолжается всего лишь два дня, завершившись вынесением ему смертного приговора 6 декабря подавляющим большинством судей*. Среди подписавших смертный приговор — пять маршалов: Келлерман, Периньон, Серюрье, Виктор и Мармон...

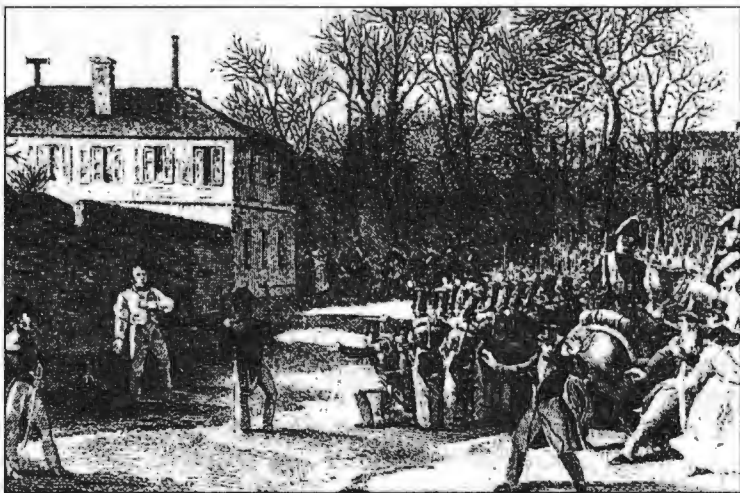
Видимо, предвидевший исход процесса, Ней воспринял приговор с полнейшим самообладанием. Накануне казни он хотел увидеться лишь со своим нотариусом, чтобы уладить все имущественные дела, и со своими близкими, чтобы проститься с ними... Когда ему сказали, что его хочет навестить священник, Ней сначала было отказался, заявив, что «попов ему не нужно», но затем все-же согласился его принять. Говорят, что к этому его побудил старый солдат, стоявший на карауле... 7 декабря приговор был приведен в исполнение.

О том, как окончилась жизнь «храбрейшего из храбрых», поведал в своих мемуарах тогдашний военный комендант Парижа, граф Луи-Виктор-Леон де Рошешуар: «Как только он (священник) появился в дверях (камеры), — вспоминал Рошешуар, — маршал Ней воскликнул: «А, господин аббат! Я вас понимаю, я готов». Он встал на колени, получил отпущение грехов, сошел по лестнице с видом спокойным и невозмутимым... я почувствовал большое облегчение,

увидев его в синем сюртуке, белом галстуке, коротких черных панталонах, черных чулках, без орденов. Я опасался, чтобы он не надел мундира, тогда пришлось бы его разжаловать, срывать с него пуговицы, эполеты и ордена. Увидев, что на дворе плохая погода, он сказал улыбаясь: «Какой скверный день». Потом, обратившись к священнику, посторонился, чтобы пропустить его в карету: «Садитесь, господин аббат, сейчас настанет мой черед пройти первым». Два жандармских офицера тоже сели в карету и поместились на переднем сиденье.

В нескольких шагах от решетки Люксембургского сада, на аллее Обсерватории процессия остановилась; дверцы кареты отворились, маршал, ожидавший, что его повезут в Гренель... сказал: «Как! Уже приехали?». Конечно, он отказался стать на колени и не позволил завязать себе глаза; попросил только плац-адъютанта Сен-Биа указать ему, как надо встать: повернулся лицом к взводу, державшему ружья на прицеле. И тут, с осанкой, которую я никогда не забуду, столько в ней было благородства, спокойствия и достоинства, без всякой рисовки, он снял шляпу и, воспользовавшись краткой минутой, пока плац-адъютант отходил в сторону, чтобы дать сигнал, он произнес следующие слова, отчетливо мною слышанные:

«Французы, я протестую против своего приговора, моя честь...». При последних словах, когда он поднес руку к сердцу, раздался залп; он упал сраженный. Барабанный бой и крики войск, выстроенных в карэ: «Да здравствует король!» довершили мрачную сцену. Такая прекрасная смерть произвела на меня глубокое впечатление, обратившись к Августу де ла Рошжаклену, гренадерскому полковнику, стоявшему рядом со мной... я сказал ему: «Вот, друг мой, великий урок, как надо умирать!»¹⁷⁰

Расстрел маршала Нея

Нея на смертном одре

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ **Perrin É.** *Le Maréchal Ney*. P., 1993. P. 24.
- ² *Ibid.* P. 25.
- ³ **Kurtz H.** *The trial of marshal Ney. His last years and death.* Lnd., 1957. P. 34.
- ⁴ **Le Gette B.** *Marshal Ney: a Dual Life.* N. Y., 1937. P. 20.
- ⁵ *Ibidem.*
- ⁶ **Dunn-Pattison R. P.** *Napoleon's marshals.* Lnd., 1909. P. 141.
- ⁷ **Военский К. А.** *Наполеон и его маршалы в 1812 году.* М., 1912. С. 51.
- ⁸ **Young P.** *Napoleon's marshals.* N. Y., 1973. P. 104.
- ⁹ *Ibidem.*; **Perrin É.** *Op. cit.* P. 30.
- ¹⁰ **Lacroix D.** *Les Maréchaux de Napoléon.* P., s. a. P. 188.
- ¹¹ **Delderfield R. F.** *Napoleon's marshals.* N. Y., 1980. P. 73.
- ¹² **Perrin É.** *Op. cit.* P. 32.
- ¹³ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 142.
- ¹⁴ **Perrin É.** *Op. cit.* P. 26.
- ¹⁵ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 142.
- ¹⁶ **Young P.** *Op. cit.* P. 104.
- ¹⁷ **Le Gette B.** *Op. cit.* P. 28.
- ¹⁸ **Фабер.** *Замечания о французском войске последнего времени начиная с 1792-го по 1808 год.* Сочинение Г. Фабера. СПб., 1808. С. 23.
- ¹⁹ **Young P.** *Op. cit.* P. 104.

²⁰ Сен-Сир Г. Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской. СПб., 1838. Ч. 1. С. VII—VIII.

²¹ Perrin É. *Op. cit.* P. 36.

²² Лотте С. А. Великая французская революция. М., 1933. С. 124.

²³ Сен-Сир Г. Указ. соч. Ч. 1. С. XVII—XVIII.

²⁴ Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 142.

²⁵ Young P. *Op. cit.* P. 104—105.

²⁶ Perrin É. *Op. cit.* P. 43.

²⁷ Сен-Сир Г. Указ. соч. Ч. 1. С. XVII—XVIII.

²⁸ Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 142.

²⁹ См.: Всеобщая военная история новейших времен / Под ред. князя Голицына Н. С. СПб., 1874. Ч. 1. Войны 1-й Французской революции и республики 1792—1801. С. 153—156.

³⁰ Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 142.

³¹ Дживелегов А. К. Армия Великой французской революции и ее вожди. Исторический очерк. М.—Пг., 1923. С. 120—129.

³² Le Gette B. *Op. cit.* P. 36.

³³ Young P. *Op. cit.* P. 105.

³⁴ Perrin É. *Op. cit.* P. 46.

³⁵ Young P. *Op. cit.* P. 105—106.

³⁶ Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 143.

³⁷ Young P. *Op. cit.* P. 106.

³⁸ Le Gette B. *Op. cit.* P. 43; Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 143.

³⁹ Dunn-Pattison R. P. *Op. cit.* P. 143.

⁴⁰ Delderfield R. F. *Op. cit.* P. 73.

⁴¹ Мишле Ж. История XIX века. До 18 брюмера. СПб., 1883. Т. 2. С. 6.

⁴² Young P. Op. cit. P. 106.

⁴³ Perrin É. Op. cit. P. 47.

⁴⁴ Kurtz H. Op. cit. P. 19.

⁴⁵ Perrin É. Op. cit. P. 62.

⁴⁶ Ibid. P. 63.

⁴⁷ Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Происхождение брюмерианского консульства. Конституция III года. СПб., 1905. С. 484—485.; см. также: Chardigny D. Des Maréchaux de Napoléon. P., 1977. P. 6.

⁴⁸ Фабер. Указ. соч. С. 24—25.

⁴⁹ Kurtz H. Op. cit. P. 21.

⁵⁰ Young P. Op. cit. P. 106.

⁵¹ Дельбрюк Г. История войн и военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 4. Новое время. С. 379.

⁵² Kurtz H. Op. cit. P. 28.

⁵³ Le Gette V. Op. cit. P. 65.

⁵⁴ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 144.

⁵⁵ Perrin É. Op. cit. P. 66.

⁵⁶ Kurtz H. Op. cit. P. 22.

⁵⁷ Ibid. P. 29.

⁵⁸ Абрантес Л. д^я. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1836. Т. 10. С. 179.

⁵⁹ Kurtz H. Op. cit. P. 30.

⁶⁰ Ibid. P. 33.

⁶¹ Ibid. P. 34—35.

⁶² Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 145.

⁶³ Macdonall A. G. Napoleon and his marshals. N. Y., 1934. P. 90—91.

- ⁶⁴ Young P. Op. cit. P. 106.
- ⁶⁵ Ibidem.
- ⁶⁶ Kurtz H. Op. cit. P. 46.
- ⁶⁷ Ремюза К. Мемуары г-жи де Ремюза (1802—1808). М., 1912. Т. 2. С. 254—255.
- ⁶⁸ Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его, собраны Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 60.
- ⁶⁹ Kurtz H. Op. cit. P. 47.
- ⁷⁰ Ibid. P. 55—56.
- ⁷¹ Macdonall A. G. Op. cit. P. 90.
- ⁷² Kurtz H. Op. cit. P. 56.
- ⁷³ Young P. Op. cit. P. 107.
- ⁷⁴ История войн. Ростов н/Д, 1997. Т. 2. Тридцатилетняя война. Войны эпохи Нового времени. Первая мировая война 1914—1918 гг. С. 345.
- ⁷⁵ Dunn-Pattison R. P. Napoleon's marshals. Lnd., 1977. P. X.
- ⁷⁶ Kurtz H. Op. cit. P. 51.
- ⁷⁷ Macdonall A. G. Op. cit. P. 92.
- ⁷⁸ Dunn-Pattison R. P. Napoleon's marshals. Lnd., 1909. P. 146.
- ⁷⁹ Абрантес Л. д'. Указ. соч. Т. 7. С. 295—296.
- ⁸⁰ Левицкий Н. А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938. С. 101—102.
- ⁸¹ Соколов О. Ульмская операция 1805 года // Историческое обозрение. Орел. 1991. С. 6—7.
- ⁸² Young P. Op. cit. P. 107.
- ⁸³ Абрантес Л. д'. Указ. соч. Т. 13. С. 106.
- ⁸⁴ Военский К. А. Указ. соч. С. 52.

⁸⁵ Macdonall A. G. Op. cit. P. 92.; Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 146.

⁸⁶ Young P. Op. cit. P. 107.

⁸⁷ Левицкий Н. А. Указ. соч. С. 125.

⁸⁸ Там же. С. 135.

⁸⁹ Young P. Op. cit. P. 107.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Méneval C.-F. de Memoirs illustrating the history of Napoleon Ier. From 1802 to 1815. N. J., 1894. V. 2. P. 65.

⁹² The Confidential Correspondence of Napoleon Bonaparte with his brother Joseph, sometime king of Spain. Lnd., 1855. V. 1. P. 222.

⁹³ Ibid. P. 219.

⁹⁴ Barrés J.-B. Memoirs of a napoleonic officer Jean-Baptiste Barrès. N. J., 1925. P. 94.

⁹⁵ Давыдов Д. Военные записки. М., 1940. С. 86.

⁹⁶ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 147.

⁹⁷ Давыдов Д. Указ. соч. С. 105.

⁹⁸ Young P. Op. cit. P. 109.

⁹⁹ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 148.

¹⁰⁰ Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1937. С. 277.

¹⁰¹ Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова 1798—1826. М., 1991. С. 95, 98.

¹⁰² Рустам. Моя жизнь рядом с Наполеоном. Воспоминания мамлюка Рустама Раза, армянина. Ереван, 1997. С. 75.

¹⁰³ Delderfield R. F. Op. cit. P. 102.

¹⁰⁴ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 148.

¹⁰⁵ Рустам. Указ. соч. С. 75—76.

¹⁰⁶ Young P. Op. cit. P. 109.

- ¹⁰⁷ Ремюза К. Указ. соч. Т. 2. С. 144.
- ¹⁰⁸ Young P. Op. cit. P. 109.
- ¹⁰⁹ Стендаль. Жизнь Наполеона // Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 11. С. 90.
- ¹¹⁰ Young P. Op. cit. P. 109.
- ¹¹¹ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 148—149.
- ¹¹² Young P. Op. cit. P. 109.
- ¹¹³ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1992. С. 262.
- ¹¹⁴ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 149.
- ¹¹⁵ The Confidential Correspondence of Napoleon Bonaparte... V. 2. P. 47.
- ¹¹⁶ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 149.
- ¹¹⁷ Young P. Op. cit. P. 109.
- ¹¹⁸ The Confidential Correspondence of Napoleon Bonaparte... V. 2. P. 65, 68.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 79.
- ¹²⁰ Абрантес Л. д'. Указ. соч. Т. 13. С. 91—92, 93.
- ¹²¹ Young P. Op. cit. P. 109; Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 150.
- ¹²² Young P. Op. cit. P. 110.
- ¹²³ Dunn-Pattison R. P. Op. cit. P. 150.
- ¹²⁴ Ibid. P. 151.
- ¹²⁵ Young P. Op. cit. P. 110.
- ¹²⁶ Kurtz H. Op. cit. P. 61.
- ¹²⁷ Young P. Op. cit. P. 110.
- ¹²⁸ Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 113.
- ¹²⁹ Цит. по: Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 68.

¹³⁰ **Сегюр Ф. де.** Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 24.

¹³¹ **Коленкур А. де.** Указ. соч. С. 133.

¹³² **Сегюр Ф. де.** Указ. соч. С. 34—35.

¹³³ **Le Gette В.** *Op. cit.* P. 132—133.

¹³⁴ **Абрантес Л. д'.** Указ. соч. Т. 15. С. 105.

¹³⁵ **Петров М. М.** Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991. С. 208.

¹³⁶ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 152.

¹³⁷ *Ibidem.*

¹³⁸ **Петров М. М.** Указ. соч. С. 208.

¹³⁹ **Ермолов А. П.** Указ. соч. С. 243.

¹⁴⁰ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 152.

¹⁴¹ **Young P.** *Op. cit.* P. 104.

¹⁴² Цит. по: **Perrin É.** *Op. cit.* P. 207.

¹⁴³ **Манфред А. З.** Наполеон Бонапарт. М., 1973. С. 706.

¹⁴⁴ **Le Gette В.** *Op. cit.* P. 147.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 149.

¹⁴⁶ **Young P.** *Op. cit.* P. 116.

¹⁴⁷ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 153.

¹⁴⁸ **Marmont.** Mémoires du Duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. Т. 4. P. 240.

¹⁴⁹ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 153—154.

¹⁵⁰ **Нечволодов А.** Очерк явлений войны в представлении полководца по письмам Наполеона за лето и осень 1813 года. Варшава, 1894. С. 65.

- ¹⁵¹ **Perrin É.** *Op. cit.* P. 244.
- ¹⁵² **Бурьени Л. А.** Записки Г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1836. Т. 5. Ч. 10. С. 95.
- ¹⁵³ **Труайя А.** Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997. С. 194.
- ¹⁵⁴ **Манфред А. З.** Указ. соч. С. 719.
- ¹⁵⁵ **Lavalette A.-M.** de Mémoires et souvenirs du Comte Lavalette. P., 1831.
- ¹⁵⁶ **Dunn-pattison R. P.** *Op. cit.* P. 155.
- ¹⁵⁷ *Ibidem.*
- ¹⁵⁸ **Тарле Е. В.** Указ. соч. С. 466—467.
- ¹⁵⁹ **Perrin É.** *Op. cit.* P. 283.
- ¹⁶⁰ **Шаррас.** История кампании 1815 года. Ватерлоо. СПб, 1868. С. 143—144.
- ¹⁶¹ Там же. С. 194.
- ¹⁶² **Perrin É.** *Op. cit.* P. 282.
- ¹⁶³ **Дерябин А. И.** Сражение при Ватерлоо 18 июня 1815 года. М., 1997. Кн. 1. С. 8.; см. также: **Курнев М. М.** Герцог Веллингтон. М., 1995. гл. IX—XI.
- ¹⁶⁴ **Шаррас.** Указ. соч. С. 259.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 272.
- ¹⁶⁶ **Macdonell A. G.** *Op. cit.* P. 326.
- ¹⁶⁷ **Young P.** *Op. cit.* P. 118.
- ¹⁶⁸ **Macdonell A. G.** *Op. cit.* P. 327.
- ¹⁶⁹ **Dunn-Pattison R. P.** *Op. cit.* P. 159.
- ¹⁷⁰ **Рошешуар Л.-В.-Л. де.** Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта Императора Александра I (Революция, Реставрация и Империя). М., 1915. С. 386—387.

КОММЕНТАРИИ

МАРШАЛ БЕРНАДОТ

- С. 9 — «нарекли именем Жана Батиста» — полностью имя Бернадота было несколько длиннее — Жан Батист Жюль.
- С. 10 — «его мать, урожденная де Сен-Жан, была из дворянок» — правда, Алан Палмер пишет о том, что она была не дворянкой, а дочерью фермера, хотя ее семья была достаточно состоятельной и уважаемой в своей округе / *Palmer A. Op. cit. P. 4.*
- Наваррского парламента — парламентами во Франции при «старом порядке» именовались высшие судебные органы Французского королевства. Существовало 12 провинциальных парламентов, подчинявшихся Парижскому.
- С. 12 — «дослужившись до звания сержанта» — это звание Бернадот получил 11 мая 1788 г.
- С. 14 — «зажиточного купца по фамилии Клари» — впрочем, Алан Палмер пишет о том, что Франсуа Клари был богатым шелковым мануфактуристом / *Palmer A. Op. cit. P. 13.*
- Генеральные Штаты — орган сословного представительства в королевской Франции, существовавший в XIV—XVIII вв. и состоявший из депутатов от духовенства, дворянства и городов всей страны.
- национальная гвардия — буржуазное воинское формирование, фактически вооруженное гражданское ополчение с выборным командованием, созданное во Франции в 1789 г. в начале буржуазной революции.
- «чуть было не угодил на фонарь» — с самого начала

революции народ часто расправлялся со своими врагами аристократами, вешая их на фонарях. Отсюда призыв «à la lanterne!», очень популярный в годы революции. Случай с д'Амбером произошел 20 марта 1790 г.

— Национальное Собрание — депутаты Генеральных Штатов, собравшиеся в Версале 5 мая 1789 г., 17 июня провозгласили себя Национальным Собранием.

- С. 15 — третье сословие — к третьему сословию во Франции принадлежали представители всех социальных групп и слоев населения, не относящихся к первым двум «благородным» сословиям — 1-му — духовенству и 2-му — дворянству. В отличие от первого и второго, третье сословие не обладало политическими правами и платило многочисленные подати.

— санкюлоты — распространенное название революционных народных масс во время французской буржуазной революции конца XVIII века. Выражение «санкюлот» (*франц. sansculotte*) происходит от *sans* — «без» и *culotte* — короткие бархатные штаны, которые носили дворяне и богатые буржуа). Аристократы в насмешку называли санкюлотами городскую бедноту, носившую длинные панталоны из грубой ткани. Понятие «санкюлот» вскоре стало синонимом патриота, революционера и противопоставлялось понятиям «аристократ», «контрреволюционер».

- С. 17 — Первая коалиция — широкая антифранцузская коалиция европейских держав, существовавшая в 1792—1797 гг. По словам английского историка Ф. Д. К. Херншоу, «вся Европа, за исключением Швеции, Дании, Швейцарии, Венеции, Генуи и Турции, сплотилась (в эти годы) против Франции / *Херншоу Ф. Д. К.* Европейские коалиции, союзы и согласия начиная с 1792 г. М., 1924. С. 8.

- С. 18 — жирондисты — группировка депутатов в Конвенте от департамента Жиронда (Западная Франция), представлявшая интересы торгово-промышленной и отчасти

землевладельческой буржуазии юга и юго-запада Франции.

— Робеспьер — Робеспьер Максимилиан Мари Исидор (1758—1794) — знаменитый деятель Великой французской буржуазной революции конца XVIII века, фактически глава якобинского революционного правительства в 1793—1794 гг.

— Конвент — представительное собрание во Франции, высшее законодательное учреждение, созданное в период Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Существовал с 20 сентября 1792 по 26 октября 1795 г. Был избран после низложения короля Людовика XVI (10 августа 1792 г.) на основе всеобщего избирательного права (для мужчин).

С. 19 — события 9 термидора — имеется в виду переворот 9 термидора (27 июля) 1794 г. в Париже, в результате которого была низвергнута якобинская диктатура.

С. 23 — Директория — правительство Французской республики, созданное на основе Конституции III года (4 ноября 1795 г.). Директория состояла из пяти членов (директоров), избравшихся двумя законодательными советами — советом пятисот и советом старейшин; каждый год один из членов Директории выбывал по жребию и подлежал замене путем выборов. Как и правительство термидорианского Конвента, Директория выражала интересы крупной буржуазии, преимущественно «новых богачей», нажившихся на продовольственных и земельных спекуляциях, а также на поставках для армии.

— роялистский агент — (*франц. royal* — «королевский»); так называли сторонников законной королевской династии Бурбонов, эмиссаров эмигрантов и монархистов.

С. 25 — «молодого человека лет 25—26» — в действительности Наполеону в это время было почти 28 лет.

С. 27 — Люксембургский дворец — резиденция Директории.

- С. 29 — Английская армия — l'Armée d'Angleterre — официальное название армии, сформировавшейся во Франции в конце 1797 — начале 1798 г. и якобы предназначенной действовать на Британских островах. На самом деле целью Английской армии был Египет, а затем Индия.
- Цинциннат — римский консул 460 г. до н. э., сторонник патрициев; прославился своей доблестью и бескорыстием.
- С. 31 — «К Бернадоту не явился ни один посетитель» — согласно принятым в дипломатическом мире обычаям, лица, которых посетил официальный дипломатический представитель, должны были «отдать» визит, и отсутствие подобного визита приравнивалось к оскорблению дипломата и представляемой им державы.
- С. 32 — Пратер — один из самых оживленных и посещаемых бульваров Вены, место прогулок людей, принадлежащих к высшему свету, австрийский аналог Елисейских полей в Париже.
- С. 33 — «Третьего дня» — т. е. 13 апреля.
- С. 34 — «коротал время в Раштадте» — Раштадт — город в земле Баден-Вюртемберг, где в 1797—1799 гг. проходил конгресс для урегулирования территориальных споров между Францией и Германской империей.
- «Директория же предпочла не давать никаких оценок спровоцированному ею демаршу» — по мнению Савари, поступок Бернадота с вывешиванием французского флага на балконе посольства в Вене не был никем санкционирован. «В это время, — пишет Савари, — он (Бернадот) открыто исповедовал республиканские идеи, которые тогда для честолюбцев всех мастей были верным путем к успеху». В общем, Савари считает эпизод 13 апреля «самодеятельностью» честолюбивого генерала / *Rovigo*. *Op. cit.* V. 1. Part. 1. P. 25.
- С. 40 — первый консул — т. е. Наполеон Бонапарт, который после низвержения Директории и роспуска законода-

тельных советов (18 и 19 брюмера, т. е. 9—10 ноября) возглавил правительство Французской республики, заняв пост первого консула. Вторым и третьим консулами были Сийес и Роже-Дюко.

С. 43 — Моро — Моро Жан Виктор (1763—1813) — один из самых выдающихся французских республиканских генералов. Современники даже сравнивали его полководческие таланты с полководческими талантами Наполеона. В годы революционных войн Моро командовал Рейнско-Мозельской армией. В 1799 г. он командовал французскими войсками в северной Италии и был разбит Суворовым в битве при Кассано. После переворота 18 брюмера, которому Моро содействовал, Наполеон назначил его главнокомандующим Рейнской армией. В сражении при Гогенлиндене (2—3 декабря 1800 г.) он наголову разбил австрийскую армию эрцгерцога Иоанна. Увидев в нем соперника, Наполеон обвинил Моро в участии в роялистском заговоре Пишегрю и изгнал генерала в Америку. В 1813 г. по приглашению императора Александра I Моро вернулся из Северной Америки в Европу, состоял в роли советника при главной квартире союзников и был смертельно ранен в битве под Дрезденом (27 августа 1813 г.).

— «дочь знаменитого Неккера» — т. е. известная писательница Анна Луиза Жермена де Сталь (1766—1817). Своими сочинениями она оказала влияние на развитие французского романтизма.

— «точнее восстанавливается, воинское звание маршала» — звание маршала, появившееся во Франции в XI веке, было упразднено декретом Конвента от 21 февраля 1793 г.

С. 47 — «великий Давид на своем знаменитом полотне» — имеется в виду картина Жака Луи Давида «Коронавание Наполеоном Жозефины» (1805—1807).

— «Бернадот возвращается в Ганновер» — накануне его отъезда туда император награждает его (2 февраля 1805 г.) Большим орлом ордена Почетного Легиона.

- С. 49 — Великая армия — (*la Grande Armée*) — официальное название армии Наполеона с начала кампании 1805 г.
- С. 38 — «взяли одного орла», т. е. захватили одно французское знамя; дело в том, что с декабря 1804 г. французские знамена были увенчаны бронзовыми орлами, своей формой напоминавшими римских орлов времен Древнего Рима.
- «русский натиск отражен» — в этом сам Бернадот принял личное участие. Наполеоновский офицер Жан-Батист Баррес, участвовавший в сражении, пишет об этом следующее: «Был дан сигнал, и очень скоро вся огромная линия сражающихся пришла в движение. Тем временем 1-й корпус, который находился на фланге, двинулся вперед, справа и слева обходя маленький холм... с криками «Да здравствует император!», размахивая киверами, водруженными на острие штыков... и сабель, с маршалом Бернадотом во главе, нацепившим свою шляпу, как и другие, на кончик сабли... гремели барабаны, играла музыка, грохотали пушки и раздавалась оживленная ружейная стрельба» / *Barrès J.-B. Memoirs of a napoleonic officer Jean-Baptiste Barrès. N.Y., 1925. P. 75.*
- С. 55 — «император награждает Бернадота не за его заслуги, а за то, что он — член семьи Бонапартов» — «Бонапарт, — писала современница, — не питал большого расположения к маршалу Бернадоту; надо думать, что он считал нужным возвысить его потому, что Бернадот женился на сестре жены его брата Жозефа, и ему казалось подходящим, чтобы сестра королевы стала по крайней мере принцессой» / *Ремюза К. Мемуары г-жи де Ремюза (1802—1808). М., 1913. Т. 3. С. 27.*
- С. 59 — «вслед за мемуаристами» — «тогда (в 1806 г.), — пишет герцогиня д'Абрантес, — странным образом судили о запоздалом движении корпуса маршала Бернадота, который очень поздно явился на левом крыле императора под Йеною» / *Абрантес Л. д'. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о*

Наполеоне, революции, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1836. Т. 9. С. 232.

- С. 60 — «в плен к князю Понте-Корво попадают 1,5 тыс. шведов» — Швеция короля Густава IV Адольфа, подписавшая союзный трактат с Англией (3 октября 1805 г.), приняла участие в третьей антифранцузской коалиции 1805—1807 гг.
- С. 61 — Юрковский — Юрковский Анастасий Антонович — русский генерал.
- С. 62 — эйлавское, т. е. поле битвы при Прейсиш-Эйлау.
- С. 63 — Континентальная блокада — блокада Англии, объявленная в интересах французской буржуазии Наполеоном I в 1806 г. Декрет о Континентальной блокаде (21 ноября 1806 г.) запрещал вести торговые, почтовые и другие сношения с Британскими островами. Действие Континентальной блокады распространялось на все подвластные Франции, зависимые от нее или союзные ей страны. Континентальная блокада противоречила интересам большинства европейских государств.
- «подчас очень своеобразно интерпретируя распоряжения властелина» — «Бернадот, находившийся в Гамбурге, — пишет по этому поводу одна хорошо осведомленная современница, — вел переговоры с недовольными шведами и приобрел себе хорошую репутацию, которую старался сохранить всеми способами. Он тратил деньги, чтобы создавать себе приверженцев» / *Ремюза К. Мемуары г-жи де Ремюза (1802—1808)*. М., 1913. Т. 3. С. 231.
- С. 64 — «железный маршал» — прозвище маршала Даву.
— герцог Ауэрштедтский — титул маршала Даву.
- С. 65 — Шенбрунн — загородный императорский дворец Габсбургов близ Вены.
- С. 69 — Дантон — Дантон Жорж Жак (1759—1794) — деятель Великой французской буржуазной революции конца

XVIII в. В августе—сентябре 1792 г., в критические дни наступления армий интервентов на Париж, Дантон проявил огромную энергию, инициативу и революционную решимость, мобилизуя силы народа на защиту революционного отечества. Ему принадлежит ставшая крылатой фраза: «Чтобы победить, нужна смелость, смелость и еще раз смелость!».

- С. 76 — великий Конде — Конде Луи II, принц де Бурбон-Конде, по прозвищу Великий Конде (1621—1686) — знаменитый французский полководец. Победы, одержанные Конде в период Тридцатилетней войны (при Рокруа в 1643, при Нердлингене в 1645, при Лансе в 1648 гг.), способствовали заключению выгодного для Франции Вестфальского мира 1648 г. Активный деятель Фронды.
- С. 80 — Талейран — Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838) — князь Беневентский, герцог Дино, французский дипломат. Родом из аристократической семьи. В 1788—1791 гг. — епископ. С началом революции перешел на ее сторону. Министр иностранных дел в 1797—1799 гг. при Директории, в 1799—1807 гг. — в период консульства и империи. Ближайший помощник Наполеона в области дипломатии. Постепенно отходит от Наполеона и вступает в тайные сношения с его врагами и Бурбонами. После поражения Наполеона окончательно перешел на сторону Бурбонов, блестяще защищал их интересы на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Совершенно аморальный, подкупный, мастер закулисной интриги, хитрый, беззастенчивый, ловко игравший на человеческих слабостях политик.
- С. 83 — «за три года до его смерти» — Бернадот умер 8 марта 1844 г. в Стокгольме от апоплексического удара.

МАРШАЛ МАССЕНА

- С. 95 — аджюдан — унтер-офицерский чин во французской армии.
- С. 97 — Малый Гибралтар — форт, занятый англичанами на подступах к Тулону, имевший важное стратегическое значение / См.: *Наполеон. Избранные произведения.* М., 1941. Т. 1. С. 6.
- С. 98 — «бригадный генерал Бонапарт» — Бонапарт получил этот чин 22 декабря 1793 года.
- «по прошествии двух месяцев с момента прибытия в Итальянскую армию ее нового главнокомандующего» — Шерер прибыл в Итальянскую армию в сентябре 1795 г.
- «армии австрийская и сардинская» — сардинский король Виктор-Амедей, названный Наполеоном «привратником Альп», был союзником австрийцев и принимал активное участие в антифранцузских кампаниях начиная с 1792 г.
- С. 102 — «генерал вандемьер» — ироническое прозвище, данное Бонапарту, командовавшему войсками Конвента, подавившими роялистский мятеж в Париже 13 вандемьера IV года (5 октября 1795).
- «5 футов, 2 дюйма и 4 линии» — т. е. 158,5 см.
- С. 107 — «как-то раз в письме к Бонапарту» — 10 октября 1796 г.
- С. 109 — Совет старейшин — один из законодательных советов французской республики, созданный в соответствии с так называемой Конституцией III года (1795).
- С. 110 — «историческая монархия» — т. е. монархия Бурбонов; короли этой династии правили во Франции начиная с 1594 (формально с 1589) г.
- Гофкригсрат — австрийский придворный военный совет.

- С. 113 — «французы ворвались в Цюрих» — подробнее всего чисто военная сторона действий Массена в Швейцарии описана Карлом Клаузевицем в его труде «Швейцарский поход 1799 года».
- С. 114 — «с большими потерями (до 50%)» — по словам Клаузевица, Римский-Корсаков потерял в сражении при Цюрихе всю свою артиллерию (100 орудий), весь обоз и 8 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными.
- С. 116 — Лигурийская армия — по античному названию этой местности — Лигурия, Генуя была превращена Францией в «дочернюю» Лигурийскую республику. Отсюда и название армии Массена.
- С. 118 — «увекоченный картиной великого Давида» — имеется в виду его картина «Бонапарт при переходе через Сен-Бернар» (1800).
- С. 125 — Саличетти — Саличетти Кристофано (1757—1809) — французский политический деятель, родом корсиканец; член Учредительного собрания и член Конвента. Был одним из комиссаров Конвента в армии, осаждавшей Тулон в 1793 г., способствовал выдвижению Наполеона. С 1806 г. до своей смерти — министр полиции и военный министр неаполитанского короля Жозефа Бонапарта, при Мюрате был смещен.
- Сен-Сир — Сен-Сир Лоран Гувьон (1764—1830) — французский генерал. В 1812 г. получил звание маршала. В 1815—1819 гг. занимал должность военного министра. В 1818 г. провел военную реформу, сущность которой сводилась к введению ограниченной воинской повинности.
- С. 128 — обер-егермейстер — придворная должность маршала Бертье.
- Мальмезон — загородный дворец Бонапарта неподалеку от Версаля.
- Mon Cousin — (*франц.* cousin — двоюродный брат), официальное обращение Наполеона к своим маршалам

в письмах. «Звание маршала было чрезвычайно высоко поставлено во французской армии, — пишет по этому поводу А. Нечволодов, — и иначе как «*Mon Cousin*», Наполеон не называл их в письменных сношениях» / *Нечволодов А.* Очерк явлений войны в представлении полководца по письмам Наполеона за лето и осень 1813 года. Варшава, 1894. С. 17.

- С. 132 — «он был не в состоянии снова сесть в седло» — как свидетельствует мамлюк императора Рустам, за день до генерального сражения с австрийцами Массена и Бертье обедали у императора. «Его величество все время уговаривал Массена: — Вы же ранены (он упал с лошади), пусть вас заменит ваш адъютант. — Нет, сир, я не оставлю свой пост. Я буду командовать, сидя в коляске» / *Roustam. Souvenirs de Roustam Mamelouck de Napoléon Ier* Paris, s. a. P. 236.
- С. 136 — герилья — партизанская война против французских завоевателей на Пиренейском полуострове в 1808—1813 гг.
— герцог Эльхингенский и герцог Абрантес — титулы маршала Нея и генерала Жюно.
- С. 139 — «сипайский генерал» — ироническое прозвище, данное французами Веллингтону, в течение нескольких лет командовавшему английскими войсками в Индии / См.: *Куриев М. М.* Герцог Веллингтон. М., 1995.
- С. 146 — «Наполеон... был явно разочарован действиями Массена в Португалии» — Вместе с тем, как справедливо замечает биограф Массена, «император сам несет главную ответственность за провал своего великого замысла покорить Португалию» / *Marshall Cornwall J.* Op. cit. P. 250.
- С. 148 — «железный герцог» — прозвище Веллингтона.
— Бони — ироническое прозвище, данное англичанами Наполеону.
— «маршалу, герцогу Рагузскому» — т. е. маршалу Мармону.

- С. 155 — «несметными богатствами» — к моменту смерти Массена его состояние оценивалось в 40 млн франков / *Macdonell A. G.* *Op. cit.* P. 9.; Любопытно, что супруга Массена, так же как и сам князь Эслингский, придавала денежным делам огромное значение. «Замечательно, ... что каждый раз, когда имя маршалши Массена упоминается в мемуарах той эпохи, — замечает историк, — речь идет о деньгах». / *Chardigny D. Les Maréchaux de Napoléon.* P., 1977. P. 204.

Глава 3

МАРШАЛ ДАВУ

- С. 167 — Парижский парламент — высший судебный орган во Франции при «старом порядке».

— «дворянство шпаги» — к «дворянству шпаги» в королевской Франции относились представители старинных и знатных «исторических» дворянских фамилий.

— «дворянство мантии» — так во Франции при «старом порядке» называли представителей неродовитого дворянства; ряд «дворян мантии» по своему происхождению являлись аноблированными буржуа.

— «на охоте от случайного выстрела погиб Жан-Франсуа» — биограф Даву, граф Вижье, правда, пишет о том, что Жан-Франсуа был убит на дуэли / *Le Comte Vigier.* *Op. cit.* T. 1. P. 4—5.

— король — т. е. Людовик XVI.

- С. 169 — теории французских просветителей — эти теории выражали настроения европейской буржуазии в период подготовки и проведения буржуазных революций XVII—XVIII вв. Идеологи буржуазии, выступая против феодализма и католической церкви, ратовали за торжество разума, просвещения, науки и требовали установления нового общественного строя — «царства разума».

С. 170 — взятие Бастилии — знаменитая королевская крепость-тюрьма в Париже — Бастилия была взята штурмом восставшими жителями столицы 14 июля 1789 г. Это событие ознаменовало начало Великой французской революции.

— Клод Перрен — Виктор Клод Перрен (1766—1841) — впоследствии герцог Беллюнский, маршал империи, участник наполеоновских войн. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов. В 1821 г. был назначен военным министром.

С. 171 — profession de foi — «символ веры» (*франц.*).

С. 173 — «когда начались путешествия в Кобленц и в Вормс» — Кобленц и Вормс — крупнейшие центры французской контрреволюционной эмиграции.

С. 174 — «он получил ящичек, в котором были веретено и прялка» — смысл нанесенного оскорбления состоял в том, что во Франции при «старом порядке» это означало переход дворянской фамилии в женское колено.

— монтаньяры — монтаньярами (или якобинцами) обычно называют представителей блока революционной, в том числе мелкой буржуазии и плебейских масс Франции, поддержанных крестьянством. Периодом их господства в Конвенте и правительственных комитетах (Комитете общественного спасения и Комитете общественной безопасности) было время со 2 июня 1793 г. по 27 июля 1794 г.

С. 175 — Законодательное собрание — оно существовало во Франции с 1 октября 1791 г. по 20 сентября 1792 г. и прекратило свое существование с началом работы национального Конвента.

— замок Тампль — от (*франц.*) temple — «храм» — старинный замок в Париже, принадлежавший до начала XIV в. ордену тамплиеров (храмовников); после низвержения королевской власти — место заточения Людовика XVI и его семьи.

— Конституанта — т. е. Законодательное собрание.

- С. 178 — «мятежники Вандеи» — жители Вандеи, департамента на западе Франции, по преимуществу крестьяне, восставшие против Республики.
- С. 179 — «тирании комитета или клуба» — Даву, безусловно, имеет в виду Комитет общественного спасения — руководящий орган якобинской диктатуры и сам якобинский клуб.
- С. 180 — эмигранты — в годы революции это слово стало синонимом слов «контрреволюционеры» и «роялисты».
- С. 181 — Лазар Карно — Карно Лазар (1753—1823) — французский военный инженер и политический деятель, заведовал военными делами в Комитете общественного спасения, много сделал для организации побед революционных войск. Был членом Директории. Протестовал против учреждения империи (в 1804), но во время Ста дней (1815) был министром внутренних дел. После реставрации Бурбонов был изгнан из Франции.
- С. 185 — Пишегрю — Пишегрю Шарль (1761—1804) — французский генерал и политический деятель. Изменил Франции и вступил в тайные сношения с представителями дворянской эмиграции. После переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797), направленного против монархистов, был сослан в Кайенну (город в Южной Америке, место политических ссылок), бежал оттуда и присоединился к эмигрантам. В 1804 г. участвовал в заговоре против Наполеона; с этой целью тайно прибыл в Париж, но был схвачен полицией и вскоре найден мертвым в тюремной камере.
- Сен-Жюст — Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794) — один из самых известных деятелей Французской революции, член Конвента и Комитета общественного спасения, комиссар Конвента в Рейнской армии, талантливый оратор и организатор, ближайший друг и соратник Робеспьера. После переворота 9 термидора был казнен вместе с Робеспьером и другими вождями якобинцев 10 термидора II года (28 июля 1794).

- С. 190 — «получает чин дивизионного генерала» — впрочем, Питер Янг пишет о том, что это звание Даву получил лишь 3 июля 1800 г., уже находясь во Франции / *Young P.* Op. cit. P. 122.; см. также *Hourtoulle F. G. Davont le Terrible. Due d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl.* P., 1975. P. 89.
- «12-го» — 12 июля (по старому стилю) — 23 июля 1799 года (по новому).
- форт — этот форт находился близ деревни Абукир.
- «когда Наполеон возвращается во Францию» — покинув Египет 23 августа 1799 г., Наполеон возвратился во Францию 9 октября этого же года.
- С. 191 — кампания — имеется в виду война с Австрией 1800 г.
- С. 192 — «командующим кавалерией Итальянской армии» — Итальянской армией в это время командовал генерал Брюн, одержавший победу над австрийской армией у Бельгарда при Поццоло. Об участии Даву в этом сражении одна современница пишет следующее: «Генерал Даву... решил победу превосходной кавалерийской атакой» / *Абрантес Л. д'.* Указ. соч. Т. 5. С. 23.
- имперские войска — т. е. австрийские войска.
- Люневильский мир — Люневильский мир был заключен 9 февраля 1801 г.
- С. 193 — «парафразировал» — paraphrase — «пространно передавать, пространно истолковывать» (*франц.*).
- С. 195 — Леклерк — Леклерк Шарль Виктор Эмманюэль (1772—1802), французский генерал, участник Итальянского похода 1796/97 гг. Леклерк оказал Наполеону большие услуги в осуществлении переворота 18 брюмера, за что получил руку его сестры Полины, впоследствии — принцессы Боргезе. Умер во время экспедиции на остров Сан-Доминго (Гаити).
- С. 201 — «прекрасными кудрями и наружностью Мюрата» — многие современники и особенно современницы в сво-

их воспоминаниях оставили выразительные описания внешнего облика зятя Наполеона, маршала Франции, впоследствии короля Неаполитанского Иоахима Мюрата (1767—1815). Вот, например, как описала его польская графиня Анна Потоцкая: «На следующий день (28 ноября 1806) принц Мюрат, тогда великий герцог Бергский, вступил со своей свитой в Варшаву верхом, с необычайной пышностью — сияя раззолоченными мундирами, разнообразными султанами, золотыми и серебряными нашивками... Это был великий человек, или, вернее, человек высокого роста, с лицом хотя и красивым, но неприятным, лишенным благородства и выразительности. Своим величественным видом он напоминал актера, играющего роль королей. Искусственность его манер бросалась в глаза и видно было, что в обыденной жизни он держит себя иначе. Выражался он недурно, так как очень тщательно следил за собой, но его гасконский акцент и некоторые солдатские выражения как-то не вязались с его титулом «принца». Он очень любил описывать свои военные подвиги и в продолжение по крайней мере часа рассказывал нам (Мюрат остановился в Варшаве в доме у Потоцких. — *А. Е.*) о войне. Взятие Любека было его любимой темой. Он вступил в этот город во главе своей кавалерии. Хотя это был и прекрасный военный подвиг, но все же неприятно было слушать рассказ о том, что кровь ручьями текла по улицам и лошади становились на дыбы перед горами трупов. Столь красноречивое описание войны не могло действовать успокоительно на нас, женщин... Мюрат уже успел приобрести королевский обычай: он не разговаривал, а говорил, будучи вполне уверен, что его слушают, если не с удовольствием, то по крайней мере с почтительным вниманием...». Графиня Потоцкая, описывая парадную форму Мюрата, называет ее «несколько театральным костюмом». «Во всем его костюме, — пишет она, — самым замечательным был султан — трехцветный султан развевался всегда в самых опасных местах битвы» / *Потоцкая А.* Указ. соч. С. 67—68.

С. 203 — департамент Геро — скорее всего имеется в виду департамент Эр на северо-западе Франции.

С. 207 — этот генерал — генерал де Лавилль.

— принесет в жертву свою жену и своих детей — Даву был отцом восьмерых детей: Поля (1802 г.), Жозефины (1804 г.), еще одной Жозефины (1806 г.), Адель (1807 г.), Наполеона (1809 г.), Луи (1811 г.), Жюля (1812 г.), Аделаиды-Луизы (1815 г.). Из них его пережили лишь трое: Адель, Луи и Аделаида-Луиза.

— галлы — кельтские племена, населявшие в древности Галлию (включавшую в себя территории современной Франции, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов и Швейцарии).

С. 210 — «Битва трех императоров» — в Аустерлицком сражении на поле боя находились сразу три императора — Наполеон, Александр I и австрийский император Франц II.

— Буксгевден — Буксгевден Федор Федорович (1750—1811), русский генерал. В 1805 г., находясь в армии Кутузова, принимал деятельное участие в Аустерлицком сражении. В кампании 1806—1807 гг. командовал корпусом и являлся главнокомандующим русских войск на первом этапе войны.

С. 211 — «построенных эшелонами» — т. е. уступами.

С. 213 — «ослепляет слава Фридриха» — речь идет о прусском короле и знаменитом полководце Фридрихе II (1712—1786), прозванном «Великим».

— прусско-саксонская — в войне 1806 г. Саксония выступила против Франции на стороне Пруссии.

С. 214 — «Корпус маршала Даву численностью в 27 тыс. человек» — сведения, приводимые разными исследователями о численности корпуса Даву, очень противоречивы, но в большинстве случаев колеблются около цифры 26—27 тыс. человек; что же касается численности противо-

стоявшей Даву под Ауэрштедтом армии герцога Брауншвейгского, то здесь разброс цифр более велик — от 50 тыс. (у Меринга) до 70 тыс. (у Манфреда).

- С. 215 — Рапп — Рапп Жан (1772—1821), французский генерал, участник революционных и наполеоновских войн. Был губернатором Данцига. Руководил осажденным гарнизоном этой крепости в 1813 г.
- С. 216 — Калькрейт — Калькрейт Фридрих-Адольф (1737—1818) — прусский фельдмаршал, граф.
- Савари — Савари Анн Жан Мари Рене (1774—1833), французский генерал и государственный деятель, герцог Ровиго. С 1802 г. был главой французской тайной полиции. Выполнял ряд поручений Наполеона, одним из которых был арест и расстрел (1804) герцога Энгинского. Министр полиции с 1810 по 1814 г.
- «понесенные им потери (более 7 тыс. убитых и раненых)» — потери корпуса Даву при Ауэрштедте в разных исторических сочинениях определяются по-разному, но чаще всего варьируются между 7—8 тыс. человек.
- С. 218 — «мы — ваш десятый легион» — отличавшееся вошедшей в поговорку преданностью Юлию Цезарю воинское формирование.
- С. 220 — «3-й корпус... потерял треть своего состава» — во время битвы при Эйлау сам Даву получил сильную контузию / *Young P. Op. cit. P. 123.*
- С. 221 — «Он получил в пользование княжество Лович» — проезжавший через эти земли в 1813 г. русский офицер отметил в своих записках: «Город Лович, с целым округом своим, принадлежит, или, лучше сказать, принадлежал, маршалу Даву. Он сдирал с него 700 000 злотых годового дохода» / *Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 130.*
- С. 222 — «доходы Даву превышают миллион франков в год» — «Когда кто-то заметил Наполеону, что тот награждает Даву более чем по-царски, император ответил: «Да, я

много давал Даву, но потому, что он сам ничего не берет и не просит» / *Военский К. А.* Указ. соч. С. 44.

С. 223 — «проявляя присущую ему солдатскую непреклонность» — в марте 1809 г. Даву наносит визит герцогине Августе Саксен-Кобургской-Заальфельдской, которая «по горячим следам» описывает его следующим образом: «Визит маршала Даву подошел к концу; поистине утомительным делом было пытаться развлечь его, ибо нельзя быть более флегматичным и замкнутым, чем этот совершенно неприятный человек. Его лицо выдает то, что он может быть очень резок и жесток, хотя и не особенно злобен или коварен. Его адъютант столь же невоспитан, как и сам маршал» / *Young P.* Op. cit. P. 120.

С. 230 — Сегюр — Сегюр Филипп-Поль (1780—1873), граф, французский генерал и военный историк, адъютант Наполеона.

— Неаполитанский король — Иоахим Мюрат.

— Компан — Компан Жан-Доминик (1769—1845), французский генерал, позднее пэр Франции, в 1812 г. начальник 5-й дивизии в корпусе маршала Даву, тяжело ранен в Бородинском сражении. В донесении полковника А. Чернышева в Петербург в канун войны 1812 г. Компану, графу Империи, дивизионному генералу, начальнику штаба корпуса князя Экмюльского была дана следующая характеристика: «Компан всегда был привлечен к службе генерального штаба армии, основательно знал свое дело и во всех войнах, в которых принимал участие, проявил таланты офицера самых выдающихся достоинств. Также можно его по справедливости назвать и творцом маршала Даву, ибо это он руководит операциями его корпуса и заставляет приводить в исполнение возложенные на него задачи. Это он, за отсутствием маршала, является командующим войсками, составляющими корпус» // *Близорукий маршал...* С. 26.

— Дезе — правильное Дессе Жозеф-Мари (1764—1825), французский генерал, в 1812 г. командир 4-й дивизии,

ранен в сражении при Бородино, в начале 1813 г. командовал войсками в Берлине.

- С. 231 — «Французам не удалось помешать войскам 1-й и 2-й русских армий соединиться под Смоленском» — Это произошло 16 августа 1812 г.
- С. 232 — «Во время Бородинского сражения» — т. е. 26 августа 1812 г.
- С. 233 — «чуть не половину Великой армии» — вопрос о потерях русской и французской армий в Бородинском сражении, несмотря на большую литературу, посвященную этой проблеме, до сих пор остается дискуссионным. Цифры потерь Великой армии, приводимые в различных исторических сочинениях, весьма разнятся.
- С. 234 — остатки корпуса Даву — к 9 ноября 1812 г. в корпусе Даву оставалось лишь 10 тыс. чел. (из 72 тыс. в начале Русского похода) / *Young P. Op. cit. P. 124.*
- С. 235 — «корпус Евгения» — имеется в виду 4-й корпус Великой армии под командованием вице-короля Италии, пасынка Наполеона Евгения Богарне.
- С. 236 — «после отъезда императора во Францию» — Наполеон покинул остатки Великой армии в местечке Сморгонь 6 декабря 1812 г.
- С. 237 — «личной преданностью властелину» — «никакой монарх, — пишет по этому поводу барон Дедем, — не располагал слугой более преданным и более верным» (чем Даву) / *Dedem. Op. cit. P. 196.*

— «Даву оккупировал Гамбург» — о том, что произошло вслед за этим, в своих «Записках» ярко поведал Бурьенн: «...Даву заперся (в Гамбурге. — *А. Е.*) ... с непоколебимой решимостью сделать из этого города новую Сарагоссу (город в Испании, прославившийся мужественной обороной против французских захватчиков в 1808—1809 гг.). В укреплении Гамбурга Даву, по словам Бурьенна, «явил величайшую деятельность». Он «употребил около пятнадцати тысяч человек на построение

укреплений», «сделал большие запасы». «Все лошади, без исключения, были забраны под артиллерию. Лучших выбрали под орудия, а прочих убивали на улицах и раздавали их мясо солдатам. Жители, мучимые голодом, покупали объедки, за которые их заставляли платить очень дорого». Бурьенн упоминает «разрушения и пожары, которые произвести велено было, чтобы очистить окрестности крепости», и которые «сделали из Гамбурга пустыню...» / *Бурьенн Л. А.* Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 251—256.

С. 238 — «пользуясь случаем заняться мародерством» — случаи мародерства эти единичные меры, однако, не пресекли. Как свидетельствует Бурьенн, «солдаты разрушали все гробницы... лежащие к северу от города, чтобы насытить свою жадность, отдирая от гробов украшавшие их по тамошнему обычаю серебряные бляхи и стаскивая с тел мертвых богатые ткани, которыми здесь обыкновенно укутывают... несмотря на гниющие испарения, которые не могли не усилить заразу и вероятно ей способствовали. Таким образом, мертвых не щадили более, чем живых...» / *Бурьенн Л. А.* Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 256.

— «все не подчинившиеся его приказу будут наказаны розгами» — как пишет об этом Бурьенн, Даву выгнал «из города всех бедных, а потом всех бесполезных едоков», дав им на сборы 48 часов. Таких людей набралось «до пятидесяти тысяч». За промедление ослушникам грозили конфискация всего имущества и 50 палочных ударов «на прощание». Правда, из французской галантности, женщин было решено сечь розгами. Те жители, гласило новое распоряжение Даву, которые попытаются вернуться в город сразу же после выхода, «будут сочтены бунтовщиками... осуждены на смерть... и расстреляны» / *Бурьенн Л. А.* Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 257—258.

— «в злую декабрьскую стужу» — по словам Бурьенна, «в последних числах декабря, ночью, когда мороз был от шестнадцати до восемнадцати градусов, больные и здоровые, без различия пола и возраста, были стащены

с постелей и выведены за город... утверждали, что многие старые люди погибли в городе и на пути» / *Бурьенн Л. А.* Указ. соч. Т. 5. Ч. 9. С. 259.

С. 239 — «не настолько легковверен, чтобы дать себя провести...» — когда генерал Беннигсен, командовавший осадным корпусом, сообщил об отречении Наполеона Даву, тот невозмутимо ответил: «Император Наполеон не передает мне приказы через русских офицеров» / *Lacroix D.* *Op. cit.* P. 219.

— древняя монархия — т. е. династия Бурбонов.

С. 242 — Сто дней — т. е. время вторичного возвращения Наполеона к власти (20 марта 1815 — 22 июня 1815).

Глава 4

МАРШАЛ НЕЙ

С. 253 — «своей приметной внешностью» — «Наружность его (Нея), — вспоминает современница, — была гораздо лучше, нежели представляют ее на всех портретах, исключая Жерарова... (Жерар Франсуа (1770—1837) — художник), где он даже польщен... он (Ней) одушевлялся в разговоре... и тогда физиономия его делалась истинно прекрасна» / *Абрантес Л. д'.* Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1837. Т. 13. С. 106.

С. 258 — вандейские мятежники — жители Вандеи, департамента на западе Франции, по преимуществу крестьяне, восставшие против Республики.

С. 259 — «синие» и «белые» — прозвища, которые дали друг другу в годы Великой французской революции роялисты и республиканцы («синие» — республиканцы, «белые» — роялисты).

- С. 260 — «законодательные советы Республики» — Совет пятисот и Совет старейшин.
- «партия Клиши» — Клиши — аристократическое предместье Парижа.
- фрюктидор — 12-й месяц республиканского календаря, соответствовавший времени с 18—19 августа по 16—17 сентября. Республиканский календарь действовал во Франции с 1793 по 1805 г.
- С. 261 — Кампо-Формио — мир в Кампо-Формио между Францией и Австрией был заключен 17 октября 1797 г.
- С. 262 — «временно исполнять обязанности командующего Рейнской армии Республики» — Ней командовал Рейнской армией с 25 сентября по 24 октября 1799 г. / *Young P.* Op. cit. P. 106.
- С. 264 — «и об офицере» — т. е. о первом консуле Наполеоне Бонапарте.
- С. 268 — битва при Абукире — 25 июля 1799 г.
- «Наполеон не собирается давать... ему... должность или поручение, представляющие какую-либо важность» — одна из причин этого в том, что Ней — «рейнец». Свою военную карьеру он сделал сам, без Бонапарта в рядах проникнутой республиканским духом Рейнской армии. Как верно замечает одна современница, «в нем (в Нее. — *А. Е.*) даже скрывалось какое-то чувство, близкое к неприязненности (к Наполеону), потому что он принадлежал к Рейнской армии, а все, что было оттуда, никогда не переставало питать какого-то предубеждения в пользу Моро, и это необходимо обращалось против Наполеона. К этому присоединялась еще мысль: Я велик и без него...» / *Абрантес Л. д'.* Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1837. Т. 15. С. 64.

— «именуемая теперь гражданкой Мунье» — старший брат Мишеля Жан, дослужившийся до чина капитана, погиб в битве при Маренго (14 июня 1800).

- С. 271 — «Аглая не была склонна к меланхолии, но, напротив, обладала жизнерадостным и веселым характером» — «Девушка Огье, — пишет об Аглае герцогиня д'Абрантес, — воспитывалась у г-жи Кампан... получила превосходное воспитание; добрые семена пали на хорошую землю. Меня привлекала к ней простодушная прелесть ее, и тем сильнее, что она была естественна. Г-жа Ней отличалась тогда больше робостью, нежели чем-нибудь другим... В г-же Ней есть качество, достойное хвалы, и редкое больше, нежели думают: она любит свет и для самой себя и для него, то есть старается, чтобы окружающие ее наслаждались ее умом и прекрасными дарованиями. Есть какая-то нежность и доброта в ее улыбке, ум в ее больших... глазах, и, что еще лучше, чрезвычайная веселость в ее характере. Все это вместе называют очарованием. Г-жа Ней превосходно играет в комедии и поет очень хорошо. Голос ее невелик, но звуки его верны, чисты, и напев прелестен; она хорошо произносит слова, и я всегда с удовольствием вспоминаю то время, когда, аккомпанируя себе своими маленькими белыми пальчиками, она мимоходом, в Мальмезоне, певала мне одну из прелестных *canzonne* Кресшентини, проходя вместе со мной через галерею в театр» / *Абрантес Л. д'. Указ. соч. Т. 7. С. 172—174.*

С. 273 — «в самом конце сентября» — 28 сентября 1802 г.

- С. 274 — «вооруженная миссия Нея в Швейцарию завершилась полным успехом» — «Весь этот швейцарский эпизод проливает неожиданный свет на характер Нея, — пишет по этому поводу Гарольд Куртц. — Этот человек, погибший вследствие своей политической недалекости, показал себя способным... на хорошо продуманную и энергичную политическую акцию» / *Kurtz H. Op. cit. P. 45.*

- С. 279 — «многотомное сочинение Жомини» — сочинение Жомини, полностью опубликованное в Париже в 1811—1816 гг., насчитывало восемь томов.
- Ave, Caesar! — Здравствуй, Цезарь! (*лат.*)
- С. 280 — Редерер — Редерер Пьер Луи (1754—1835), граф, французский публицист и государственный деятель. Профессор политической экономии. Активный участник Великой французской революции. Легко перешел на сторону Наполеона, который сделал его членом Государственного совета и использовал на административном поприще. Во время Ста дней призывал народ Бургундии и Бретани поддержать императора. После поражения при Ватерлоо высказывался за передачу престола сыну Наполеона.
- С. 281 — «маленький капрал» — (*le petit sergent*) — прозвище, которое дали Наполеону солдаты Итальянской армии в 1796 г.
- С. 282 — «овладевает неприступной австрийской позицией близ местечка Эльхинген» — Участник сражения генерал Тиар пишет по этому поводу следующее: «14 (октября) Ней атаковал и захватил аббатство Эльхинген. В то же самое время Ланн занял высоты Пфуля и через Эльхингенский мост установил связь с Неем... Этот день предопределил судьбу австрийской армии» / *Thiard. Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoléon Ier. P., s. a. P. 158.*
- С. 291 — Мур — Мур Джон (1761—1809), генерал, командующий английской армией на Пиренейском полуострове, был разбит Наполеоном в декабре 1808 г. и убит во время преследования англичан в сражении при Корунье.
- С. 292 — герильясы — партизаны в Испании и Португалии в 1808—1813 гг.

— Романа — маркиз де ля Романа, генерал, командующий испанскими регулярными войсками.

С. 293 — «Сульт... был вынужден поспешно отступить» — «Во время знаменитого отступления из Оporto, когда носилось много слухов о желании (Сульт) королевствовать в Португалии, — пишет современница, — Ней особенно шумел об этом и обвинял маршала Сульта» / *Абрантес Л. д'.* Указ. соч. Т. 13. С. 322.

С. 294 — герцог Фельтрский — титул военного министра империи генерала Кларка.

С. 295 — князь Невшательский — т. е. Бертье.

С. 297 — «от действий которого фактически зависит спасение всей Португальской армии» — Как справедливо заметила одна современница, при отступлении из Португалии «начинается эпоха, знаменитая для маршала Нея!.. Он спас армию!» / *Абрантес Л. д'.* Указ. соч. Т. 14. С. 20.

— «отказывается его исполнять» — «маршал Ней, — пишет современница, — вообще не любил тех, кто делался его начальником; даже солдаты знали это и говорили... с ним плохо спать: он все одеяло стягивает на себя» / *Абрантес Л. д'.* Указ. соч. Т. 13. С. 322.

С. 299 — вице-король — пасынок Наполеона, вице-король Италии Евгений Богарне.

С. 301 — «в недоумении вернулся к королю» — т. е. к Иоахиму Мюрату, королю Неаполитанскому.

— «Наполеон находился все на том же месте» — близ Шевардинского редута.

— «жалует ему очередной титул — князя Московского» — официально он получит этот титул, правда, несколько позже — 25 марта 1813 г.

— Жюно — Жюно Жан Андош (1771—1813), французский генерал, герцог д'Абрантес. В качестве адъютанта

Бонапарта находился при нем во время походов в Италию и Египет. Командовал армейским корпусом в Испании и России. После поражения при Валутиной горе (близ Смоленска) в войне 1812 г. Наполеон отстранил Жюно от командования, после чего он сошел с ума.

- С. 304 — конскрипция — воинский набор (conscriptio — «набор, конскрипция» (*франц.*)) во Франции.
- С. 308 — князь Беневентский — титул Талейрана.
— Лагарп — Лагарп Фридрих-Цезарь (1754—1838), швейцарский адвокат, республиканец, воспитатель Александра I.
- С. 309 — орден св. Людовика — высшая награда в королевской Франции.
- С. 310 — «в бухте Фрежюс» — на самом деле Наполеон высадился 1 марта 1815 г. в бухте Жуан.
- С. 342 — «лишь 11 июня» — «11 июня Наполеон отправил к военному министру, — пишет Шаррас, — следующее лаконичное послание: «Позовите Нея; если он желает участвовать в первом сражении, пусть явится 13-го числа в мою главную квартиру, в Авен» / *Шаррас. Указ. соч. С. 98.*
— «немедленно по прибытии его к войскам» — т. е. 15 июня 1815 г.
- С. 316 — «как эти десять или двенадцать повторенных атак нашей кавалерии» — анализируя впоследствии причины поражения армии Наполеона в битве при Ватерлоо, в качестве одной из главных причин Жомини называл бессвязное применение на поле боя трех родов войск: «Пехота и кавалерия предприняли несколько последовательных атак, но ни одной из них не предприняли одновременно» / *Жомини Г. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2. С. 206.*

С. 318 — Массена — Массена взял самоотвод в деле участия в работе военного трибунала.

— Рагуза — т. е. маршал Мармон, герцог Рагузский.

С. 320 — «подавляющим большинством судей» — цифры, приводимые разными исследователями относительно распределения голосов судей по делу Нея, заметно разнятся (за смертную казнь Нея, согласно данным П. Янга, проголосовало 107 пэров, по данным Р. П. Данна-Паттисона — 169, по данным А. Г. Макдонелла — 137 судей).

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАРШАЛЫ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

- Келлерман Франсуа-Этьен** (1735—1820), сын торговца, маршал Империи (1804), герцог Вальми (1808).
- Лефевр Франсуа-Жозеф** (1755—1820), сын мельника, маршал Империи (1804), герцог Данцигский (1807).
- Периньон Катерин-Доминик** (1754—1818), сын землевладельца, маркиз де Периньон, маршал Империи (1804), граф Империи (1808).
- Серюрье Жан-Матье-Филибер** (1742—1819), сын офицера, маршал Империи (1804), граф Империи (1808).
- Бертье Луи-Александр** (1753—1815), сын военного инженера, маршал Империи (1804), князь Невшательский (1806), герцог Ваграмский (1809).
- Мюрат Иоахим** (1767—1815), сын хозяина гостиницы, маршал Империи, великий адмирал Франции (1805), великий герцог Клеве и Берга (1806), король Неаполитанский (1808).
- Монсей Бон-Адриен-Жанно** (1754—1842), сын адвоката, маршал Империи (1804), герцог Конельяно (1808).
- Журдан Жан-Батист** (1762—1833), сын хирурга, маршал Империи (1804), граф (1816).
- Массена Андре** (1758—1817), сын торговца и мелкого предпринимателя, маршал Империи (1804), герцог Риволи (1808), князь Эслингский (1810).
- Ожеро Пьер-Франсуа** (1757—1816), сын лакея, маршал Империи (1804), герцог Кастильоне (1808).
- Бернадот Жан Батист Жюль** (1763—1844), сын адвоката, маршал Империи (1804), князь Понте-Корво (1806).
- Сульт Николая-Жан де Дье** (1769—1851), сын нотариуса, маршал Империи (1804), герцог Далмацкий (1808).
- Брюн Гийом-Мари-Анн** (1763—1815), сын юриста, маршал Империи (1804), пэр Франции (1815).

- Ланн Жан** (1769—1809), сын крестьянина, маршал Империи (1804), герцог Монтебелло (1808).
- Мортье Эдуар Адольф Казимир** (1768—1835), сын крестьянина, маршал Империи (1804), герцог Тревизский (1808).
- Ней Мишель** (1769—1815), сын бочара, маршал Империи (1804), герцог Эльхингенский (1808), князь Московский (1813).
- Даву Луи Николя** (1770—1823), сын офицера, маршал Империи (1804), герцог Ауэрштедтский (1808), князь Экмюльский (1809).
- Бессьер Жан-Батист** (1768—1813), сын хирурга, маршал Франции (1804), герцог Истрийский (1809).
- Виктор Клод Перрен** (1764—1841), сын нотариуса, маршал Империи (1807), герцог Беллюнский (1808).
- Макдональд Жак-Этьен-Жозеф-Александр** (1765—1840), сын солдата, маршал Империи (1809), герцог Тарентский (1809).
- Мармон Огюст-Фредерик-Луи Виесс де** (1774—1852), сын офицера, маршал Империи (1809), герцог Рагузский (1808).
- Удино Николя-Шарль** (1767—1847), сын пивовара, маршал Империи (1809), герцог Реджио (1810).
- Сюше Луи-Габриэль** (1770—1826), сын шелкового мануфактуриста, маршал Империи (1811), герцог Альбуферский (1812).
- Сен-Сир Лоран Гувьон** (1764—1830), сын мелкого землевладельца, маршал Империи (1812), граф Империи (1808).
- Понятовский Иосиф** (1763—1813), сын польского князя, маршал Империи (1813).
- Груши Эмманюэль** (1766—1847), сын маркиза, маршал Империи (1815).

МЫСЛИ НАПОЛЕОНА О НЕКОТОРЫХ ИЗ ЕГО МАРШАЛОВ

ЛАНН

«Герцог Монтебелльский был родом из Лектура. В звании батальонного командира отличился он в кампанию 1796 года в Италии. В чине генерала прославил он имя свое в Египте, при Монтебелло, Маренго, Аустерлице, Йене, Пултуске, Фридланде, Туделле, Сарагоссе, Экмюле и при Эслингене, где встретил геройскую смерть. Он был умен, осторожен, смел и непоколебимо хладнокровен перед неприятелем. Он почти ничем не был обязан воспитанию, а всем природе. Самого Наполеона нередко изумляло быстрое развитие способностей его. Ланн превосходил всех генералов французской армии в

Маршал Ланн

искусстве управлять на поле сражения 25-тысячным корпусом. Он был еще молод, верно усовершенствовался бы и постиг бы наконец тайны высшей тактики».

Правила, мысли и мнения Наполеона о военном искусстве, военной истории и военном деле. Из сочинений и переписки его, собраны Ф. Каузлером. СПб., 1844. Ч. 2. С. 41—42.

«Ланн не имел никаких сведений, когда Наполеон познакомился с ним. Воспитание его было совершенно пренебрежено. Но он делал такие быстрые успехи, что подавал надежду стать между генералами на первую степень. Он имел много военной опытности. Он находился в 15 сражениях и 300 делах. Ланн был человек необыкновенной храбрости; в пылу огня холоден, как лед, и с ясным пронизательным военным взглядом соединял готовность воспользоваться представляющейся выгодой. Он был горяч и опрометчив в выражениях своих, даже в присутствии Наполеона, которому предан был со всею пылкостью души. Как генерал, он стоял выше Моро и Сульта».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2. С. 42.

«У Ланна в первую минуту преобладала храбрость, но он всякий день быстро возвышался в качествах ума. Он уже был превосходным генералом, когда погиб. «Я взял его пигмеем — сказал Наполеон, — а потерял исполином».

Зотов Р. М. Наполеон на острове Святой Елены / *Р. М. Зотов.* Собр. соч. М., 1996. Т. 5. С. 205.

«Наполеон описывал... последние минуты маршала Ланна, который при самой кончине более заботился о своем императоре, нежели о себе. «Он долго был простой рубака, — прибавил Наполеон, — а сделался первоклассным генералом». — «Любопытно было бы знать, — сказал тогда Бертран (Бертран — французский генерал, находившийся при императоре на Эльбе и на острове Св. Елены. — *А. Е.*), — как бы Ланн действовал в последнее время и остался ли бы он верен

своему долгу?» — «Нас уже приучили ни за кого не ручаться, — отвечал Наполеон. — Впрочем, я не думаю, чтоб Ланн изменил мне. А сверх того я полагаю, что он при своей храбрости давно бы был убит или так изувечен, что, верно бы, не участвовал в политических делах. А если б он действительно тут был, то влияние его и деятельность могли бы дать оборот всем делам».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 236—237.

МАССЕНА

«Массена родился в Ницце и вступил во французскую службу в королевский Итальянский полк. Он был обер-офицером, когда вспыхнула революция, быстро шел вперед и вскоре получил чин дивизионного генерала. Находясь при Итальянской армии, служил он под начальством главнокомандующих Дюгомье, Дюмербиона, Келлермана и Шерера. Он был крепкого телосложения, неутомим и денно-ночно на коне, в горах и на скалах; вообще особенно способен к горной войне. Он был решителен, храбр, неустрашим, честлюбив и властолюбив; отличительной чертой его было упрямство, и потому он никогда не упал духом. Он пренебрегал дисциплиной и мало заботился о хозяйственном управлении, а потому и не пользовался большою привязанностью к нему солдат. Диспозиции его к сражению были неудовлетворительны; беседы — незначительны, но при первом выстреле, посреди ядер и опасностей, мысли его приобретали силу и ясность. Разбитый, он продолжал действовать как будто победитель. В конце Итальянского похода имел он поручение представить Директории предварительные условия Леобенского договора. Во время Египетской экспедиции начальствовал он армией, действовавшей в Швейцарии, и победой при Цюрихе спас Республику. Впоследствии он сделался маршалом, герцогом Риволийским и князем Эслингским».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 42—43.

«Массена имел отличные дарования. Он делал худые приготовления к сражению; только среди кровопролития обдумывал он распоряжения, которые следовало сообразить заранее. Посреди убитых и умирающих, когда кругом поражали ядра и пули, Массена становился тем, чем действительно был; тогда с величайшей основательностью и хладнокровием отдавал он приказания свои и принимал надлежащие меры. Справедливо говорили, что он не ранее действует с полной обдуманностью, как уже охваченный пламенем сражения. Впрочем, Массена был грабитель и всегда делился с подрядчиками и комиссарами армии. Наполеон часто предлагал ему миллион в подарок с тем, чтобы он прекратил воровство свое; но он, по привычке, не в состоянии был отворотить глаз и рук от денег. Солдаты ненавидели его за то и раза три или четыре возмущались. Но в действиях Массена был бесценный человек, и если б он блистательных качеств не помрачил лихоимством, то сделался бы великим человеком».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 43—44.

«Массена в Португалии сделал первую глупость, не обойдя позиций в Бузакко, хотя он прекрасно знал горную войну, но сердился на Веллингтона, считал его мальчишкой и хотел взять в плен. Потом он мог атаковать укрепленные позиции в Торес-Ведрос в тот самый день, когда к ним приблизился, хотя, положим, это была бы невероятная быстрота. Но он остался перед ними целый месяц, ничего не предпринимая, потому что он упрямец. Я не хочу верить, чтоб у позиции, растянутой на 8 миль, нельзя было найти места, где можно было бы пробиться. О Массена, Массена! Ему стыдно было отступить перед тем, кого он называл мальчишкой, и он запирается в Сантареме, не вступив в сношение на Тахо с Сультом. Это еще громадная глупость. А позицию в Сантареме Веллингтон мог легко обойти. Ренье писал мне, что ежедневно боится катастрофы. Действительно, я на месте Веллингтона воспользовался бы дурной позицией Массена, который держится в ней лишь из самолюбия. Наконец, в марте он ре-

шается очистить Португалию. Отчего он не ретировался на Коимбру? Он мог бы там удержаться. Массена храбр во время битвы, но он плохой полководец.

Не говорите мне о его славной защите Генуи. Ничего там не было славного ввиду того, как укреплена была Генуя. А зачем он не продержался в Генуе еще 10 дней? Эта позиция осталась бы за Францией. Я не поверю, чтоб его 16000 солдат и 160000 жителей так умирали с голода, что нельзя было продержаться еще 10 дней. Ему надо было взять жизненные припасы у жителей, а если б и умерло с голоду несколько стариков и женщин, то Генуя была бы спасена. Если думаешь о гуманностях, то не надо воевать... Наконец, Массена очень дурно сделал, что отправился из Генуи морем. Он так поступил, чтобы только спасти капиталы. Ему надо было пойти сухим путем, соединиться с Сюше и атаковать австрийцев».

Наполеон на острове Св. Елены / По новым документам // Вестник Иностранной литературы. 1899. № 10. С. 140—141.

«Массена был превосходным генералом, у которого высокое качество равновесия рождалось в минуту боя, посреди опасностей».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 205.

БЕРТЬЕ

«Бертъе было 42 года во время Итальянского похода. Отец его, инженер-географ, имел иногда честь бывать у Людовиков XV и XVI, потому что должен был снимать план места, назначенного для охоты, и монархи, возвращаясь с охоты, исправляли ошибки, замеченные ими. Бертъе еще юношей участвовал в американской войне, состоя при штабе Рошамбо, имел чин полковника во время революции, начальствовал над Версальской национальной гвардией... потом сделался начальником штаба революционной армии, действовавшей в Вандее.

После 9 термидора Бертье состоял начальником штаба Альпийской армии, под начальством Келлермана, и последовал за ним в Итальянскую армию. Он-то приказал занять позицию при Боргетто, остановившую неприятеля. В этом качестве он состоял при Наполеоне в Итальянских и Египетской кампаниях; и впоследствии сделался военным министром, начальником главного штаба большой армии, князем Невшательским и Ваграмским.

Он вступил в брак с баварской принцессою и был осыпан благодеяниями Наполеона.

Бертье был чрезвычайно деятельный человек; он сопровождал Наполеона на всех рекогносцировках и поездках, без малейшего замедления хода дел... Он был нерешительного характера и не имел способности командовать войсками, но обладал всеми качествами хорошего начальника штаба. Он умел разбирать карты и планы и производить рекогносцировки; наблюдал лично за рассылкой приказаний; легко, просто и ясно составлял диспозиции самых сложных движений. Вначале хотели поссорить его с главнокомандующим, выставляя его наставником Бонапарта и распорядителем военных действий. Но злой умысел не удался; Бертье старался всеми силами уничтожить ложные слухи, и тем опять подал повод к насмешкам. После Итальянской кампании получил он главное начальство над корпусом, назначенным овладеть Римом, и провозгласил там Римскую Республику».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 44—46.

«Бертье — одна из моих ошибок».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 315.

«Единственная месть, которой я желаю в отношении этого бедолаги Бертье, это увидеть его в мундире капитана телохранителей Людовика» (т. е. короля Людовика XVIII. — *А. Е.*)».

Слова, сказанные Наполеоном во время Ста дней (1815 г.) / *Headley J. T.* Napoleon and his marshals. N. Y., s. a. V. 1. P. 61.

«В конце 1812 года Наполеон говорил Бертье: «Я знаю, что вы ничего не стоите, но, к вашему счастью, другие этого не знают». На Святой Елене Наполеон говорил иначе: «Будь начальником штаба Бертье (в 1815 г. — *А. Е.*), он сумел бы распорядиться так, что Груши, получив приказание вовремя, не оставался бы в нерешительности, а поспешил бы на выручку».

К. А. Военский. Наполеон и его маршалы в 1812 году. М., 1912. С. 16.

ЖУРДАН

«Это был, несомненно, один из тех, к кому я очень плохо относился; а потому было бы естественно предположить, что он будет в высшей степени настроен против меня; но я с удовольствием услышал о том, что он вел себя с величайшей сдержанностью с момента моего падения. Он продемонстрировал благородство ума, которое отличает человека, и это делает честь его характеру. Однако он был настоящим патриотом и это объясняет многое».

Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1968. P. 523.

ОЖЕРО

«Ожеро, родившийся в предместье Сен-Марсо (рабочее предместье Парижа. — *А. Е.*), был в начале революции сержантом и, верно, отличным унтер-офицером, потому что получил назначение в Неаполе обучать войска. Он сперва служил в Вандее. В армии, действовавшей в Восточных Пиренеях, он заведовал одной из первых дивизий и произведен был в генералы. При заключении мира с Испанией (т. е. в 1795 г. — *А. Е.*) он присоединился с дивизией своею к Итальянской армии и сделал тут все походы под начальством Наполеона, который отправил его к 18 фруктидора (т. е. к 4 сентября 1797 г. — *А. Е.*) в Париж. Впоследствии Директория поручила ему главное начальство над Рейнской армией; но он оказался неспособ-

ным, по малому образованию, по ограниченности ума и познаний. С другой стороны, он заботился о дисциплине и порядке в войсках, а потому и был любим ими. Атака его производилась стройно и в порядке, он хорошо расставлял колонны свои и выгодно располагал резервы; сражался с неустрашимостью — но все только в продолжение одного дня; и как победитель, и как побежденный, к вечеру упал он духом, по свойству ли характера или по непроницательности. Политические мнения сперва сблизили его с партией Бабефа (руководителя так называемого «заговора равных» 1795—1796 гг. — *А. Е.*) и с известнейшими анархистами, которыми всегда был окружен. В 1798 году он был избран в депутаты Законодательного собрания, участвовал в происках партии Манежа (т. е. якобинцев. — *А. Е.*) и часто подавал повод к насмешкам: приверженцы этой партии были по большей части люди с познаниями. Он менее всех способен был к политическим прениям и гражданским делам, в которые, однако же, охотно

Ожеро, герцог Кастильонский

вмешивался. Ожеро впоследствии сделался маршалом и герцогом Кастильонским».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 46—47.

На все упреки в адрес Ожеро Наполеон отвечал: «Ах! Но вспомните, что он сделал для нас в битве при Кастильоне (5 августа 1796 г. — *А. Е.*)».

A. G. Macdonell. Napoleon and his marshals. N. Y., 1934. P. 15.

«Лионский изменник» (так именовал Ожеро император на острове Святой Елены).

D. Lacroix. Les maréchaux de Napoléon. P., s. a. P. 100.

«6. Два столь несчастных исхода вторжения во Францию (1814 и 1815 гг. — *А. Е.*), когда у нее еще было столько ресурсов, произошли из-за измены Мармона, Ожеро, Талейрана и Лафайета. Я им прощаю; пусть им простит потомство Франции!» (пункт из «Завещания Наполеона», 15 апреля 1821 г.).

А. Дюма. Наполеон // Генрих IV. Наполеон. М., 1992. С. 338.

«Ожеро предал меня: правда, я всегда считал его негодяем».

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1995. С. 83

СЕРЮРЬЕ

«Серюрье, родом из департамента Эн, в начале революции был пехотным майором. Он сохранял все внешние черты и суровость майора, был строг в отношении дисциплины и считался аристократом, за что подвергался многим опасностям, особенно в начале революции. Он выиграл сражение у Мондови, взял Мантую и имел честь видеть, как перед ним про-

следовал сдавшийся фельдмаршал Вурмзер. Он был отважен, лично неустрашим, но ему не везло. У него было меньше порывистости, чем у предыдущих (т. е., чем у Бертье, Массена, Ожеро. — *А. Е.*), но он их превосходил своими нравственными качествами, мудростью своих политических убеждений и честностью в отношениях с людьми. Он получил почетное назначение отвезти в Директорию знамена, отнятые у эрцгерцога Карла. Впоследствии он стал маршалом Франции, комендантом Дома инвалидов и сенатором».

Наполеон. Избранные произведения. М., 1956. С. 78—79.

МАКДОНАЛЬД

«Макдональд был замечателен своей непоколебимой преданностью».

Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1968. P. 253.

НЕЙ

«В... газетах помещена была оправдательная мемория (т. е. записка. — *А. Е.*) маршала Нея (которого тогда судили за измену Людовику XVIII). Наполеон беспрестанно пожимал плечами, читая эту статью. «Нет ничего глупее, — сказал он, — как эти оправдания Нея. Они не спасут ему жизни и не восстановят чести. После того, что он сделал, он еще может уверять Людовика (т. е. короля Людовика XVIII. — *А. Е.*) в своей преданности! ...Если б я восторжествовал, то вся Европа оправдала бы его... Ней храбрейший человек на поле битвы, но вот и все».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 208.

«Приехавший фрегат «Среу» привез газеты до 31 декабря. В них заключались известия о казни Нея... «Казнь его большая ошибка со стороны Людовика, — сказал он (Наполеон). — Прощение доказало бы народу и Европе всю твердость

правительства (т. е. прочность его положения. — *А. Е.*). Может быть, скажут, что нужен был пример строгости. Но суд над Неем уже лишил его чести. Удар политической смерти уже был дан, — и закон был удовлетворен».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 267.

«Ней был человеком храбрым. Его смерть столь же необыкновенна, как и его жизнь. Держу пари, что те, кто осудил его, не осмеливались смотреть ему в лицо».

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1995. С. 83

«Когда император услышал о его (Нея. — *А. Е.*) казни, он сказал, что тот лишь получил по заслугам. «Никто не должен нарушать данное слово. Я презираю предателей. Ней обесчестил себя».

R. P. Dunn-Pattison. Napoleon's marshals. Lnd., 1909. P. 160.

«Участь Нея и Мюрата меня не удивила. Они умерли героически, как и жили. Такие люди не нуждаются в надгробных речах».

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1995. С. 53.

ВИКТОР

«Это человек надежный,... которому я доверял».

Chardigny D. Les Maréchaux de Napoléon. P., 1977. P. 114

БЕССЬЕР

«Бессьер, родом из Лотского департамента, брошен был революцией на военное поприще. Он начал службу солдатом в конституционной гвардии Людовика XVI. Потом поступил офицером в конно-егерский полк. Блистательной храбростью обратил он на себя внимание главнокомандующего Итальянской армией (т. е. Наполеона. — *А. Е.*), который назначил его начальником конных телохранителей своих (*guides à cheval*). Так началось счастье его. С этого времени постоянно является он в голове консульской, или императорской гвардии, или резервов, когда надобно было атакою решить победу.

Гвардия, с которою Бессьер провел половину жизни, обожала его. В Ваграмском сражении ядро сбросило его с лошади, без дальнейшего вреда: вся гвардия огласила воздух болезненным криком. Наполеон сказал ему: «Бессьер, ядро, угрожавшее вам, исторгло слезы у всей гвардии моей; будьте признательны к нему, оно должно для вас быть драгоценно!». Накануне Люценского сражения, в незначительной сшибке между застрельщиками, Бессьер был смертельно поражен ядром в грудь».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 48—49.

«Бессьер... был храбр, хладнокровен и сохранял спокойствие под самым сильным огнем. У него было очень хорошее зрение и большой навык в маневрировании конницы. Особенно хорошо руководил он кавалерийским резервом. В дальнейшем во всех больших сражениях он оказывал величайшие услуги. Он и Мюрат были первыми кавалерийскими начальниками армии, но обладали совершенно противоположными качествами. Мюрат был авангардный начальник, порывистый и кипучий. Бессьер обладал свойствами офицера резерва, полного энергии, но осторожного и рассудительного».

Наполеон. Избранные произведения... С. 86.

«Бессьер жил, как Байярд (французский воин Пьер дю Байярд (1473—1524), чье имя стало синонимом слова рыцарь, «ры-

царь без страха и упрека». — *А. Е.*); он погиб, как Тюренн (Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), знаменитый французский полководец в царствование Людовика XIV. — *А. Е.*)».

P. Young. Napoleon's marshals. N. Y., 1973. P. 127.

МОРТЬЕ

«... храбрый человек».

Chardigny D. Les Maréchaux de Napoléon. P., 1977. P. 113

МЮРАТ

«После перемирия при Хераско генерал Мюрат, адъютант главнокомандующего Итальянской армией, отправлен был в Париж с 21 знаменем и копией перемирия. Наполеон взял Мюрата к себе 13 вандемьера (т. е. 5 октября 1795 г. — *А. Е.*); он служил тогда эскадронным командиром в 21-м егерском полку. Впоследствии вступил он в брак с сестрой императора и возведен был в достоинство маршала, генерал-адмирала, Великого герцога Бергского и короля Неаполитанского. Он много участвовал во всех военных действиях своего времени. Мюрат постоянно оказывал блистательное мужество и особенную отважность в кавалерийских делах».

«Наполеон отозвался доктору О'Меара о Мюрате следующим образом: Мюрат имел совершенно отличный характер. Он поступил ко мне всем, чем был впоследствии. Он любил, могу даже сказать, обожал меня. В присутствии моем он благоговел и всегда готов был пасть к ногам моим. Мне не следовало удалять его от себя: без меня он ничего не значил, а находясь при мне, был правою моею рукой. Стоило мне только приказать, и Мюрат вмиг опрокидывал 4 или 5 тыс. чел. в данном направлении; но предоставленный самому себе, он терял всю энергию и рассудительность. Не понимаю, как такой храбрец мог иногда трусить. Мюрат был храбр только в виду неприятеля, и тогда он, может быть, превосходил храбростью

всех на свете. Пылкостью увлекался он прямо в опасность, при том весь в золоте и с перьями на шляпе, возвышавшимся подобно башне. Только чудо спасало его каждый раз: так легко можно было узнать его по одежде; он служил всегда целью неприятелю и удивлял самих казаков блистательной своею храбростью. Ежедневно имел он с ними особенные атаки и никогда не возвращался без окровавленной сабли. В поле был он настоящим рыцарем или Дон-Кихотом; в кабинете — хвастуном без ума и решительности. Я не знал храбрее Мюрата и Нея. Но первый был благороднее по характеру, великодушен и откровенен».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 49—51.

«Разве я могу отвечать безумному (т. е. Мюрату. — А. Е.)? Как он не понимает, что лишь мое неограниченное господ-

Мюрат

ство могло помешать папе (Пию VII) вернуться в Рим; все державы заинтересованы в его возвращении, а теперь в этом заинтересован и я. Мюрат идет к гибели; я буду вынужден подать ему милостыню, но я все же посажу его в тюремную яму, чтобы не оставить безнаказанной такую черную неблагодарность» (Наполеон имеет в виду соглашение, подписанное Мюратом как королем Неаполитанским с Англией и Австрией в январе 1814 г.». (Слова, сказанные Наполеоном в начале 1814 г. директору первого отделения французского министерства иностранных дел графу Бернадьеру).

Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 283.

«У Мюрата не было ни рассудительности, ни планов, ни характера для тех политических обстоятельств, в которых он находился. (Наполеон имеет в виду попытку Мюрата поднять итальянцев против австрийского владычества в 1815 г. — *А. Е.*). Предприятие, в котором он погиб, было самое безрассудное и отчаянное. Мое возвращение с острова Эльбы вскружило ему голову. Он думал сделать то же. Бедный Мюрат! Будучи виною всех моих несчастий, думал ли ты погибнуть таким бедственным образом? В 1814 г. его храбрость и смелость могли бы спасти Францию: измена его погубила меня. Он остановил движение вице-короля, он даже сражался противу него, тогда как если б они соединились, то могли бы через Тироль спуститься в Германию... захватить сообщения союзных армий и пресечь им отступление... Но в судьбе его было назначено делать мне зло. Он погубил меня, изменяя своему долгу; он же погубил и усердием своим. Не имея ни достаточных средств, ни благоразумной цели, он напал на австрийцев и с первого удара был уничтожен. С этой минуты венский кабинет видел во мне непримиримого честолюбца, с которым нельзя надеяться ни на какие уверения ...Падение Мюрата все изменило. Как беглец явился он ко мне. Мог ли я его отвергнуть! Он был несчастлив, и я все простил ему. Я бы его взял с собою и под Ватерлоо, но опасался ропота войска, которое знало его прошлогоднюю измену. А кто знает? Может быть, его содействие и доставило бы мне победу. Чего недоставало к ней в продолжение дня (18 июня 1815 г. — *А. Е.*)? Врубиться в три

или четыре английских каре, а Мюрат был создан для этого. Я никогда не видал человека храбрее, решительнее и блистательнее его во время кавалерийских атак».

Р. М. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 242—243.

МАРМОН

«Человек, с которым я делился куском хлеба».

Chardigny D. Les Maréchaux de Napoléon. P., 1977. P. 33

«Меня предал Мармон, которого я был вправе называть своим сыном, своим ребенком, своим созданием...»

• *Las Cases.* Mémoires de Sainte-Hélène. P., 1968. P. 196.

ГРУШИ

«Груши хотел оправдаться за мой счет: то, что он говорил, столь же верно, как если бы я велел привезти мне герцога Англемского в Париж, и он бы выполнил это повеление. Несмотря ни на что я уважаю Груши и именно потому называю его добродетельным врагом».

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1995. С. 77.

СУЛЬТ

«Сульт имел свои ошибки и свои достоинства. Поход его в Южной Франции превосходен. Почти невероятно, что этот человек, столь великий везде по характеру, раболепствовал в собственном доме. Узнав в Дрездене о поражении при Виттории (21 июня 1813 г. Веллингтон разгромил французскую армию в Испании, возглавляемую королем Жозефом, при Виттории. — *А. Е.*), Наполеон искал генерала, способного

исправить неудачу. Он выбрал Сульта; последний объявил, что готов, но просит позволения переговорить сперва с женою».

Правила, мысли и мнения Наполеона... Ч. 2.
С. 51.

«Он (Сульт) превосходный военный министр или начальник штаба; он тот, кто гораздо лучше составит армейскую диспозицию, нежели возглавит армию».

B. E. O'Meara. Napoleon at St. Helena. Lnd.,
1888. V. 1. P. 107.

«Мне следовало ... расстрелять Сульта, самого большого грабителя из них. (т. е. полководцев Первой империи в Испании. — *A. E.*)»

Chardigny D. Les Maréchaux de Napoléon. P.,
1977. P. 126.

СЮШЕ

«Сюше возвысился до удивительной степени в соединении качеств ума и характера».

P. M. Зотов. Наполеон на острове Святой Елены... С. 205.

«Из французских генералов я отдаю предпочтение Сюше. Жаль, что смертным не дано по своему усмотрению создавать людей, подобных ему. Имей я двух таких маршалов, как Сюше, я бы не только завоевал Испанию, но и удержал бы ее».

Dunn-Pattison R. P. Napoleon's marshals. P. 228.

ПОНЯТОВСКИЙ

«Понятовский был настоящим королем Польши. Он обладал всеми качествами, необходимыми для этой высокой должности».

Las Cases. Mémorial de Sainte-Hélène. P., 1968.
P. 580.

БЕРНАДОТ

«Я отнюдь не повлиял на возвышение Бернадота в Швеции, а ведь я бы мог тому воспротивиться; Россия, помню, поначалу была весьма недовольна, ибо воображала, что это входит в мои планы».

Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1995. С. 108.

ПИСЬМА ФЕЛЬДМАРШАЛА БЛЮХЕРА. 1815 ГОД

Блюхер — жене. Кобленц, 16 апреля 1815 г.

«...Военные действия еще не начались. Это не может продолжаться долго. Во Франции началась гражданская война. Они (французы. — А. Е.) прикончат друг друга и, думаю, что нам особо нечего будет делать...»

Блюхер — жене. Люттих, 21 апреля 1815 г.

«Я уже здесь и встречен войсками с энтузиазмом. Армия исполнена бодрости и находится в превосходном состоянии. Уверен, что не успеет война начаться, как мы окончим ее...»

Блюхер — жене. Намюр, 17 мая 1815 г.

«...Ничего все еще не произошло, но мы находимся вблизи от неприятеля и боевые действия могут начаться со дня на день. Но я надеюсь, что на этот раз они не будут столь опасны...»

Блюхер — жене. Намюр, 15 июня 1815 г., полдень, час дня.

«Только что я получил донесение о том, что Бонапарт вступил в бой с моими передовыми частями. Я туда тотчас же отправился и занял позицию против неприятеля. Я с удовольствием дам битву... У нас все в полном порядке...»

Блюхер — жене. Поля битвы при Бель-Альянсе. 18 июня 1815 г.*

«Я сдержал слово. 16-го я был вынужден отойти на небольшое расстояние*; 18-го — вместе с моим другом Веллингтоном довершил разгром Наполеона. Никто не знает, куда он скрылся. Его армия полностью разбита, его артиллерия — в наших руках. Его награды, те, которые он сам носил, только что мне принесли. Они взяты из одной из его карет...»

Блюхер — жене. Шатильон-сюр-Самбр, 22 июня 1815 г.

«...Говорят, что Наполеон хочет собрать свои войска близ Лаона. Меня это мало тревожит. Если парижане не расправятся с тираном прежде, чем я доберусь до Парижа, я перебыю парижан... Население страны встречает нас дружески, и Наполеону нечего ждать от его общего призыва...»

Блюхер — барону фон Штейну. Нозль, 22 июня 1815 г.*

«Я надеюсь, мой достойный друг, что вы мною довольны. За три дня я дал две кровопролитные битвы и поучаствовал в пяти жарких боях и кроме того захватил три крепости. Я должен быть благодарен моей собственной железной воле и помощи Гнейзенау*, пылу и храбрости войск... Послезавтра я встречаюсь с Веллингтоном, а затем вперед (Vorwärts)*!.. Наполеон потерял абсолютно все, свой гардероб, свои драгоценности и все свои экипажи: нападение было столь внезапным, что он выскочил из кареты без шпаги и шляпы, спасаясь от преследования верхом на коне. Его шпага, шляпа и сюртук достались мне...»

Блюхер — жене. Госсели, 25 июня 1815 г.

«...Наша победа — одна из самых полных побед, какие когда-либо были одержаны. Наполеон ускользнул под покровом ночи, без шляпы и шпаги. Сегодня я отправил королю* его шляпу и шпагу. Его невероятно богатая полная парадная форма и его кареты попали ко мне в руки; мне также досталась его подзорная труба, которая была с ним на поле боя. Карету я посылаю вам. Жаль только, что она повреждена. Его драгоценности и все его ценные вещи стали добычей наших солдат... Сегодня с большей частью моей армии я вступаю во Францию. Последствия этой победы неисчислимы, и по моему разумению, скоро последует падение Наполеона, а французская нация должна и будет презирать его. Затем, я надеюсь, наступит мир...»

Блюхер — жене. Гиври, близ Нуайона, 26 июня 1815 г.

«Я чувствую себя хорошо. До Парижа еще семьдесят пять миль... Парижане и Временное правительство направили (ко мне) депутатов и умоляют о приостановке военных действий.

Я на это не согласился. Бонапарт низложен и желает уехать в Америку. Сегодня я отправлю Ностица* к депутатам Бонапарта в Лаон и потребую его казни или выдачи преступника и передачи оставшихся фортов по рекам Самбра и Меза. Вот те условия, на основании которых я буду вести с ними переговоры. Несмотря на все это, сегодня я продолжу марш на Париж. Я буду ковать железо, пока горячо...»

Блюхер — жене. Компьен, 27 июня 1815 г.

«...Возможно, даже очень вероятно, что Наполеон будет выдан мне и лорду Веллингтону. Вероятно, я не смогу сделать ничего лучше, чем расстрелять его. Это будет услугой всему человечеству. В Париже все его оставили... он ненавидим и презираем. Думаю, что все окончится очень скоро»

Блюхер — жене. Гонесс, 30 июня 1815 г.

«...Вчера вечером я послал вашего брата в Мальмезон, чтобы попытаться захватить Наполеона. Мост был сожжен. Иначе, дело бы удалось...»

Блюхер — жене. Медон, 4 июля 1815 г.

«Париж в моей власти. Французская армия отступает за Луару. Я всем обязан неописуемой храбрости, беспримерному упорству войск и моей железной воле... Благодарение Богу, кровопролитие окончилось...»

Memoirs of Prince Blücher. Lnd., 1932. P. 37—44.

С. 383 — битва при Бель-Альянсе — так пруссаки называли сражение при Ватерлоо, «по имени хутора, где впервые встретились Блюхер и Веллингтон» (в день 18 июня 1815 г.). Меринг Ф. Указ. соч. С. 400.

— «отойти на небольшое расстояние» — 16 июня Блюхер был разбит Наполеоном при Линьи.

С. 384 — Штейн — Штейн Генрих Фридрих Карл (1757—1831), прусский государственный деятель. В 1807 г. возглавил прусское правительство и осуществил ряд буржуазных реформ. Под давлением Наполеона король Фридрих-Вильгельм III уволил Штейна в отставку. В 1812 г. он находился в России и разрабатывал планы восстания поработенных народов Европы против французского владычества.

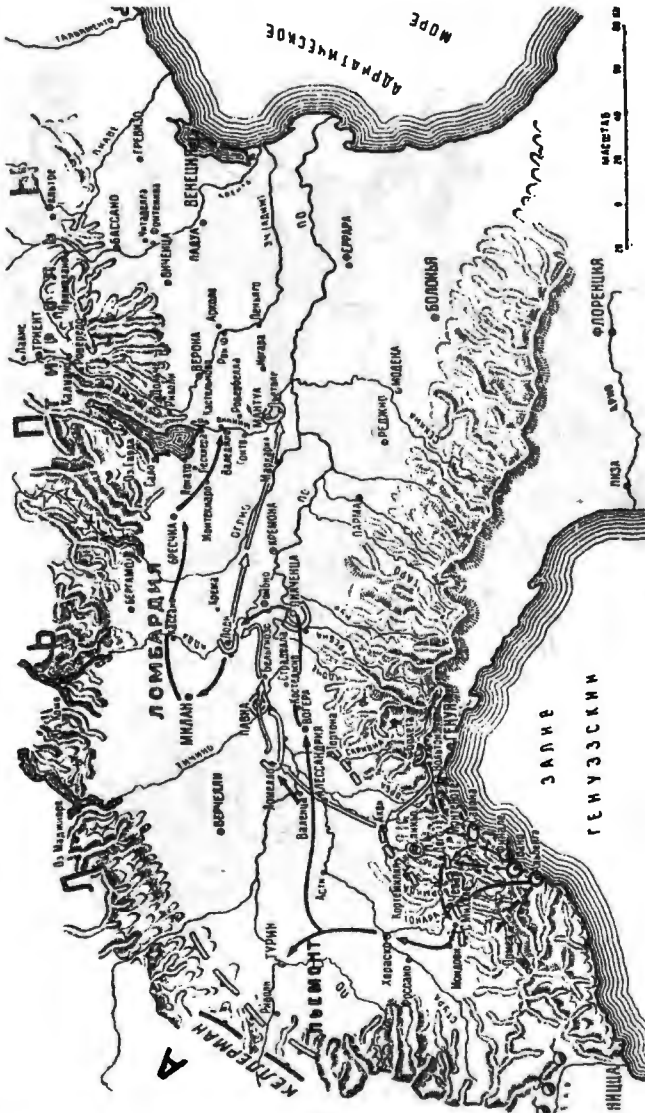
— Гнейзенау — Гнейзенау Август Вильгельм Антон фон (1760—1831), прусский фельдмаршал. В 1807 г. успешно оборонял от французов крепость Кольберг. После разгрома Пруссии в войне 1806—1807 гг. работал в комиссии по реорганизации армии. В 1809 г. по требованию Наполеона ушел в отставку. В 1813—1815 гг. начальник штаба армии Бюхера. Осуществленный по замыслу Гнейзенау удачный маневр прусской армии способствовал победе союзников при Ватерлоо.

— Vorwärts — в переводе с немецкого означает «вперед»; прозвище «маршал-вперед» было дано солдатами фельдмаршалу Блюхеру.

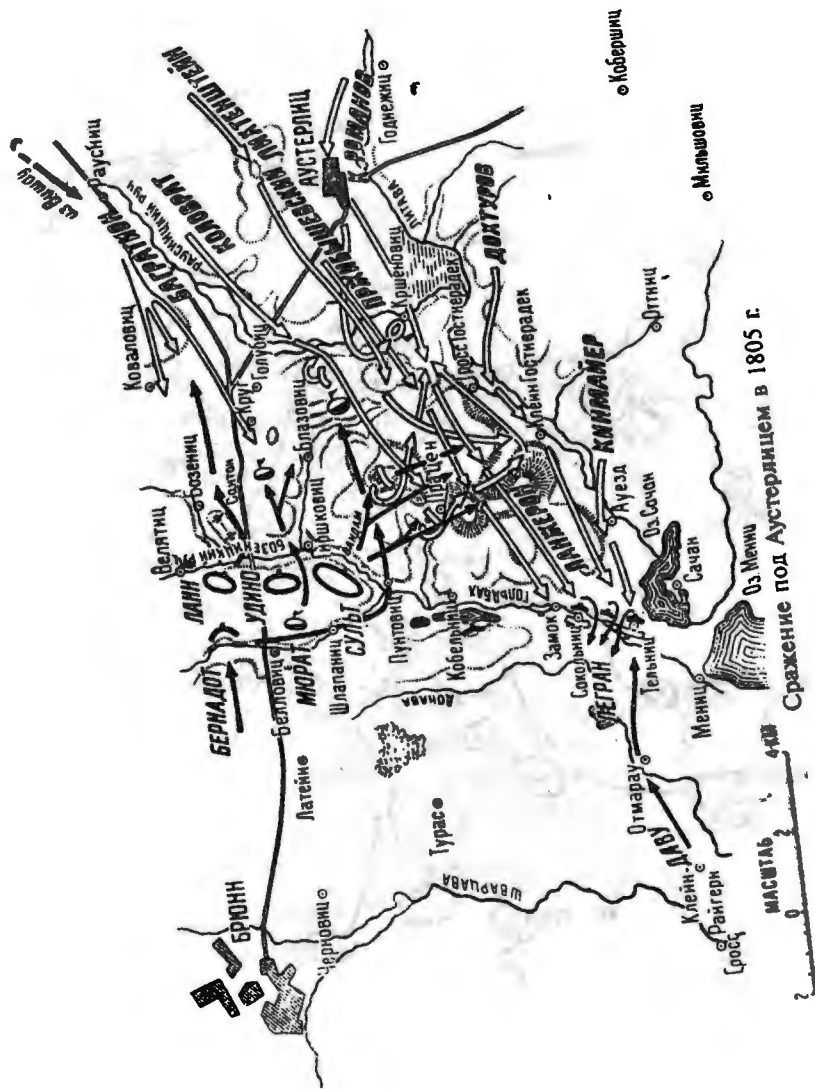
— королю — т. е. прусскому королю Фридриху-Вильгельму III.

С. 385 — Ностиц — адъютант Блюхера.

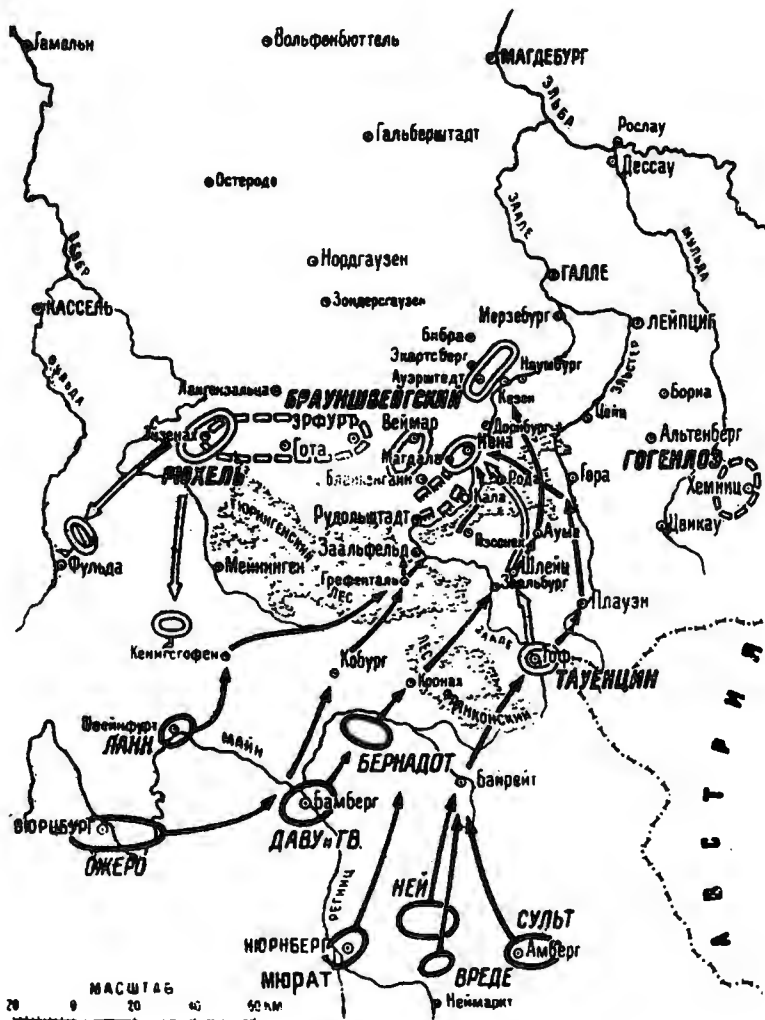
КАРТЫ КАМПАНИЙ И СРАЖЕНИЙ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

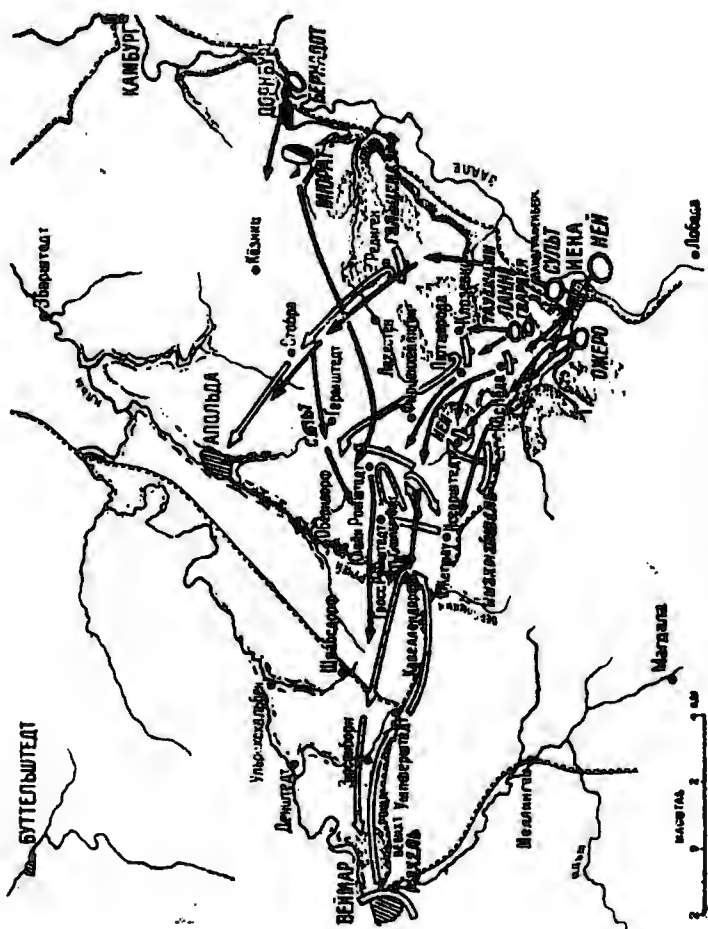
Театр войны 1796—1797 гг. в Италии

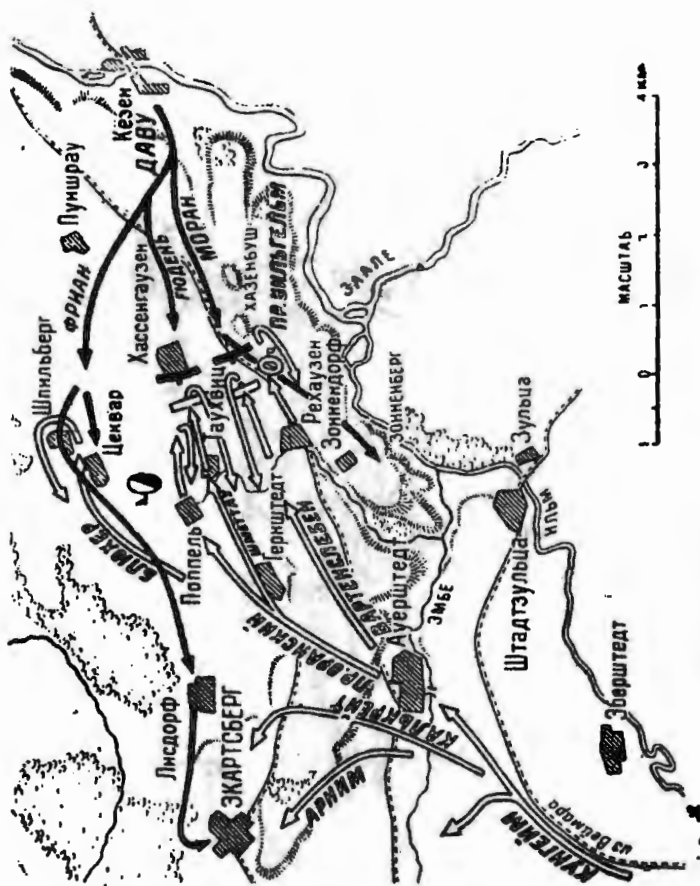
Сражение под Аустерлицем в 1805 г.

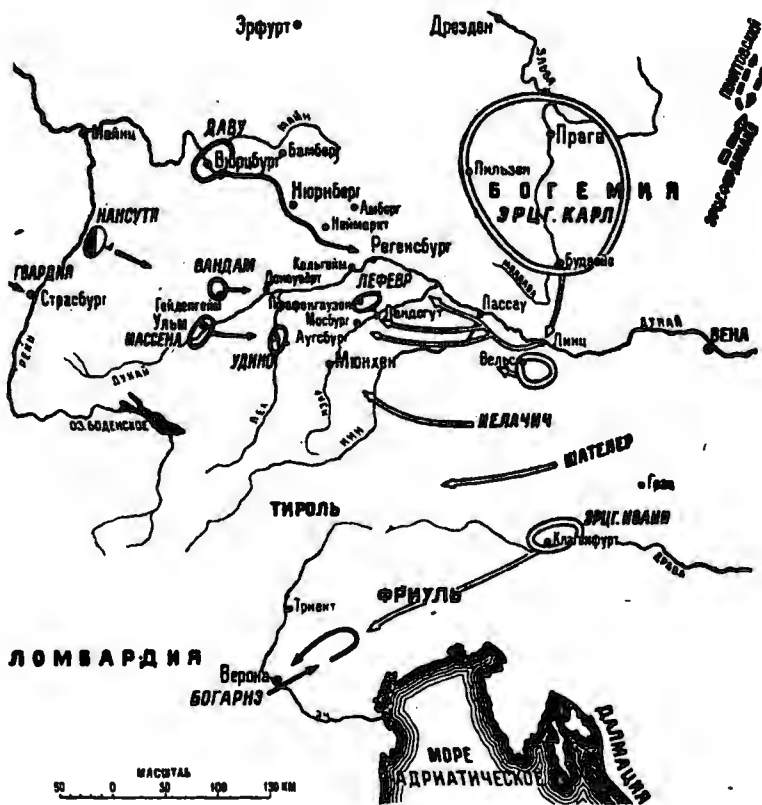
Иенский марш-маневр 1806 г.

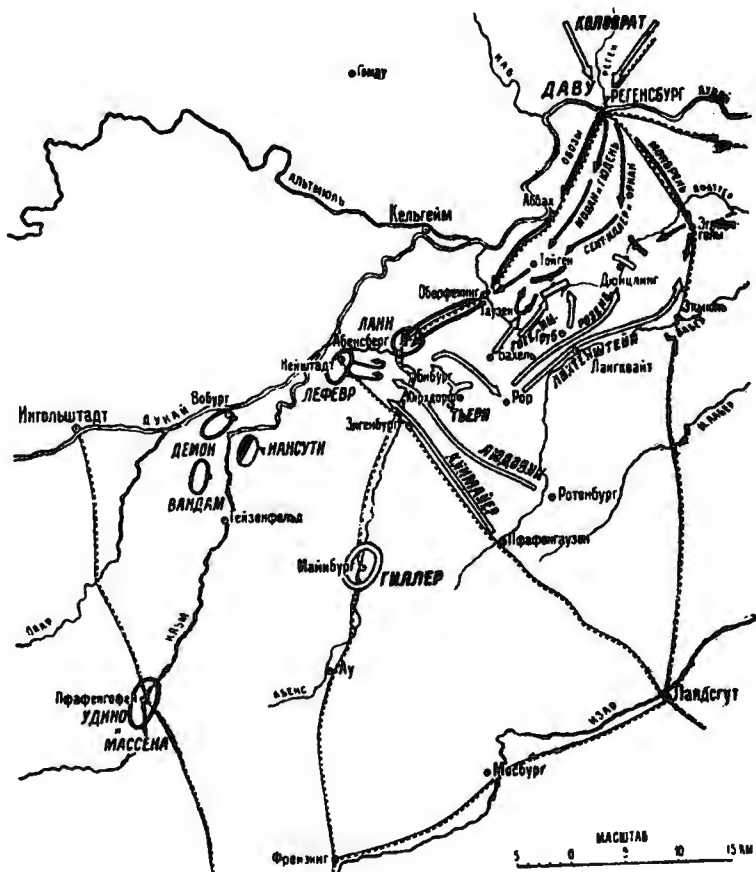
Сражение при Иене 14 октября 1806 г.

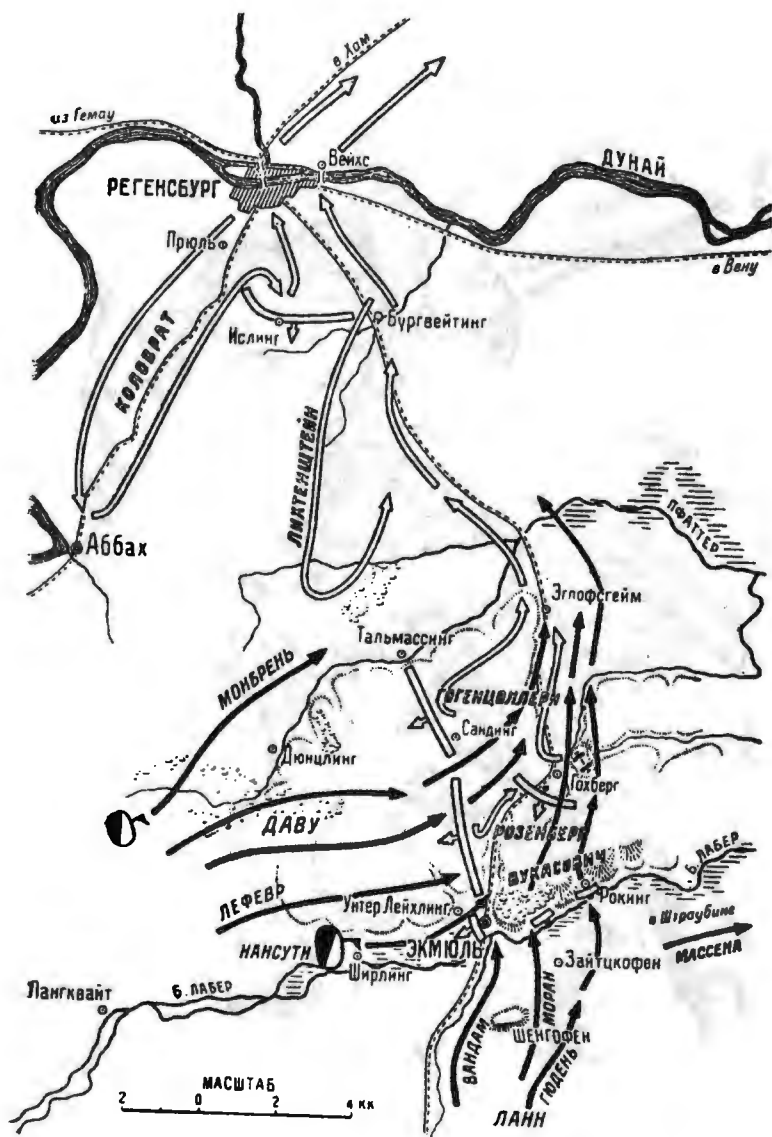
Сражение при Ауэрштедте 14 октября 1806 г.

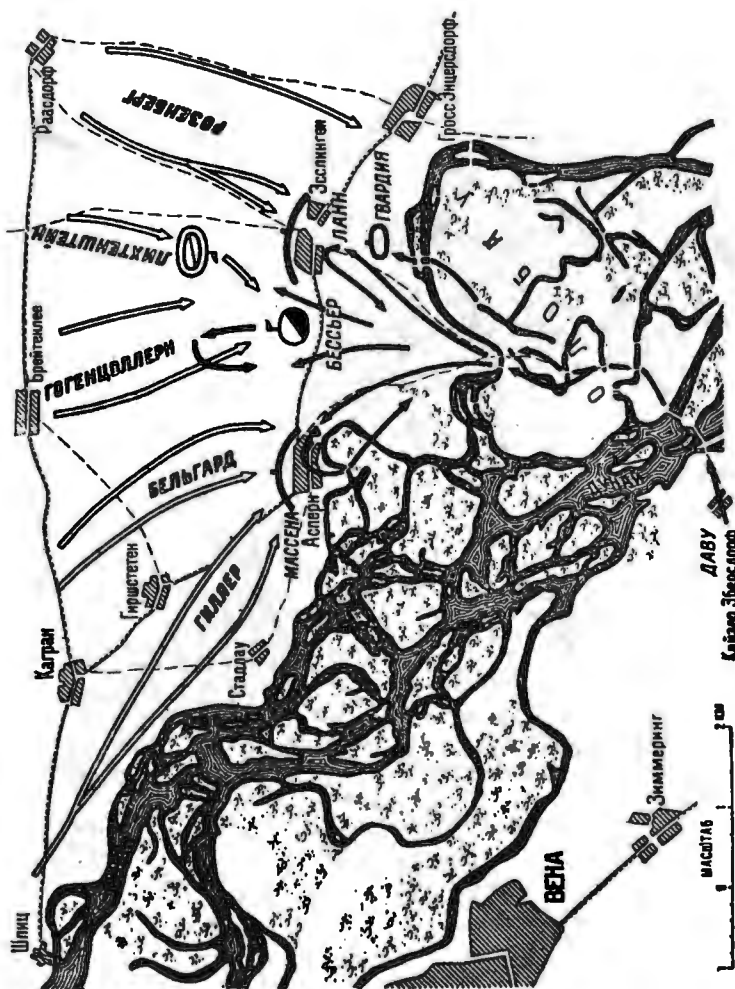
Начало военных действий в 1809 г.

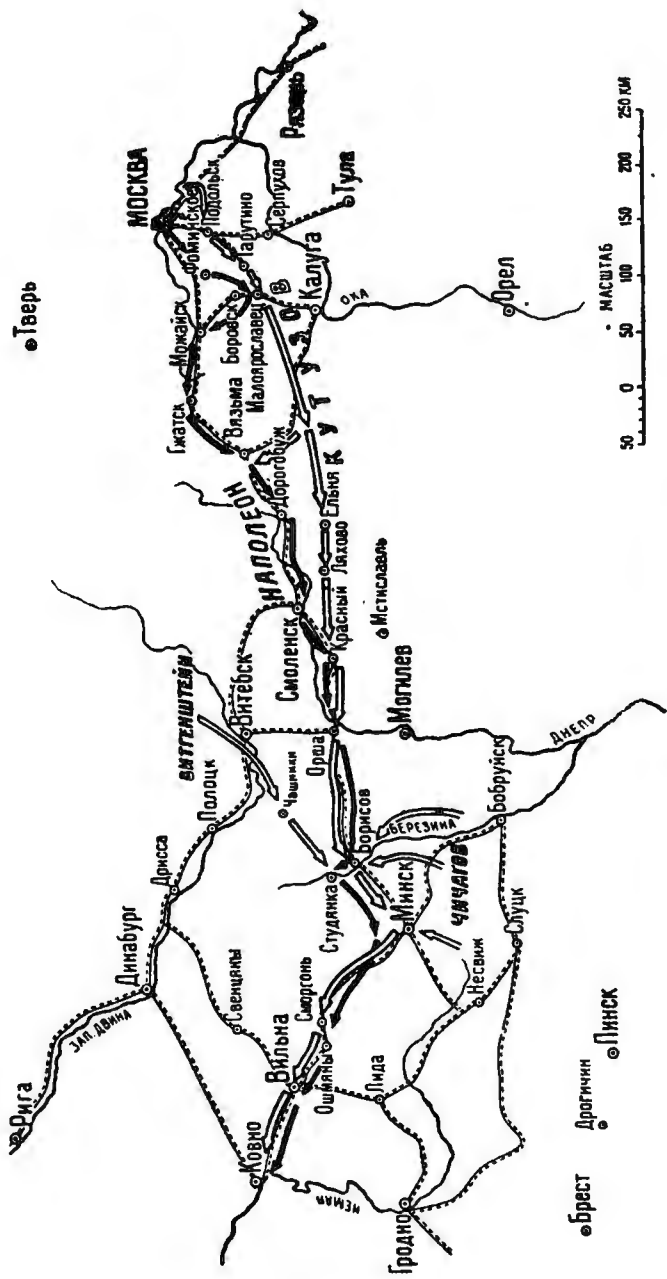
Фланговый марш корпуса Даву. 1809 г.

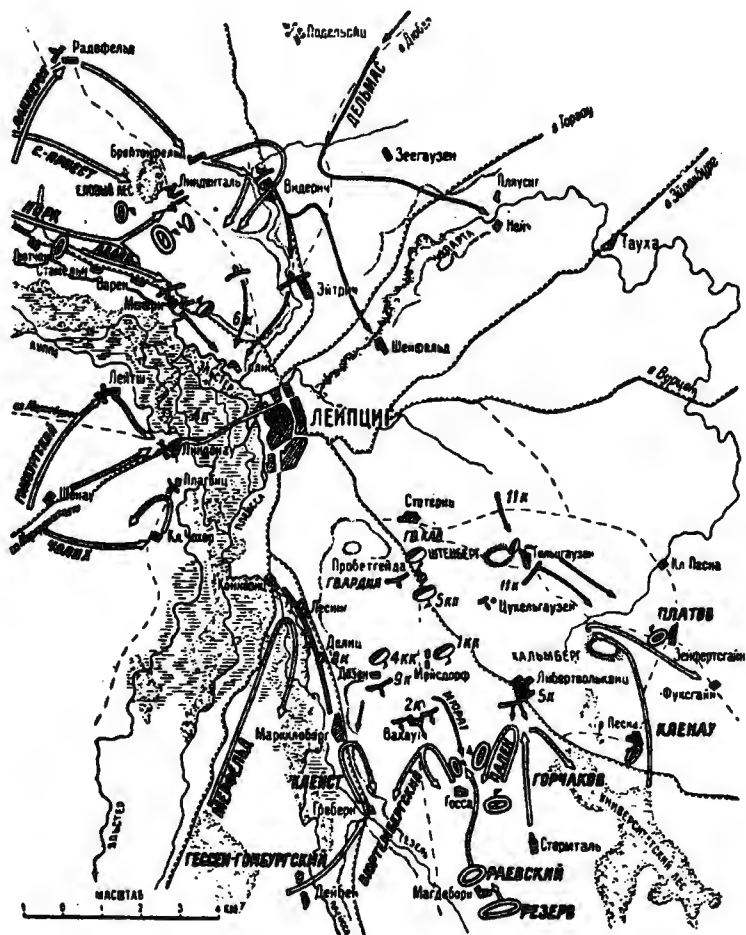
Сражение под Экмюлем 22 апреля 1809 г.

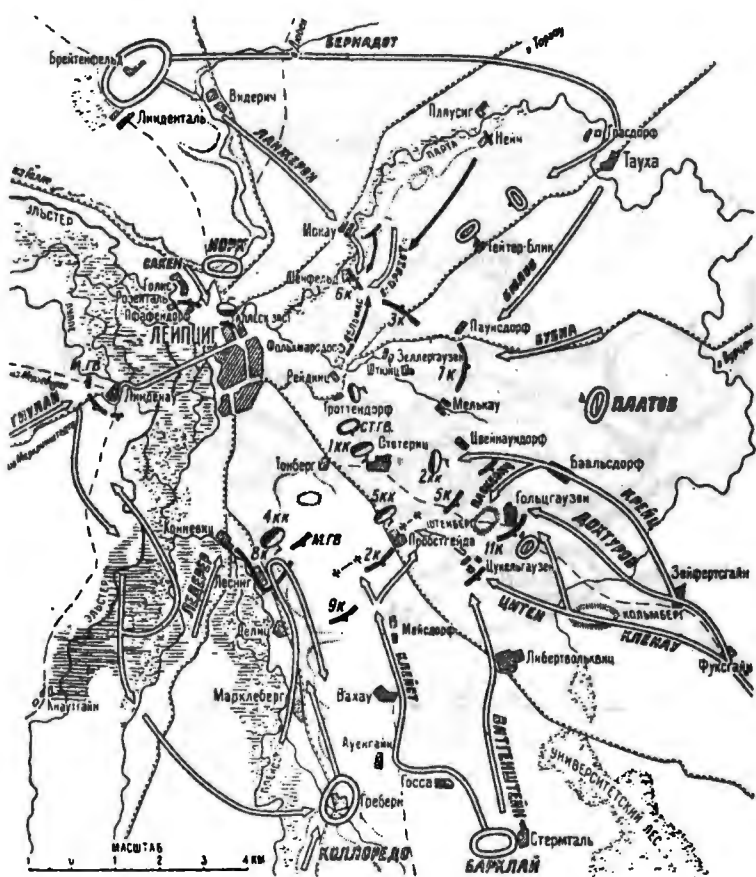
Сражение под Асперном

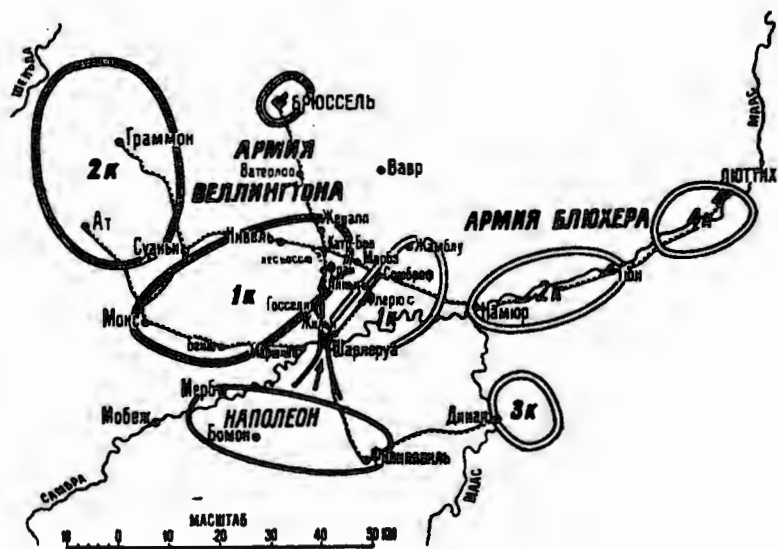
Отступление Наполеона и преследование его Кутузовым

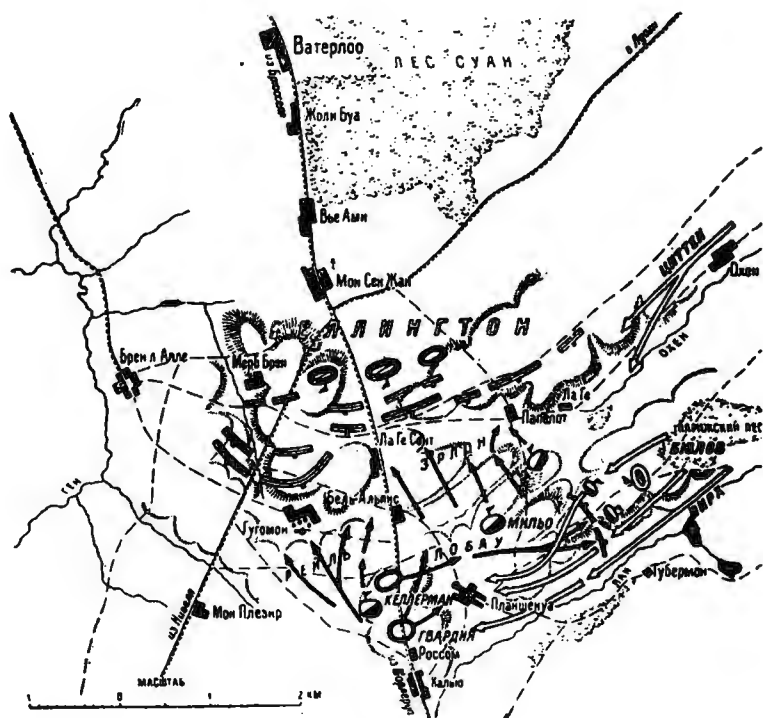
Сражение под Лейпцигом 16 октября 1813 г.

Сражение под Лейпцигом 18 октября 1813 г.

Начало кампании 1815 г.

Сражение при Ватерлоо 18 июня 1815 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

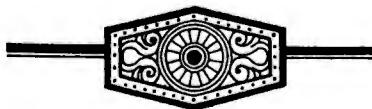
- Абрантес Л. д'.** Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. М., 1835—1839. Т. 1—16.
- Бернадот.** Отчет генерала Бернадота, бывшего военного министра, представленный Консулам 1-й Французской Республики 1 Жерминаля 8-го года той же Республики. Варшава, 1903.
- Бертье.** Записки маршала Бертье, князя Невшательского и Ваграмского, начальника главного штаба французской армии о Египетской экспедиции Наполеона Бонапарта. М., 1848. Ч. 1—2.
- Бургонь.** Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. СПб., 1898.
- Бурьенн.** Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1834—1836. Т. 1—5.
- Коленкур А. де.** Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.
- Наполеон.** Избранные произведения. М., 1956.
- Ремюза К.** Мемуары г-жи де Ремюза (1802—1808). М., 1912—1913. т. 1—3.
- Рошешуар.** Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. (Революция, Реставрация и Империя). М., 1915.
- Рустам.** Моя жизнь рядом с Наполеоном. Воспоминания мамлюка Рустама Раза, армянина. Ереван, 1997.
- Сегюр.** Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911.
- Сен-Сир.** Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской. СПб., 1838. Ч. 1.

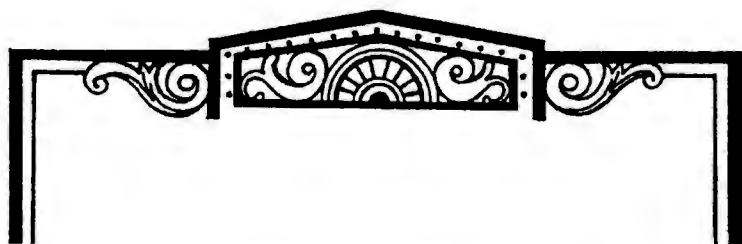
- Barrès J.-B.** Memoirs of a napoleonic officer Jean-Baptiste Barrès. N. Y., 1925.
- Blaze E.** Recollections of an officer of Napoleon's army. N. Y., 1911.
- Broughton S. D.** Letters from Portugal, Spain and France written during the campaigns of 1812, 1813 and 1814 addressed to a friend in England. Lnd., 1815.
- Davout D. N.** Mémoire de m. le maréchal Davout, prince d'Eckmühl do roi. P., 1814.
- Davout.** Correspondance de maréchal Davout, prince d'Echmühl, ses commadements, son ministère. 1801—1815. P., 1885. T. 1—4.
- Dedem.** Mémoires du général Bon de Dedem de Gelder. 1774—1825. P., 1900.
- Grouchy.** Mémoires du maréchal de Grouchy. P., 1873. T. 1—3.
- Lavalette.** Mémoires et souvenirs du Comte Lavalette. P., 1831. T. 1—2.
- Macdonald.** Souvenirs du maréchal Macdonald, duc de Tarente. P., 1892.
- Marbot.** Mémoires de général baron de Marbot. P., 1892. T. 1—2.
- Marmont.** Mémoires du duc de Raguse de 1792 a 1832. P., 1857. T. 1—9.
- Massena.** Mémoires de Masséna rédigés d'après les documents qu'il a laissés. P., 1848. T. 1—2.
- Murat.** Lettres et documents pour servir a l'histoire de Joachim Murat. 1767—1815. Publiés par S. A. Le prince Murat. P., 1910. T. 1—4.
- Ney M.** Mémoires du maréchal Ney, duc d'Elchingen, prince de la Moskowa. Bruxelles, 1833. t. 1—2.
- Noel.** Souvenirs militaires d'un officier du Premier Empire. (1795—1832). P., 1895.
- Oudinot la Maréchale.** Le maréchal Oudinot, duc de Reggio d'après les souvenirs inédits de la Maréchale. P., 1912.
- Soult.** Mémoires du maréchal-général Soult, duc de Dalmatie. Publiés par son fils. P., 1854. T. 1—3.

- Suchet.** Mémoires du maréchal Suchet, duc d'Albufera. P., 1828. Т. 1—2.
- Thiard.** Souvenirs diplomatiques et militaires du général Thiard, chambellan de Napoleon Ier. P., s. a.
- Thiébauld.** Mémoires du général baron Thiébauld. P., 1895. Т. 1—5.
- Васютинский А. М.** Военачальники Наполеона // Отечественная война и русское общество. 1812—1912 / Под ред. А. К. Дживелегова и др. М., 1912. Т. 3. С. 55—63.
- Военский К. А.** Наполеон и его маршалы в 1812 году. М., 1912.
- Г-ский Г.** Армия Наполеона и его маршалы. М., 1912.
- История Иоахима Мюрата, зятя Наполеонова, бывшего короля Неаполитанского / Пер. с французского.** М., 1830. Ч. 1—4.
- Ламартин.** Мюрат (Статья Ламартина) Из «Revue de Paris».
- Сухомлинов В.** Мюрат Иоахим-Наполеон, король Обеих Сицилий (Его смерть). СПб., 1896.
- Троицкий Н. А.** Маршалы Наполеона // Новая и новейшая история. 1993, №5. С. 166—178.
- Тюлар Ж.** Мюрат, или Пробуждение нации. М., 1993.
- Varault-Rouillon C.-H.** Le maréchal Suchet, duc d'Albufera. P., 1854.
- Chardigny D.** Les maréchal de Napoléon. P., 1977.
- Chavanon J. Saint-Yves G.** Joachim Murat (1767—1815). P., 1905
- Cole H.** The Betrayers Joachim and Caroline Murat. N. Y., 1972.
- Ĉorsing F.** Jean Baptiste Bernadotte. Brl., Nauck, 1946.
- Damamme J.-C.** Lannes maréchal d'Empire. P., 1987.
- Delderfield R. F.** Napoleon's marshals. N. Y., 1980.
- Du Casse A.** Le maréchal Marmont, duc de Raguse devant l'histoire. Examen critique et réfutation de ses Mémoires. P., 1857.
- Dunn-Pattison R. P.** Napoleon's marshals. Lnd., 1909.
- Eckmühl A-D de.** Le maréchal Davout, prince d'Eckmühl raconte par les siens et par lui-même. P., 1860, t. 1—3.
- Frigret D.** Le maréchal Morthier, duc de Trévise. P., 1914.
- Gachot E.** Histoire militaire de Masséna. P., 1904.

- Gallaher J. G.** The Iron Marshal. A biography of Louis N. Davout. Lnd., 1976.
- Gallois L.** Histoire de Ioachim Murat. P., 1828.
- Gotteri N. Soult.** Maréchal d'Empire et homme d'état. Besancon, 1991.
- Hayman P.** Soult. Lnd., 1990.
- Headley J. T.** Napoleon and his marshals. N. Y., s. a. V. 1—2.
- Hourtolle F. G.** Davout le Terrible. Duc d'Auerstaedt, prince d'Eckmühl. P., 1975
- Johnson D.** Napoleon's cavalry and its leaders. N. Y., 1978.
- Kurtz H.** The trial of marshal Ney. His last years and death. Lnd., 1957.
- Lacroix D.** Les maréchaux de Napoléln. P. s. a.
- Le Gette Blyth.** Marshal Ney: a Dual life. N. Y., 1937.
- Lucas-Dubreton J.** Le maréchal Ney. 1769—1815. P., 1941.
- Macdonell A. G.** Napoleon and his marshals. N. Y., 1934.
- Marshall-Cornwall J.** Marshal Massena. Lnd., 1965.
- Moreel L.** Le maréchal Morthier, duc de Trévisse (1768—1835). P., 1957.
- Nollet J.** Histoire de Nicolas-Charles Oudinot, maréchal d'Empire et duc de Reggio. P., 1850.
- Palmer A.** Bernadotte. Napoleon's marshal, Sweden's king. Lnd., 1990.
- Perin R.** Vie militaire de J. Lannes, maréchal de l'Empire, duc de Montebello, colonel-général des suisses. P., 1809.
- Perrin É.** Le maréchal Bessières, duc d'Istrie.
- Poullin M.** Le maréchal Davout, duc d'Anerstaedt et prince d'Echmühl /1770—1823/. P., s. a.
- Rappeti.** La défection de Marmout en 1814. P., 1858.
- Tarle A.** de Murat. P., 1914.
- Vie du maréchal Ney, duc d'Elchingen, prince de la Moskowa, comprenaut le récit de toutes ses campagnes. P., 1816

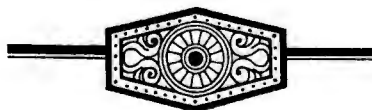
- Vigier de Comte.** Davout, maréchal d'Empire duc d'Anerstaedt, prince d'Echmühl (1770—1823). P., 1898. T. 1—2.
- Watson S. J.** By Command of the Emperor. A Life of marshal Berthier. Lnd., 1957.
- Weil M.-H.** Joachim Murat, roi de Naples. 1909. t. 1—5.
- Wencher-Wildberg F.** Bernadotte, Soldat, Marshall, König. Hamburg—Berlin, 1935.
- Wirth J.** Le maréchal Lefebvre, duc de Dantzig (1755—1820). P., 1904.
- Zurlinden General.** Napoléon et ses maréchaux. P., 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Глава 1. Маршал Бернадот.....	7
Глава 2. Маршал Массена.....	89
Глава 3. Маршал Даву.....	161
Глава 4. Маршал Ней.....	247
Комментарии.....	329
Приложения.....	359
Библиография.....	404

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕГОРОВ
МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА

Обложка: С.Царев
Художественное оформление: Е. Коробкова, В. Нечитайло
Корректоры: В. Югобашьян, Л. Мирная

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 10.08.98. Подписано в печать 28.09.98.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз.
Заказ № 271.

Издательство «Феникс»
344007, г.Ростов-на-Дону, пер.Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на полиграфическом предприятии «Офсет»
400001, г.Волгоград, ул.КИМ, 6.

НИКОЛАЙ РЕРИХ

Николай Рерих принадлежит к числу наиболее ярких личностей в истории мировой культуры. О нем написаны десятки книг, каждая из которых рассказывала о нем то как о выдающемся философе, то как о замечательном художнике, то — писателе.

Уникальность данной книги состоит в том, что она дает читателю редкую возможность прикоснуться одновременно ко всем ипостасям этого мудрого и необыкновенно одаренного человека. Впервые в данной книге собраны воедино лучшие философские труды, сказки и притчи, стихотворения и живопись Николая Рериха.

Нет сомнений, что эта книга станет заметным явлением для всех, кто неравнодушен к творчеству Н. Рериха и интересуется историей мировой культуры.

Гудериан Гейнц
ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

Гейнц Гудериан — одна из самых неординарных и интересных фигур третьего рейха. Впервые российский читатель получит возможность познакомиться с этой личностью, что называется из первых рук, проникнуть в психологию немецкого офицера, стать свидетелем незабываемых исторических сражений и событий.

Нет сомнений, что книга эта, уже давно ставшая бестселлером на Западе, станет заметным событием и для российской читающей аудитории.

Кристофер Хибберт
БЕНИТО МУССОЛИНИ

Впервые на русском языке издается оригинальная биография крупнейшего политического деятеля итальянской истории XX века Бенито Муссолини. Написанная английским журналистом К. Хиббертом, участником боев за освобождение Италии, книга впервые увидела свет в 1962 г. В традиционной для западных биографов неприукрашенной манере автор раскрывает многие неизвестные страницы личной жизни Муссолини, неоднозначность и противоречивость личности итальянского диктатора, его идейную эволюцию и перипетии жизненного пути. Подготовленная на основании огромного числа документов, мемуарной литературы, материалов личных встреч автора со многими итальянскими политиками этого периода, книга воссоздает реалии и саму атмосферу исторической эпохи, с которой связано становление тоталитарных режимов в Италии и других странах Европы.

Феникс

Торгово-издательская
фирма

*Издательство «Феникс» приглашает
к сотрудничеству авторов:*

— НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ
И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ
И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

— ЮРИСПРУДЕНЦИИ

— МЕДИЦИНЫ

— ПРОГРАММИРОВАНИЯ
И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

**Все финансовые затраты берем на СЕБЯ,
высокие гонорары выплачиваем
согласно договорам**

Наш адрес:

344007, г. Ростов-на-Дону,

пер. Соборный, 17

Тел. (8632) 62-58-34

Факс. (8632) 62-38-11

еникс

Торгово-издательская
фирма

- *Оптовая и розничная торговля книжной продукцией*
- *Издание книг и финансирование издательской деятельности своих партнеров*
- *Быстрообновляемый разнообразный ассортимент (всегда в наличии более 3000 наименований популярных книг)*
- *Своевременная доставка книг контейнерами и автотранспортом в любую точку России*
- *Разумные цены*

**НАДЕЖНОСТЬ, КАЧЕСТВО,
ОПЕРАТИВНОСТЬ**

Наш адрес:
344007, г. Ростов-на-Дону,
пер. Соборный, 17
Тел. (8632) 62-44-72
Факс. (8632) 62-38-11

**ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКС УСЛУГ
ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ**

Феникс

Торгово-издательская
фирма

Книги издательства «Феникс» можно приобрести в крупнейших магазинах г. Москвы:

ТД «Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, 6 (тел. 925-24-57)

ТД «Москва»

ул. Тверская, 8 (тел. 229-66-43)

«Московский дом книги»

Новый Арбат, 8 (тел. 290-45-07)

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, 28 (тел. 238-50-01)

«Дом педагогической книги»

ул. Пушкинская, 7/5 (тел. 229-50-04)

«Медицинская книга»

Комсомольский проспект, 25 (тел. 245-39-27)

и других.

По вопросам оптовых и мелкооптовых поставок книг издательства «Феникс» обращайтесь в г. Москве в фирму *«Ридас»*:

Новоданиловская
набережная, 9
(тел. 954-30-44).

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

«Эти ближайшие помощники императора представляли пеструю смесь всех сословий... Сыновья простых крестьян, мелких торговцев, ремесленников, они часто невероятной личной доблестью создали себе блестящую судьбу, породнились с древними царствующими домами Европы и облеклись в мантию князей, герцогов и королей».

А. Васютинский

«...Наполеон окружил себя свитой блестяще одаренных военных людей. Они были не похожи друг на друга во всем, кроме одной черты: они все обладали, хоть и в неодинаковой степени, быстротой соображения, пониманием условий обстановки, умением принимать быстрые решения, военным чутьем, указывавшим внезапно выход из безвыходного положения, упорством там, где оно нужно, а главное — Наполеон приучил их с полуслова понимать его мысль и развивать ее дальше уже самостоятельно».

Е. Тарле

«Это была странная и плохо подобранная группа людей, у которых было мало чего общего, исключая их испытанную доблесть на поле брани. Теперь все они стали друг другу ровней, заняв место сразу же после императора. В одно мгновение они превратились в обладателей громадных состояний».

Г. Курци

«...Двадцать шесть человек, которые нагоняли на континент страх в течение почти двадцати лет... отважные, честолюбивые люди, поддерживавшие могущество наполеоновского трона».

Р. Делдерфилд

ISBN 522200699-9

9 785222 006993